

Песни тысячелетий

43 века мировой поэзии
в переводах и переложениях
Юрия Ключникова

Песни тысячелетий

43 века мировой поэзии
в переводах и переложениях
Юрия Ключникова

Москва 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Василик. Мировая поэзия от Шумера до Караджича	7
Владимир Василик. Мировая поэзия от Шумера до Караджича	12
Юрий Ключников. Посвящение великим поэтам... ..	13
I. Поэзия Древнего Востока	14
Поэзия Шумера.....	15
Гимны первопоэта мира Энхедуанны (около 2285 – около 2250 гг. до н. э.)	17
Шумерские писцы	20
Эпос о Гильгамеше (Поэма о всё выдавшем). Отрывок. Таблица I.	22
Поэзия Вавилона	24
Вавилонские покаянные гимны.....	24
Древнеегипетская поэзия	27
Эхнатон (1375–1336/1334 гг. до н. э.)	29
Гермес Трисмегист (?–?) Изумрудная скрижаль	32
Авестийская поэзия (Древний Иран).....	35
Зороастр. Гимн Солнцу из «Авесты».....	35
II. Античная поэзия. Древняя Греция	38
Гесиод (VIII–VII вв. до н. э.)	40
Архилох (689/680–640 гг. до н. э.)	42
Алкей (625/620 – после 580 гг. до н. э.).....	43
Сапфо (630–572/570 гг. до н. э.)	46
Ивик (2-я половина VI в. до н. э.).....	48
Пиндар (522/518–448/438 гг. до н. э.).....	50
Анакреонт (570/559–485/478 гг. до н. э.)	52
III. Античная поэзия. Древний Рим	60
Тит Лукреций Кар (99–55 гг. до н. э.)	63
Гай Валерий Катулл (около 84 – около 54 гг. до н. э.)	65
Квинт Гораций Флакк (65–8 гг. до н. э.).....	69
Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. – 17/18 г. н. э.)	74
Луций Анней Сенека (4 г. до н. э. – 65 г. н. э.).....	84
Аниций Манлий Торкват Северин Боэций (около 480–524/526 гг. н. э.)	89
IV. Византийская поэзия (VI–XV вв.).....	92
Роман Сладкопевец (490–556)	98

Переводы и переложения шумерской, вавилонско-ассирийской, древнеиранской (авестийской), древнеегипетской, древнегреческой, древнеримской, среднегреческой (византийской), французской, английской, немецкой, итальянской, испанской, сербской поэзии.

Песни тысячелетий: 43 века мировой поэзии в переводах и переложениях Юрия Ключникова: [12+] / Составители Ю. М. Ключников, С. Ю. Ключников. – М.: Беловодье, 2022. – 560 с. ISBN

Аннотация

В уникальной поэтической и образовательной антологии, состоящей из десяти разделов, представлены достижения тринадцати поэтических культур мира – переводы и переложения более 400 стихотворений и поэм 80 лучших поэтов (в т.ч. таких как Гораций, Овидий, Вийон, Бодлер, Верлен, Данте, Петрарка, Шекспир, Донн, Гёте, Шиллер, Рильке, Гарсиа Лорка и др.), сделанные Юрием Ключниковым – поэтом, переводчиком, эссеистом, путешественником. Книга включает в себя также статью сына поэта, Сергея Ключникова, совместно сделанные отцом и сыном подробные биографии поэтов. Антология охватывает огромный пласт времени – почти 43 века существования человечества – и даёт объёмное представление о том, как развивалась мировая поэзия и какие темы волновали умы и сердца тех, кто воспевал красоту в своих стихах. Неповторимые интонации и образы каждого из поэтов делают антологию интересной для широкого круга читателей.

Иоанн Кириот (Геометр; около 935 г. – около 1000 г.)	110
Иоанн Евхайтский (Мавропод; после 1000 г.? – после 1081 г.?)	111
Мних Иаков (Иаков Черноризец; XI в.)	111
Никифор Влеммид (1197–1272)	112
Стихотворные басни из Парижской рукописи	112
Родосские песни любви (конец XIV – начало XV века)	114
Феодор Продром (XII в.)	115
Иоанн Педиасим (около 1250 г. – начало XIV в.)	117
Из анонимной церковной лирики	118
Средневековая поэзия о крестовых походах	
Тибо Шампанский (1201–1253)	119
Плач о падении Константинополя (анонимный автор, фрагмент)	122
V. Французская поэзия (XII–XX вв.)	124
Кретьен де Труа (около 1135 г. – около 1185 г.)	133
Бертран де Борн (1145–1215)	136
Франсуа Вийон (1431/1432 г. – после 1463 г.)	140
Андре Шенье (1762–1794)	147
Пьер Беранже (1780–1857)	151
Виктор Гюго (1802–1885)	157
Теофиль Готье (1811–1872)	163
Шарль Бодлер (1821–1867)	167
Стефан Малларме (1842–1898)	172
Поль Верлен (1844–1896)	178
Артюр Рембо (1854–1891)	185
Поль Клодель (1868–1955)	195
Поль Валери (1871–1945)	199
Гийом Аполлинер (1880–1918)	201
Поль Элюар (1895–1952)	204
Антуан де Сент-Экзюпери (1900–1944)	207
Луи Арагон (1897–1982)	209
VI. Итальянская поэзия (XIII–XIX вв.)	212
Франциск Ассизский (1181/1182–1226)	215
Данте Алигьери (1265–1321)	218
Франческо Петрарка (1304–1374)	226
Лоренцо Медичи (1449–1492)	235
Никколо Макиавелли (1469–1527)	239
Микеланджело Буонарроти (1475–1564)	248
Джордано Бруно (1548–1600)	254

Томмазо Кампанелла (1568–1639)	262
Ипполито Пиндемонте (1753–1828)	269
Джакомо Леопарди (1798–1837)	278
VII. Испанская поэзия (XVI–XX вв.)	282
Мигель де Сервантес Сааведра (1547–1616)	285
Луис де Гонгора (1561–1627)	294
Феликс Лопе де Вега (1562–1635)	297
Хосе Марти (1853–1895)	303
Мигель де Унамуньо (1864–1936)	307
Федерико Гарсиа Лорка (1898–1936)	308
Рафаэль Альберти (1902–1999)	318
VIII. Английская поэзия (XVII в.)	326
Уильям Шекспир (1564–1616)	330
Филип Сидни (1554–1586)	359
Джордж Чапмен (1559–1634)	361
Фрэнсис Бэкон (1561–1626)	363
Кристофер Марло (1564–1593)	372
Джон Донн (1572–1631)	377
IX. Немецкая поэзия (XVIII–XX вв.)	398
Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749–1832)	402
Фридрих Шиллер (1759–1805)	418
Фридрих Гёльдерлин (1770–1843)	433
Генрих Гейне (1797–1856)	437
Рихард Вагнер (1813–1883)	446
Фридрих Вильгельм Ницше (1844–1900)	449
Райнер Мария Рильке (1875–1926)	454
Герман Гессе (1877–1962)	461
X. Сербская поэзия	472
Матиа Бечкович (р. 1939)	474
Радован Караджич (р. 1945)	477
PS. Поэтический эпилог	
Юрий Ключников	488
Примечания	490

Использованные иноязычные и русские издания	504
С. Ю. Ключников. Трудности перевода с 21 языка. Поэтический проект переводов и переложений мировой поэзии Юрия Ключникова. Послесловие издателя и сына.	506
Указатель стихотворений	529
Биографические и справочные данные о Ю. М. Ключникове	542
Современники (литераторы, деятели искусств, учёные) о Юрии Ключникове	546

Протоиерей Владимир Василик
 профессор СПбГУ, д.и.н., к.ф.н.,
 кандидат богословия, переводчик

МИРОВАЯ ПОЭЗИЯ ОТ ШУМЕРА ДО КАРАДЖИЧА

Новая книга Юрия Михайловича Ключникова «Песни тысячелетий» действительно является ларцом духовных сокровищ. В ней содержатся переводы и переложения мировой поэзии, начиная с шумерских текстов третьего тысячелетия и кончая стихотворениями Радована Караджича. Поэзия древней Месопотамии, Вавилона, Древнего Египта, Древнего Ирана, Античности, Франции, Италии, Испании, Британии, Германии, Сербии... Переведены и переложены стихи лучших поэтов мира. Огромный объём высококачественных текстов, по существу заново созданных пером настоящего мастера русской поэзии. Разумеется, никакой поэт, за исключением, может быть, великого учёного и полиглота Игоря Михайловича Дьяконова, переводчика Гильгамеша, не мог бы переводить подобный корпус текстов с оригинала. Большинство переводов, за исключением французской поэзии, Шекспира и других английских авторов, сделаны с подстрочника. Но от этого, как ни парадоксально, они не становятся дальше от оригинала, напротив, они сохраняют аромат и дух эпохи. В обращении с поэтическими произведениями предыдущих эпох для Юрия Михайловича характерна большая творческая свобода: для меня, как для переводчика, ориентирующегося на классические подходы, удивительно было видеть рифмованного Гесиода и Анакреонта, а также Овидия. Однако первый культурный шок проходит, когда вспоминаешь ломоносовскую, державинскую и пушкинскую традиции поэтических рифмованных переложений того же Анакреонта (знаменитое ломоносовское «Ночною темнотою покрылись небеса» или пушкинское «Поредели, побелели кудри, честь главы моей»). Более оригинально выглядят рифмы в переводах кондаков Романа Сладкопевца, если мы вспомним принадлежащий ему акафист, где рифма становится системной, ибо она рождается, по словам С. С. Аверинцева, «из духа греческой диалектики».

Юрий Михайлович не просто переводчик, он в известном смысле соавтор, причём соавтор деликатный. Интересны его переводы-переложения Гильгамеша.

Ты рассказал нам о днях до земного Потопа,
Чтобы очнулись от сна сотворённые твари.
Мы же плывём в злоречивых словесных потоках.
Что обезумевшим людям сегодня подаришь?!

В переложении ощущаются мощные христианские мотивы. Это скорее – Роман Сладкопевец. Кондак на Ноя. На самом деле боги утаивают от человека Потопа: Энки по большому секрету доверяет эту тайну только Утнапиштому, который должен лгать своим соотечественникам.

Ты смог на камне рассказ о трудах своих высечь
(Опять-таки – библейская идея.)
И возвести вдоль Урука охранные стены.
Для недовольных и вечно мятущихся тысяч
О, принеси утешительные перемены!
Где Ты, богиня Иштар, в чьём святилище жили
Боги и духи, Закону служа безупречно?

А теперь сравним с переводом «Гильгамеша» И. М. Дьяконова.

О всё видавшем до края мира,
О познавшем моря, перешедшем все горы,
О врагов покорившем вместе с другом,
О постигшем премудрость, о всё пронизавшем:
Сокровенное видел он, тайное ведал,
Принёс нам весть о днях до потопа,
В дальний путь ходил, но устал и смирился,
Рассказ о трудах на камне высек,
Стеною обнёс Урук ограждённый,
Светлый амбар Эанны священной.
Осмотри стену, чьи зубцы, как из меди,
Погляди на вал, что не знает подобья,
Прикоснись к порогам, что там издревле,

И вступи в Эанну, жилище Иштар, –
Даже будущий царь не построит такого, –
Поднимись и пройди по стенам Урука,
Обозри основанье, кирпичи ощупай:
Его кирпичи не обожжены ли,
И заложены стены не семью ль мудрецами?

Пролог. Здесь акценты ставятся на знании тайн и могуществе, а также долговременности деяний героев.

Весь вопрос – в задаче поэта. Если он ставит целью точное и научное отображение исторической реальности, проникновение в духовный мир народов Древнего Востока, то, конечно, надлежит применять иные средства, образы и идеи. Но если его задача – создать переложение, явить новую сущность и приблизить к нам шумеров и аккадцев, «очеловечить» и христианизировать их, то автор-переводчик прекрасно справляется с ней.

Другой пример – перевод 44 кондака преп. Романа Сладкопевца на Рождество Богородицы.

Два славных Божиих раба, Иоаким и Анна
С бесчадством справились, молились непрестанно.
Христос Адаму с Евою очистил естество,
Избавив их от смерти в Святое Рождество.
Народ Твой от вины и долгих прегрешений
Взывал всё к Господу: «Мы ждём Твоих решений!
Пошли нам жизни плод, избавь от поношений, укоризны.
Неплодная рождает Богородицу, Питательницу Жизни!»

Заметим, что «очищает естество» Богочеловек Иисус Христос.

Стенания и плач со всей земли огромной
Вошли во уши Господа мольбою чистой, скромной.
Произрастили Плод для мира животворный,
В саду родился Он от той молитвы горной.

Фактически в кондаке и в Протоевангелии Иакова – не совсем так. Зачатие Пресвятой Богородицы произошло после молитвы Иоакима

и Анны и их встречи в Иерусалиме у Золотых ворот. Однако с поэтической точки зрения выразиться так можно.

Благая, Анны дочь, как я тебя прославлю?
Ведь ты священный Храм, покаюсь, грех исправлю!
Просил Иоаким в своей духовной битве,
И услышал Господь в его святой молитве.
Он Господа просил: «Избавь от поношений, укоризны!
Неплодная, роди нам Богородицу, Питательницу Жизни!»

Сравним это с переводом Вашего покорного слуги, опубликованным на сайте «Православие.Ru»:

Иоаким и Анна поношения безчадства
и Адам и Ева от истления смерти
освободились, Пречиста, в святом Твоём Рождестве.
Его совершает и сей народ Твой,
от вины прегрешений он избавлен, взывая:
«Неплодная рождает Богородицу и Питательницу Жизни наша».
Моление, а с ним и стенание от бесплодия и бесчадия
Иоакима же и Анны воспринято.
И вошло во уши Господа, и произрастило Плод животворный для
мира.
Ведь на горе совершал он молитву,
она же поношенья в саду переносила,
но со радостью
неплодная рождает Богородицу и Питательницу Жизни наша.
О благая, рождённая Анною, как прославлю или воспую Тебя,
ибо Ты – рожденный Храм всесвященнейший?
Иоаким на горе умолял плод воспринять от утробы Анны.
И принятой была от святого молитва,
после же чревоношенья радость в сём мире
преблаженная бысть.
Неплодная рождает Богородицу и Питательницу Жизни наша.

Отметим, что в целом настроение и дух гимна переданы Ю. Н. Ключниковым верно. Конечно, существует целый ряд смысловых различий,

однако они второстепенны. Если в таких рифмованных переложениях пытаться передать каждую деталь и оттенок смысла, то, скорее всего, будет утрачена поэтическая целостность и красота. Потому чем-то придётся жертвовать. Метрика перевода, конечно, не византийская, намного более простая, но зато доступная и созвучная русскому читателю. Упрощая древнюю языковую форму, автор сохранил живой дух.

С точки зрения задачи второго типа – донести до русского читателя и сделать понятным, поэт справился: Ю. М. Ключников блестяще переводит византийский текст. Ценность такого подхода в том, что он приближает к нам дух Византии, делает его живым для современного человека, показывает родство Второго и Третьего Рима не только на уровне государственности и религии, но и на уровне духовной поэзии. Пути Господни неисповедимы: может быть, кто-то придёт к вере, почитав такое переложение христианского текста.

Автор не боится дерзновенных гипотез, связанных с темой авторства шекспировского творчества и взаимовлияния Шекспира и Джона Донна. Не сочувствуя этой гипотезе, всё же должен сказать, что автор имеет на неё право и отстаивает её достаточно аргументированно. Переводы-переложения сонетов и поэм Шекспира отличаются подлинным мастерством.

В заключение отметим гражданское мужество автора, который не побоялся опубликовать переводы стихов ныне томящегося в английских застенках первого президента Республики Сербской Радована Караджича, борца против мирового глобализма, горячего патриота Сербии и друга России. В связи с нынешними событиями напомним то, что он сказал полковнику Виктору Ивановичу Безрученко: «Сейчас гражданская война у нас. Через двадцать лет она будет у вас, в России». Пророчество его сбылось на наших глазах.

Убеждён, что выход этой книги – выдающееся событие для русской словесности, которое доказывает величие русской культуры и христианских смыслов, лежащих в её основе, и в то же время – её подлинно всемирный и всечеловеческий характер на фоне всё более деградирующей и вырождающейся англо-саксонской и т.н. европейской культуры. Поздравляем автора с прекрасной книгой и пожелаем ему новых творческих успехов!

Юрий Ключников

СОЗВУЧИЕ МИРОВЫХ СТРУН

Так уж случается, что мировые поэтические струны гениев созвучны и до сих пор рожают мелодию. Они пробиваются сквозь толщу стихов и академических переводов, точных в смысле буквы, но нередко утрачивающих дух. Каждый народ имеет таких поэтов, и было бы очень жаль, если бы мы не услышали их послание нам. А они шепчут и кричат: этот мир, созданный не вами, но для вас, – прекрасен, но он может погибнуть при вашем участии и попустительстве. Потому не отменяйте культуру и поэзию и оставайтесь людьми. Мне очень хотелось донести их послание до всех нас и заодно поговорить с каждым из них. И мне так повезло, что это случилось.

Когда я переводил и делал поэтические переложения мировой классики, мне казалось, что она вся потенциально русская, хотя между нами тысячелетия и гигантские языковые и культурные барьеры.

А ещё мне было важно усилить этими голосами голос России, столь значимый для спасения мира. Сейчас многие хотят её похоронить, не понимая, что, если бы это произошло, они первыми похоронили бы себя. Присоединяюсь к тем, кто верил и до сих пор верит в Россию. Конечно, можно воспринять этот замысел как очередную утопию. Либо увидеть как исполнение пророчеств об утверждении Русского Мира в содружестве с теми гениями и творцами, которых можно назвать друзьями человечества.

Благодарю всех поэтов и переводчиков, которые переводили и делали поэтические переложения зарубежной поэзии. Без их подвижнического труда эта книга просто не состоялась бы. Благодарю протодьякона, доктора исторических наук, замечательного византолога и переводчика отца Владимира Василика, чьи тонкие замечания помогли исправить неточности в разделах «Древняя поэзия», «Античная поэзия», «Византийская поэзия». Благодарю своего сына Сергея, без энтузиазма, огромных усилий и работоспособности которого книга также бы не состоялась. Благодарю всех своих читателей, которые долгие годы читали мои прежние стихи и переводы и вдохновляли создать новые.

Юрий Ключников

ПОСВЯЩЕНИЕ ВЕЛИКИМ ПОЭТАМ,
ТВОРЦАМ И ГЕНИЯМ

*Кто говорит, что неперевода
Седая древность, – сеет ложь и зло.
Поэзия всегда непобедима,
И Слово наше победит Число.*

*Поэты мира, как мы вас любили,
Молились как на переплёты книг!
Мы не позволим, чтобы вас забыли,
Чтоб дух народа в темноте поник.*

*Я счастлив к вам по-русски обратиться,
Услышав рифм певучих ладный хор.
Вы сквозь века отозвались, как птицы,
И начался наш долгий разговор.*

*Поэт рождён, чтоб не мечом, а чувством
Создать империю без страха и границ,
И нету в мире сладостней искусства,
Как пред красою пасть смиренно ниц.*

*Нам предстоит великое сражение.
Настал России самый грозный час.
А Зверя ждёт в итоге поражение.
Но нам, творцы, не победить без вас!*

I

Поэзия Древнего Востока

Шумер. Вавилон. Древний Египет. Древний Иран

ПОЭЗИЯ ШУМЕРА

*Ш*умер – это, наверное, самое древняя в истории человечества цивилизация, если исходить из того, что известно современной науке. Он находился на юге Месопотамии на территории современного Ирака. Считается, что это ведущая область Древней Месопотамии, состоявшая из нескольких городов-государств, самыми известными из которых были Ур, Урук, Ниппур, Ларса. В эти незапамятные времена, кажущиеся современному человеку отсталыми и примитивными, на самом деле происходило множество сложных процессов. Люди воевали, торговали, любили друг друга, подчинялись традиции и восставали против неё. А также писали стихи, хотя, конечно, то стихосложение значительно отличается от наших сегодняшних представлений о поэзии.

Шумерская литература состоит из текстов на шумерском языке, восходящих к III тысячелетию, и дошедших до нас клинописных записей на глиняных табличках. Шумер исчез, как исчезли многие цивилизации, и о нём почти ничего не знали до второй половины XIX века. Но археологические раскопки постепенно приоткрыли завесу над этой областью Ближнего Востока. А когда шумерские тексты были расшифрованы, учёные увидели, что они в подавляющем большинстве случаев анонимны. Единственный случай, когда авторство было известно, – это творчество главной жрицы и одновременно царицы города Ура Энхедуанны, которая писала стихи-гимны богине Инанне. И потому перед нами не только религиозные гимны, но явление литературы. Хотя, конечно, лирика в современном понимании, и даже древнегреческая лирика Анакреонта или Сапфо, в которой уже появляются индивидуализированные чувства и образы, далеко отстоят от шумерской поэзии, состоящей из религиозных гимнов, заклинаний, погребальных или свадебно-обрядовых песен, псалмов, плачей – о нашествиях, гибели городов, стихийных бедствиях. Гимны в этой литературе преобладают. Они написаны по определённо-му канону, в котором главное – это восхваление конкретного божества, называются все его имена и описываются действия. В них нет ничего

случайного. По мнению учёных, многократно повторяемый для лучшего запоминания текст рассчитан на коллективное исполнение и коллективные эмоции. Тем не менее, несмотря на чёткую канонизированную форму, оттенки индивидуальных чувств и смыслов уже присутствуют.

Шумерская традиция, и прежде всего миф о Гильгамеше, привлекали и русских учёных (Б. А. Тураев, В. К. Шилейко), и даже русских литераторов. Наиболее ярким автором, проявлявшим глубокий интерес к мифологии шумеров, был русский поэт Николай Гумилёв, который плотно общался с В. К. Шилейко и сделал поэтический перевод эпоса о Гильгамеше. Тяготение русской культуры к Шумеру объяснимо глубинной близостью наших цивилизаций, контакты между которыми, по всей видимости, уходят в такую толщу времён, что просто захватывает дух. Исследователи (впервые эту гипотезу выдвинула доктор исторических наук Г. И. Пелих, а развил палеоклиматолог В. Понько) находят исключительную близость и подобие культур древних шумерийцев и сибирских селькупов из Обского Нарыма. Поразительное сходство имеют орнамент, который датируется 7-8 тысячами лет до н. э. (рисунки приводятся ниже), солярные знаки, погребальные обряды, языковые особенности (совпадают самые разные названия и слова), характер письменности (причём гвоздеобразные выступы в начертании букв у селькупов появились раньше, чем у шумерийцев), изображение материальных предметов (наиболее выразительно сходство изображений лука и лодки), модели мира. Ряд учёных полагает, что прародиной шумеров, считающихся в Месопотамии пришлым народом, называемой в древности Араттой, была как раз Сибирь, Южный Урал, Саяны. Народ, живший там, в поисках более тёплых земель и благоприятных условий жизни постепенно переместился в район Месопотамии. Именно так, из Нарыма в Месопотамию, а не наоборот, что доказал в своих исследованиях палеоклиматолог В. А. Понько, проследивший благодаря своим геокосмическим расчётам динамику водных потоков планеты в то время и возможное движение племён вдоль рек. Если такая глубинная близость действительно имела место, то, наверное, не зря такие люди как Николай Гумилёв, кожей ощущавшие корни культур и народов, брались за переводы шумерских текстов. Конечно, это всего лишь гипотеза, нуждающаяся в доказательствах, но задуматься есть над чем.

Вот изображения, подтверждающие гипотезу о близости наших культур, народов и исторического прошлого.

ГИМНЫ ПЕРВОПОЭТА МИРА ЭНХЕДУАНЫ (ОКОЛО 2285 - ОКОЛО 2250 ГГ. ДО Н. Э.)

Оттенки индивидуальных чувств и даже страстей в полной мере присутствуют в храмовых гимнах Энхедуанны – первого на планете поэта, причём женщины-поэта, которая подписывала свои творения собственным именем. О ней известно немного. Она – аккадская царевна, дочь знаменитого царя Саргона I (он правил приблизительно в 2316–2261 годах до н. э., то есть целых 55 лет) – основателя династии Аккада, по сути первой империи в истории человечества, имеющего огромные достижения перед шумерской цивилизацией. Саргон отдал свою старшую дочь, носящую шумерское имя Эн-хеду-Ана в жрицы – эн (по-аккадски «энту») – богу Луны Нанне в Ур. С тех пор в Шумере стало традицией, чтобы старшая дочь царя была энту Нанны.

Судя по хроникам и древним текстам, Энхедуанна обладала заносчивым нравом, конфликтовала с матерью. Гимны, которые она писала, обращены к богине любви и войны Инанне. Богиня Инанна изображалась с солнечным сиянием вокруг головы, но тем не менее была ближе

к лунным божествам, поскольку её родителями были бог Луны и богиня снов. Гимны, с одной стороны, восхваляют богиню, с другой – содержат в себе элементы магии. Как пишут комментаторы, Энхедуанна, «основываясь на своих личных отношениях с богиней, просит её помощи в восстановлении её позиции в качестве жрицы храма в борьбе с мужчинами-узурпаторами». Дело в том, что она была изгнана из Ура своим братом Римушем и на какое-то время потеряла свой царственный статус. Жители Шумера верили, что молитвы Энхедуанны к Инанне помогли её племяннику одержать целый ряд побед над врагами, и после этого царица вернула себе власть.

Было бы неправильно считать Инанну олицетворением сил зла и лунной богиней, а шумерскую религию – лунной религией. У шумеров был свой бог Солнца – Уту. Инанна, какой её рисует мифология, это не столько совершенная богиня, сколько женщина, обладающая сложным характером и определённым коварством. Она сумела похитить у верховного бога Шумера Ану священные таблички. Со временем культ Инанны даже вытеснил почитание Ану в Шумере, и она стала главным объектом поклонения. Энхедуанна относится к Инанне как к всемогущему существу, которое управляет жизнью, несёт человеку и награды, и беды, и потому понять её непостижимую логику невозможно. В переложении этого гимна сделана попытка передать это настроение шумерской жрицы. По тексту-первоисточнику видно, что Энхедуанна до конца не понимает логику богини, которая одной рукой даёт жизнь и превращает тьму в свет, а другой шлёт разные бедствия и смерть. Главное в отношении жрицы и первой поэтессы человечества – благоговение перед непостижимым. Это глубоко индивидуализированное чувство. И оно многое говорит не только об объекте этого творчества – богине Инанне, но и о самой Энхедуанне.

Совершенно очевидно, что точный перевод этих гимнов на русский язык практически невозможен и лишён смысла. Чтобы понять, как люди говорили и мыслили тогда, достаточно прочесть буквальный перевод, сделанный специалистами. Поэтический перевод может быть только в виде свободного переложения, при котором осовременивание текста абсолютно неизбежно. Любая попытка буквально перевести шумеров (а также вавилонян, египтян, древних греков или римлян) средствами современной поэзии убьёт таинство строчек. Переводчик пошёл на этот творческий акт, чтобы переизложить и сделать понятным современному

русскому читателю мысль, образы и чувства, заложенные в древнем источнике. Только созданный поэтом-переводчиком зеркальный двойник древнего стиха на современном русском языке, сохраняющий словарь, образы и главную мысль, будет интересен для чтения современному читателю. Это принцип, на который опиралась русская классическая литература и которому следовал автор переводов и переложений данной книги.

Богиня! Будь благой ко мне всегда!
Нуждаюсь я в священном сострадании.
Смягчись! Вокруг меня одна беда.
Яви душе сладчайшее свидание.

Кто скажет, сколько ран перенесла
На мчащемся подобно птице свете я?
Яви же наконец-то милосердие.
Душа изнемогает ото зла!

Непостижимая житейскому уму,
Ты сеешь и дары, и вечные утраты,
И мы идём сквозь муки и награды,
Не слишком понимая, что к чему.

Непостижим для нас суровый твой Закон:
То твердь разверзнется, то жизнь сменяет тленье.
Несёшь нам боль, тоску, страданий стон
И тьмы в Твой Свет святое превращенье!

Вниманье к сирым, Всеблагая, прояви,
Я в трепете стою перед твоим сияньем!
И награди меня высоким Пониманьем
Всех тайн твоей божественной Любви!

ШУМЕРСКИЕ ПИСЦЫ

Ещё один интереснейший образец протопоэзии человечества, восходящий к шумерам, – отрывок, содержащий восхваление труда писцов, которые переписывают священные таблицы с гимнами (книг тогда ещё не было) и таким образом вкушают мудрость. Вначале шумерское письмо представляло собой разновидность пиктографии, в которой смысл высказывания передаётся рисунками. Когда употребление знаков упростилось и приобрело всеобъемлющий характер (это произошло в раннединастический период в храме бога Энлиля в столице Шумера Ниппуре), пиктография превратилась в письменность. В тогдашней шумерской письменности насчитывалось порядка 400 знаков, в разных комбинациях передававших достаточно сложные оттенки мысли. Письменность Двуречья называли клинописью: жители Шумера писали пером-палочкой на сырой глине, причём иногда такой глиняный текст подвергали обжигу. Со временем месопотамцы оценили пользу грамотности, которая позволяла успешно решать и экономические, и связанные с общением, и культовые задачи. Учёные предполагают, что в период расцвета Шумера взрослое население было по большей части грамотно, и потому труд писцов-грамматеев как источник этой грамотности был исключительно почётен. В шумерской литературе создавались разные тексты, эту грамотность восхваляющие.

Текст уникален и созвучен русской душе и национальной традиционной культуре – ведь мы исторически славяне, то есть наше имя восходит к Слову, которому слава, и в нашей традиции труд древнерусского писца был окружён глубочайшим уважением. И тогда, почти 5000 лет назад, люди понимали значение образования, письма, текста, передающего мудрость и облагораживающего нравы. Трудясь над переписыванием сакральных текстов, писец трудится над своей душой и облагораживает её, передавая людям свет знания. В переложении поэта этот отрывок оказывается удивительно созвучен и древнерусским текстам, и даже... известным строкам Заболоцкого, призывающим победить лень.

ГРАМОТЕЙНАЯ МУДРОСТЬ (ВОСХВАЛЕНИЕ ПИСЦОВОГО ИСКУССТВА)

Грамотейная Мудрость – словесная мать.
Но основу её составляет Отцовство.
Это нужно весьма хорошо понимать –
Как труды над собой, как святое упорство...

Грамотейная мудрость научит народ
Знать Творца имена, правил жизненных свод.
Грамотейная мудрость – наш добрый удел,
Изобилие, власть и тепло добрых дел.
В твоём детстве обильно сердила тебя –
Возмужаешь, лишь эту работу любя.

Над собою, как главной задачей души,
Потрудись, не давая душе послаблений.
Постарайся себе хорошенько внушить
Непременную суть в отвержении лени.

Плохо, грамотность если не слишком в чести,
Если тьма прижимает работника к стенке.
Чтобы душу надолго от дэвов спасти,
Слей и сплавь себя с богом по имени Энке*.

Наивысший научит тебя мастерству
Создавать и вовне, и внутри оборону...
Этим самым держаться на личном посту,
Подчиняться без слов всеблагодару Закону.

Грамотейная мудрость велит образцово
Почитать и её, и Наследство Отцово.
К сокровенному взор устреми, свет узришь
И поймёшь связь всего, мастерство сотворишь.
С этой мудростью в службе дойдёшь до дворца.
Так трудись же с усердьем и в поте лица.

ЭПОС О ГИЛЬГАМЕШЕ (ПОЭМА О ВСЁ ВИДАВШЕМ). ОТРЫВОК. ТАБЛИЦА I.

«Эпос о Гильгамеше», или поэма «О всё видавшем», считается одним из самых древних произведений мира. Написанное клинописью, оно было создано на аккадском языке, причём его создатели опирались на шумерские сказания второго тысячелетия до н. э. Учёные датируют время создания этого эпоса с XVIII до XVII века до н. э. Произведение было найдено в середине XIX века при раскопках в Ниневии. Главными героями произведения считаются могучий воин-победитель зла Гильгамеш и созданный из глины дикий человек Энкиду. Учёные допускают, что Гильгамеш был реальной личностью, существовавшей в истории, поскольку список царей Шумера содержит такое имя, причём есть предположения, что он жил и правил страной в конце XXVII – начале XXVI века до н. э. Но в дальнейшем образ Гильгамеша был мифологизирован, и он превратился в некоего культурного героя, совершающего многочисленные подвиги. Позднее Гильгамеша стали считать судьёй в загробном мире, защищающим людей от демонов.

Самое имя «Гильгамеш», возможно, означает «предок-герой». Но помимо подвигов, героических путешествий и различных испытаний духовная мощь Гильгамеша проявилась в его отношениях с Энкиду, с которым он соперничал, сражался, но в конце концов подружился. Он путешествует по миру, возводит немислимые сооружения, ищет бессмертия. В поэме проводится мысль, что истинное бессмертие для человека – его добрые дела, совершённые ради людей. В данном отрывке, с которого начинается поэма, Гильгамеш представлен создателя некоего дома, в строительстве которого участвовали семь мудрецов – образ весьма распространённый в мировых духовных, сакрально-эзотерических традициях. Чаще всего это боги, создающие цивилизации и передающие людям опыт, знания, технологии, культуру, законы жизни. В шумерской мифологии эти семь мудрецов считались помощниками бога мудрости Энке. Согласно преданию, они пришли к людям из мирового океана и создали первые семь шумерских городов, а также обучили

людей искусствам и ремёслам. Но и во многих других традициях – индийской, зороастрийской, древнегреческой, древнеримской – эти семь мудрецов присутствуют под другими именами. Есть точка зрения, что одиннадцать табличек эпоса о Гильгамеше полностью соответствуют месяцам шумерского, а позднее и вавилонского календаря, сам же Гильгамеш символизирует солнце, передвигающееся от одного знака зодиака к другому. Поэма представляет собой трактат, описывающий путешествие солнца по зодиаку, что соответствует стадиям человеческой жизни и трансформации человеческого «я». Можно сказать, что Гильгамеш – это и образ реального исторического деятеля, и солнце, и человеческая душа, странствующая по мирозданию.

Совсем недавно немецкие археологи, работающие в Ираке, нашли могилу, напоминающую по описанию утерянную могилу царя Гильгамеша, и возможное местонахождение древнейшего города Урук, в котором земной Гильгамеш жил и управлял страной.

«Эпос о Гильгамеше» любят сравнивать с «Илиадой» Гомера, притом, что шумерское творение старше древнегреческого на тысячу лет и даже больше. Но, конечно, шумерский текст философичнее греческого, в нём можно найти и описание космогонии, и сказания о Великом потопе, и потому его непросто перевести в русскую поэтическую метрику. Автор увидел в тексте некие предупреждения древних по поводу возможной гибели мира от Потопа и постарался сделать акцент в нём на смыслах, актуальных и для наших дней:

Кто Ты, познавший всю землю от края до края,
С другом врагов покоривший, создавший порядок?*

Море и горы изведаль, про всё сокровенное зная,
Так что уже для тебя не осталось загадок,
Ты рассказал нам о днях до земного Потопа,
Чтобы очнулись от сна сотворённые твари.
Мы же плывём в злоречивых словесных потоках.
Что обезумевшим людям сегодня подаришь?!
Ты смог на камне рассказ о трудах своих высечь.
И возвести вдоль Урука охранные стены.
Для недовольных и вечно мятущихся тысяч
О, принеси утешительные перемены!
Где Ты, богиня Иштар, в чьём святилище жили

Боги и духи, Закону служа безупречно?
 Стены его уж не семь мудрецов заложили
 И кирпичи обожгли, чтоб стояло строение вечно?
 Ты на две третьих – подобие Божье,
 Схож на одну – с горемычными нами.
 Как на Тебя оказаться похожим?
 Прахом не сделаться, мёртвым как камень?

ПОЭЗИЯ ВАВИЛОНА

ВАВИЛОНСКИЕ ПОКАЯННЫЕ ГИМНЫ

Вавилонские покаянные псалмы – удивительный текст. Когда знакомишься с ними в профессиональном научном переводе, то удивляешься, неужели это Вавилон, образ которого у современного человека чётко ассоциирован с

неким столпотворением и блудом (образ вавилонской блудницы)? Они напоминают и библейские покаянные псалмы (среди учёных есть предположение, что они написаны как раз под влиянием вавилонской покаянной традиции), и евангельские тексты. Учёные находят много общего между вавилонскими покаянными гимнами и библейской книгой Иова. Каялись вавилонские жрецы перед своим верховным божеством Бел-Мардуком. Всё это свидетельство того, что христианское Откровение появилось отнюдь не на пустом месте, а было глубоко подготовлено предшествующими этапами духовного развития человечества.

Удивительно, что почти пятьдесят лет назад автор книги переводов, почти ничего не зная из того, что знает о духовных традициях человечества сегодня, написал о Вавилоне следующее стихотворение:

*Звонит протяжно телефон:
 – Вас вызывает Вавилон.
 – Меня?
 – Да, Вас.*

*Рассвет. Шестой.
 Пластмассы чёрной волишебство,
 К которой я приник щекой.
 – Припоминается такой?
 – Да, как же... письма-огни:
 «Исчислен, взвешен, разделён».
 Ну, вроде «Пристегнуть ремни»!
 В полёте высветит салон...
 Но хриплый бас меня прервал:
 – Я не пророк,
 Я лишь прораб.
 Камнями натрудив горбы,
 Заснули все мои рабы.
 Один брожу я под луной
 На башне, выстроенной мной.
 Я этой ночью понял вдруг,
 Что нет совсем земных высот
 На высоте, где Бел-Мардук*
 Топор карающий куёт.
 Судачат всюду: «Дело в том,
 Что гордость обуяла люд».
 Нет, трижды прав Асархаддон** –
 Вавилонян погубит блуд.
 Уста их произносят «да»,
 Но в сердце «нет» как длинный нож.
 И нас, и наши города
 В песок засасывает ложь.
 – Я спать хочу,
 Я буду рад
 Вас позже выслушать, прораб.
 Мне на работу к девяти...
 – Не вешай трубку, погоди.
 Ты слышишь треск –
 Ползут все швы,
 Мне это стоит головы.
 И многим, не одна моя...
 За то, что раз напутал я.*

Потомок, слышишь, я погиб.
 Не лги, прошу тебя, не лги.
 О, слушай, слушай,
 Есть судьба,
 Но лишь душа ей не раба.
 В зыбучем прахе, в блеске луж
 Нетленны только башни душ
 У тех, кто, не свиваясь в рой,
 Их строит сам в себе...
 Отбой.

1975

Можно рассматривать это переложение вавилонского гимна и возврат к теме как продолжение телефонного разговора почти полувековой давности.

ПОКАЯННЫЙ ВАВИЛОНСКИЙ ГИМН

Да укротится навсегда сердечный гнев!
 Да станут мирными и бог мой, и богиня!
 Да укрепится сей смирительный напев
 И голову рассудок не покинет!

Я сам себе заблудшему не рад.
 Введён в смущенье дэвом нехорошим.
 Твой оступился ненадёжный раб.
 Прости меня, прости меня, о Боже!

Да укротится навсегда сердечный гнев!
 Да станут мирными и бог мой, и богиня!
 Да укрепится сей смирительный напев.
 А голову мою Твой Разум не покинет!

Лишь Ты зришь прегрешения мои.
 Неведенье мне заслонило вежды,
 Сожги грехи как ветхие одежды –
 Ты семьдесят семь раз прощаешь их.

Решение последнее молю – прими!
 Не я, но страсть во мне меня смутила,
 В слепые искушенья заманила.
 Грехи мои с души больнойними!

Расправу надо мной не допусти.
 Прости меня! Прости меня! Прости!

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ

Древний Египет давно привлекал Юрия Ключникова своими тайнами и глубинной близостью к русской традиции. Свои мысли на эту тему поэт выразил в ряде своих стихотворений, самое яркое из которых – «Сфинкс»:

Солнце в Гизе закатное шает,
 Тишина опускается вниз.
 Две фигуры судьбу вопрошают:
 Русский путник
 И каменный сфинкс.
 Путник где-то услышал случайно,
 Что как только загадочный зверь
 Рухнет наземь, откроется тайна –
 Обнажится заветная дверь.
 Под пластами гранита и глины
 Уведёт она в залы дворца,
 Где хранится папирус старинный,
 А в папирусе – планы Творца.
 Сверху сумрак прохладный сочится,
 Снизу тянется тень пирамид.
 – Что со мною в грядущем случится? –
 Русский путник Творцу говорит.
 – Человек, ты подобие сфинкса, –
 Тишина отвечает ему. –
 Ты с обликом собственным свыкся
 И боишься его.*

Почему?

*Я не знаю, что будет с тобою
И со Мной, потому что люблю
Тайну жизни, и с общей судьбою
Я, конечно, свою разделю.
Я всего лишь твой временный зодчий,
Охраняю тебя до Суда.
Ты меняешь мои оболочки,
Я же камни свои – никогда.
Я завет наш вовек не нарушу,
Я поклялся Святым Небесам
Дать свой образ тебе, чтобы душу
Ты в страданиях выстроил сам.
Ты же в присных трудах и вчерашних,
Как дитя, миражи теребя,
Воздвигает песочные башни,
Убегая всю жизнь от себя.
Я твой вечный слуга, человеке,
А не ты – мой. Себя оцени,
Чтобы вместе расправили плечи
Мы с тобой в наши Судные дни.
Солнце в Гизе закатное шает,
Светлый день опускается вспять.
Ничего на земле не мешает
Русским путникам сфинкса понять.*

Древнеегипетская литература имеет очень давнюю историю, которую нужно рассматривать вместе с длинной историей страны. Принято делить историю Древнего Египта на несколько периодов: доисторический, додинастический (V-IV тыс. до н. э.), династический, или период фараонов, включающий в себя Раннее царство, Древнее царство, Среднее царство, Новое царство, и Позднее царство, и, наконец, Птоломеевский период. Считается, что древнеегипетская цивилизация сформировалась в XXVIII–XXIII веках до н. э.

Что касается литературы Древнего Египта, она начинается с периода фараонов и существует до конца римского правления в стране пирамид. Как и шумерская словесность, она считается самой древней

литературой мира. Учёные полагают, что письмо в Древнем Египте появилось примерно в конце четвёртого тысячелетия в последней стадии додинастического Египта. В периоде Старого царства уже проявилось множество литературных жанров: религиозные гимны, погребальные и автобиографические тексты, письма и, наконец, стихи. Египтологи полагают, что это было результатом повышения социального статуса и образования писцов, которые становятся привилегированным классом. Они работали при дворах фараонов, нередко погружались в архивы, которые также формируются в это время как явление культурной преемственности. Появляются литература нравоучительного характера и пророческие тексты.

Культуру Древнего Египта изучали и на Западе, и в России. Видными египтологами России были Б. А. Тураев, М. А. Коростовцев, Н. С. Петровский, Д. А. Сперанский, И. М. Волков, В. М. Викентьев, Е. Г. Кагаров, О. Э. Лемм, В. С. Голенищев, И. Г. Франц-Каменецкий, Г. А. Белова. Египетскую поэзию на русский язык переводили А. А. Ахматова, В. А. Потапова, И. С. Кацнельсон.

ЭХНАТОН (1375–1336/1334 ГГ. ДО Н. Э.)

Эхнатон («Полезный для Атона»), или Аменхотеп («Амон доволен»), – знаменитый древнеегипетский фараон из XVIII династии, живший за 14 веков до нашей эры, отец Тутанхамона. Даты рождения и смерти приблизительны. Аменхотеп IV взойшёл на престол около 1353 года до н. э. В истории остался известен как крупнейший реформатор жреческой идеологии, за 17 лет своего

правления осуществивший огромный переворот в системе жреческой власти, который, однако, не был доведён до конца, а после смерти Эхнатона отвергнут жрецами. Муж знаменитой Нефертити, во всём поддерживавшей супруга. Суть реформ заключалась в поклонении Солнцу и солнечному диску. Правление Эхнатона ознаменовалось строительством новых храмов, созданием совершенно нового стиля в искусстве и архитектуре, утверждением нового религиозного культа и ниспровержением прежних богов, разгоном старых жреческих институтов и созданием новых.

Ряд исследователей утверждает, что всё правление Эхнатона было постоянной борьбой старого и нового и бешеным сопротивлением жрецов старой формации, не желавших прихода новых богов. Эхнатон был посвящённым правителем, знающим тайны бытия, устройство мира и назначение человека. По мере своего посвящения в тайны мироздания он проводил реформы всё радикальнее и жёстче, но и сопротивление жрецов нарастало. Фараон, казалось, одержал полную победу, однако, как уже говорилось, к концу его жизни и сразу после смерти все его религиозные новации были отринуты, памятники разрушены, а идеи преданы забвению.

Эхнатон сочинял гимны. Наиболее известный из них – «Великий гимн Атону», солнечному диску и божеству. Он был найден в гробнице одного из придворных Эхнатона. Так называемый «Краткий гимн Атону» был найден в пяти гробницах. Каждый из этих гимнов воспеваёт разные грани солнечного божества. Египтологи (Тоби Уилкинсон, Джон Дарнелл) считают эти гимны «одними из самых значительных произведений» древнеегипетской поэзии. Кроме того, фараон был супругом Нефертити и оставил строки гимна, посвящённого ей. Переложение этих древнейших текстов на русский язык помогает осознать, насколько созвучна древнеегипетская культура нашему времени.

ГИМН ЭХНАТОНА

О Ра, о солнце! Ты владыка на земле.
 Встаёшь без опоздания на востоке.
 И я с Тобой, творящий эти строки,
 В сиянии купаюсь нежном и в тепле.
 Хвалу Тебе щебечут стаи птиц.
 Твой облик золотой великолепен.
 Ты правишь вдоль Тобою созданных границ
 В таком же чистом и прекрасном небе.
 Когда ночами люди спят в домах,
 Закрыты окна, заперты все двери,
 Когда царит спокойствие в умах,
 Кусают аспиды и нападают звери.
 Грызут тем самым власти и Закон,
 Лишают человека благодетства,

Как будто правит не один Атон*,
 Но и у них есть право на господство.
 И вновь приходят в мир Твои лучи,
 Под коими растёт душа народа.
 Горит огонь Божественной Свечи.
 И Сила – достоянье небосвода –
 Встаёт поверх зверей. И непогода
 Сияет обещаьем вечного Огня.
 Знай, смертный, всё, что зримо,
 Есть отблеск Силы, и Она невыразима.
 Никто не ведаёт на свете ничего.
 Поэтому лишь напрягай чело
 Не толпам суеверным на потребу –
 На пользу Мне – Всезнающему Небу.
 Ты видишь тающую тьму и вечный Свет.
 Тьмы в самом деле у Природы нет.
 Есть временная передышка Света.
 Должна от мрака отдохнуть планета.
 Светла земля, когда горит Огонь
 И царствует незыблемый Закон.
 Когда ликуют жизнь, тепло и нежность,
 Тогда и после ночи торжествует свежесть,
 Спокойны волны океанской и речной воды,
 Возобновляют люди прежние труды.
 Спокойна мать, как и ребёнок, а мужчины
 Не ищут для войны необходимые причины.
 Зачем же повсеместно сеять смерть,
 Пусть даже всюду жизнь упёрлась в твердь.
 Ты разделил людей по языку и цвету кожи.
 Но в существе своём мы удивительно похожи!

МОЛИТВА ЭХНАТОНА (1375 Г. ДО Н. Э.)

Бог сердца нашего! Ты неизвестен никому.
 Тем более вертлявому и лживому уму.
 И мы познанием Твоих законов живы,
 Пока не стали безвозвратно лживы.

Мир и теперь в Твоих Божественных руках.
 Ты сотворил его без мысли о врагах.
 Те мысли породили люди сами
 Под порождёнными Атоном Небесами.
 Своё могущество являешь на востоке
 И порождаешь гимны и восторги.
 Когда склоняешься на запад, на закат,
 Все слуги правды о конце чего-то говорят.
 Но это не конец всего, а новое Начало,
 Которых было, да и будет у Создателя немало.
 Да будет так!

ЭХНАТОН - НЕФЕРТИТИ

Я ловлю твоих вздохов и губ аромат,
 А за окнами – новые краски рассвета.
 Сладкий шёпот и ласковый взгляд –
 Словно дети весеннего ветра.
 Дай мне руку свою и наполни собой.
 Дух твой – лучшая в мире награда.
 От тебя мне не нужно другой.
 Да и собственной жизни не надо.

ГЕРМЕС ТРИСМЕГИСТ (?-?)

Легендарная личность Древнего Египта, которую почитали божеством. Согласно мнению египтологов, Гермес сочетает в себе черты древнеегипетского бога мудрости Тота и древнегреческого бога Гермеса, считавшегося посланником богов и посредником между людьми в торговле. Различные религиозно-духовные традиции по-разному трактуют фигуру Гермеса. Христианская традиция считает его одним из пророков, предвосхитивших приход Иисуса Христа. Августин в трактате «О Граде Божьем» утверждал,

что Гермес Трисмегист старше древнегреческих мудрецов. Но точная датировка его жизни отсутствует, могут делаться только предположения. Климент Александрийский, глубоко знавший философию неоплатонизма, называл 36 книг Гермеса, которые, по его мнению, включают в себя всю египетскую философию. В некоторых направлениях ислама Гермеса отождествляли с Идрисом – пророком сабиев (одно из званий Идриса звучало как Хармасу-л-Харамаса, или Гермес Гермесов, то есть Гермес Трисмегист). Эзотерическая герметическая традиция воспринимает Гермеса как пророка, создавшего особое учение, излагавшееся в мистических книгах. Особую известность Гермес Трисмегист приобрёл в эпоху Возрождения.

Среди книг и отрывков, оставшихся после Гермеса Трисмегиста, особую роль играл небольшой текст, названный на латыни *Tabula smaragdina* – «Изумрудная скрижаль». Легенды утверждают, что этот текст был найден в древнеегипетском храме на пластине из изумруда, причём его обнаружил либо Аполлоний Тианский, либо Александр Македонский. Значение «Изумрудной скрижали» для египетской культуры сравнивают со значением «Символа веры» для христианства. Разные мыслители толкуют её совершенно различным образом, но большинство исследователей герметизма сходятся в том, что она содержит рецепт Великого Делания алхимии, результатом которого является получение Философского Камня, символизовавшего высшее «Я» человека. «Изумрудная скрижаль» утверждает принцип подобия человека Вселенной («как вверху, так и внизу») и раскрывает сущность духовной алхимии, состоящей в открытии в себе высшего «Я» и обретении бессмертия. Считается, что владеющий алхимическими секретами рано или поздно сумеет пробудить это высшее «Я», и оно превратит в «золото» (символ божественного света) всё, к чему прикоснётся. Знатоки египетской духовной философии были убеждены, что именно «Изумрудная скрижаль» несёт в себе самую глубокую сакральную мудрость дохристианской традиции.

Помимо глубочайшей мудрости, содержащейся в данном коротком произведении, можно говорить и красоте этой легенды. Именно сочетание глубины, древнейшей его священности и красоты побудило автора переводов сделать переложение «Изумрудной скрижали» в русской поэтической метрике. И даже внести в стихи русские образы и лексику – «вёдро», матушка, буковки...

ИЗУМРУДНАЯ СКРИЖАЛЬ (ВОЛЬНОЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЕ)

Всё – Истина, что было, есть и будет на веку,
 А также может мниться фактом скверным,
 Для жизни неудобным, злым, недостоверным...
 Всё вписано незыблемо в Господнюю строку.
 Так уж сложилось на земле и Наверху.
 Всё во Вселенной порождается Единым
 И выбивается Его же смертным клином.
 Дожди сменяют ведро, лад – грозу.
 Что наверху, по-своему повторено внизу...
 Творится чудо знаньем главной Вещи.
 И смерти нет на свете грозной и зловещей.
 Днём солнце нам отец, ночами матушка-луна.
 Жизнь не имеет ни начала, ни конца, ни дна.
 Ещё над звёздами есть двойственная Сила,
 Которая мужчин и женщин породила.
 И ты той Силой можешь обладать,
 Когда вмещаешь Божью Благодать,
 Умеешь разделять Огонь и Землю*,
 Сию Скрижаль до буковки приемля.
 И, озарённого частицей Божьего Ума,
 Тебя покинет всяческая тьма.
 Как Трижды Величайший буду краток:
 Есть Божий и людьми придуманный порядок.
 Поэтому не споря глупо со вторым,
 Терпи, он растворится, словно дым.
 А Божьему порядку и Небесному уставу
 Служи сердечно, забывая собственную славу.
 Итак, поскольку перед Богом чист,
 Торю вам Путь по Божескому праву –
 Посол Его Известный Трисмегист.

АВЕСТИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ (ДРЕВНИЙ ИРАН)

ЗОРОАСТР. ГИМН СОЛНЦУ ИЗ «АВЕСТЫ»

Гимн Солнцу – самая популярная молитва «Авесты», священного писания зороастризма. Эта одна из старейших мировых религий была основана Заратуштрой (Заратустрой, Зороастром) – древнеиранским пророком, жившим несколько тысячелетий назад. Зороастризм говорит о почитании бога Ахура-Мазды, вере в пророка Заратуштру, нравственном очищении человека в направлении благих мыслей, благих слов и благих деяний, вере в окончательную победу добра над злом. Многие положения религии Заратуштры: посмертный суд над каждым человеком, последующее воскресение умерших, пришествие Спасителя Саошьянта, которое отделит «верных» от «неверных», – оказали огромное влияние на религиозные искания человечества и по сути очень близки авраамическим религиям, включая христианство.

«Авеста» – глубочайшая книга, которая излагает основные положения зороастризма и включает множество молитв, самая популярная из которых – Гимн Солнцу. Солнце – светило глубоко почитаемое в «Авесте». Его называют «оком Ахура-Мазды», «колесницей Митры», а самих зороастрийцев – «солнцепоклонниками». Авестийский календарь предлагал считать началом суток не полночь, как это принято на Западе, а восход солнца. Данная молитва читается три раза в день – утром, в полдень и вечером, после заката светила. Считается, что с лучами солнца молитва точнее доходит до Создателя. Переложение молитвы на русский поэтический язык позволяет оценить красоту и бодрую энергетику зороастрийских гимнов, а также глубинное созвучие двух культур – авестийской и русской, которые очень родственны друг другу. Несмотря на то, что во времени эти культуры существенно отстоят друг от друга (время появления пророка – примерно 1000 лет до н. э.). Автором «Авесты» и её солнечного гимна считается легендарный мудрец Заратустра. Есть целый ряд ярких, достойных переводчиков «Авесты» – К. Бальмонт, И. М. Стеблин-Каменский, М. В. Чистяков, К. А. Коссович.

Заратустра был жрецом и пророком, жившим между VII и первой половиной VI века до н. э., предположительно в 628–551 годах до н. э. Согласно преданиям, он, обходя огромные пространства Евразии с проповедью своего учения, доходил и до территории современной России, посещал Южный Урал (Аркаим). Считается, что сакральные истины, присутствующие во всех мировых религиях (существование ада и рая, бессмертие души, возможность воскрешения, Страшный суд) впервые открыл людям Заратустра. Он же показал справедливость божественного мироустройства, в котором непрерывно происходит борьба добра и зла, а спасение человека зависит от совокупности его деяний, мыслей и произнесённых слов. В конце жизни пророк Заратустра принял мученическую смерть: он был убит ударом ножа в спину одним из своих врагов.

ГИМН СОЛНЦУ ИЗ «АВЕСТЫ»

Мы молимся Солнцу, дневному светилу,
Чьи стрелы-лучи горячи и светлы,
Чтоб Мазда свою первозданную силу*
Направил в сокрытые Тьмою углы.

Бессмертному Митре, встающему утром**,
Поклон посылает немало божеств.
И ты поступи благородно и мудро –
Отправь Огнеликому собственный жест.

Взошедшее Солнце и Землю ласкает
Своим отдыхающим ночью Огнём,
И дэвов*** губительных к нам не пускает:
Боятся вредить они утром и днём.

Источники вод пробудившийся Митра
Раз в год высветляет воочью для всех.
И нам, как насельникам, вовсе не хитро
Услышать Его одобрительный смех.

Кто молится Солнцу светло и счастливо,
Чьи кони быстры и кто тьму победит,

Тот молится Мазде, и сила молитвы
Души неприступность от дэвов хранит.

Я Митре молитву творю ради счастья,
Чьи кони быстры и бессмертен чей свет.
И речью, и мыслью, и делом-участьем
Я Солнцу исполню служенья завет!

О высший Господь, самый лучший и чистый,
Бессмертному солнцу хвалу возношу,
Бог светлый и быстрый, святой и лучистый,
Я Истину славлю и блага прошу!

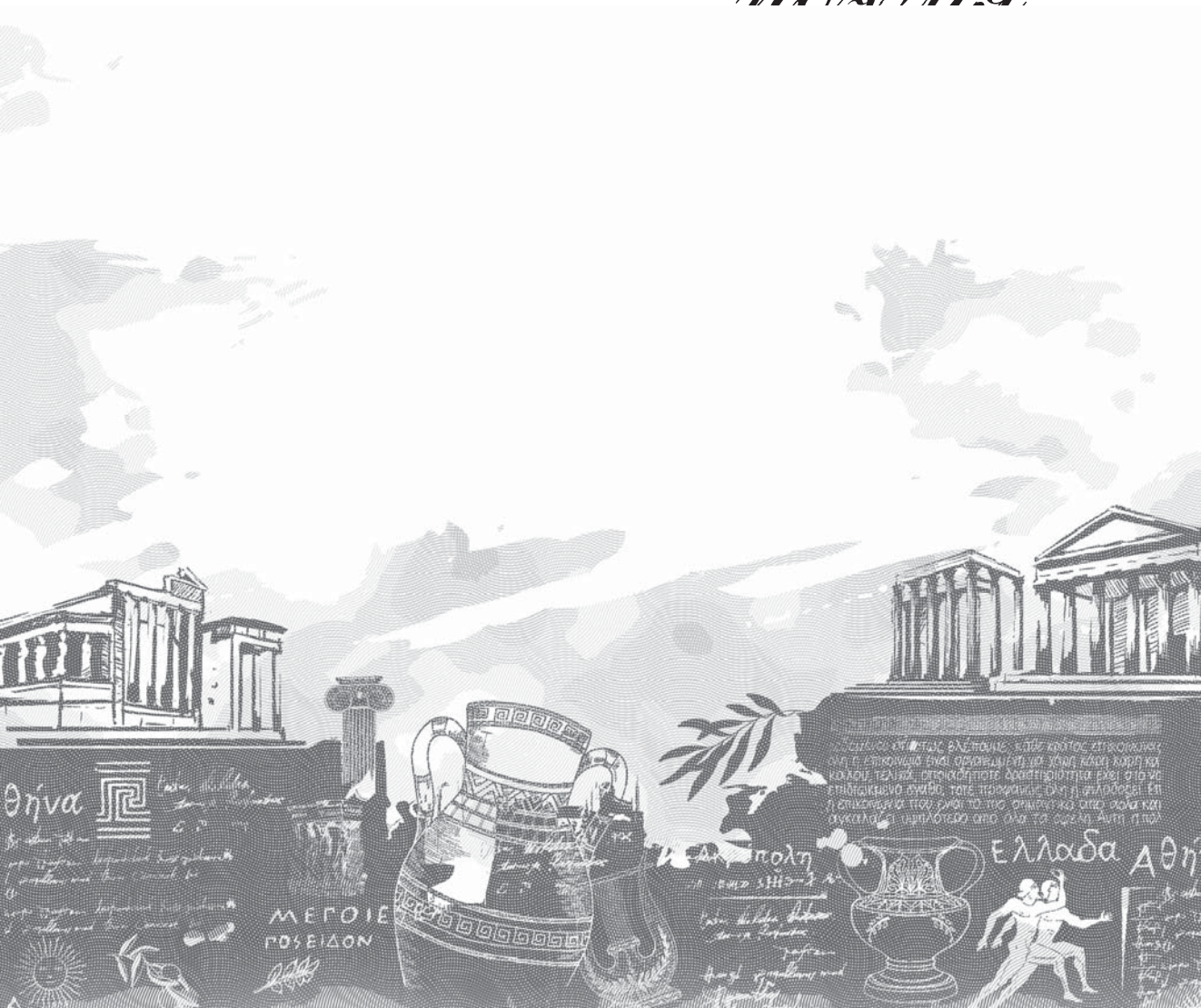
Гимн несёт в себе настолько жизнеутверждающий заряд и уверенность в победе Света над Тьмой, что автор книги написал ещё одно четверостишие, которым собирался завершить этот гимн. Однако в итоге не стал включать его в текст авестийской молитвы, поскольку осознаёт, что оно во многом привносит в гимн чисто авторские субъективные образы и смыслы, близкие к «Фаусту» Гёте: «Я – часть той Силы, Что вечно делает добро, желая зла» – и означающие подконтрольность зла Божественному Закону.

И Ариман даже, который на свете
Считается Богом назначенным злом,
На сей неудобной и скорбной планете
К добру подгоняет злоещим веслом.*

II

Античная поэзия.

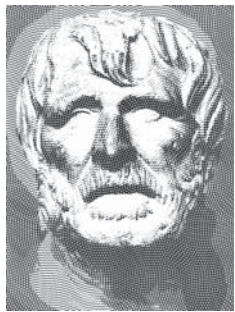

Седая древность – это не только Шумер, Вавилон, Египет и Древний Иран, но и, конечно, Эллада, хотя она ассоциируется с детством человечества, но никак не со старостью, несмотря на сонм древних греков-старцев в туниках, которых мы в обилии созерцаем в любом музее античности. Греки любили и устное, и письменное слово, и античная лирика выросла из эпоса, который распевали под кифару аэды – певцы-сказители, такие как Гомер. С его гекзаметров и началась европейская литература. Он оказал огромное влияние на всех последующих литераторов и философов Греции. Даже Александр Македонский во время походов не расставался с поэмой Гомера и стремился подражать бесстрашию Ахилла. Линию эпоса продолжил младший современник Гомера Гесиод, фрагменты поэмы которого «Труды и дни» представлены в этой книге. Другое направление древнегреческой поэзии – лирика, то есть поэзия субъективного чувства и внутреннего мира человека, которая в какой-то степени выросла из эпоса. Она тесно связана с музыкой и включает в себя несколько жанров – хоровая лирика, сольная лирика, элегии, ямбы. Появление лирики относится примерно к началу VII века до н. э.

Имена Архилоха, Алкея, Сапфо, Ивика, Пиндара, Анакреонта навсегда вписаны в пантеон мировой лирики. Ю. М. Ключников сделал переложения поэзии этих авторов. Они научились передавать человеческие чувства средствами поэзии, а значит, сохраняют созвучие с нашими сердцами. Потому при хороших переводах их творения всегда будут вызывать восхищение читателей. Интерес к древнегреческой поэзии иногда снижался, но затем неизбежно усиливался. Так было в Римской империи, осознавшей, что греки в чём-то превосходили римлян, во времена эпохи Возрождения, поднявшей на щит знамя Эллады, в эпоху классицизма в Западной Европе, в эпоху расцвета романтизма – и так вплоть до XX столетия. Влияние древнегреческой поэзии на русскую литературу и поэзию было весьма значительным. Ломоносов, Державин, Пушкин, Жуковский, Гнедич, Лев Толстой, Тургенев, Гончаров,

Достоевский, Брюсов, Блок, Волошин, Мандельштам, Ахматова и многие другие авторы прошли через глубокое увлечение античной поэзией, литературой и культурой. Среди учёных, глубоко погружавшихся в изучение Древней Греции, нужно выделить имена Ф. Ф. Зелинского, В. Н. Ярхо, И. М. Тронского, М. Л. Гаспарова, а среди переводчиков С. В. Шервинского, С. А. Ошерова. Последние два автора сделали блестящие переводы «Теогонии» Гесиода.

Главное, что дала древнегреческая поэзия миру и России, – жизнерадостность и свет, который всегда излучают детство и юность. Этот свет помогает идти дальше и постигать иные поэтические культуры.

ГЕСИОД (VIII–VII вв. до н. э.)

Гесиод – один из самых ранних поэтов Древней Греции, обозначивший своё имя, исполнитель эпической поэзии (рапсод), которого современники воспринимали как пророка и провозвестника божественной истины. Об этом древнейшем поэте Эллады известно немного. Гесиод родился в бедной крестьянской семье. Где он получал образование, что помогло ему стать поэтом – неизвестно.

Сам Гесиод ссылается на дар небес. Своё предназначение Гесиод ощутил рано: он признавался в том, что в него вдохнули поэтический дар геликонские нимфы, наградившие его жезлом из лавра, что означает звание «рапсода». Предание утверждает, что Гесиод принимал участие в играх, где состязался с самим Гомером, причём победил его.

Из произведений, оставленных Гесиодом, самое известное – поэма «Труды и дни». По форме это диалог поэта с братом Персом, повествующий об их наследственно-имущественной тяжбе. Перс сумел оттянуть у Гесиода часть его имущества, но это не пошло ему впрок, поскольку он постепенно разорился. Гесиод решил наставить брата на путь истинный и на фоне этих наставлений дал свою величественную картину мира. Поэма содержит космогонические представления поэта о мире, который находится в состоянии длительной деградации нравов и условий жизни от золотого века к железному. Этот век не нравится самому поэту, он критически смотрит на своё время и хотел бы вернуться в золотой век. «Труды и дни» содержат множество моральных сентенций, афоризмов,

описаний разных мифов и даже хозяйственных наставлений о том, какой должна быть работа земледельца и мореплавателя и как лучше обустроить сельскую жизнь. Гесиоду приписывают ещё ряд поэм – «Теогония», «Каталог женщин», «Щит Геракла». Ещё античные писатели замечали, что нравы богов, описываемые Гесиодом, напоминают мир людей с их недостатками и пороками.

Жизнь Гесиода, как утверждает предание, завершилась трагически – его убили по ложному обвинению.

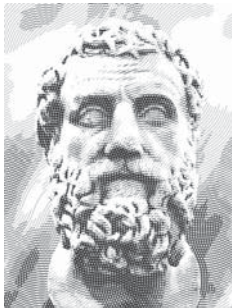
Как один из самых первых поэтов Древней Греции Гесиод был прославлен и входит во все поэтические антологии. Именем Гесиода названы два кратера на Меркурии и на Луне.

ТРУДЫ И ДНИ

Предисловие. В сокращении.

Музы, воспойте великого Зевса святого,
 Нами Он правит давно, по законному праву.
 Солнце исполнить его повеленья готово.
 И на земле заслужил всенародную славу.
 Надобно с трона царя недостойного свергнуть,
 Или не дать хлебопашца злодею в обиду,
 Всё предусмотрит для этого снизу и сверху.
 Но до суда отправляет решенье Кронида*.
 Знай, что Кронид, как Свидетель событий,
 Здесь, на земле не имеет своих предпочтений,
 Гнёзд охраняемых или же тайных укрытий,
 Значит, не ведает наших скорбей и смятений.
 Всюду, как знаем, вселенский господствует Разум.
 Место находит Себя проявить в человеческой воле,
 Тайны Природы открыты и зоркому глазу,
 Чует их каждый цветок незаметный на поле.
 Есть две Эриды, рождённые Временем зоны,**
 Первая: войны, потопа, болезни... другая –
 Труд постоянный. Он тоже нагрузка лихая.
 Обе сии ипостаси важны, и нужны, и законны.
 Первая явлена раньше второй и приносит обиду.

Мы её терпим, куда же от Времени деться?
 Ну а вторая бывает угодной богам и Крониду,
 Эта полезна, рождает в работниках ревность.
 Чуют её и гончар, и торговец, и плотник,
 Труд удлиняет природную хрупкую бренность.
 Чувствует это любой долгожитель-работник.
 Только тебя умоляю, любезный читатель,
 Остерегайся капканов Эриды зловредной.
 В них побывал, говорю это горестно, кстати,
 Сам Демиург, ведь и Он спотыкается, бедный.
 Некогда Зевс удалил от ахеев надолго
 Родича близкого, звали его Прометеем.
 Бог приковал его к скалам за Волгой.
 А почему? Благородное дело затеял.
 Людям украл в Небесах богоносное пламя.
 Факт оказался Создателем нашим замечен.
 За воровство и занятие мирскими делами
 Коршун клюёт и теперь благодетелю печень.

АРХИЛОХ (689/680–640 ГГ. ДО Н. Э.)

Архилох – крупнейший поэт древнего периода Древней Греции. Современники сравнивали его с Гомером, настолько велика была популярность поэта. Архилох родился на острове Парос. Его отец происходил из аристократического рода, но мать была бывшей рабыней. Это означало, что Архилох был незаконнорождённым сыном аристократа, не имевшим особых прав и надежд на получение богатства. Согласно законам того времени, такие дети должны были становиться наёмниками, что и произошло с Архилохом. Он был, по-видимому, азартным человеком, ввязывался в разные авантюры, постоянно странствовал и попадал в переделки. Воевал, причём иногда даже покидал поле боя, бросая свой щит, пытался найти золотые копи, испытывал неразделённую любовь...

В поэзии он пробовал себя в разных жанрах – гимнах, элегиях, баснях, сатирических ямбах. Его называли отцом лирической поэзии, срав-

нивали с Гомером. Он воспевал героикою военных походов, описывал подробности сражений. В конце концов Архилох погиб в битве с жителями острова Наксос. Интересная деталь: когда его убийца обратился по какому-то вопросу к дельфийскому оракулу, тот отказался отвечать ему на вопросы с формулировкой – ты убил великого поэта.

Архилоха переводили во всём мире, в том числе и в России, причём лучшим его переводчиком считается В. В. Вересаев.

* * *

Сердце, сердце! Освяти высоким ритмом
 Тот Огонь, что в теле зажигает жизнь.
 Пусть теперь в душе заговорит Он
 Всем благим сиянием. «Держись! –
 Говорю себе. – Погрейся, но не слишком,
 Если победил. Иначе будешь бит.
 Проиграл – получше разберись с умишком,
 Где ошибся. Твой секрет богами скрыт».

* * *

Мне не мил кудрявый воин
 С гладковыбритым лицом.
 Пусть обличьем недостоин
 Называть себя бойцом.
 Но в душе всегда хранит
 Твердокаменный гранит.

АЛКЕЙ (625/620 – ПОСЛЕ 580 ГГ. ДО Н. Э.)

Знаменитый поэт и музыкант, яркий представитель музыкально-песенной лирики Эллады жил в VII веке до н. э. в полисе Митилена на острове Лесбос и был современником Сапфо и Питтака. Он считался выходцем из аристократического рода, о котором история не сохранила каких-либо сведений. Известно, что жизнь Ал-

кея и его поэтическая самореализация разворачивались на фоне внутренних политических междоусобиц, когда к власти приходили тираны и происходили столкновения Митилены с афинскими колониями на Геллеспонте. Алкей, принявший участие как воин на стороне родного полиса и проявивший себя как храбрый воин, был вынужден бежать. История сохранила свидетельство, что его щит, брошенный на поле боя, попал в руки афинян и был затем повешен в одном из храмов Афин как знатный трофей. В течение многих лет Алкей находился в изгнании, потом вернулся на родину, где на какое-то время был приближен ко двору тирана Мирсила, а затем снова был вынужден покинуть город. Считался видным политиком, поскольку в период своего возвращения возглавлял партию аристократов и претендовал на руководство полисом.

Алкей писал стихи в течение многих лет. Известно, что им было создано целых десять книг, из которых до наших дней дошло, благодаря цитатам разных авторов, порядка 500 строк. Алкей был тематически широким автором, создал гимны богам, или *пеаны*, бунтарские песни (*стасии*), застольные песни, или *сколии*, любовные песни, или *эротики*. Большая популярность автора была порождена не только совершенством его художественной формы (современники ставили его поэзию выше произведений не только Сапфо и Пиндара, но и Софокла, Эсхила и Еврипида), но и тем, что его стихи исполнялись под аккомпанемент лиры и кифары. Считается также, что образы, рождённые Алкеем, повлияли на творчество Горация.

Историки древнегреческой поэзии утверждают, что Алкей был отвергнутым поклонником Сапфо. В её стихах есть отрывок, в котором она отказывает одному из своих поклонников по причине его юного возраста, и многие учёные полагают, что этим влюблённым был именно Алкей.

Лирика Алкея разнообразна, причём едва ли не самая яркая тема, в которой он себя проявил, – воспевание природы. Он во многом ориентировался на творчество Архилоха, исследователи находят в его строках влияние Гесиода и даже Гомера. Но сам он, безусловно, повлиял на Феогнида и Горация. На русский язык Алкея больше всего переводили В. Вересаев, Вяч. Иванов, Я. Голосовкер.

В данной антологии на русский язык переложены три небольших стихотворения великого греческого поэта: «Весна», «Шторм», «К Сап-

фо». Они дают представления о той удивительной свежести чувств, которая пронизывала поэзию древних стихотворцев Эллады.

ВЕСНА

Зеленеет кайма у садовых папах.
Просыпается зелень лесная.
Хоры птички поют на угрюмых дубах.
И кукушка покоя не знает.
Кружат ласточки, прячась в укрытиях крыш.
Кружит голову воздух весенний.
Ты природу как будто бы заново зришь,
Ждёшь и бед от неё, и везений.

ШТОРМ

Представь себе ветров слепую дурь,
Почти лежащий на воде дырявый парус.
На нём танцует Повелитель бурь,
В объятьях сжав ликующую Ярость.
А мы в себе уверенность храним,
Что выживем – не разучились плавать!
И волны стихли, и легко плывём по ним,
Благополучно прибываем в гавань.

К САПФО

Сапфо фиалкокудрая, младая!
Уж очень вслух сказать тебе хочу
То тайное, о чём во сне мечтаю.
Мешает стыд, лишь потому молчу.

САПФО (630–572/570 ГГ. ДО Н. Э.)

Знаменитая древнегреческая поэтесса, создатель направления песенной лирики. Её называли «фиалкокудрой». Прижизненное признание поэтессы было велико, что позволило включить её в число Девяти лириков*. Родилась в зажиточной аристократической семье. С ранних лет писала гимны для хора, оды, элегии, песни, воспевающие праздники.

Сапфо жила в сложное историческое время дворцовых переворотов, государственных смут, террора, который развязывали тираны по отношению к древним родам. Род Сапфо попал под репрессии такого тирана, и она была вынуждена бежать в Сирикузы на остров Сицилию.

Молодая женщина рано проявила свои поэтические и музыкальные способности, и её привлекали к написанию гимнов для хора, выступающего на тогдашних религиозных праздниках – Термийских панегириях. Ей доводилось общаться с Алкеем, и сложилась легенда о любовной связи между поэтами. Однако она не имеет серьёзных документальных подтверждений. Это же относится к её якобы имевшей место нетрадиционной сексуальной ориентации, имя которой в дальнейшем дал остров Лесбос, на котором Сапфо жила какое-то время. Да, на этом острове женщины пользовались почти теми же правами, что и мужчины. Однако женские объединения, которые там существовали, носили религиозный характер и представляли собой женские культы Афродиты и Артемиды. Целью подобных объединений была подготовка молодых девушек к замужеству и успешным родам, которым эти богини покровительствовали. Сапфо выступала как педагог, обучавший девушек танцам, музыке, стихосложению, вхождению во взрослый мир. Обвинения Сапфо в нетрадиционной ориентации не только неубедительны, но и основаны на полном непонимании религиозной атмосферы Эллады.

Более достоверна информация о замужестве Сапфо – известно, что она вышла замуж за зажиточного человека по имени Керкил, от которого у поэтессы родилась дочь по имени Клеида.

Поэзия Сапфо пронизана солнечным светом радости и любви и воспекает природу, деревья, ручьи, певчих птиц. В лирике Сапфо множество фольклорных мотивов. Постоянными образами её поэзии были со-

ловьи и розы. На фоне прекрасной природы и ангельского пения птиц в священных рощах весной разворачивается любовь героини, наполняющая её такой мощной страстью, что она не может справиться с пожаром своей души.

Сапфо была очень популярна в античном мире. О ней и фигурах, окружавших её, писали Алкей, Апулей, Геродот, Страбон, Апулей, Овидий, Максим Тирский, Солон, Платон. В России стихи Сапфо переводил В. Вересаев. Его перевод стихотворения Сапфо был превращён в песню в культовом альбоме Давида Тухманова «По волнам моей памяти».

ГИМН АФРОДИТЕ

Радужная, светлая, святая
Зевса дочь, бессмертная жена,
Солнечная, вечно молодая,
Ты живым и мёртвым – всем нужна!

Опустись с высот своих небесных.
В мир земной морей, полей, лесов,
На листы папирусов безвестных...
У меня в груди Твой тихий Зов:

«Милая Сафо, о чём ты молишь?
Что тебя печалит, что гнетёт?
Приласкать себя ты мне позволишь?
Радость встреч обоих скоро ждёт.

Что тебя в подлунных снах тревожит?
Кто обидчик несравненных чар?
Всё скажи. Я потушу, быть может,
Вспыхнувший внутри тебя пожар».

Шлю ответ встревоженной богине:
«Встреч небесных с нетерпением жду.
Если нас на Небе не покинешь,
На земле Тебя не подведу!»

ЛЮБОВЬ

Вижу, как во мне возникли боги.
Не ловлю их смутный разговор.
Чувствую свою улыбку, ноги...
Эрос прячет в них лукавый взор.

Губ неуловимые касанья
Ощущаю будто бы во сне,
А душой, губами и глазами
Вся плыву в проснувшейся весне.

И молчу. Мой слог для новых сказок
Видно, старомоден и негуст.
Задыхаюсь в несказанных фразах,
В тесноте давно знакомых чувств.

Наконец, чужой огонь приемлю.
Разделяю... ласки... Шаг... Другой...
И ложусь на трепетную землю,
Выгнувшись отчаянной дугой.

ИВИК (2-Я ПОЛОВИНА VI В. ДО Н. Э.)

Известный греческий лирик, живший во времена Анакреонта и включённый в канонический список лучших Девяти лириков Древней Греции, Ивик попал в число бессмертных не только благодаря поразительной свежести своих стихов, но и по причине живучести легенды об Ивиковых журавлях, получившей большое распространение в Элладе. Ивик был заядлым путешественником, объехал многие страны. Легенда рассказывает о том, как Ивик по дороге в Коринф, где должны были пройти Истмийские игры, подвергся нападению разбойников и получил тяжёлое ранение. Он упал и, созерцая небо, увидел пролетающих над ним журав-

лей. Поэт призвал пернатых: «Так будьте моими мстителями!» – и покинул этот мир. Разбойники же, усмехнувшись на его мольбы, отправились в город, чтобы насладиться зрелищем тех самых игр, на которые так и не попал убитый поэт.

Но разбойникам не хватило ума и выдержки молчать о содеянном. Увидев пролетающих журавлей, один из разбойников воскликнул: «Это Ивиковы журавли! Они прилетели отомстить нам за убийство Ивика». Крик был настолько сильным, что сорвал представление, и зрители устроили дознание. В итоге кричавший признался в совершённом преступлении и выдал всех своих сообщников, которых тут же присудили к смерти. Сам этот случай древние греки восприняли как вмешательство воли Неба в раскрытие преступления. Эта легенда вдохновляла многих литераторов, в том числе Эразма Роттердамского и даже Шиллера, который написал балладу с таким же названием.

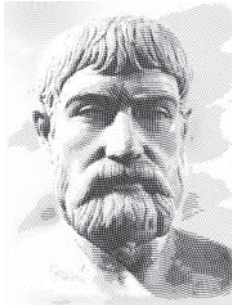
Историки поэзии нашли семь книг Ивика, из которых до нас дошло примерно 40 стихотворений этого необыкновенно яркого, самобытного и талантливого поэта седой старины. Творчество Ивика отличалось жанровым разнообразием: он писал и стихи на мифологическую тематику, и строки, воспевающие Троянский цикл и подвиги Геракла, и тексты, предназначенные для хорового пения, и любовную лирику, в которой он прославился более всего. Его произведения исполнялись на древних конкурсах женской и мужской красоты, которые активно проводились в те далёкие времена. Он писал также и для двора и вообще ценился античными знатоками поэзии как творец, объединявший в себе западную и восточную греческую поэзию.

По весне цветы на яблонях качаются.
В половодьях нежатся сонные сады.
Юноши и девы без конца встречаются.
На ветвях деревьев вяжутся плоды.

Эрос всем навязывает жгучее безумие,
Я, не поспевая, за всеобщей гонкой мчусь.
Становлюсь умней, беспомощней, угрюмее
В этом недоступном половодье чувств.

* * *

Эрос зрачком неподвижным глядит на меня,
Словно чего ещё стою решает.
Я не скрываю – устал от былого огня,
Возраст его соблазнительным стрелам мешает.

ПИНДАР (522/518–448/438 гг. до н. э.)

Один из самых ярких лирических поэтов Древней Греции, входил в канонический список Девяти лучших лириков, причём считался в этой девятке безусловным фаворитом. Любимый поэт Горация. Известный филолог М. Л. Гаспаров назвал Пиндара «самым греческим из всех греческих поэтов». Вокруг его рождения сложилось немало легенд. Одна из них гласит, что вскоре

после рождения маленького Пиндара укусила в рот пчела. В результате в дальнейшем у него и прорезался выдающийся поэтический дар. Известно, что Пиндар родился в знатной фиванской семье. Получил блестящее по тем временам литературно-поэтическое и музыкальное образование и провёл значительную часть жизни в странствиях. Рано начал писать стихи, изначально тяготел к хоровой лирике. Изучение его поэзии показывает, что он сам блестяще владел лирой и был аккомпаниатором хора, исполнявшего сакральную музыку.

Историки древнегреческой литературы утверждают, что из всего богатого поэтического наследия Пиндара до наших дней дошла примерно четвертая часть. Он писал гимны, обращённые к богам, торжественные и хвалебные песни, а также плачи и оды, созданные в честь победителей общегреческих игр. Причём делал это столь часто, что многие из тех, кто его любил, не раз вопрошали, почему остальной мир интересуется Пиндаром так мало и он совсем не воспекает его. На самом деле этот мир – в центре его внимания, но что касается игр, то они рассматривались в Элладе как игры богов, а победители – как их любимцы.

Пиндар – яркий выразитель античного традиционного мироощущения в его аристократических формах. Он поклоняется богам, почитает государство и сильную власть, ценит военную службу и военные подвиги,

с восхищением относится к предкам, видя в них носителей доблести, вспоминает мифологических героев, надеется на благосклонность судьбы, хотя и признаёт необходимость личных стараний. Главная для него добродетель – доблесть, которая должна подтверждаться победой, поддержанной богами. Боги обеспечивают награду и в загробной жизни: Пиндар придерживался пифагорейской теории метемпсихоза (перевоплощения).

В поэзии он тяготеет к торжественному велеречивому изложению переживаний и выражает свои мысли и чувства, используя яркие образы и разнообразные строфы. Он не столько создаёт новые формы, сколько развивает и доводит до совершенства старые. Да и читать его непросто, нередко Пиндар воспринимается как поэт излишне сложный по форме изложения своих чувств, доступный только для специалистов по Античности. Во всяком случае, некоторая утрата популярности Пиндара произошла после того, как Древняя Греция была завоёвана Римом и греческий язык постепенно вышел из массового оборота.

В дальнейшем к наследию Пиндара в Европе вернулись. О нём неоднократно упоминали поэты шекспировской Англии, например, Джон Драйден. Его переводили и почитали Ронсар, Драйден, Александр Поп, Андре Шенье. Его оды перевели на немецкий язык Гёте, Гёльдерлин. На русский язык его переводили Гавриил Державин, Николай Львов, Павел Голенищев-Кутузов, Вячеслав Иванов, Николай Майков, Михаил Гаспаров, Мария Грабарь-Пассек, Владимир Водовозов.

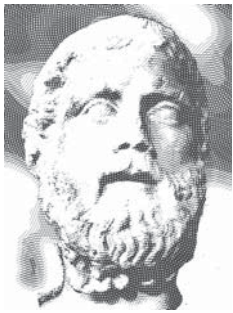
Сложный размер пиндаровских од, в которых постоянно чередуются длинные и короткие строки, предназначался прежде всего для музыкального воспроизведения. Если переводить Пиндара буквально, он будет восприниматься как далёкая от сегодняшних реалий архаика, что может привести к утрате его поэзии для современного читателя.

О кифара дорогая!
Дар богов и мудрых муз.
Златокудрая, благая.
Верю в огненный союз!
Наших пальцев, наших танцев,
Наших звучных голосов,
Льщусь мечтой в веках остаться,
Услышать ответный зов.
Чтоб у внуков сохранился

К музам жгучий интерес
И душой своей смягчился
Неуступчивый Арес.*

ЭТНА

Вскипая яростью природной, она стучит из-под земли,
Давая знак, как ей угодно, чтоб в руки взять себя могли...
Вращает каменные реки, спускает вниз обломки скал,
Прощает сыновей огрехи, чтоб каждый ползающий встал.
И нет конца кровавым язвам. Не существует тех чернил,
Которыми Всевышний Разум Понятно тайны объяснил.

АНАКРЕОНТ (570/559–485/478 гг. до н. э.)

Крупный древнегреческий поэт, входящий в плеяду лучших Девяти поэтов Эллады, Анакреонт родился и жил в малоазийском городе с выразительным «божественным» названием Теос. Но через какое-то время город был захвачен персами, и поэту пришлось покинуть родину. Он даже принял участие в сопротивлении завоевателям, но, как призывался сам, особой доблести не проявил. Анакреонт значительную часть жизни провёл на чужбине – на острове Самос, во Фракии и в Фессалии. Ему много времени пришлось провести при дворах тиранов, где любили праздную жизнь и воспевалась лень и пирушки, поэтому у поэта была стойкая репутация гуляки праздного. Образованность, хорошие нравы и, наверное, врождённое обаяние и дипломатичность позволяли поэту ладить с тиранами и возносить им гимны. Они сами приглашали его в качестве наставника, и он принимал этот вызов судьбы. Так, он был наставником у Поликрата, а позднее у Гиппарха. Лукиан утверждает, что Анакреонт дожил до 85 лет.

Творчество Анакреонта, сохранившееся в отрывках, оказало большое влияние на европейскую поэтическую традицию. Люди так устроены, что если кто-то провозглашает полную свободу действий, всегда найдётся какой-то процент поборников подобной идеологии, готовых пойти за этим глашатаем. Поэзия Анакреонта несла в себе заряд гедонизма и культа удо-

вольствий. Составляющие этого культа – беспечность, любовь, женщины, вино, природа, радости жизни как таковые. Немудрено, что у него оказалось большое количество не просто поклонников, но и творческих подражателей. Подобные стихотворения поздней Античности, Возрождения и Просвещения были объединены в один большой сборник – «Анакреонтика». Он включает в себя произведения, которые были написаны подражателями поэта и впоследствии приписаны ему, причём убеждённости в его авторстве сохранялась долгое время. Этот сборник оказал огромное влияние на всю гедоническую поэзию XVI–XVIII веков. На Западе главными последователями Анакреонта считались такие крупные поэты как Парни, Шенье, Беранже, Лессинг. В России это были Кантемир, Ломоносов, Сумароков, Тредиаковский, Державин, Капнист, Львов, Жуковский, Батюшков, Дельвиг, Мей, Языков, Вересаев, Церетели, Голосовкер. Нельзя сказать, что вся поэзия этих авторов была гедонистической, но стихи подобного содержания они иногда с удовольствием писали. Даже Пушкина, переложившего Анакреонта, тоже нередко приписывали к кругу последователей классического любовного поэта Эллады.

Анакреонт умер, вернувшись на родину после долгой ссылки. Его имя в течение длительного времени было окружено почётом и восхищением. На афинском Акрополе и в галерее виллы Боргезе в Риме стоят статуи, посвящённые этому замечательному поэту.

Сединой покрылись кудри.
Охладел сердечный пыл.
Лет моих остаток скудный
Не воротить в сладкий тыл.

Парка строго дни считает.
Таргар новой тени ждёт.
Я старею. Время тает.
Равнодушен дней отсчёт.

Прошлых лет крутого спуда
Нам не сбросить никогда.
Не пришёл никто Оттуда.
Все спускаемся Туда.

* * *

Быку рога дала природа.
 Коню – удалый стук копыт.
 У зайца дар иного рода –
 Петлять, нестись! Таков их вид.

Львы оглашают воздух рыком.
 Дано уменье плавать рыбам.
 Летают птицы в облаках,
 Муж Истину хранит в веках.

А что же женщине досталось?
 Пленять мужчину красотой,
 Ввергать в любовную усталость.
 И даже сил лишать порой

За то, что множеством владеет...
 В руках мужчины меч и щит.
 А женщина любых злодеев
 Одной любовью укротит.

* * *

Узнаю коней ретивых
 По таврам на их спине.
 Узнаю врагов ревнивых
 По привычкам на войне.
 А любовников счастливых
 Понимаю по глазам.
 Как? Я тоже из блудливых.
 В том винюсь и каюсь сам.

* * *

Зачем, лукавый писарь,
 Мой поправляешь слог?
 Мне слов наскучил бисер,
 Как и страстей залог.

Премудрость надоела.
 Она не мой удел.
 Налей мне, кравчий, смело,
 Чтоб праздник загудел!

Я весь из плоти соткан
 И сам себе не мил,
 Чтоб посидеть с красоткой
 Уж не хватает сил.

Устал с судьбой бороться,
 Хмельную лень терплю.
 И знаю – всё придётся
 Забыть, что здесь люблю.

ЛУЧШЕМУ ДРУГУ (ОДА XLIII)

О счастливейший кузничик!
 Резво скачешь по траве.
 Лёгкостью твой путь расцвечен
 На прижизненной тропе.

Полетишь, куда захочешь,
 Радостью наполнен всклень*.
 И стрекочешь, и стрекочешь,
 Если солнце, целый день.

Незаметен серым тельцем
 Но хозяин нив и трав.
 Сотоварищ земледельцам,
 Как они, повсюду прав.

Распеваешь мало песен.
 Нем прохладными ночьюми.
 Божий мир тебе не тесен,
 Равен ты богам почти.

ПЛЯШУЩИЙ СТАРИК

Он, конечно, не красавец,
Но глядите, сколько сил
Этот с виду дряхлый старец
Напоследок сохранил.

Пляшет юношам на зависть.
Полагаю, в нём Господь
Поселил такую завязь,
Что растут и дух, и плоть.

* * *

Безотрадно – не любить,
Полюбить ещё грустнее.
Оставаться робким с нею –
Значит дело загубить.

Эрос топчет всё ногами –
Нежный возраст, важный чин.
Не считая нас врагами,
Губит женщин и мужчин.

Где найти из смуты выход?
Как ступить на путь добра?
Поневоле ищешь выгод
В кучах злата-серебра.

СОН

На перинах ночью лунной
Я нетрезвый как-то спал.
Снился сон, что к деве юной
С поцелуями припал.

А толпа юнцов зелёных
Мне бросает злой упрёк,

Мол, объятий даже сонных
У тебя закончен срок.

Просыпаюсь. Очевидно,
В самом деле перезрел.
Ну и сон! Душе обидно,
Что конец не досмотрел.

* * *

Воду пьёт земля сухая,
Пьют из недр земных моря,
Солнце и луна, вздыхая,
Пьют из луж, наверх маня.

Кто ж меня судить захочет,
Если с ними заодно
Пью с утра до самой ночи
Золотистое вино?!

* * *

Когда я пью вино,
Ловлю тревоги чувство,
Зане живу давно,
Могу и не очнуться...

Когда я пью вино,
Меня Природа нянчит.
Гляжу на жизнь в окно,
Как будто малый мальчик.

Когда я пью вино,
Готов всю жизнь прославить.
Хотя и вижу дно,
Куда могу добавить...

Когда я пью вино
Под песни молодёжи,
Считаю: решено,
Я с ней одно и то же.

Когда же пью вино,
Сочтя его за благо,
Ох, чую, что оно
Смертельная отвага!

* * *

Девицы «льстят» игриво:
«Вглядись-ка в зеркала,
Твоя седая грива
Давно уж отцвела.
А ты всё пьёшь да пляшешь...
Смешной старик, ответь?»
– «Встречаю детство наше.
Зовёт старуха-смерть».

III

Античная поэзия

Древний Рим
Лукреций Кар. Катулл. Гораций
Овидий. Сенека. Боэций

Римская литература и поэзия появляются примерно в III в. до н. э., в момент, когда Рим был уже самым крупным государством в Средиземноморском регионе. Римляне ощущали своё растущее могущество, и это убеждение отражалось в литературе, хотя их культурный уровень уступал грекам. Культура и письменная поэзия Древнего Рима испытывала с одной стороны воздействие устной традиции, а с другой – сильное греческое влияние. Латинский алфавит был создан при опоре на греческую матрицу, римские же боги во многом походили на греческих. Став провинцией Рима, Греция продолжала влиять на римскую литературу и непосредственно, через греческие колонии, которых было много на территории Римского государства, и косвенно. Большинство учёных, изучающих Античность, полагают, что бóльшая зрелость римской поэзии, по сравнению с греческой, объясняется тем, что римляне сумели быстро впитать её в своё художественное сознание и пойти дальше.

Начало римской литературы принято датировать 240 г. до н. э., когда вольноотпущенник Ливий Андроник (грек) создал и поставил первую драму на латинском языке. Затем пошли другие драмы, и стали появляться первые поэты. Поэзия Древнего Рима отличалась от греческой тем, что создавалась для граждан, имеющих время для досуга. Поэт профессионально развлекал богатую публику с помощью пьес и стихов подобно современным культурным организаторам. Более того, поэты были объединены в прообраз союза писателей со специфическим оттенком – в некую коллегию «писцов и ремесленников» при авентинском храме Минервы. Но позднее поэта возвели в статус пророка, создающего подобие стихотворных молитв и тем самым привлекающего милость богов. Римские поэты стремились создать что-то грандиозное по масштабу и охвату мысли.

Одним из первых самых ярких поэтов Рима был Тит Лукреций Кар, автор знаменитой поэмы «О природе вещей». Это была философская, дидактическая поэзия, пронизанная глубокими размышлениями мудре-

ца, посвященного в тайные знания об устройстве Вселенной. Позднее появляются поэты, тяготеющие к более лёгким, чисто лирическим жанрам, среди которых выделяется Гай Валерий Катулл.

Золотой век римской поэзии приходится на время правления Октавиана Августа. Становится популярным авторское чтение стихов перед публикой: на самых популярных поэтов сбегались толпы. Появляются многочисленные литературные партии и кружки, самым популярным среди которых оказывается кружок Гая Цильния Мецената, друга Августа, который сделал очень много для поддержки поэтов и поэзии того времени. Его имя со временем стало нарицательным. Он выдвинул на передовые позиции Горация и Вергилия и старался направить римскую литературу на укрепление мощи империи. В это время расцветают все жанры – сатиры, оды, элегии, эпические поэмы.

Выдающимся мастером в области сатиры, но прежде всего лирики был Квинт Гораций Флакк. Наибольшую популярность среди всех древнеримских поэтов снискал Вергилий, отдельные строки которого можно было найти на стенах, посуде, домашней утвари, их использовали как эпитафии, гадательные книги и даже как обоснование сакральности власти, как это делали римские императоры. Очень большую популярность и любовь народа заслужил своим творчеством Публий Овидий Назон.

Серебряным веком римской поэзии историки считают период после смерти Августа до конца правления Траяна (14 г. до н. э. – 117 г. н. э.). Это была эпоха тиранов, которые иногда поддерживали поэзию и даже устраивали состязания и давали премии, но атмосфера давления и террора угнетала сам дух поэзии. Крупными поэтами того времени, реализовавшими свой потенциал вопреки тискам тирании, были Лукан, Валерий Флакк, сатирики Персий, Ювенал и Марциал. Но самой значительной фигурой той эпохи был, безусловно, Сенека, глубокий философ и поэт, закончивший жизнь самоубийством по приказу своего подопечного императора Нерона. Его философская поэзия и «нравственные» письма к Постуму наполнены мудростью и красотой, которые и сегодня способны тронуть сердца читателей.

Из огромного разнообразия древнеримских поэтов для этой антологии выбраны только самые лучшие стихи (на взгляд автора переложений) – Лукреция, Катулла, Горация, Овидия, Сенеки и стихи «последнего римлянина» Боэция.

ТИТ ЛУКРЕЦИЙ КАР (99-55 ГГ. ДО Н. Э.)

Тит Лукреций Кар – известный римский поэт и философ-материалист, последователь Эпикура и страстный сторонник атомизма. Его поэтический трактат «О природе вещей» очень напоминает труд великого грека Гесиода «Труды и дни». Если говорить шире, здесь заключена философская модель Мироздания, а также даны ответы на самые насущные вопросы времени.

Лукреций родился в Помпеях, а умер в Риме в возрасте 44 лет. О его биографии почти ничего не известно. Предполагают, что он тяготел к сельскому быту, об этом свидетельствует его поэма. Другое предположение исходило из того, что мыслитель-поэт, возможно, происходил из богатой аристократической семьи, владевшей сельскими угодьями. Недостаток сведений компенсировался легендами: Светоний, ссылаясь на свидетельство Иеронима, писал, что Лукреций принял любовный напиток и потерял рассудок (эти предположения ничем не подтверждаются). Однако якобы именно в минуты просветления он написал объёмную поэму «О природе вещей», где его эпикурейские и атомистские воззрения были облечены в литературную форму. Лукреций выступал за свободу человека, при этом признаёт реальность богов и невидимого мира. Он воспевал мудрость и безмятежность, отвергал идею смерти, утверждал бессмертие человеческой души. Однако поскольку Лукреций не слишком часто упоминал римских богов, его записали в материалисты, которым он на самом деле не был, хотя и верил в то, что атомы играют огромную роль в строительстве Вселенной.

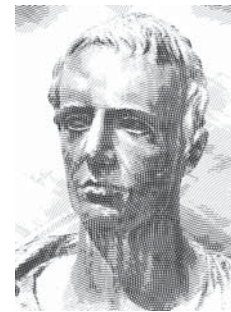
Лукреций часто говорил о всеобщей причинно-следственной связи. Приводимый здесь отрывок поэмы с разных сторон предлагает человеку осознать суть этого закона и даже предлагает его формулу: из ничего ничего не возникает.

О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ (ОТРЫВОК)

Страх из души людям должно убрать и развеять.
Солнца дневного лучи по сердечному полю рассеять.
Даже природа своим поведением и мощной рукою

Знак подаёт, что желанно ей действие такое.
 Всё в необъятной Вселенной свои полагает причины.
 Жёны ключи к пониманью способны найти и мужчины.
 Из ничего никогда и нигде не рождается Нечто.
 Истину эту простейшую стоит запомнить навечно.
 Мир невозможно создать без присутствия женщин.
 В неравноправье полов коренится наличие трещин.
 Если бы из Ничего появлялись действительно вещи,
 Мир сей из лучшего стал бы мгновенно зловещим.
 Так, из морей в чешуе возникали бы разные люди.
 Впрочем, подобное есть, или некогда будет.
 Всё, что явилось во снах, что мы видим и слышим,
 Было и есть у бессмертного Знания свыше.
 Но коли хочешь создать высочайшее что-то,
 Помни: нужна непрерывная в мыслях работа.
 Мысль есть творящее неистребимое семя.
 Только она госпожа над деяньями всеми.
 Вообрази: труд повсюду закончился, разве
 Что-то начнётся ещё, окромя безобразья?
 Сказано при Сотвореньи, скажи и сегодня –
 Всюду над нами простёрта десница Господня.
 И точно так же в пределах известной округи
 Наши приложены думы и разнообразные руки.
 Если сложить воедино и Божье, и наше решенье,
 Выйдет храненье, строительство и разрушенье.
 Было когда-то – Землёю командовал Хаос.
 Наша планета в великом огне колыхалась.
 В этой борьбе изнемог даже сам Вседержитель,
 Он попросил, чтобы дан Ему был заместитель.
 Так уж устроена эта Вселенная наша,
 Их у Творца не одна непочатая чаша.
 А вот порядок везде нерушим, одинаков.
 Он подчинён неизменной семье Зодиаков.
 Их, как считают учёные, ровно двенадцать.
 И без их помощи некуда смертным деваться.
 Если бы из Ничего возникали явленья,
 Наша Земля пребывала бы в тягостной лени.

Люди и звери срывались бы с ясного неба
 По непонятным велениям Зевса и Феба.*
 И на деревьях плоды изначально водились,
 Словно они с незапамятных пор заблудились.
 Могут спросить, как возникло «материя» слово?
 В слове самом ничего ни плохого, ни злого.
 Мы порожаем слова, наполняем их цветом.
 Зиму зовём окончаньем, любимся летом.
 Каждый имеет права на значение «Матерь»,
 Так как чего-то конечного вечный создатель.
 Вот почему Созидатель всего и хранитель
 Подстраховался подобием – мой «заместитель».
 Нам до конца не узнать ни себя, ни богов –
 Смысл моего сочиненья, читатель, таков.
 Не потому, что дырява твоя и моя голова,
 А потому, что природа людей и вещей такова.

ГАЙ ВАЛЕРИЙ КАТУЛЛ
 (ОКОЛО 84 – ОКОЛО 54 ГГ. ДО Н. Э.)

Великий римский поэт времён Цицерона и Юлия Цезаря прожил короткую, но очень яркую, насыщенную событиями и накалом страстей жизнь. Он родился около 84 года до н. э. в Вероне. Катулл принадлежал к знатной семье землевладельцев – известно, что в доме его отца останавливался сам Цезарь. У отца было несколько вилл, которые впоследствии отошли молодому поэту. Катулл, стремясь найти своё поприще, как свойственно молодым людям, рано переехал в Рим и вошёл в круги творческой молодёжи, занимавшейся поэзией. Он рано начал писать стихи и легко получил известность. Поэт общался с такими известными людьми Рима как Цицерон, Корнелий Непот, Гортензий. Весь этот круг находился в оппозиции к Цезарю, и это повлияло на отношение Катуллы к правителю Рима: поэт не только не пытался водить дружбу с руководителем государства, как делал его отец, но, напротив, писал на него едкие эпиграммы.

По характеру Катулл был пылким, с острым насмешливым умом, изменчивым настроением, предан поэзии и красоте. Он никогда не был женат и не оставил после себя потомства. Творчество Катулла, которого считают основателем римской лирики, разнообразно. Прежде всего, это любовные стихотворения, посвящённые женщине по имени Клодия (у поэта она выведена под именем Лесбия, о чём миру поведал автор «Золотого осла» Апулей). Вначале та вызывала у него восхищение, а затем ненависть и отвращение по причине своих измен. Но ещё это и послания к многочисленным друзьям и приятелям (они носили как дружественный, так и порицающий и даже ругательный характер), и гимны, и оды, и свадебные песни, и элегии, демонстрирующие мифологическую учёность поэта, и политические стихи, в которых он проявил себя ярким республиканцем. Катулл писал не столько о мифологических героях, сколько о себе и собственных переживаниях. Его поэзия с одной стороны была возвышенной, а с другой использовала элементы разговорного стиля.

Исследователи полагают, что Катулл слишком часто увлекался поэтическими шалостями и пересказом мифологических сюжетов, что порой заглушало искренность его поэтического чувства. Избыток игрового начала, против чего резко выступал набиравший силы и вес Гораций, и ярко выраженная республиканская направленность его поэзии, которая была явно не по нраву Октавиану Августу, снизила известность Катулла при его жизни и в ближайшие годы после смерти. В целом его творчество признавали и Овидий, и Проперций, но стихи Катулла так и не включили в школьные программы того времени. Его славу затмили такие гении пера как Гораций, Вергилий и Овидий. Подлинная известность пришла к Катуллу после его смерти в конце первого тысячелетия – его стихи увлекли таких крупных поэтов более позднего периода как Марциал, Плиний Старший и Геллий. В Средние века стихи Катулла были вовсе утрачены. Но единственный экземпляр стихов поэта, найденный в Вероне и содержащий 113 стихотворений, сохранил его творчество для потомков.

Тем не менее в своей любовной лирике Катулл остаётся непревзойдённым мастером передачи живого чувства, искренности, страстности и возвышенного отношения к женщине. Лесбия для Катулла – всё, она, как повествуют строки его лирики, «богов превыше». Многие поэты

Древнего Рима и последующих эпох склоняли головы перед Катуллом как несравненным поэтом и учителем в области любовной лирики.

ЛЮБОВЬ

Мнится мне, Она богов превыше,
Хоть и знаю – это только сон.
Если милой голос где-то слышен –
Порчу на меня наводит он.
Смех её приводит в трепет тело,
Сам куда не знаю тело деть?
Ох, взяла бы плоть да улетела...
Где ей пасть и как беду терпеть?!
Что-то бормочу и умолкаю.
Отведён на разговоры день.
Вот ведь несуразица какая! –
И хочу, и шевелиться лень.
Наконец, желанье подкупила,
Отдаю его соблазну власть.
Сколько же талантов погубила
Купидона пагубная страсть!

ЛЕСБИИ*

Заживём, лишь друг друга любя!
Пусть завидует нам неудача.
Благоденствую, видя тебя,
Своих чувств и желаний не пряча.
Солнце прячет себя в небосвод,
Страсть приходит, желанья балуя,
До утра в моём сердце живёт,
Молча ждёт твоего поцелуя.
Дай же тысячу их, и ещё, и ещё...
Потеряем подсчёты и даты.
Мои ласки встречай горячо,
Как сраженья лихие солдаты...

* * *

Хочешь знать число лобзаний юных,
Тех, что получил от Лесбии Катулл?
Сосчитай песок в ливийских дюнах
Весь, включая тот, что ветер сдул.
А ветра, они всё время дуют,
Ведь песчинки в Африке кочуют...
Или звёзды в небе посчитай.
Я их не считал, вкушая рай.

* * *

Милая давненько обещает,
Что женою сделается мне,
Пусть хоть сам Юпитер обольщает...
Запишу на ветреной волне.

ИГРА

Лесбия Гая Катулла, как скверный пример,
Громко так мужа поносит, искусно играя.
Это супругу её словно музыка сфер.
Впрочем, основа игры совершенно другая.
Если молчит – равнодушна сегодня ко мне,
Если кипит и страстями клокочет,
Значит, любви моей очень уж хочет.
Так её чую в душевной своей глубине.

ИЗМЕНА И ЛОЖЬ

Ты прошептала однажды порою вечерней,
Что и Юпитер в сравненье с Катуллом немил.
Я к тебе тоже тянулся не похотью черни –
Бережно душу родную всем сердцем любил.
Ныне прозрел, хотя крепче меня обнимаешь.
Спросишь, о чём я? Колотит любовника дрожь.
Ты хорошо и давно уже всё понимаешь –
В нашу любовь допустила измену и ложь.

ОТЧАЯНЬЕ

Лесбия, Лесбия, что же случилось с тобой?
Нашу любовь – дар божественно-сладкий –
Делишь с поклонников жадной толпой,
С их похотливою, грязной повадкой!

* * *

И ненавижу, и люблю. Двойное чувство гложет.
Они различны – но при этом странно схожи!

КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК
(65–8 гг. до н. э.)

Знаменитый древнеримский поэт, которому выпало счастье жить и творить в период прекращения гражданских войн Рима, Квинт Гораций Флакк родился в семье «вольноотпущенника», что определённым образом повлияло на его мироощущение и творчество. Отец стремился дать сыну хорошее образование и ради этого бросил спокойную провинциальную жизнь и переехал в Рим, где работал на рынках комиссионером, получая свой процент с каждой сделки. Упорным трудом отец сколотил состояние, позволившее его сыну получить самое лучшее образование, изучить греческую литературу и философию и постепенно войти в круг римской аристократии. Во время гражданской войны, начавшейся в Риме, Гораций примкнул к Бруту и стал поддерживать идею республики. После поражения Брута и разгрома его армии пересмотрел свои взгляды в отношении республиканской идеологии. Родовое имущество Горация было разграблено. После возвращения в Рим работал писцом, затем секретарём, а в свободное время писал стихи и поэмы. Вошёл в круг Гая Цильния Мецената, при этом проявлял осмотрительность и не соглашался на роль придворного поэта.

Гораций во всём придерживался принципа «золотой середины», любил чувствовать себя самодостаточным и потому не принял выгодного предложения Октавиана Августа стать его личным секретарём – настолько нравилось верховному правителю Рима его поэтическое

мастерство. Даже когда поэт получал подарки от людей власти, в частности имение в Сабинских горах, он всё равно старался сохранять независимость, и самое интересное, что ему это удавалось.

Гораций пробовал себя в самых разных жанрах и писал сатиры, лирику, философские стихи, церемониальные гимны, военные славословия, оды. Общий настрой его творчества – жизнеутверждающая серьёзность, благожелательный настрой к людям, стоическое отношение к трудностям, возвеличивание добродетели, воинской доблести, почтительное отношение к государству, культ гражданственности, спокойная жизнь на лоне природы, проповедь гармонии и умеренности. Августа, правившего в то время Римом, это полностью устраивало. В какой-то момент получил признание на уровне главного официального поэта, чьи произведения по случаю праздников читались в храмах. Иногда его творчество выходит за пределы лирического монолога, и Гораций вводит в свои произведения образ собеседника, с которым ведёт философский разговор и аргументацию которого разбивает.

Гораций был самым популярным и самым широко издаваемым поэтом Римской античности. Он осознавал своё значение как поэта и потому написал свой «Памятник», к идее которого возвращались позднее самые разные поэты. Произведения Горация привлекали не только современников, но и потомков. В России им увлекались Ломоносов, Кантемир, Жуковский, Пушкин, Брюсов.

Гораций умер внезапно, в возрасте 59 лет. Как государственный человек, преданный идее Рима, он завещал всё своё имущество Октавиану Августу.

К МЕЛЬПОМЕНЕ*

Кто не желает получить ненужного врага
Не ждёт от Парки премии удачной,
Тот не отправится на конские бега,
Не вступит с драчунами в бой кулачный.

Такого не заманит воинский триумф
Победы над заносчивым соседом.
И никогда подобному не явится на ум
Нелепое желанье радоваться бедам.

Поэт охотно повторит в стихах
Ручья журчанье, листьев лепет нежный,
Своё прославив имя в будущих веках...
Итак, я именно поэт, простой и прежний.

Доволен тем, что стал избранником богов,
Что окружающие страсти не пугают,
Что зависть и вражда – не спуд моих оков,
Что старики и молодёжь певца оберегают.

С себя же не снимаю обязательств груз –
Покуда силы человека не покинут
Крепить художников и муз живой союз,
Всем сердцем славить мудрую богиню!

ПОЭТУ

О чём ты молишься, поэт, посланник Неба,
Наполнив кубок струями вина?
Ведь цель твоих молитв – не просьбы хлеба
И не утехи человеческого дна.

Тебя не радуют изысканные блюда,
Не беспокоят таинства могил,
Тем более края загробные, откуда
Никто ещё в наш мир не приходил.

Не ждёшь упавшего с небес наследства,
Дворцов, имений, украшений, стад...
Короче, возвращенья в умственное детство,
Чему ты, возмужавший, издавна не рад.

Счастливый обладатель песенного дара,
На свете многое сумел ты изучить,
И не затем богами вручена тебе кифара,
Чтоб в пустоте таланту твоему пришлось почтить.

ПАМЯТНИК

Создал памятник я, выше всех пирамид,
Крепче камня, надёжнее бронзы,
Даже мрачная полночь его не затмит,
Уничтожить не смогут жестокие грозы.

И грядущих веков неизбежный урон
Не затронет певца полнозвучную славу.
Моя лучшая часть избежит похорон
И останется в жизни потомков по праву.

Я продолжил служенье имперским ветрам
И народам, открытым Эолу, доколе*
Жрец и дева торжественно шествуют в храм
И священный стоит на холмах Капитолий.**

Мои песни проникли, минуя замки,
И в хоромы вельмож, и в дворцы Мецената,***
И в дома поселян, где живут бедняки.
Мне же пышных даров и богатства не надо.

Но воспеть бы красоты полей и лесов,
И прославить сезонные все перемены.
Повинуясь указам рассветов и снов,
Исполняя веленья святой Мельпомены.

ЗИМНЯЯ ПОРА

Вот, наконец, под толщей снеговой
Столетние деревья низко гнутся,
Но кипарисы стуже не сдаются,
Упёрлись в небо тёмно-синей головой.
Не стоит ждать, что северные ветры
Уменьшат стужу за твоим окном.
Подбрось в очаг ещё поленьев светлых,
Неразведённым ублажись вином.
Пускай охватит сон тебя внезапно –
Не отвергай его объятья и дымы.

Не бойся, что случиться может завтра,
Прими существованье нынешней зимы.
И не предай ворчливой укоризне
Подсмотренные ласки молодых.
Для уходящих нас в ряды седых –
Они залог бессмертия и жизни.

ПОСТУМУ*

О Постум! Постум! В поднебесье рея,
Какой молитвою, надолго ли, когда
Мы можем отодвинуть наступающее время,
Морщин и постаренья нежеланные года?

Хотя Плутона почитаем всей душою,**
И Парки строгие пока радушны нам,***
Невидимых богов – служенье всем чужое.
Тревожно потому глядим по сторонам.

Боимся, что отнимет память Лета,****
Стремимся здесь мучительно понять,
Что делать ныне? То, быть может, это?
Чтоб место Там достойное занять.

Нас беспокоит достоверность мифа
О нашей участи – блаженные сады
Или заведомая каторга Сизифа,
На бесконечность обречённые труды,

Такие мысли для кого-то лишь обуза.
Задавленные тяжестью забот,
Есть головы, не терпящие груза
Излишних мыслей. Выделяют пот.

Простим подобных, думают, как могут.
Печальны судьбы только нищих тех,
Кто, собираясь в смертную дорогу,
Не ведал ничего, кроме утех.

ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН
(43 г. до н. э. - 17/18 г. н. э.)

Крупнейший поэт Античности, живший в Древнем Риме во времена Октавиана Августа, а затем Тибериуса – в самый расцвет Римской империи. Родился в знатной семье, его отец принадлежал к сословию всадников. Овидий получил прекрасное образование. С юных лет ощутил тягу к поэзии. Пробовал себя на государственной службе, но не преуспел. Столь же непростым был путь молодого поэта к семейному счастью. Найти любимую женщину, с которой был бы счастлив, удалось Овидию только с третьей попытки. Зато в поэзии удача настигла его быстро. Поэта заметили и благосклонно к нему отнеслись и широкая публика, и самые известные стихотворцы того времени – Проперций и Гораций. Он писал легко, свободно, остроумно и весьма смело. Потомкам Овидий знаком благодаря своей любовной лирике, о которой нужно сказать отдельно, и объёмной поэме «Метаморфозы», повествующей об изменчивости мироздания и превращении явлений природы друг в друга. В «Метаморфозах» речь идёт о сотворении мира, Всемирном потопе, мировом пожаре, появлении и развитии человечества, поданном через призму древнегреческих мифов. Рука поэта запечатлела похождения богов, богинь, героев, изложила 200 мифов о превращениях людей в явления природы, явлений природы в другие явления, рассказала о Троянской войне, настоящем и будущем Рима. Мироздание изменчиво, никакая форма не сохраняется, вечна лишь душа, сохраняющая своё ядро, несмотря на переходы форм.

«Искусство любви» – это цикл дидактических элегий, обессмертивший имя Овидия на тысячелетия. Они посвящены животрепещущей во все времена теме взаимоотношения полов. Поэт во время создания цикла достиг полной зрелости, ему было 41 или 42 года. Он хорошо понял природу женщины, готовой к любви, и изложил уроки её обольщения мужчиной. Этому он посвятил две части своей поэмы, а третья учит женщину искусству обольщения мужчины.

Следует отметить, что Рим времён Августа и Тибериуса ещё не дошёл до той степени вольности нравов, которая была присуща позднему Городу на семи холмах. Рим в период своего расцвета был государством,

где понятие нравственности и морали играло важную регулирующую роль. Ни публика, ни власть отнюдь не аплодировали смелому поэту. Овидий был вынужден оправдываться перед властями и придумывать разные не очень убедительные объяснения, что он сочинил эту поэму в помощь вольноотпущенницам и чужестранкам, которых в Риме всегда было очень много и которым вести себя строго было необязательно.

Но это не помогло: император Октавиан Август, пытавшийся возродить нравственность и поощрявший брак и деторождение с помощью соответствующих законов, был возмущён проповедью распущенности в творчестве Овидия (так он воспринял поэму «Искусство любви»). Он высылает поэта на север страны в далёкий греческий городок Томи. Овидий оказался здесь надолго: указ об изгнании был подтверждён после смерти Августа Тибериусом. Поэт сильно тосковал по Риму, пытался разжалобить императора, писал «Скорбные элегии», но власть была непреклонна. Тема любви не отпускала поэта, и через какое-то время он создал ещё одну поэму «Лекарство от любви», где давал советы мужчинам, стремящимся избавиться от назойливых жён, и тем людям, кто испытывал страдания от неразделённой любви и от последствий слишком сильной страсти. Умер поэт в возрасте 59 лет, написав своё последнее произведение «Письма с Понта».

ИСКУССТВО ЛЮБВИ (В СОКРАЩЕНИИ)

Что женщин недоступных нет, в том будь уверен,
Ты только сеть для их отлова шире растяни
И приготовься, как к удачам, так, увы, к потерям,
Охотники вдобавок и мужчины, и они.
Скорей исчезнут летом все цветы и краски,
Псы зайцев перестанут по траве гонять,
Чем дамы с девами отвергнут наши ласки
Или позволят их кому-нибудь отнять.
Конечно, лилия своя во всякой деве зреет,
Но в целом – мы попроще, жёны похитрее.

...Запомни: чтобы она всегда была с тобой,
Ты прелести (и крепости) её хвалить обязан,
Вплоть до того, что, мол, теряю разум.

Хотя на трезвом очень крепко стой.
 Украшена – скажи, что ярче изумруда,
 Наряжена – то кожа бархата нежней.
 И вообще твоя возлюбленная чудо!
 Но лишней похвалы, смотри, не перелей!
 А вдруг тебя окажется красавица умней,
 И повредит еляя предостаточная влага...

...Ещё совет: ты должен стать началом шага
 К сближению. Но если возразишь – пускай она
 Свой совершит шажок первоначальный,
 Конец возможен для любви печальный.
 И будет в том одна твоя вина.
 Её, во-первых, обратишь в причину гнева.
 Начнёт свою законную и хитрую игру
 Тобой напрасно растревоженная дева,
 И все её «шаги» не приведут к добру...
 А во-вторых, своё лицо переоценишь
 И собственные плюсы в минусы изменишь.

...Чтобы успешно на земле, как мир стара,
 Прошла не нами учреждённая игра,
 Ты должен подчиниться своду правил,
 Который людям сонм богов оставил.
 Я повторяю: первым начинаешь ты
 Атаку на твердыню женской красоты.
 И, совершая свой первичный приступ,
 На слово не скупись, побудь артистом,
 Поскольку в каждом деле мера хороша
 И женщине скучна нетерпеливая душа
 Мужчины, ищущего только тела дамы.
 Несносны оба в старости тогда мы.

...Набор любовных поучений слишком густ.
 Язык же неуклюж, упрям, тяжеловесен.
 Нередко взгляд один красноречивей уст,
 Он вразумительней стихов и звонких песен.

Но всё-таки не забывай любовные слова.
 Чем искренней они – тем чище и надёжней.
 Особенно вести себя старайся осторожней,
 Когда на хитрости пустилась голова.
 Любой девице ведома последняя награда,
 Которую продать бы подороже надо.

...Не дело человека – изменять судьбу.
 Раз ищешь связи – привирай, но складно.
 И дева, коль невмоготу, отдаст бесплатно
 Свои дары, не заводя ненужную борьбу
 С торговлей вместе. Так велит природа.
 На обещанья слов красивых не жалеи.
 Но никогда насильничать не смей!
 Любви сестра – благословенная свобода.
 Пусть о желаньях дева думает сама.
 На это у неё довольно здравого ума.
 Хотя насилие – не только от мужчины...
 У дам есть тоже на него свои причины.

...Два слова о подарках, тех, что стоят денег.
 И наилучший изо всех – букет живых цветов.
 К нему любой характер жён всегда готов.
 Но свет, конечно, не обходится без тени.
 Уж так устроены богини наших дум,
 Что вещи любят их уменья, вкусы, ум.
 Поскольку платят дань натурою реальной,
 То и подарок чтят вполне материальный.
 Да впрочем, вещи чтить способен также муж –
 Который создавать умеет их к тому ж!

...Не остановишь зрелой дамы от желаний
 Ни страхом, ни приказом, ни замком.
 Умчится на манер игривой лани
 К желанному предмету прямиком.
 Обман, соблазн, уловка, лесть, коварство –
 На это женщины большие мастера!

Любовь для них – врождённая игра,
А ревность – словно жгучее лекарство.
Не стану исключений редких поминать,
Пусть дамы честные не злятся на меня.

...Известны жёнам сладости пороков.
Понятно, тайные приходится скрывать.
Здесь помогает молчаливая кровать,
Где нет нужды в звучании упрёков.
Не стоит их и близким выдавать.
Ведь тайна позовёт суждений рать.
В делах любви она поддержки не окажет,
А кривотолками да сплетнями накажет.
Приходится, к несчастью, повторять азы:
Бывает длинным женский и мужской язык.

...Мечусь на жизненной тропе туда-сюда,
Хотя для суеты не нахожу причины.
Ведь жизнь струится, словно сонная вода,
И песни продолжают во славу Эрицины.*
Не требует прибавки лишней небо звёзд,
И всем достаточно для жизни половинок.
Закон житейский тоже очень прост –
Раздор не превращай в кровавый поединок.
За исключением, коль богам нужна война,
Когда негодными людьми земля заселена.

...Итак, известно каждому на свете:
Любовь мертва без окаянных сплетен.
Но также точно не хочу и не могу
Желать её расстройств лютому врагу.
Пусть ярая отнимет сон глубокий
И лягут на папирус недописанными строки.
Пускай возлюбленная жадно пыл крадёт.
Зато любовь пускай в сердцах не пропадёт.
И воссияет на земном пространстве
В разнообразии измен и в постоянстве.

...В дозволенном, конечно, вкуса нет.
Отказ острей натуру пробуждает,
Ещё сильнее действует запрет.
Но чувство неизменно побеждает.
Мы все – любовники на деле и в мечтах,
Случаются провалы, и успех не вечен,
Но что надежды, неудачи, страх...
Наш каждый шаг любовью обеспечен!
Открою истину тебе, читатель-друг:
Знать не хочу того, что добыто без мук.

...Что в жизни достается без усилий,
С тем равнодушно расстаётся человек.
Зимы, к примеру, люди не просили,
Весной спокойно отпускают снег.
Но каждая отдельная снежинка –
По виду даже дивная картинка.
А сколько пользы обретаем мы
От пасмурной, докучливой зимы!
К чему я? Для утех любви услада
Первична. Но отказы тоже надо,
Иначе съест неудержимый раж
Все силы, что любимому отдашь.

...Любая женщина считает, что достойна
Мужских желаний, даже если дурен лик.
Делёжка жён вела к жестоким войнам.
Бывало, государства исчезали вмиг.
И то сказать, случалось, что притворно
Мужи привязывались к женской красоте.
Год вместе поживут, глядишь, повторно
От лицедейства повернулись к простоте.
В семейной жизни красота бывает лишней.
Она потребна к сроку созревания вишне.

...Приятна красота, когда обходится без лести.
Они в тиши и в разделенье, правда, не живут,

Предпочитают находиться в суеде и вместе...
 Красе же между тем необходим и труд.
 Проигрывает, если без разумного ухода.
 Оправа камню драгоценному нужна.
 А власть излишеств женщине вредна,
 Когда теряет естество её природа.
 Не вешайте на уши, что положено перстам
 И вынуждает осторожно улыбаться дам.
 Но если дева плохо смотрит за собою,
 Мужские качества всегда тому виною.

...Старайся, дева, избежать мужской породы той,
 Что озбочена сверх меры личной красотой,
 Расчёсаны чьи кудри волос к волоску.
 Такой, во-первых, погребёт тебя в тоску.
 А во-вторых, он встречной-поперечной
 В любви клянётся пламенной и вечной.
 Ведь мы в непостоянстве хуже жён.
 И не был бы огонь войны зажжён,
 Не высади ахеяне десанта,
 Поверив, что права была Кассандра.**

...Бывает, что любовь – накидка для обмана,
 Чтоб выгоду постыдную извлечь.
 Лукавцев отстраняйте дольками тумана,
 В который вас сумели нечестивые завлечь.
 Юнцу-зазнайке тоже отвечайте на посулы,
 Ничуть пред явной фальшью не пасуя,
 Что может уповать бедняга на венок
 (Чтоб веник по ошибке вдруг не уволок).

...Советую полам не торопиться на поклёвки;
 Отказы делают любовь всегда сильней.
 С ответом не тяните. От густой шпаклёвки***
 Окно темней и небо не становится синей.
 Слова в письме да будут милы, но без вычур.
 На будущих друзей несчастий не накличут.

В любви неизощрённой шансы на успех
 Куда точней. Конечно, тоже не у всех.
 Но стыд гоните от себя позорный,
 Понятно, если только не притворный.
 Давно поэт любовникам твердит:
 Притворный помогает, а естественный вредит.

...Конец скитаниям моим в морях любви
 Уж недалёк. Прошу тебя, читатель,
 Иметь в виду (напоминаю, кстати):
 Ты не слова – ты общий смысл лови.
 Любовь – всегда приятие чего-то,
 И отвержение порою не во вред,
 Но часто неотложная работа.
 Премудро боги сотворили Свет.

Одна земля нужна для винограда,
 Другая для пшеницы, третья для олив...
 Десятой нужен тщательный полив,
 Но разнотравью ничего не надо.

...Так в царстве стеблей дело обстоит.
 Куда сложнее человек и твари.
 Где особь на своём характере стоит,
 Свои привычки мирозданию дарит.
 Спокойный нором у слона, иной у льва,
 Трубящих по-хозяйски на природу.
 А человеку вручена вдобавок голова,
 Которой он мутит привычно воду.
 Соседям отрывает как излишек,
 Итак, пора к причалу кораблю.
 В любви словесные длинноты не люблю.

МЕТАМОРФОЗЫ

(Фрагмент)

Не было моря, земли и простёртого Неба над ними.
 Лик был природы единым и нерасчленённым.
 Слово «хаос» для Него не вполне подходящее имя,
 Ибо Оно не служило известным законам.
 Миру никто ещё света не дал из Титанов;
 Чередование дней и ночей не содеял послушным,
 Не учредил на земле мировых океанов,
 Комом висела земля в океане воздушном.
 Всё пребывало в раздорах незрячих, текучих,
 Холод укрылся теплом, свет приютился на тучах,
 Высшие Силы конец положили слепому Абсурду,
 Небо с землёй разделив, океаны и суши.
 Каждому место назначив, еду и посуду,
 Также придав всем явлениям и сущностям души.
 Сила огня устремилась к небесному своду,
 Там себе взяв самый верх Мироздания.
 Воздух устроился ниже, а землю и воду
 Бог разместил на низах своего состоянья.
 Бог... А какой? Никому не известный
 Взял и навёл сохранившийся ныне порядок.
 Многим сегодня весьма надоевший и пресный.
 Сами не знаем, какой нам, мятущимся, надо.
 (...)

И лишь одно существо не пришло, что могло бы
 Стать заместителем Высшего, мир опекая.
 Сила пришла, но она оказалась другая.
 С ней человек, полный грубости, зависти, злобы...

СОЖЖЕНИЕ «МЕТАМОРФОЗ»

(Письмо в Рим другу)

Если мой старый портрет у тебя сохранился,
 Прежний лавровый венок с головы моей сбрось.
 Я ведь судьбой и обличем давно изменился,
 Сердцем храня неизменную добрую ось.

Что говорю! Стану радостной капелькой слёзной,
 Чтобы тоску не нагнало моё письмецо
 Из придунайской степи, диковатой, морозной...
 Носишь ли, друг мой, дарёное мною кольцо?
 Место, где ныне живу, называется Томы.
 Встречи былые с тобой вспоминаю, как сон.
 Голос твой слышу в пространстве знакомый:
 «Где ты, дружище и мой собутыльник Назон?!»
 Благодарю за любовь и тебя, и друзей. Сохраните
 Только стихи мои в море событий и гроз.
 В них мой портрет и грядущие долгие нити
 С прахом былых и вступающих метаморфоз.
 Я же свои рассужденья и строки об этом
 Без сожалений земному огню предаю.
 Мир перемен ожидающим Музы поэтам;
 Хочется верить, надёжным сердцам отдаю.
 Да, уходя, свою главную книгу сжигаю;
 Знаю, поэту и книге погибель уже не грозит.
 Мне – потому что юдоль ожидает другая.
 Ну а над книгой – друзей несгораемый щит.
 Больше всего меня будет тревожить на Небе
 То, что не всё и не так, как хотел бы, сказал.
 «Метаморфозы» мои и грубы, и шершавы как щебень.
 И превращенья в изящную нить не связал.
 Да, не сумел завершить я последнее дело.
 Труд ещё молота ждёт, потому что горяч.
 Но, чтобы сделать удар, обессилело тело.
 На совершенство уже не способен – незряч.
 Всё-таки верю, что жизнь, переменится скоро,
 Слава поэта за гробом найдёт – заслужил.
 Тем, что прославил я сей удивительный Город,*
 Что наслаждался, страдал и просто в нём жил.
 Также прости, что в письме моём мало улыбки.
 И за конечный в печальной в судьбе неуспех.
 И что в трудах своих всюду встречаю ошибки.
 А вот исправить при жизни, увы, не успел.

ЛУЦИЙ АННЕЙ СЕНЕКА (4 Г. ДО Н. Э. – 65 Г. Н. Э.)

Крупнейший римский философ-стоик, ритор, поэт и государственный деятель Рима Луций Анней Сенека много сделал для укрепления могущества Рима и даже был воспитателем императора Нерона, пытаясь облагородить его дурную наследственность. Однако эксперимент не удался – подопечный, став верховным прави-

телем могущественного государства, вначале слушал Сенеку и воздавал ему почести, но в итоге предал учителя и приказал ему покончить жизнь самоубийством. Сенека был человеком компромисса, и ему нередко приходилось участвовать в не очень благовидных государственных делах – не по причине подлости своей натуры, а скорее по причине недостатка силы и невозможности сопротивляться насилию.

Сенека прошёл очень большой путь – получил блестящее образование, учился у пифагорейцев и лучших стоиков того времени, был блестящим оратором, в какой-то момент вошёл в сенат и занял там прочное место. Не вписавшись в политический расклад сил при императоре Клавдии, восемь лет провёл в ссылке на Корсике. После прихода к власти 16-летнего Нерона Сенека в течение нескольких лет фактически возглавлял страну и её внешнюю политику. Он сделался наставником Нерона, пытался каким-то образом повлиять на сознание молодого правителя в лучшую сторону, получил должность консула-суффекта – фактически конституционного главы страны. К тому времени его богатство достигло огромных размеров. Между тем атмосфера в стране приобретала всё более зловещие черты. Нерон убил свою мать Агриппину и заставил Сенеку писать текст своего выступления в Сенате, где оправдывал собственные беззакония. При всей своей дипломатичности и готовности к компромиссам Сенека не соглашался участвовать в репрессиях против противников Нерона и против христиан, что вызвало ярость императора и его сторонников. Сенека решил выйти из игры и подал в отставку, при этом оставив всё своё огромное богатство императору.

Однако это не спасло его, приблизившегося к власти на опасное расстояние, от гибели. После того как был раскрыт заговор сенатора Пизо-

на и кто-то из заговорщиков указал на участие в этой затее Сенеки, Нерон, тяготившийся моральным авторитетом своего наставника, который одним своим присутствием сдерживал разнузданное властолюбие императора, приказал Сенеке самому выбрать способ казни. Тот вскрыл себе вены и вошёл в горячую ванну.

Своей проповедью смирения и мужественного перенесения трудностей бытия Сенека из всей античной поэзии и философии был, пожалуй, наиболее близок духу христианства, о котором он не мог не знать. Поскольку по времени жизнь Сенеки и приход христианства совпадали, а идейно позиции христианства и стоицизма в изложении римского философа были близки, Сенеку уже при жизни считали «почти христианином». Утверждали, что он переписывался с апостолом Павлом, что опять-таки по времени было возможно, но документально никак не подтверждено. Если брать во внимание осторожный характер философа, подобная переписка едва ли могла осуществиться: в поздний период правления Нерона христиан жестоко преследовали. Сенека мог отказываться от участия в этом преследовании, но рисковать жизнью, вступая в переписку с мятежным апостолом, вряд ли стал бы.

Стихи Сенеки представляют собой поэтический вариант его писем к Луцилию, написанных прозой. Они говорят о том же, о чём повествуют его письменные послания, – о любви, о времени, о философии жизненных перемен, о победе над страхом смерти, о жизненном и духовном пути. Луцилий – младший современник Сенеки, прокуратор Сицилии, с которым мудрец на склоне лет решил поделиться своей мудростью. Эти письма оказались самыми популярными и востребованными сочинениями философа, которые начали читать ещё со Средних веков и продолжают читать до сих пор.

ПИСЬМА ЛУЦИЛИЮ ОБ ИСПРАВЛЕНИИ ПОРОКОВ

Луцилия приветствует Сенека!
У нас с тобою разные пути.
Но дабы Нечто общее кумекать,
Необходимо все пороки соскрести.
Коль нам за сорок, нас не переделать.
И где найти Великого Врача?
Не станем назначать себе предела,

Когда и как сгорит своя свеча?
 Предпочитаю неудачником остаться,
 Чем праведный совет перечеркнуть,
 Тем более коль дан великим старцем,
 Который нас наставил всех на путь.
 Себя таким я вовсе не считаю,
 Душа моя ещё нередко спит.
 Но праведников прошлых почитаю
 И сохраняю первородный стыд.
 Живу по наставленьям Эпикура.*
 Он говорил: «Обуздывай порок,
 Хотя людская подлая натура
 Все истины кривит Заветам поперёк».
 Итак, живи по наставленьям добрым.
 Дабы в грядущем стать богоподобным.

О СТРАХЕ СМЕРТИ

Теперь мой друг приветствует Сенеку!
 А тот в деревню нынче приезжал.
 Что там увидел? Дерево-калеку,
 Которое когда-то сам сажал.
 Да и усадьба потеряла вид свой:
 Стропила сгнили, крыша потекла.
 Я даже ей шепчу: «Старушка, выстой!
 Не жди, чтобы тебя сгубила мгла!
 Я тоже стар. Но старость – наслажденье,
 Вкусней бывает самый поздний плод.
 И дети на планете – наше возрожденье,
 Покуда вызревает человеческий уход.
 Подчёркиваю – каждый в поле воин.
 Луцилий, будь бессмертия достоин!

О ДОРОГЕ К СЧАСТЬЮ

Луцилия приветствует Сенека!
 Ты знаешь: мудрость – долголетия залог.

А стало быть, и счастья человека,
 Чего добился лишь бессмертный Бог.
 Тебя, надеюсь, это не смущает,
 Наш идеал всегда недостижим –
 Морковку людям только обещает,
 Пускай к ней добросовестно бежим.
 И счастье не часы, прожитые без скуки,
 Но вечный труд руки, души, ума.
 Вот существо Божественной науки,
 О счастье! И альтернатива – Тьма.
 Мне снова скажешь: «Фраза Эпикура...»:
 Но почему страшит его венок?
 Ведь жизнью правит не литература.
 Об этом много говорилось – Бог!
 Да, Эпикур... Он был. И вот не стало.
 Но людям сто эдемов подари –
 Своё продолжают: «Мало, мало...» –
 И будут ныть с рассвета до зари
 От истин отмахнувшись, как от комаров...
 Я надоел тебе, Луцилий. Будь здоров!

О ПЕРЕМЕНАХ

Луцилия приветствует Сенека!
 Ты пишешь, успокоился уже.
 И не боишься уличного снега;
 Пугает тот, который на душе. –
 Но пусть и он не вносит беспокойства,
 Когда тревожат, скажем, ерунда.
 Есть у души спасительное свойство –
 Её растит не радость, а беда.
 Мечтаем все мы о многообразье
 Пускай не дел, хотя бы только слов.
 Но не приводят ли сужденья разве
 К разрушению всех естественных Основ?
 Мир устаёт от долгих рассуждений,
 И от неподтверждённых делом фраз.

Ведь всем известный безупречный гений
 В раздумьях спотыкался. И не раз.
 Не обольщайся громкими словами.
 От них сегодня язвы на ушах.
 Чем помахать пустыми рукавами,
 Один, но полноценный сделай шаг.
 Не горячи себе и людям кровь.
 Держись, Луцилий. И бывай здоров!

О ВРЕМЕНИ

Луцилий! Чаще вспоминай Сенеку,
 Совет мой – каждым мигом дорожить,
 Однако же не впасть в безделье или в негу.
 Кто знает, сколько остаётся жить?
 Всю жизнь в делах проводим и в заботах,
 Полезных часто, иногда в дурных...
 Покуда что-то, а бывает, кто-то
 Не даст, что говорят, под самый дых.
 Враждебно всё, и только время – наше!
 Хотя его совсем не бережём.
 Бездумно режем, по живому даже,
 Ответной мести пагубным ножом.
 Богат – лишь тот, кто на жестокий выпад
 Не вызывает грубых, нам привычных докторов,
 Чей кубок мстительный до капельки не выпит.
 И станешь на все жизни счастлив и здоров!

О ПУТИ

Луцилия приветствует Сенека!
 Куда сегодня ты намерен повернуть?
 Дорога хороша, коль ведома телега,
 Тяжёл иначе незнакомый путь.
 А ежели матрос, то вдвое труден,
 Особенно когда неведомый маршрут.
 Картины тяготят похожих буден,

И слишком уж однообразен труд.
 Когда уходишь навсегда от скуки,
 Неважно, что под головой – вязанка дров
 Или подушка. Не тряслись бы руки.
 Итак, прощай, Луцилий. Будь здоров!

АНИЦИЙ МАНЛИЙ ТОРКВАТ СЕВЕРИН
 БОЭЦИЙ (ОКОЛО 480–524/526 ГГ. Н. Э.)

Этот государственный деятель позднего Рима, философ, тяготевший к неоплатонизму, одновременно христианский теолог, причисленный к лику святых католической церкви, остался в памяти культурных людей как «последний римлянин». Принадлежал к знатному римскому роду, был сыном префекта Рима. Отец рано умер, но его взял на воспитание следующий префект Города на семи холмах. Получил блестящее раннее образование, а более позднее обучение философии в Риме, где уже правили варвары, было организовать сложно. Но тем не менее, упорно занимаясь самообразованием, Боэций достиг вершин грамотности. Это позволило ему в годы правления короля остготов Теодориха, правившего в тогдашней Италии, занять важные государственные должности: он был сенатором, консулом, первым министром. Правда, карьеристом по духу он не был и потому жаловался в своих трудах на постоянную нехватку времени, мешавшую научным и философским занятиям. Тем не менее Боэций написал огромное количество научных статей, книг и трактатов.

Конечно, такой человек был чужеродным явлением в атмосфере, где о величии Рима напоминали только архитектурные детали, а реальную погоду делали весьма примитивные и ничтожные люди. Успешная работа философа вызвала ревность у коллег и подчинённых, его обвинили в государственной измене и бросили в тюрьму. Ещё через год обвинили в заговоре против власти, попытке государственного переворота, святотатстве, магии (остготы были христианами), заочно судили и казнили. Сам факт подобной расправы над «последним римлянином» и благороднейшим человеком произвёл глубокое впечатление

на современников и потомков. Его считали христианским мучеником, и это почитание в конце концов было узаконено.

Главный свой труд «Утешение философией» Боэций написал, сидя в тюрьме и ожидая казни. Он пытался, осмысливая философию и собственную судьбу, решить проблему соотношения свободной воли с Волей Божественной, с Промыслом. Философию Боэций, богослов христианского толка, выводит как женский образ, не имеющий прямой связи с образами христианскими. «Утешение философией», пользовавшееся огромной популярностью среди современников, было частично переложено стихами. В них он предстаёт стойким, использующим христианскую терминологию и систему образов.

ИЗ «УТЕШЕНИЯ ФИЛОСОФИЕЙ»

Гомер вознёс хвалу обычным смертным,
Тем, кто не может овладеть пучиной моря,
Но не таков Творец, его очам заметно
Всё на земле, всё в радости и горе.
Его пресветлая повсюду проникает сила,
Он видит всё, что было, есть и будет.
Наречь его всезрячим солнцем попросила
Божественная мудрость досточтимым людям.

* * *

Я прежде пел о радости и силе,
Теперь, увы, пою на горький лад;
Все члены тела силы износили,
Глаза в слезах, конечности болят.

Но Муз моих ничто не устрашает,
Теперь, когда совсем уже старик,
Они мои страданья утишают
И заставляют сочинять язык.

Терпима смерть годами молодыми
И то, коль сразу сломлено весло.

...Густые кудри сделались седыми;
Добросердечность оседлало зло.

Судьба, что раньше тешила удачей,
Сегодня угрожающе молчит.
На всё случайное гляжу теперь иначе
И выставляю равнодушья щит.

Не сказывай, мол, то расцвет духовный.
И духом слаб я, и обличьем жёлт.
К тому же вьётся мыслей рой греховный –
Кто пал, тот прямо никогда не шёл.

БЛУЖДАЮЩИЕ МЫСЛИ

Если силою собственной мысли
Усмиряешь свой век и свой рок,
Если мысли недвижно повисли,
Ты вполне иль почти Полубог.
Мы боимся природных безумий.
Привлекает красивый покой,
Вулканический страшен Везувий,
Избегаем Фортуны такой.
Нас смущает безумие Понта,
Смута волн и разгулы штормов.
Но сияющий луч горизонта
Укрощает кипенье умов.
Не дадим же погодным тиранам
Навязать нам лихую боязнь,
Дать углубиться страхам и ранам,
Сдать себя на душевную казнь.
Если не сохранимся, то каждый
Бросит щит и взлетит к Небесам,
Поле боя покинет однажды
И оковы скуёт себе сам.
Суть гармонии в самостоянье
Здесь, вблизи и большом расстоянии...

IV

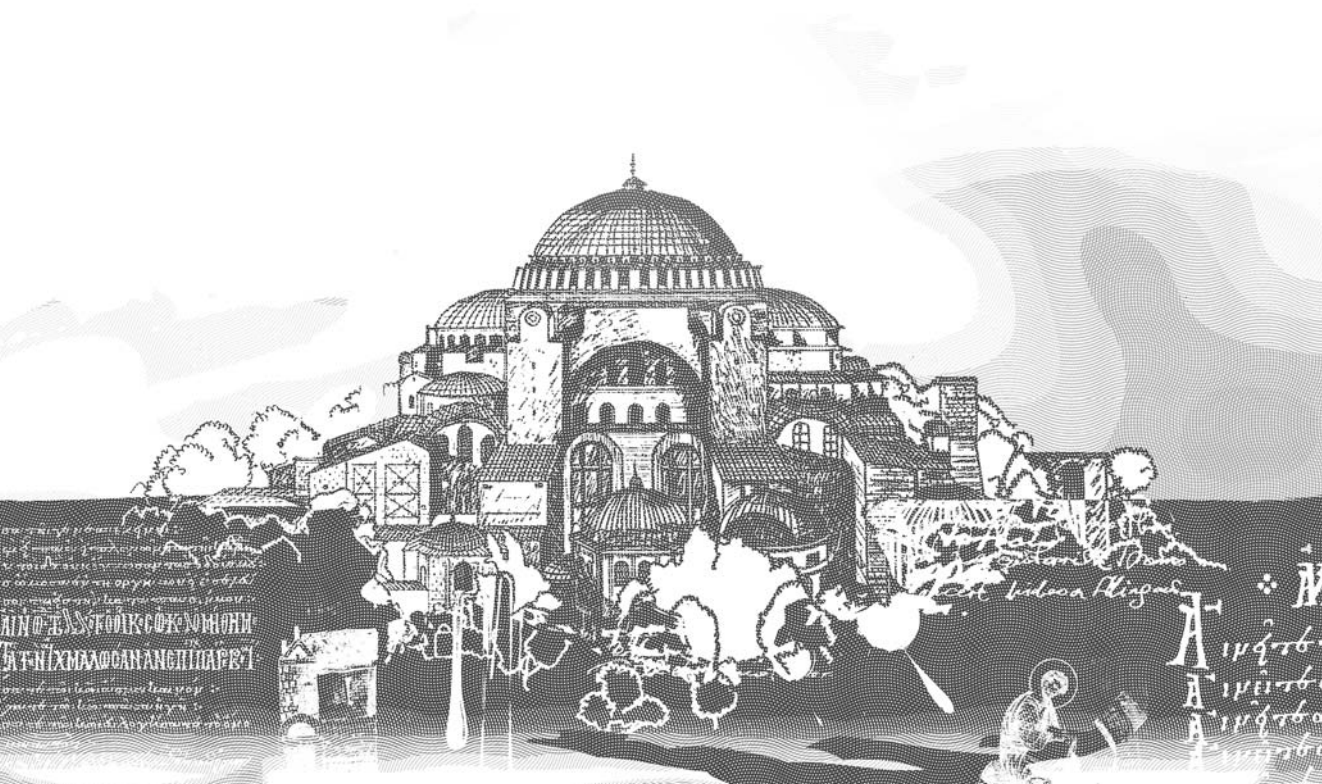
Византийская поэзия

(VI–XV вв.)

Роман Сладкопеец. Иоанн Кириот. Иоанн Мавропод
Мних Иаков. Никифор Влеммид. Феодор Продром
Иоанн Педиасим. Тибо Шампанский

Поэзия Византии очень важна для нас, потому что это родная для нас православная поэзия. Хотя она была мало известна русским поэтам XIX века, она всё равно повлияла на нас, перетекая через церковную литературу, передавая культурный код по невидимым каналам. Византия, то есть Восточная Римская империя, просуществовала после гибели Западного Рима ещё 1000 лет. Константинополь был культурной столицей мира в течение нескольких веков. Византийская литература и поэзия прошли длительный путь развития, который учёные обычно делят на ранний, средний и поздний периоды. Начало раннего периода учёные датируют IV веком, всё, что было до этого, относится к позднеантичной литературе. Вообще, противники Византии на католическом Западе по сути отказывали ей в самой возможности иметь самобытную литературу и поэзию. Утверждалось, что она целиком подражательна и представляет собой лишь разновидность эллинизма, что, конечно, не соответствует реальности. Да, влияния были – на культуру и поэзию Византии оказывали сильное воздействие древнееврейская, сирийская, арабская и эллинская литература, но византийская культура оставалась яркой и самобытной.

Поэзию в Византии можно подразделить на два больших направления – церковное и светское. В церковной поэзии, распространённой в *ранний период* Империи, преобладали гимны. Среди самых сильных авторов – Роман Сладкопеец (написал более 1000 гимнов, до нас дошло только 80 произведений), Юстиниан Великий, патриарх Константинопольский Сергей. Гимны с одной стороны были наполнены горячим чувством веры, искренностью, утверждением аскетических идеалов, с другой же в них нередко доминируют чисто догматические подходы и назидательность, что подавляло свободу чувств и сказывалось на качестве стихов. На христианскую традицию влияли также философия древнего Египта и книги, которые считались апокрифами. Но главные влияния исходили от самой жизни, которая в ранний период византийской империи была весьма сложной. Хуже всего народ Византии и её художественная элита воспринимали военные поражения от разных

стран, в том числе и от славян. Другой разрушительной силой был кризис в Церкви, получивший название иконоборчества. В борьбе с этой тяжелейшей ересью Византия надорвала свои силы.

Второй период существования византийской поэзии отличался более масштабными достижениями. Внешние угрозы были отражены, иконоборчество разгромлено, государство укрепилось, и у Византии пробудилась энергия для развития литературы. Появляются краткие руководства по всемирной истории, многочисленные хроники (например, хроника Георгия Амартола), рассказывавшие о существовании мира начиная от адамовых времён, а также исторические энциклопедии и словари, включавшие сведения о православных святых, а иногда и об античных авторах. Составляются каноны в честь святых и их жизни. Литература накапливает свой потенциал, растёт общая культура и образованность народа. Появляются литературно-философские школы, главной из которых управлял философ, ритор и поэт Михаил Пселл, учитель нескольких императоров Византии, которые после такой учёбы тоже начали самостоятельно заниматься литературной деятельностью. Пселл оставил после себя множество произведений, в том числе написанные стихами христианские тексты и даже медицинские трактаты.

Видными литераторами, в том числе и поэтами того времени были такие византийские деятели как Иоанн Цец, Феодор Продром, Михаил Глика, Константин Манассия, Анна Комнина, Никита Евгениан. Они и другие авторы создавали тексты самых разных жанров – и христианские гимны, и назидательную поэзию (чтобы не писать мораль басни напрямую, византийцы сами любили сочинять различные истории про животных и басни, где всегда есть место иносказанию), любовную лирику.

Третий период развития византийской поэзии хронологически совпадает с завершающим этапом в истории самого Второго Рима, а это – XIII–XV века. За эти два с половиной века в истории Византии произошло очень много событий. Власть в Византии искала поддержки на Западе против усиливавшихся турок, но подобная стратегия кончилась плохо – венецианцы, ошеломлённые богатством империи, превратили очередной поход на Иерусалим в агрессию против Византии. Они встали около Константинополя, длительное время изучали образ жизни византийцев, которые к этому времени во многом утратили пассионарность – возобладала неизбежная для тогдашнего мегаполиса по-

требительская модель жизни, в своё время погубившая и Первый Рим. В итоге латиняне решились на штурм, и в 1204 году четвёртый крестовый поход завершился взятием Константинополя и образованием на территории Византии семи самостоятельных государств. Четыре из них принадлежали латинянам, а три государства – грекам. Власть в значительной степени перешла к венецианцам.

Латиняне быстро усвоили праздный образ жизни византийцев с пирами и бездельем, но при этом не забывали грабить население и восстановили народ против себя. Они правили Византией более полувека, пока Михаил Палеолог VIII не восстановил Империю. Византия после этого просуществовала ещё почти два века, в которых были и свои исторические подъёмы, и спады, завершившиеся падением Константинополя. За это богатое на события время в Византии появилось множество самых ярких литераторов, мыслителей, риторов, деятелей культуры, произведения которых вошли в сокровищницу мировой литературы. Большим уважением народа пользовались энциклопедически образованные авторы, или *полигисторы*, которые обладали очень широким кругозором и хорошо знали историю и культуру предшествующих эпох. Во время захвата Константинополя латинянами большинство литераторов бежали в Никею, которая на несколько десятилетий превратилась в культурную столицу империи.

Литературу поздней Византии отличает огромный интерес к Античности и как следствие – подъём гуманистического движения с его интересом к человеку и внутреннему миру души. Прежняя строгая религиозность, проявляющаяся как стилистическая сдержанность авторов, стремящихся соответствовать канону, уступает место более свободной литературе, основанной на разнообразных жанрах. По сути все создававшиеся в то время художественные тексты делилась на два основных направления – высококультурная литература для образованных людей, бытовавшая в основной части Византии во главе с Константинополем, и народная литература, написанная на разговорном языке, который отличался от литературного и активно задействовал жанры сатиры и басен. Всё чаще использовался греческий язык, а сами византийцы называли себя уже не ромеями, а эллинами. В литературе утвердилось, что Аристотель и Платон предсказали появление христианства. Очень популярны были такие авторы как Никифор Влеммид, Никита Акоминат и Георгий Акрополит, Николай Иреник, Иоанн Апокавк, Георгий Вар-

дан, Михаил Панарет, Георгий Амируци, Виссарион Никейский, Гемист Плифон, Иоанн Глика и Феодор Метохит, Никифор Григора, Мануил Хрисолор, Максим Плануд, Иоанн Векк, Димитрий Кидонис. О творчестве каждого из них можно было написать целую статью. Византийцы оказывали большое влияние на культурную жизнь всего мира, в Европе самым сильным было воздействие на Италию. Византийские гуманисты подолгу жили в Риме, Флоренции, Венеции и создавали там разные кружки.

Немалое влияние литература Второго Рима оказала на древнерусскую книжность, как через прямые переводы самых известных произведений, так и через подражания, пересказы, появление похожих жанров. Чаще всего это были апокрифы. Например, «Сказание Афродитиана» – переложение греческой «Повести о событиях в Персиде» – ходило в списках не только на Руси, но и в Сербии; также и «История Варлаама и Иоасафа», и «Слово о женах злых и самовольных», которое было переведено с текста «Слова на усекновение головы Иоанна Предтечи» (рукопись XV века, приписываемая Иоанну Златоусту). Считается, что византийская поэзия и шире – византийская литература повлияла на формирование литературы Армении, Грузии, Болгарии, Сербии. О византийских темах и сюжетах не раз писали А. Н. Радищев, И. С. Аксаков, Н. С. Лесков, В. М. Гаршин, А. М. Ремизов.

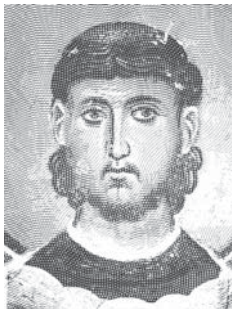
Но главное влияние, которое оказала духовная культура Византийской империи, да и само существование и гибель Второго Рима, на русскую религиозную традицию и государственность, заключалось в передаче духовной эстафеты от Византии к Москве и Руси, через какое-то время превратившуюся в Российскую империю. Византия передала России не дух дворцовых интриг, дипломатическую изворотливость или цезаризм, как утверждают недруги нашей страны, но великую духовно-историческую миссию. Она проявилась в концепции Москва – Третий Рим, созданной монахом псковского Елеазарова монастыря Филофеем. В своих посланиях 1523–1524 годов дьяку Михаилу Мисюрю-Мунехину и великому князю Московскому Василию III он выдвинул идею о роли «Рима земного», которую должна была играть Москва после падения Константинополя. Филофей утверждал, что «*первые два Рима погибли, но третий не погибнет, а четвёртому не бывать*». Защитить Москву от гибели должен дух православия. Так Москва стала последним последним лидером христианского мира, обязанность которого состо-

яла в защите православных людей, находящихся на территориях, подвластных Османской империи. Эта концепция была нужна крепнущему русскому государству, отсюда легенды о происхождении Рюриковичей от брата римского цезаря Августа, о шапке Мономаха, которую подарил русскому князю византийский император. Но главное – брак Ивана III и племянницы византийского императора Софьи Палеолог, в результате которого гербом Руси, а впоследствии и России, становится Двуглавый Орёл. Позднее к теме Византии и концепции «Москва – Третий Рим» неоднократно обращались славянофилы. Наибольший отклик в русской церковной литературе XV века вызвало падение Константинополя. Появилось множество произведений, которые относились к жанру *плачей*, причём оплакивали это событие не только в Византии, но во всём тогдашнем православном мире.

Как уже говорилось, поэзия Византии в среде русских литераторов была известна слабо. Это касалось не только XV, но даже и XIX века. Не были переведены основные тексты византийских поэтов, а история византийской литературы рассматривалась в основном в богословских источниках. Серьёзное изучение Византии, её искусства и литературы началось в России со второй половины XIX века. В. Г. Васильевский, Н. П. Кондаков, Ф. И. Успенский, А. А. Васильев, Б. А. Панченко, П. А. Яковенко, П. В. Безобразов, Ю. А. Кулаковский, Г. Л. Курбатов, М. В. Левченко, Г. А. Острогорский, С. П. Шестаков, В. М. Камнев, А. А. Кириллов, О. С. Климов, Г. Г. Литаврин, М. А. Сюзюмов, Э. В. Удальцова, К. В. Хвостова, Г. В. Скотникова много сделали для понимания родства византийской и русской художественной культуры. Взаимосвязь церковного и светского начала в византийской культуре, история Второго Рима рассмотрены нашими церковными мыслителями И. Мейндорфом, архиепископом Василием (Кривошеиным), игуменом Петром (Пиголем), протоиреем Г. В. Флоровским, отцом Александром Шмеманом, епископом Порфирием (Успенским), отцом И. Экономцевым, философами В. Н. Лосским, А. Ф. Loseвым.

В последние десятилетия появились целые антологии византийской поэзии, относящиеся к разным периодам истории Второго Рима. Большая заслуга в этом М. Л. Гаспарова, С. С. Аверинцева, Л. А. Фрейберга, М. В. Алпатова, В. В. Бычкова, Н. И. Брунова, М. Н. Ильина, А. И. Комеча, В. Н. Лазарева, А. М. Лидова, Л. А. Успенского, Т. Ф. Соколовой и других авторов.

Несколько стихотворений в данном издании, являющихся переложениями византийских текстов, конечно, не сопоставимы по полноте представлений о той поэтической эпохе с целыми томами антологий, где можно прочесть несколько сотен переведённых стихотворений. Тем не менее они дают представление о том, как может звучать в современных классических формах переложённая византийская поэзия. Ю. М. Ключников не стал сосредотачиваться на каком-то одном жанре религиозной или светской тематики, а постарался передать общий дух поэзии этой величайшей империи, которой мы обязаны своей православной верой. Это и переложения чисто религиозных текстов, и бытовые нравоучительные стихи, и басни, и философские размышления о жизни, и плачи о гибели Византии. В переложениях мы встречаем имена крупнейшего поэта Византии Феодора Продрома, знаменитого Романа Сладкопевца, философа и хранителя архива императорских бумаг Иоанна Педиасима, написавшего знаменитое стихотворение о двух жёнах, а также стихи анонимных авторов.

РОМАН СЛАДКОПЕВЕЦ (490-556)

Христианский святой раннего периода существования Византийской империи, обладавший высоким поэтическим даром, что позволило ему создать новый жанр духовных песнопений (кондаков). Из всех греческих песнопевцев Романа Сладкопевца почитают как наиболее талантливого и яркого автора. Ряд этих кондаков до сих пор используется Русской

Православной Церковью во время богослужений. Самый известный текст – «Душе моя, душе моя, восстани»). Причислен к лику святых. Как поэт Сладкопевец внёс в поэтику византийской литературы очень много – акrostих, гимн, который по форме драматизирован, разговорную речь.

Сведений о нём сохранилось мало, что констатирует известный византолог и блестящий переводчик византийского поэта, протодиакон, отец Владимир Василик: «К сожалению, о преподобном Романе Сладкопевце, великом песнописце, “Данте новогреков”, по выражению исследователя Гельцера, известно немного, и удаётся лишь с большой прибли-

зительностью реконструировать его жизненный путь. Он происходил из Сирии, из града Эмессы, из еврейской, но христианской среды, судя по указанию кондака в его честь. Весьма вероятно, что он получил в Эмессе медицинское образование. Возможно, юридическое образование он получил в Бейруте, где, судя по свидетельству Патмосского синаксаря, стал дьяконом в Бейрутской церкви Воскресения. Ему пришлось переехать в Константинополь во времена царя Анастасия (не исключено, что из-за монофизитских гонений), и он остался служить в храме Пресвятой Богородицы в Кирах».

В юности Роман принял крещение, тяготел к церковной жизни, был дьяконом в Бейруте, а затем перебрался в Константинополь, где пытался петь на клиросе в церкви Богородицы. Поначалу у него никак не получалось с пением, и однажды на литургии в присутствии императора он продемонстрировал очень слабое умение петь, что сам воспринял как позор. Получив душевную травму, Роман всю ночь молился перед иконой Божьей Матери. И – о чудо! – Богородица явилась ему во сне, вручила бумажный свиток и приказала съесть его. В итоге у Романа Сладкопевца прорезался голос и одновременно пробудилось поэтическое дарование. Он стал всенародно любимым учителем пения, который всё время сочинял кондаки и гимны на различные праздники, по образцу которого стали составлять все остальные акафисты. До сих пор на богослужениях в Русской Православной Церкви мы слышим песнопения, в которых есть произведения, созданные Романом Сладкопевцем.

Владимир Василик пишет: «По сведениям из анонимного кондака, написанного в его честь, Роман неоднократно призывался ко двору и вполне мог быть советником святого императора Юстиниана и даже пережить вместе с ним страшное восстание 532 года под названием “Ника”. Скончался же он в преклонном возрасте около 560 года и был погребён всё в той же церкви Богородицы в Кирах. Ещё в начале XIII века его могилу видел Антоний Новгородский».

Ю. М. Ключников пользовался при переложении этого гимна переводом отца Владимира Василика, который дал исчерпывающее объяснение истоков этого шедевра религиозной византийской мысли и чувства:

«Источник этого кондака – т. н. «Протоевангелие Иакова», текст, созданный не позднее II века в среде иерусалимских христиан. Из него позаимствованы истории об отвержении даров праведного Иоакима, его молитве на горе, скорби праведной Анны в саду, пире, устроен-

ном Иоакимом в честь рождения Пресвятой Богородицы и, наконец, – рассказ о Введении Пресвятой Богородицы во храм. Первоначальный праздник Рождества Богородицы, введённый в Константинополе в первой половине VI в. при св. императоре Юстиниане, подразумевал также и воспоминание Введения во храм. Кондак на Рождество Богородицы мог быть написан преподобным Романом между 527 и 548 годами, поскольку в нём говорится о как минимум двух благоверных царях, т.е. о святых Юстиниане и Феодоре. Поскольку святая царица Феодора скончалась в 548 году, именно этот год является верхней датирующей границей написания кондака.

Богословие кондака говорит о Рождестве Богородицы как о всемирной радости, освобождении человечества от бесплодия, тления, смерти и погибели. Рождество Богородицы – торжество жизни и святости, ибо рождается Всесвященный Храм Бога и Творца и Питательница Жизни нашей, то есть Иисуса Христа».

Отец Владимир Василик отмечает, что оригинал написан сложным стихотворным размером, «подразумевающим как определённое количество слогов не только в каждом стихе, но и его отрезке, так и соответственный порядок ударений». Поэт ощутил эту сложность, перекладывая текст в метрике русского стихосложения. Потому он сам, стараясь делать переложение в едином стиле, иногда сознательно допускал небольшие отклонения в количестве слогов. Ю. М. Ключников создал два рифмованных варианта этого стихотворения – более-менее точное переложение гимна (хотя точность этого рифмованного текста относительная, её следует искать в переводе отца В. Василика) и его свободное переложение, которое можно назвать стихами по мотивам. Оно передаёт личное трепетное отношение поэта к высокой теме, но, конечно, не претендует на точность. Такое же свободное переложение – фрагмент из Акафиста Пресвятой Богородице и ещё несколько произведений, созданных на мотивы отдельных фрагментов 44 кондака. Создавая эти более свободные переложения текстов византийского автора, Ю. М. Ключников исходил из того, что произведения Сладкопевца в более поздние времена стали восприниматься как самостоятельные поэтические тексты, они сохранились в рукописях, но практически полностью были вытеснены из литургической практики.

ПЕСНЬ РОМАНА

Кондак на рождество Богородицы
 Два славных Божиих раба, Иоаким и Анна
 С бесчадством справились, молились непрестанно.
 Христос Адаму с Евою очистил естество,
 Избавив их от смерти в Святое Рождество.
 Народ Твой от вины и долгих прегрешений
 Взывал всё к Господу: «Мы ждём Твоих решений!
 Пошли нам жизни плод, избавь от поношений, укоризны.
 Непопородная рождает Богородицу, Питательницу Жизни!»

Стенания и плач со всей земли огромной
 Вошли во уши Господа мольбою чистой, скромной.
 Произрастили Плод для мира животворный,
 В саду родился Он от той молитвы горней.*
 Благая, Анны дочь, как я тебя прославлю?
 Ведь ты священный Храм, покаюсь, грех исправлю!
 Просил Иоаким в своей духовной битве,
 И услышал Господь в его святой молитве.
 Он Господа просил: «Избавь от поношений, укоризны!
 Непопородная, роди нам Богородицу, Питательницу Жизни!»

Ведь Иоаким носил дары во храм с надеждой,
 Не приняли его священники в одеждах.
 Он был среди сынов Израиля неплодный.
 И Иоаким ушёл, отвергнут, неугодный.
 Но он пришёл потом, привёл с собою Деву,
 И Анну, и дары живому Жизни Древу.
 Коль ты благодаришь Творца без всякой укоризны,
 Непопородная родит нам Богородицу, Питательницу Жизни!

Дошёл до всех колен Израиля слух прочный,
 Что Анна родила Марию непорочно.
 Возликовали все о чуде дивном, главном,
 И добрый Иоаким им пир устроил славный.
 К молитве всех он пригласил, левитов, иереев,
 И мудрых эллинов былых, и верных иудеев,

Марию славить их призвал без всякой укоризны:
Неплодная родит нам Богородицу, Питательницу Жизни!

Ты Жизни нам поток так щедро источила
И ангельскою пищей нас бедных одарила.
В Святых Святая пребыла и там вовек пребудешь,
Как Солнце верным девам со свечами будешь.
Твой лик святой нам всем так нужен и угоден.
И Храм ты, и Сосуд воистину Господен.
Пусть воспоют, ликуя и не зная укоризны:
Неплодная родит нам Богородицу, Питательницу Жизни!

«О таинство небес, что на земле свершилось», –
К Создателю, родившись, так Анна обратилась.**
Владыко мой меня услышал, аки раньше Анну,
Что упрекал священник Илий, мол, бывала пьяной.***
Но родила она тогда родного Самуила****
И всей душой его Владыке посвятила.

Ты ж мне сказал воспеть, не зная укоризны:
Неплодная родит нам Богородицу, Питательницу Жизни!

О Всеблагий, меня Господнее служенье ожидает,
Я Деву родила, что Господа теперь рождает,
Прежде веков и всех небес благого Всевладыку,
Что Матерь Девою хранит в любви своей великой.
Её я приношу Тебе в господнем храме, Отче.
Пусть Дверь Твоя открыта и любовью светят очи.
Возрадуется пусть, нигде не встретив укоризны:
Неплодная родит нам Богородицу, Питательницу Жизни!

Ведь Сарра верная родити тоже пожелала,ⁱ
С двумя архангелами Бога зреньем принимала.
И слово с неба было к ней во время оно:
«У Сарры сын родится вопреки земным законам».
Свершилось. Радуетя, и светлы её напевы,
Ведь Исаак родился по молитвам чистой Девы.ⁱⁱ
Ликуя, вопиет она, не слыша укоризны:
Неплодная родит нам Богородицу, Питательницу Жизни!

А ныне Мариам всем временам сияет,ⁱⁱⁱ
И благодатный храм святыни прибавляет.
И сам Захария, взирая на её взросленье,ⁱⁱⁱⁱ
Ей избирает Жениха по жребию и жезла откровенью†
От Духа Всесвятого и Иосифа, что с Девой обручён, ††
И значит от грехов избавлен и прощён.
А Анна, радуясь, кричит, не внемля укоризне:
Неплодная родит нам Богородицу, Питательницу Жизни!

Твоё Дитя так чтимо и любимо, мать святая,
Ты похвалу вселенной родила, душой летая,
И за людское умоленье тёплое о том рожденье
Ты всем надежду возложившим и Стена и Утвержденье.
И всяк христианин Защиту и Пристанище получит,
Покров Её спасенья и надежды светлый лучик.
Тем верит кто, отвергнув все сомненья, укоризны,
Неплодная родит им Богородицу, Питательницу Жизни!

Всевышний Боже, о Творец, своим пресветлым Словом
И мудростью Своей Миръ Сотворивший новый,
И человека ты Создал, нам Весть принёс Благоую,
И правду жизни показал нам новую, другую.
О Человеколюбче, мир народу ты даруй, Всещедрый,
Царей на троне сохрани, коль правят милосердно.
И безмятежным стадо сохрани и свет высоких истин:
Неплодная родит нам Богородицу, Питательницу Жизни!

КОНДАК 44

I.

Как дождь небесный в засуху земля сухая ждёт,
Так ждал Адам в аду Спасителя приход.
Он сатане и бесам говорил: «Чем вам гордиться?»
Ты подожди немного, скоро мир освободится,
Сейчас меня и род мой крепко ты связал,
Но царство твоё бездна ждёт, услышь, что я сказал.
А я же в небо вознесусь и вместе со Христом.

Ведь он пришёл ради меня и всех спасёт потом
От тления, страданий, мрака адовой могилы.
Страшись, он власть твою разрушит воскресенья силой!

II.

«Нет в мире никого, кто моей силой обладает, –
Ответил ад Адаму, – сила всё на свете оправдает.
Я царь над всеми и несокрушимо моё царство.
Кто превзойдёт меня и мощью, и коварством?
Держу во власти всех пророков я, не одного Адама –
Иакова, Иосифа, Исаака, Авраама.*
Тобою властвую, из них ты самый первый.
И кто ещё придёт, кто вдруг меня повергнет?»

III.

Услышав Сатану и Ада восхваленье,
Ему ответил первый смертный из существ Творенья:
«Не возносись напрасно, ведь не долго мне терпеть,
Меня в плену ты держишь, но душой тебе не овладеть.
Лишился рая сладкого из-за тебя, лгуна,
К тебе я прислан не навечно, но на время, Сатана.
Ты мой охранник, сторож, но тебе не погубить
Меня, и мою душу не дано тебе убить.
Есть Царь, он мой Владыка, твоё царство сокрушит,
К нему я в войско записался, он судьбу мою решит.
Людей помощник, он меня на небо вознесёт
И силой воскресения от тления спасёт».

IV.

«Порви свой договор, никто не защитит,
Я Царь, ты мне слуга и твой Помощник тоже.
И не спасёт его ни меч, ни лук, не щит.
Нет никого нигде сильней меня, похоже.
Его возьму я в плен, как остальных людей
Беру и властвую над ними безраздельно.
Тебя я погребу, и род твой, и детей,
И ждёт всех полный крах и приговор смертельный.
Заступник твой распят, мной будет поглощён,

Тебе же от меня не стоит ждать спасенья.
Не должен род людской быть кем-нибудь прощён.
Я должен править всем с отменой воскресенья».

V.

Второй Адам от ран не дрогнет ради всех,**
Чтоб мир спасти от зла Спасителем родится,
Претерпит муки он, на плечи мира грех
Возьмёт и понесёт и к людям обратится.
За это бок его большим копьём пронзят,
И истечёт вода из чистой его плоти.
Как человек тобой легко он будет взят,
Но никогда его как Бога не поглотить.
Три дня пройдут всего и более никак.
Не сможешь перенести ты адского мученья,
Которые в ответ получишь ты как враг
Высокого огня Христова воскресенья.

VI.

Узнаем наконец, что ж делает Господь!
Вкусивши уксус, желчь и муки при распяты,
Он победил свою истерзанную плоть
И отдал душу Богу, мои братья.
И солнце, звёзды и луна в тот миг
Померкли, надругательства не вынеся людского,
И вся природа захотела скрыть свой лик.
Завеса храма разорвалась после ужаса такого.
И тут Адам из глубины воззвал: «Даруй спасенье!
О Боже, извлеки меня из ада силой воскресенья!»

VII.

Пришёл Христос и Жизнь в наш ад принёс,
Но ад Христа не смог принять всерьёз.
Он как приманку проглотил Небесный хлеб,
Но на крючок попался к Богу и ослеп.
И боль в утробе ощутил и закричал:
«Я не могу переварить тебя, хотя ты замолчал.
Мне непривычна эта пища, признаюсь,

И я тебя и эту боль, скажу, боюсь.
Из тех, кого я раньше поглощал, никто
Меня не беспокоил, мол, за что?
Мне про тебя Адам сказал, наверно, это тот,
Кто наказать тебя чрез воскресение придёт».

VIII.

И рек Адам: «Наверно, вспомнишь ты теперь
Слова мои, что Царь сильней, чем Зверь.
Ты думал, что слова мои совсем пусты,
Но опыт показал, что ошибался ты.
Лишишься не меня, но всех приспешников своих,
Один останешься, ни мёртвых, ни живых.
Христа на древе видел ты повешенным, ну что ж.
Теперь тебя он свяжет, и прервутся зло и ложь.
Ликуя, не могу тебя я, диавол, не спросить:
Где ад твой и держава, что хотели победить?
Ты силу зла в себе тысячелетьями копил.
Бог силой воскресения её навек разбил.

IX.

Рыдая, ад сказал: «Иону кит извергнул,^{***}
Я ж изблюю Христа и христиан сейчас.
Словам Адамовым я вовсе не поверил,
Хоть он меня предупреждал не раз,
Что буду сам Христом я свергнут с трона.
Я ж говорил надменно: “Никогда!”
Но вот слетела вниз моя корона,
Угасла моя прежде яркая звезда.
И все, кто верил и служил во славу
Тьме, аду, мне, кто суд земной вершил,
Теперь кричат: “Не сохранил державу.
Бог воскресением твоё царство сокрушил!”»

X.

Христос, придя, унизил твою силу,
Он образ мой всецелый воспринял,
Он веру укрепил и, Господи, помилуй,

Тебя он в бегство обратил и спас меня.
Я драгоценной кровью весь искуплен,
Тот, кто нетленен, силу дал не тлеть.
Вокруг тебя же мир угрюм, насуплен,
Гробы пусты, а ты посажен в клеть.
Где, жалкий, твоя мощь и где засовы,
Победа, ад, держава, сила слова?
Не ждёт тебя ни утешенье, не спасенье.
Иисус разрушил твою силу воскресеньем.

XI.

Вознёс на небо меня Тот, кто в бездну
Тебя, диавол, сбросил без труда.
Ты побеждён, а я освобождён от бедствий.
Ему теперь я сопрестолен навсегда.
Он принял, своей мощью обновил мне тело,
Его нетленным и бессмертным сделал.
Никто, кроме Всевышнего, наверно,
Не смог бы миром овладеть мгновенно.
Меня же крепко ослепила красота
И простота благословенного Христа.
С ним вместе вечно буду царствовать теперь я.
Ты не владеешь мной, и ад твой заперт дверью.
Где твоё царство, что убить хотело наши души?
Бог твою силу воскресением разрушил.

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ
СТИХИ ПО МОТИВАМ ТВОРЧЕСТВА
РОМАНА СЛАДКОПЕВЦА ГИМН БОГОРОДИЦЕ
(Вольное переложение)

*Венценосная Дева пречистая,
Не отвергни простого раба.
Этих слов моих суть неречистая,
Каюсь, тщетна, мала и слаба.
Тебя славят и боги, и лешие,
Всем нужна Ты и всем дорога.
Твои взгляды, улыбки малейшие*

Остановят любого врага.
 О Голубка от Духа лечебная,
 По природе добра и светла,
 Ты защита от злобы волшебная,
 Ты апостолов честь и хвала.
 Замуж старцу блаженному выдана.
 Сына зачал всемирный Творец.
 Много тайн Твоя башня Давидова*
 Бережёт как телесный дворец.
 Почитаем Тебя благодатную,
 Славословлю Двоих Рождество.
 Призываете в даль незакатную.
 наших духов и тел естество.
 Боже, в судные дни не отринь меня,
 Пожалей, изыми из дурного огня.
 Да не сгину как древние римляне
 На забытых языческих землях гния.
 Я прожил свою жизнь в беззаконии.
 Осквернил свою душу и плоть.
 Не желаю бесплодной агонии.
 Послужить вам хочу, Госпожа и Господь.

* * *

Поднимите сердца – Иисус воскрешён!
 Предадимся веселью весеннему!
 Величайшая радость супругов и жён,
 Счастья нашего с вами спасения!
 Появилась мечта у горяющих нас
 На святое своё воскресенье,
 На любовь, на весну, на ликующий глас,
 Объявивший Христово спасенье.
 Радуйтесь! Радуйтесь! Радуйтесь!

* * *

Так воспоём Творца распяты на кресте,
 Он счастье указал как путь страданий.
 Отныне все мы братья во Христе.

И сам Господь участник высшей дани.
 С очей людских ниспала пелена.
 И гром ударил, и дожди проснулись,
 И звёзды вспыхнули, и солнце, и луна
 По-новому земному миру улыбнулись.

* * *

Спаситель мира жизнь закончил на кресте.
 Сказал: «Завершены последние страдания.
 Теперь Я ожидаю с Господом свиданья,
 Которого со страхом люди ждут везде».
 Что Он имел в виду? Триумф освобожденья
 От длительного в людях заблужденья,
 Что корень всяких бед в проклятии труда.
 Но всё как раз наоборот – спасает нас беда,
 Точней, умение её перенести достойно.
 И Сам с задачей справился без стога.

* * *

Нас в Небо вознесёт Христос, который в бегство
 Отправил сатану и всех его подручных слуг.
 Выходит, каждый должен притерпеться
 К избытку обступивших Богочеловека мук.
 Бог дал бессмертие и сопредельность людям,
 Преобразив Адаму человеческую плоть.
 И мы сей Истиной владеть когда-то будем,
 Как ею одаряет всех подвижников Господь.

* * *

Где, ад, твоя победа над Божественной державой,
 Где смерть-старуха с нас пугающим серпом?!
 Где гвоздь, в ладонь Христа забитый, ржавый?
 Сегодня Иисус – наш неизменный Дом.
 Хотя кругом людских страданий море,
 Слепые океаны человеческого сна.
 Внесён задаток – человеческое горе,
 За коим следует великая Весна...

ИОАНН КИРИОТ
(ГЕОМЕТР; ОКОЛО 935 Г. – ОКОЛО 1000 Г.)

Известный византийский поэт второй половины X века, который начал свою жизнь как воин, но в конце концов смирил свою активность и стал монахом. Прозвище Геометр, которое ему дала эпоха, имеет отношение не к математике, но к его философскому взгляду на Вселенную: в Византии слово «геометр» означало также «оценивающий мир». Иоанн Кириот был очень плодовитым автором – помимо чисто религиозных стихов писал короткие стихи назидательного характера, очень любил сочинять басни и сатиру, эпиграммы. Интересно, что Геометр страшился – и это отражалось в его стихах – русских набегов на Византию, видя в них возмездие за несправедность, и потому часто говорил о необходимости сильной власти и нравственной жизни.

СОВЕТЫ ХРИСТИАНИНУ

В сердце надобно хранить
Чистоту и веру,
Скромность, праведную нить,
Следовать Примеру.
В обещаниях же будь
Крепок как железо –
Станет твой житейский путь
Побогаче Креза.*

* * *

Платон, ты душу объявил бессмертной
И этим славой овладел несметной.
Ты назван словом, означающим «простёртый»,
Мы тоже, стало быть, в Афины древние упёрты.
Да, наши пращурь сократы, зевсы, гераклиты
Нектаром древней мудрости политы.
Живём в константинопольской обители,
Хотя «богов» минувших и не видели.

ИОАНН ЕВХАИТСКИЙ
(МАВРОПОД; ПОСЛЕ 1000 Г.? – ПОСЛЕ 1081 Г.?)

Малоазийский митрополит, почитаемый сегодня как святитель, Иоанн Мавропод прославился как ритор и поэт. Был известным учителем словесности – обучал даже Михаила Пселла. Писал эпиграммы и стихи учительного характера, но остался в памяти православных людей как автор канона об исходе души, который используется в православии до сих пор.

Коли решил кого-то из «чужих»
Назвать всей Византии как экзарха,
Пусть будут имена Платона и Плутарха*
Для наилучшего спасения души.
Они себе бессмертие стяжали
Тем, что, не зная замыслов Творца,
Единство жизни в мире поддержали
И преумножили деяния Отца.

МНИХ ИАКОВ
(ИАКОВ ЧЕРНОРИЗЕЦ; XI В.)

Монах, живший в монастыре на Малоазийском Олимпе и сочинявший как возвышенные философские стихи, так и эпиграммы. Приведённую здесь эпиграмму Иаков сочинил на философа Михаила Пселла, который, по мнению монаха, неправильно вёл себя и не удержался на Олимпе, и им была недовольна богиня. По всей видимости, это был намёк на императрицу Феодору, предложившую ему оставить Олимп.

О мудрый Зевс – язычников владыка,
Как знаем, не сносивший головы!
Ты не завёл жены равновеликой,
Богини мощной. И пропал, увы.

НИКИФОР ВЛЕММИД (1197-1272)

Крупнейший литератор, церковный и политический деятель, философ и поэт Никейской империи, жизнь которого пришлась на захват Константинополя латинянами, поэтому родители вывезли его в Никею. Изучал медицину, богословие и право, жил при императорском дворе, после ушёл в монастырь, но там много работал, основал школу, преподавал и писал, причём на разные темы – от богословия и логики до физики, геометрии, оптики и медицины. Был учителем никейского императора Феодора II Ласкариса и заместника Фессалоник ритора и дипломата Георгия Акрополита. Долго отказывался от Патриаршего престола, но в конце концов в 1255 году стал патриархом Никеи. Один из императоров поздней Византии. Оставил заметный след в истории византийской культуры. Отличался большой осторожностью и дипломатичностью в отношениях с властью.

СТИХИ НА РОЖДЕНИЕ СЫНА У ФЕОДОРА ЛАСКАРИСА*

Тебе, малыш, Отчизны флаг,
Тебе, о цвет престола,
Прошу у Бога вечных благ,
Раб имени Христова.
Ты – чадо солнца, лунный свет,
Луча двойного отблеск.
Отец тебе оставил след –
Воинственную доблесть.
Его наследством овладей,
Стань маяком примерным.
Ведь твой отец среди людей
Был и остался первым.

СТИХОТВОРНЫЕ БАСНИ ИЗ ПАРИЖСКОЙ РУКОПИСИ

Басни были популярным жанром византийской литературы на протяжении всего её существования. К ней для поучения и иллюстрации своей мысли обращались и представители высоких литературных жанров, и широкие массы. Византийцы любили шутить, а интеллектуальная элита была не против поморализаторствовать. По традиции все эти

произведения именовались «баснями Эзопа». О хронологии этих произведений сложно сказать что-либо определённое.

Увидел лекарь заболевшего беднягу
И принялся по мере знания лечить.
Но, несмотря на все старанья и отвагу,
Так и не смог к здоровью приручить...
И объявил свой главный вывод домочадцам:
«Мой подопечный раньше мог скончаться,
Да я его от ранней смерти уберёг –
Продлил на время жизненный итог.
Вина бы меньше пил, припарок делал больше,
Прожил бы, разумеется, подольше...»
Все промолчали на подобные слова
И думали: «А где была твоя-то голова?!»

* * *

Однажды рыскал волк в ночном селенье,
Не зная, как попроще голод утолить.
Внезапно тихое услышал песнопенье,
Оно расшевелило в звере мыслей нить.
Пел женский голос: «Замолчи, малышка!
Устраиваешь дома шум и гам.
Вот я тебя под стать твоим делишкам
За двери вынесу и подарю волкам.
Волк сим словам действительно поверил,
Присел и ждёт, когда же вынесут дитя...
Но тот же голос образумил зверя:
«Ну, наконец, утих! Придумала шутя
Я песенку про волка и его меню...
Увижу – так метлой поганца прогоню!»

РОДОССКИЕ ПЕСНИ ЛЮБВИ (КОНЕЦ XIV – НАЧАЛО XV ВЕКА)

«Родосские песни любви», написанные неизвестным автором, датируются периодом конца XIV – начала XV века, эпохой, когда Ви-

зантийская империя уже отсчитывала свои последние часы. Тем не менее мужчины и женщины продолжали любить друг друга и отражать свои чувства в литературе. Сборник любовных нерифмованных стихотворений, в единственном числе дошедший до наших дней, хранится в Британском музее. Сборник воссоздаёт взаимоотношения влюблённого юноши и поначалу равнодушной девушки, требующей, чтобы тот экспромтом сочинял стихи, она же, если стихи понравятся, ответит ему взаимностью. «Родосские песни любви» были очень популярны в Греции и после развала Римской империи.

ВСТУПЛЕНИЕ

Увидимся когда-либо мы вновь?
 Сумею ль описать свои страданья?
 Страдал сам Иисус, страдает Мирозданье,
 Страдает зримая и вечная Любовь.
 Когда, красавица, со мною сядешь рядом,
 И я поведаю всю горечь адских мук?
 Когда моею станешь ты наградой
 И завершится наказаний наших круг?
 Глаза красны от слёз, я ожидаю встречи.
 Ты тоже плачешь, поцелуев не даря.
 Обнять мечтаю ласковые плечи
 У страстного, любимого и злого алтаря.
 Я радость и печаль одною гирей взвешу.
 Твои надежды никогда не обману.
 Утешусь сам, но и тебя утешу,
 Введу обоих в сладко-горькую страну.
 Любовь! Ты наше счастье и погибель.
 Пишу стихи, из них венок сплету.
 Вручу его тебе, моей богине,
 Как бабочку поймаю налету.
 Свои слова-фиалки рву из сердца,
 Дабы не только я, но кто другой
 Сумел теплом Родосским обогреться.
 Итак, начнём. Пою Любовь-Огонь!

СТИХИРА НА АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

Небесной Троицы прославленный служитель,
 О светозарный отче Михаил!
 На горестной земле Ты воин-небожитель,
 Хранишь её от Змия и подземных сил.
 Ты к Троице священной сопричислен,
 Могучими Её лучами щедро напоён.
 Ты даришь и земной, и неземной отчизне
 Весь жаркий пыл, которым наделён.
 Твоим примером овладею, Отче.
 Ты только опусти на лицедея очи.

ФЕОДОР ПРОДРОМ (XII В.)

Феодор Продром, или Птохопродром – известный византийский поэт и писатель. О его жизни сохранилось мало сведений, но известно, что он был явно не бедного рода. Интересно, что его родной дядя Христ (или Христос) Продром с 1077 по 1088 год был киевским митрополитом под монашеским именем Иоанн. Феодор Продром получил хорошее образование и специальность грамматика, что позволило ему быть учителем Анны Комнины и входить в кружок императрицы Ирины. Близость ко двору (а Продром явно тяготел к царскому миру) – вещь обоюдоострая и опасная. Потому он несколько раз подпадал под опалу и в эти периоды сильно бедствовал. В какой-то момент был обвинён в заговоре против императора. Однако был гибок, энергичен и очень плодовит, потому из всех передраг выбирался благополучно. С 1143 или 1144 года Феодор жил в приюте при церкви Св. Павла, где и умер, незадолго до этого приняв монашеский чин и имя Николай.

Продром считается наиболее плодовитым литератором эпохи Комнинов. Он был очень популярен, у него было много учеников, его произведениям часто подражали. В его прозе встречались богословские и философские трактаты, филологические комментарии, сборники пословиц, словари, грамматические руководства, полемические диалоги и речи, обращённые к известным людям империи. Но он прославился и как высококультурный поэт, склонный к разнообразным жанрам, – поэмы, романы

в стихах, эпиграммы, пародии, подражания грекам, панегирики, дидактические стихи, философская лирика, религиозные размышления.

О, если б Аристотель внял заветам Моисея,
Тогда бы Слово, землю облетев
И всюду Свет благословенный сея,
Уменьшило бы ярый Божий гнев!
Тотчас Христос прослыл бы повсеместно,
Как Божий сын и, значит, господин.
Планета никому бы не казалась тесной,
Законов крепость не нарушил ни один.
И в человеке есть Иисусово наследство,
Да бесы замечают вечный след,
Зане никак не покидаем детства,
Не отвечаем на Господний Свет.
Мы – дети сотворённого Адама –
Из глины созданы и, значит, ей верны.
Выходит, наша суть в основе первозданна,
По Матери мы тоже Божии сыны.
Да, сын по замыслу лишь порожденье Бога.
Но по рождению – прах, свершив великий грех.
Его обратная успешная дорога
Лежит через один немаленький секрет –
Отмыть в себе Змеиное лукавство.
Из всех снадобий – это лучшее лекарство.

ИОАНН ПЕДИАСИМ (ОКОЛО 1250 Г. – НАЧАЛО XIV В.)

Иоанн Педиасим (Пофос) – известный византийский писатель, ритор и учитель второй половины XIII в., имел диаконский чин. Получил хорошее образование, что позволило ему обучать философов. Писал на самые разные темы, и освещая точные, естественные науки (геометрию, астрономию, медицину), и в то же время касаясь гуманитарных дисциплин (античная литература, музыка, мифология, церковное и семейное право). Главную популярность Педиасим снискал на ниве поэзии, причём его прославил одно единственное стихотворение «Желание», состоящее из двух частей и посвящённое двум типам жены – «О жене злонравной»

и «О жене разумной». Считается, что первая относится к жанру «доказательства», а второе – к жанру «опровержения доказательства».

ЖЁНЫ

1.

Жена злонравная – несчастье для мужей,
По молодым годам ещё терпима,
А к старости почти уже музей
Дурных привычек, обойти бы мимо!
Да некуда, за годы мы срослись.
Сам стал таким, деля подушку с нею.
И тут, как говорится, злись не злись,
Её перебесить на кроху не сумею.
Кто с этакой на общем ложе спит,
Тот знает плена этого уловки –
Она меня томит, она меня казнит,
Плетёт из малодушного верёвки.
Всё мало ей, всё требует ещё,
Рычит, как голодающая львица,
Мою же душу мучит горячо
Один порыв – пойти и удавиться.
А расшумится – всем богам тогда
Покоя под луной не сотворить бы...
Короче говоря, одна беда,
Похуже горемычных Сциллы и Харибды.*

2.

Жена разумная – морская гладь и тишь,
Здоровье, чистота, во всех делах устройство.
Естественно, не молчалива, словно мышь,
Но повод никогда не даст для беспокойства.
Трудами обозначен долгий путь,
Наполнено сердечко о семье заботой.
Не сядет даже на мгновение отдохнуть,
Займёт себя какой-нибудь работой.
Закат прекрасных лет испытывает муж,
Коль век провёл с такой женой в союзе.

Жена любимая подобна нежной Музе,
 Ей недоступен мир соблазнов, мутных
 Она есть корень, что ценнее розы.
 И источает аромат чудесной
 Ей не страшны житейские угрозы.
 Воистину, отец её – ночной Альдебаран!***

ИЗ АНОНИМНОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЛИРИКИ
 кондак отпустительный Григорию Паламе*

Ты мудрости высокой и святой орган,
 Труба богоглаголанья золотая!
 Ты разгоняешь хмурого невежества туман,
 Сам на мгновение не таясь, не тая.
 Так воспоём тебя, Григорие отец,**
 Как ум, который к Разуму приближен,
 Как светоч совершенный, наконец.
 Засим к тебе склоняюсь ещё ниже!

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ О КРЕСТОВЫХ ПОХОДАХ.

ТИБО ШАМΠΑНСКИЙ (1201–1253)

Крестовые походы – великая и страшная эпоха в Западной Европе, длившаяся почти четыре столетия, с XI по XV век. Походы эти были направлены и против мусульман, и против православной Византии. Римские папы направляли их в Палестину, чтобы освободить христианские святыни, оказавшиеся в руках мусульман, а также для обращения в христианство языческих народов. К крестовым походам у разных народов было неодинаковое отношение: одни их ненавидели, другие, напротив, воспевали, и не в переносном, а в прямом смысле.

Одним из людей, ярко и талантливо воспевавших крестовые походы, был граф Тибо Шампанский, король Наварры под именем Теобальдо I Великий с 1234 года. Легендарная личность средневековой Франции, та-

лантливый поэт и трувер, он написал о крестовых походах несколько произведений. Считался принцем труверов, создал множество сирвент, лирических, религиозных и военных произведений. По преданиям именно он привёз из походов розы во Францию. Был влюблён в Бланку Кастильскую. Будучи королём, откликнулся на призыв папы Григория IX принять участие в Крестовом походе и возглавил армию Франции. Однако его отряд потерпел поражение, и Тибо Шампанский после долгих переговоров с турками и египтянами в 1240 году вернулся на родину с остатками войска.

Стихотворение Тибо Шампанского если и имеет какое-то отношение к Византии, то самое косвенное, поскольку Константинополь был разграблен участниками Четвёртого Крестового Похода, а Тибо Шампанский потерпел поражение в Шестом Походе. Но до нас не дошли (или, во всяком случае, неизвестны, отсутствуют в русских переводах) яркие произведения самих византийских поэтов на эту тему, а затронуть её важно, потому автор переводов счёл необходимым поместить хронологически близкое стихотворение Тибо Шампанского в византийский раздел.

Приведённые выше стихи дают возможность понять, что чувствовали тогдашние короли и аристократы в отношении иноверцев и как они были готовы защищать свои духовные ценности. Тема крестовых походов, героев, рыцарей, их любви, культ Прекрасной Дамы интересовали поэтов всего мира. Данте в «Божественной комедии» поместил героев-крестоносцев Готфрида Бульонского и Роберта Гвискара в рай, на пятое небо. Не прошла тема рыцарства и мимо русских поэтов. О рыцарях писали Жуковский и Пушкин (касаясь этой темы в своих шедеврах «Жил на свете рыцарь бедный» и «Скупой рыцарь»). Немало ярких страниц оставил и Блок. Автора переводов тема крестовых походов интересовала давно, и он написал несколько стихотворений на тему рыцарства и служения Прекрасной Даме. В двух своих стихотворениях Юрий Ключников попытался передать умонастроение тогдашних ревнителей Христовой веры и зарядиться их энтузиазмом, направив энергию на созидание:

РЫЦАРСКИЙ РОМАНС

*Я сутки на свидание спешил,
 Чтоб выкроить минуту для прощанья,
 Я все свои заботы отложил*

И вот стою пред вашими глазами.
 В эфире ангел нежности парит,
 В ушах труба архангела запела.
 Прощай, преуспевающий Мадрид.
 Я уезжаю, донна Изабелла.
 Без вас и ваших глаз мне счастья нет,
 Вы у меня последний свет в оконце.
 Но этот свет не светит без монет,
 Сегодня в моде бесы и торговцы.
 Сегодня в моде толстая сума,
 А на моих счетах одни пробелы...
 Чтоб от любви к вам не сойти с ума,
 Я уезжаю, донна Изабелла.
 От всех мадридских сплетен и проблем,
 От глянца королевского порога
 Я нынче уезжаю в Вифлеем,
 Чтоб защитить поруганного Бога.
 Я вырою и вновь воздвигну крест
 И, может быть, не в рою душу в тело.
 Мне на земле не выжить без Небес.
 Я уезжаю, донна Изабелла.

РОМАНС КРЕСТОНОСЦА

Ты помнишь, много лет назад
 У алтаря твой долгий взгляд
 Благословил меня на подвиг
 В далёкий край к земле Господней.
 Цеплялась за копые луна,
 Пугали совы скакуна,
 Кусты туманами дымили.
 Но помнил я:
 – Вперёд, мой милый!
 Сегодня нет мечей и лат
 И обыденность застит взгляд.
 Но зов услышан и сегодня –
 Ждёт смельчака земля Господня.

Во имя правды и любви
 Петлю привычек разорви.
 Презрев житейскую мороку,
 Благослови меня в дорогу.

Тибо Шампанского увлекает сам процесс священной битвы.

ПЕСНЬ О КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ

Будь милостив к судьбе моей, Господь, –
 На недругов Твоих я меч подымаю.
 И если потеряю собственную плоть,
 То за Тебя её сложу в чужую землю.

Всем сердцем внемлю боевой трубе,
 Её призывы по-армейски грубы.
 Что делать? Всё случается в судьбе –
 Порой любовь сжимает твёрдо губы.

Я покидаю дам, свой меч держа,
 Как раньше это делал на турнире.
 Пускай Любовь, святая госпожа,
 Царит без оговорок в Божьем мире.

Я меч подымаю за Господень склеп.
 Что может быть ещё для нас дороже?
 Он – сумма истин. Наш насущный Хлеб.
 Сберечь сама Пречистая поможет.

ПЛАЧ О ПАДЕНИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ
(АНОНИМНЫЙ АВТОР, ФРАГМЕНТ)

Падение Константинополя и захват его войском Османского султана Мехмеда II – грандиозное событие мировой истории, которое произвело очень большое впечатление и на отдельных людей, и на государства, которые испытывали влияние Византии, а это были и Западная

Европа, и Русь. Это событие описывалось в самых разных религиозных и исторических текстах современников и потомков. Преобладала проза, но иногда встречались стихи. Одним из ярких произведений, воссоздающих атмосферу тех времён, был «Плач о падении Константинополя», созданный анонимным автором. Это живое свидетельство участника событий, творившего историю. Автор был христианином, переживавшим происходившее не только как гибели Римской империи, но и как личную трагедию. Он пытается найти причины гибели, обвиняя самих византийцев в поражении, скорбит о гибели императора Константина и призывает христианские народы к мести за поражение, предлагая отвоевать свою святую родину.

О государь, о Константин, ты мир покинул наш.*
 Пускай же мстостью оцетинится Европа,
 Поднимется за честь двойного гроба,
 И воссияет царь теперь, как Неба страж!
 Вы, сербы скорбные, усталые валахи,
 Венгерцы храбрые, вам ведом долг святой –
 Не сдаваться, не согнуться в подлом страхе,
 Себя прославить доблестью крутой!
 Воспомните былые ваши войны,
 Сожмите сердце в огненный кулак
 И будьте славных пращуров достойны.
 Пусть укрепит вас духом сей позор.
 Простят богобоязненные предки,
 Что сытостью свой помutilи взор,
 В срок не срубили вражеские ветки,
 Во всём вы сами оказались виноваты –
 Решили хитростью отвагу заменить.
 Сражений не выигрывают слабые солдаты,
 Уступки рвут воинственную нить.
 Как труженики вы заметно охромели.
 Как воинов вас мир бояться перестал.
 Проснитесь же, наследники-ромей,**
 Отныне вы наследники Христа.
 Да укрепится ваша праведная вера!
 Да просияет христианская весна!

Да утвердится сила Слова и Примера!
 Вся правда сказана, вся истина ясна.
 Во имя всех Заветов непреложных
 Да устремимся на лжецов и на безбожных!

V

Французская поэзия

(VII-VV вв.)

Как переводчик Ю. М. Ключников начал с французской поэзии. Ещё будучи студентом филфака Томского университета он пробовал переводить Аполлинера, Поля Валери, Жана Кокто, Бодлера, затем вернулся к этому занятию через много десятилетий. Он перевёл более 255 стихотворений 57 французских поэтов и выпустил книгу «Откуда ты приходишь, красота: вольные переводы французской поэзии XII–XX вв.», которая, по словам профессора С. Б. Джимбинова, является самой крупной за всю историю России авторской антологией французской поэзии.

Французы в силу своего исторического возраста и тесных с нами связей – наши учителя, ведь самые лучшие представители отечественной культуры, включая Пушкина, учились у них. Мы повторили (правда, с серьёзными национальными вариациями) многие «зигзаги» французской истории, например, революции, в которых, правда, наши восставшие классы сражались больше не за идеалы индивидуальной свободы, а за народные, коллективистские ценности. Всё, что происходило во Франции, через какое-то время докатывалось и до России. В первую очередь это касалось искусства, литературы. На раннем этапе своего развития русская поэтическая культура развивалась под несомненным влиянием западной, и прежде всего французской. Несмотря на войны и временные раздоры, самым близким культурным союзником России в Западной Европе (до сегодняшнего обострения), оказывающим влияние на отечественную интеллигенцию, была, вне сомнения, страна, породившая Верлена, «Марсельезу» и Наполеона. Русские литераторы по-разному относились к Франции на протяжении истории, нередко критиковали французскую культуру и жизнь за отсутствие в ней, по их мнению, стремления к истине, за недостаток глубины и увлечение внешним блеском. Одновременно испытывали и сильную тягу к Франции, ездили или мечтали съездить туда, как тот же Пушкин. Даже высказывали, как Маяковский, готовность умереть в Париже, если б «не было такой земли – Москва».

Действительно, французская поэзия, и шире – культура во многом повлияла на дворянский культурный ландшафт России. Поэзия была

самой ранней формой французской литературы – стихами писались и древние эпосы, и рыцарские романсы, и любовная лирика.

В итоге переводчик выбрал у каждого французского поэта стихи, на глубинном уровне близкие русской традиции, где даже отчаяние и трагедийность рожают очистительные переживания. Как, например, у Андрея Шенье или Гийома Аполлинера. Хорошо обо всём этом сказал критик Валентин Курбатов в своём предисловии к сборнику Юрия Ключникова «Дом и дым», где была опубликована первая небольшая часть переводов французской поэзии, в этом издании значительно переработанных:

«Но прочитаешь переводы и с радостью увидишь, как они естественны в книге. Совсем вроде не наши озорство и беспечность, любовь и игра со смертью – Франция, что с неё возьмешь, – но и наши! Наши! Тут и видишь, как они держат лучшее в Ключникове, его свет и волю. Ведь перевод – это всегда немного исповедь и автопортрет в том, что ты переводишь и как».

Переводы посвящены теме любви к женщине, родине и Богу. Тончайшее понимание природы чувственной любви именно французами не оспаривается никем и отражено даже в анекдотах. Любовь французов ко всему французскому во всех сферах жизни, включая товарные предпочтения, также известна всем. А вот тема любви французов ко Всевышнему, религиозная тема во французской поэзии освещена в России куда слабее. Накал этой страстной любви слышен не только в музыке верленовских строчек, но и в мужестве героев Сопротивления и даже в недавнем выстреле Доминика Веннера* в Нотр-Дам-де-Пари, отдавшего свою жизнь за дорогие его душе традиционные национальные ценности.

Первые переводы относятся к XII веку – так называемой «осени Средневековья», времени крестовых походов, великого кипения страстей и мощных духовных исканий европейского человека. Согласно Гумилёву, период «золотой осени» той или иной цивилизации несёт в себе множество культурных плодов. Формально французская история началась в 843 году с Верденского договора, зафиксировавшего появление молодого государства, которым правила династия Капетингов. Но в IX веке во Франции было ещё не до поэзии. Чтобы в государстве появились сильные национальные поэты, нужно было время для осмысления происходящего. Понадобилось несколько веков, пока в стране не появились поэты, перешагнувшие тысячелетие и уверенно вписавшие свои имена в анналы литературной Франции.

Родина французской (да и вообще европейской) средневековой лирики – это Прованс и Аквитания. Первых поэтов называли трубадурами (от слова «тробар» – находить, изобретать). Французская поэзия задавала моду, но позднее, в эпоху Ренессанса, на её развитие начали влиять итальянские сонеты Петрарки, а также античные авторы (Пиндар, Анакреонт, Гораций), о творчестве которых вспомнили.

Кретьен де Труа, Бернарт де Вентадорн, Бертран де Борн, Ги раут де Борнейль по роду своих занятий трубадуры, а по духу – рыцари, защитники слабых. Темы, поднимавшиеся ими в поэзии, относятся к категории вечных: любовь во всех её проявлениях, доблесть в бою, честь, верность сюзерену (власти), благородство духа, поклонение Прекрасной Даме. Кто-то из этих поэтов оставляет стихи о том, что главная человеческая добродетель – это доблесть в сражениях, которая гораздо важнее всех видов любовных чувств, а кто-то ставит любовь на абсолютно первое место, утверждая её превосходство над долгом. Если попытаться дать формулу, что за человек воспевается трубадурами, то, наверное, это человек героический и любящий. Не герой-любовник позднего времени, играющий в театре жизни свою по большей части разрушительную роль, а рыцарь, готовый защищать свою родину и Прекрасную Даму всеми силами своей души и способный ради любви пренебречь многими условностями.

Стихи свидетельствуют: ради истинной любви человек может пойти на очень многое, иной раз и завести роман с замужней дамой и отбить её у законного мужа. и поэты скорее на стороне любящего, чем на стороне обманутого мужа, несмотря на иную точку зрения Церкви и официальной морали. Национальный характер – вещь таинственная и почти не меняющаяся в веках. Переводы показывают, что уже тогда, в XII–XIII веках, французы на любовном фронте были столь же страстными, хотя форма признания в любви, несомненно, была возвышеннее.

В XIV–XV веках и первой половине XVI века картина меняется. На дворе эпоха Возрождения. Сильно влияние Италии и Испании. Возникновение французского Возрождения связывают обычно с двором Маргариты Наваррской, которая сама писала стихи на любовные и философские темы. Тогда образованные люди начали активно интересоваться Античностью, ездить в Италию, создавать стихи. В центре внимания этой поэзии уже не героический рыцарь и возвышенный трубадур, а образованный городской житель, в меру богобоязненный, тяготеющий к вольнодумству, ищущий утешения в жизненных удовольствиях

и вместе с тем задумывающийся о быстротечности жизни. Это человек, ищущий себя, скорее размышляющий и чувствующий, но не умеющий действовать во имя идеи, не герой, не воин.

Ещё одну линию французской поэзии XV столетия представляли Карл Орлеанский и гениальный Франсуа Вийон – гениальный бунтарь и бродяга, к чьему образу и стилю обращались самые разные поэты во всём мире. Они выразили иные грани формировавшегося французского духа. Едва ли не первыми в Европе они – прежде всего, конечно, Вийон – проникли в глубину души человека и открыли его двойственную природу. Вийоновские прозрения звучат до сих пор очень современно, а его формула «я знаю всё, но только не себя» удивительно точно отражает духовное состояние современного человека и человечества. Человек двойственный, несущий в себе бездну или даже «две бездны» (выражение Достоевского), поэтически исследован именно этим полураскаившимся поэтом-разбойником.

В конце XV и в XVI веке возникает новая ситуация. Поэтическая Франция поворачивается к поискам своей национальной идентичности. В стране набирает силу движение гуманизма, утверждающее целостность человека и стремление улучшить его природу с помощью изучения античной философии. Гуманисты, стоящие на позиции антропоцентризма, ведут полемику со схоластами, исповедующими идею теоцентризма. Стремясь освободиться от церковной цензуры Сорбонны – цитадели схоластов, они создают свою организацию – Коллеж трёх языков. Для французской литературы XVI века характерны стремление к новизне формы и соединение элементов Средневековья и Ренессанса. Гуманисты говорили о близости французского языка не только к латинскому, но даже к греческому и боролись против латыни, предлагая изучать родной французский язык.

К гуманизму примыкает и движение «Плеяды», возглавляемой дю Белле и Ронсаром. Они пытались оформить принципы развития французской поэзии и защиты национального языка. Это движение воспевало духовный аристократизм, утверждало, что поэзия – серьёзный труд, а не праздное времяпровождение, предлагало отказаться от средневековых форм поэзии. Поэзия греков и римлян переосмысливается заново, из неё заимствуются другие жанры (оды, трагедии, эпопеи, гимны).

В поэзии этих двух веков начинают более отчётливо звучать общественные, патриотические ноты. Героем поэзии становится человек

гражданственный, думающий о стране, её значении, военных победах, а также о языке, на котором говорят его соотечественники. Конечно, в реальности людей, вышедших на такой уровень гражданского самосознания, было немного. Но Ронсар, дю Белле и другие поэты «Плеяды» формировали мир вокруг себя образцами своей высокой поэзии и прививали читателю высокие чувства и хороший вкус.

В XVII веке происходят новые серьёзные перемены. Тридцатилетняя война, конфликт католиков и гугенотов, возросшее давление абсолютизма меняют атмосферу в обществе на всех уровнях. Стихия обстоятельств, увеличение страданий и растущая смертность заставляют человека задуматься об упорядочении жизни. В философии начинает доминировать рационализм. Декарт культивирует примат мысли над чувством, причём мысли, проникнутой сомнением, которое объявляется одним из главных инструментов познания. А разумное в культуре и обществе отождествляется с нравственным. Классицизм, утвердившийся в ту пору в литературе и искусстве и связанный с такими именами как Расин, Корнель, Мольер, был художественным спутником рационализма. Появляется афористическая проза Ларошфуко, Паскаля, Лабрюйера. Литературные эксперименты возрожденческого гуманизма завершились возвратом к чисто французской форме классицизма, теоретиком которого стал Малерб, заявивший о ненужности художественных излишеств и преувеличений. Именно в этот момент в литературе начали формироваться установка на ясность, суховатость и логичность повествования, которые в большей степени проявились в прозе и драматургии и считаются одними из самых ярких свойств французского ума. Рационализм тогда пронизывал всю духовную жизнь Франции. Но в поэзии стиль рационалистической ясности, сковывающей творческую свободу, продержался чуть более века и был полностью опровергнут поэтами конца XVIII – первой половины XIX столетия, которые начали писать совсем по-другому.

XVIII век продолжил и развил рационализм, превратив его в эпоху Просвещения с её культом науки, представлением о человеке как творце истории, борьбой с Католической Церковью и желанием перестроить общество и государство, во главе которого должен находиться образованный и свободолюбивый монарх-философ. Если Италия была культурным и духовным лидером Возрождения, то Франция, безусловно, стала центром эпохи Просвещения. Идеи Просвещения развивали Мон-

тескье, Вольтер, Руссо, Дидро, Гольбах, Гельвеций. Стихи из этой когорты писал только Вольтер, творчеством которого увлекался молодой Пушкин. Именно в это время интенсивно создаются академии, научные общества, масонские ложи, кружки, светские и художественные салоны. Героем поэзии XVIII века становится мощная творческая индивидуальность, человек, обладающий высоким гражданским темпераментом, самостоятельно строящий свою судьбу, опираясь на просвещённый разум.

Среди историков литературы бытует мнение, что XVIII век не был веком лирической поэзии. Популярная в те годы сатира, или галантная поэзия, не дала выдающихся образцов литературы. Особняком стоит фигура великого поэта Андре Шенье, погибшего в якобинской мясорубке, но успевшего в своих предсмертных, написанных в тюрьме стихах осмыслить тёмный лик Великой французской революции. Эта революция, ставшая итогом эпохи Просвещения, отчётливо показала самой Франции и остальному миру, что культ разума, оторванного от глубинных духовных корней, может легко обернуться всплеском иррациональных страстей и явить миру разрушительный лик французского национального характера, «бунт бессмысленный и беспощадный».

В XIX веке история Франции, только что пережившей революцию, была ещё более бурной и драматичной. Первая республика, перешедшая в наполеоновскую Империю с её ощущением могущества, сменилась временем крушения Бонапарта и появления русских казаков на улицах Парижа. Затем были сто дней возвращения Наполеона с его последующим поражением и окончательным изгнанием, реставрация Бурбонов и недолговечная монархия при Луи-Филиппе I, две революции, 1830 и 1848 годов, ожесточенная борьба за власть между представителями французской элиты. А после пошли другие времена и периоды: установление Второй республики, завершившееся почти двадцатилетним периодом Второй империи во главе с Наполеоном III, неудачная война Франции с Пруссией, Парижская коммуна, Третья республика, до конца века раздираемая политическими кризисами и противоречиями.

Если представить те колоссальные испытания, которые обрушились на плечи французов в течение всего нестабильного и драматического XIX века, то трудно даже помыслить о том, как литература и поэзия могли существовать и развиваться в таких условиях. Но французы чем-то похожи на нас: чем труднее условия и драматичнее испытания, тем мощнее сила духа, который они проявляют. На протяжении всего

столетия мы наблюдаем огромный поэтический подъём во Франции! Достаточно вспомнить имена великих поэтов этого труднейшего столетия, чтобы восхититься удивительным феноменом. Вдумаемся, какое соцветие перед нами: Франсуа Шатобриан, Пьер Беранже, Марселена Деборд-Вальмор, Альфонс де Ламартин, Альфред де Виньи, Виктор Гюго, Альфред де Мюссе, Теофиль Готье, Жерар де Нerval, Леконт де Лилль, Шарль Бодлер, Теодор де Банвиль, Вилье де Лиль-Адан, Сюлли Прюдом, Жозе-Мария Эредиа, Стефан Малларме, Поль Верлен, Тристан Корбьер, Артюр Рембо... Целый союз гениев, ведь все они любили Францию!

С известной натяжкой можно сказать, что поэты Франции в конце XIX столетия ещё до Фрейда открыли в себе сферу бессознательного, о реальности которой им ещё в XV веке впервые сказал Вийон («Я знаю всё, но только не себя»), и попытались познать её. Рембо говорил о ясновидении, помогающем постичь тайны мира и природу творчества. Тематически поэзия XIX века очень разнообразна. Мастера пера пытаются в своих стихах заново осмыслить извечные темы, волнующие человека и отчасти отражённые в прошлой поэзии: жизнь и смерть, разделённая и неразделённая любовь, радость осуществления мечты и горечь жизненных утрат, свобода и долг, молитва и земной труд, гармония природы и дисгармония человеческих отношений и, конечно, красота земного и небесного мира.

Именно в XIX веке влияние французской поэзии на русскую достигло своего максимума. Юрий Ключников вывел интересную закономерность. В Золотой, пушкинский, век французские духовные ветры для того же Пушкина были в основном благоприятными (хотя «афеизмом», т.е. атеизмом, русского гения заразил именно Вольтер). Наши поэты Серебряного века охотно усваивали из французских достижений, увы, не самые лучшие декадентские черты как в поэзии, так и в жизни. Причём французские поэты первой волны влияний были всё-таки звёздами второй величины, но вторая волна почти целиком состояла из самых выдающихся, первоклассных мастеров пера. Наверное, дело в том, что зрелый Пушкин стал настолько творчески устойчивой личностью, что уже был недостижим для любых влияний извне и сам мог повлиять на кого угодно, даже на царя.

Поэты же Серебряного века, особенно в молодые годы, оказались слишком не критичными к тому, что нёс им Запад, не увидели под красивой формой разрушительного содержания. Иногда это влияние прояв-

лялось не напрямую. Но очевидно, что образ той музыки, к которой призывал Верлен, парадоксальным образом переключается с темой музыки в стихах Блока, трансформировавшейся в музыку революции. и это при том, что Блок не принял «разлагающей иронии декадентов», поэзия которых, с его точки зрения, нарушала «визгливым воем своей расстроенной души торжественность мирового оркестра».

Но интересно, что, пройдя через это очарование Францией и её поэзией, почти каждый самобытный русский поэт и в XIX, и в XX веке оставлял его и начинал говорить своим голосом. Так происходило и с молодым Пушкиным, и с Лермонтовым, Блоком, Гумилёвым, Мандельштамом. Что же это все-таки было – извечный русский соблазн Европой, подготовивший появление Серебряного века и в конце концов русскую революцию, или нормальный культурный обмен, когда одни великие гении справедливо восхищаются другими великими гениями? Ведь и культурная Франция зачитывалась Толстым, Достоевским, Маяковским, Буниным и многими именами из русской эмиграции!

XX век, особенно его первая половина, принёс Франции ещё больший груз испытаний. Две изнурительные войны, гибель сотен тысяч людей, немецкая оккупация, движение Сопротивления, послевоенная разруха, потеря бывших колониальных территорий, студенческие бунты. Но и поэзия продолжала развиваться и, пройдя через многие формальные искусства, даже окрепла, закалила свой классический чекан. Этот век представлен в сборнике наибольшим количеством ярких поэтов: Анри де Ренье, Франсис Жамм, Поль Клодель, Поль Валери, Гийом Аполлинер, Жюль Сюпервьель, Пьер-Жан Жув, Сен-Жон Перс, Жан Кокто, Поль Элюар, Луи Арагон, Антуан де Сент-Экзюпери, Робер Деснос, Жак Превьер, Раймон Кено, Эжен Гильвик, Рене Шар, Андре Френо, Рене Ги Каду, Жак Брель. Многие из них родились ещё в XIX веке, но как поэты состоялись в двадцатом. и они шли новыми путями, а не почивали на лаврах, добытых их великими предшественниками. Поэты активно искали разные средства для воплощения своих мыслей и чувств, практикуя авангардные формы стихосложения или уходя в дебри сюрреализма. А сколько литературно-художественных школ было во Франции в XX столетии: дадаизм, кубизм, сюрреализм, реализм, как «без берегов» (Роже Гароди), так и с самыми фантастическими «берегами»!

И, конечно, поэты вслушивались не только в себя, но и в меняющийся мир. Художник не может не отражать своё время. Когда оно на-

полнено великими потрясениями, он испытывает чувство потерянности и даже смятения, пытается уйти в другие эпохи, подобно поэтам «Плеяды». Либо увлекается мистикой, «автоматическим письмом» и погружается в мир иррационального. Наконец, он может уйти в традиционную религию и сосредоточиться на духовно-религиозных переживаниях, как Клодель. Но когда эпоха бросает человеку вызов и ставит его перед лицом смерти, у поэта возникает другая возможность – принять этот вызов и пойти на войну, как Аполлинер, или вступить в движение Сопротивления, как это сделала целая когорта французских литераторов. Стихи таких поэтов, написанные по горячим следам сражений, сугубо реалистичны: перед лицом смерти нет необходимости эпатировать публику формальной новизной.

Если попытаться определить, каким был литературный герой лучшей поэзии XX века, то можно сказать, что это человек, с одной стороны, продолжающий искать Истину и себя, а с другой – сопротивляющийся как врагу, так и духу века. Элюар, Деснос, Экзюпери, Арагон, Френо, Ги Каду – поэты-воины, которые противостояли не только нацистам, но и разрушительным идеалам пошлости и потребительства, проникшим и в умы сограждан, и в пространство высокой поэзии. Они отбросили темноту как принцип поэтической речи, отказались от герметических установок «чистого искусства», повернулись к гражданской, общественной тематике. Это, кстати, помогло таким художникам слова остаться на высоте и в чисто субъективной поэзии – в любовной, пейзажной, философской лирике.

КРЕТЬЕН ДЕ ТРУА
(ОКОЛО 1135 Г. – ОКОЛО 1185 Г.)

Кретьен де Труа – самый знаменитый поэт древнего периода французской литературы. Он считается основоположником жанра рыцарского романа и куртуазной литературы. Всем, что знает современный мир о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, он обязан Кретьену де Труа, который ввёл эти легенды в литературный обиход.

Более того, кодекс чести, благородства, мужества, самоотверженности, защиты слабых, связанный с рыцарскими идеалами и поведением, впер-

вые получил художественное выражение именно в романах де Труа. После них все рыцари стремились соблюдать эти идеалы.

О жизни поэта достоверных данных крайне мало. Предполагают, что он родился в обеспеченной семье, поскольку литературную деятельность начал с того, что переложил стихи Овидия на французский язык. Это свидетельствует о знании латыни, которое в ту пору давали только школы для высших сословий, часто будущим служителям церкви. Историки литературы утверждают, что Кретьен де Труа был тесно связан с высшим светом, в частности со двором графини Марии Шампанской, которая инициировала написание романа о рыцаре Ланселоте, а также со двором графа Филиппа Фландрского, для которого писался роман о простеце Персевале (Кретьен де Труа умер, не успев его закончить). В дошедших до нас многостраничных поэтических романах де Труа наряду с традиционным для средневековой поэзии культом Прекрасной Дамы просматриваются реалистические краски и тонкий психологизм. Намечены линии сюжета о Дон Жуане, который позднее разрабатывался многими европейскими писателями. Речь идёт о превосходстве любви над такими понятиями, как долг, честь, супружеская верность.

Помимо темы легендарного короля Артура и рыцарей Круглого стола Кретьен де Труа ввёл в литературу тему святого Грааля. В дальнейшем она активно прорабатывалась в эзотерических учениях. О Граале много спорили богословы и философы. Роман поэта, стихотворный фрагмент которого «Ивэйн, или Рыцарь со львом» помещён в этом сборнике, посвящён теме конфликта любви и рыцарской доблести. Это, возможно, самый ранний вариант «донжуанской темы» в европейской поэтической традиции.

ИВЭЙН, ИЛИ РЫЦАРЬ СО ЛЬВОМ
(Фрагмент стихотворного романа)

«Острее всякого меча
Любовь разит сердца с плеча.
И если ранит ваше сердце,
Вам никуда уже не деться.
Она в присутствии врача
Над ним смеётся, горяча.

Кто чарами её пленён,
Навеки тот приговорён.
Любовь хозяйничает всюду, –
Я повторять об этом буду, –
Оказывает предпочтенье
Святым местам уединенья.
При этом, не стыдясь ничуть,
Умеет даже в грязь нырнуть.
И расточать усердно там
Свой аромат среди грязных ям.
Любовь пленяет бедных Ев
И венценосных королев.
Смиренно ей монахи служат,
И старцы мудрые с ней дружат.
Но та, которую люблю,
Захочет ли судьбу свою
Соединить с моей законно?
Читайте притчи Соломона...»
Так размышлял мессир Ивэйн
О жизни горестной своей,
Когда стоял он под окном
Прекрасной дамы.
Сей дом врагу его принадлежал,
В кого Ивэйн вонзил кинжал.
Теперь дежурит и гадает,
И сам с собою рассуждает:
«Я, несомненно, сумасброд,
Такое в голову придёт
Лишь в виде тяжкого недуга –
Ведь я убил её супруга.
Мечтаю жить с его вдовой,
Рискуя грешной головой.
А дама ненависть питает,
Казнить обидчика мечтает.
Сегодня тем живёт она.
Но завтра вся моя вина
Уступит место чувствам новым.

Совсем не злым и не суровым.
И может так случиться вдруг,
Что ярый враг ей станет друг.
И даме он шепнёт на ушко:
– Зачем хранить пустой подушку?
Предать постам себя прилежным,
Напрасно сохнуть персям нежным,
Беречь нетронутую плоть?
Такими дам создал Господь.

БЕРТРАН ДЕ БОРН (1145–1215)

Французский средневековый поэт, знаменитый трубадур из Прованса. Происходил из аристократической семьи, рано лишился матери, воспитывался и получил образование в среде родовитых феодалов, где культивировались рыцарская доблесть, верность сюзерену и одновременно складывавшаяся в то время «куртуазность» – в те времена синоним понятия «культура».

Особенно ценилось умение сочинять стихи. Всё это наложило отпечаток на характер де Борна, которому довелось участвовать в многочисленных войнах за личное наследство, а также за наследные права ряда королей Франции. Интересная деталь: в этих боях он противостоял одно время английскому королю Ричарду Львиное Сердце, с которым позднее подружился. Историки литературы отмечают, что его отношения с Ричардом Львиное Сердце – сквозная тема песен де Борна. Отличался отвагой, великодушием, прямоотой – эти его качества воспеаны в хрониках и стихах многих трубадуров. В конце жизни принял монашество и последние двадцать лет жизни провёл в стенах монастыря.

Де Борн ставил рыцарскую доблесть выше всех наслаждений жизни, даже выше любовных утех. Поэт – вместе с тем пропагандист «домостроевских» идеалов, совершенно не характерных для подавляющего числа поэтов Франции, – славит в своих канцонах супружескую верность и домовитость дам. Оставил после себя четырёх сыновей, один из которых, тоже Бертран де Борн, пошёл по стопам отца – стал трубадуром.

Фигура Бертрана де Борна привлекала внимание литераторов разных эпох, начиная с Данте, жившего веком позже. Под влиянием довольно тенденциозного жизнеописания де Борна, сделанного в XIII веке, итальянский поэт совершенно несправедливо поместил в своей «Божественной комедии» де Борна, «ссорившего короля-отца с сыном», в восьмой круг ада (Inferno, XXVIII). Признавая при этом все его благородные качества. Позднее к образу де Борна обращались литераторы XIX века, в частности Генрих Гейне. Лион Фейхтвангер ввёл его в качестве персонажа в «Испанскую балладу». Творчество средневекового поэта ценил Фет, переводивший его стихи, Александр Блок ввёл де Борна в качестве действующего лица в свою пьесу «Роза и крест».

Стихи Бертрана де Борна ярко представляют не только его характер, но и приметы времени, в котором жил поэт.

* * *

Я знаю всё, что обо мне твердят,
Поссорить нас завистники хотят.
Терзает моё сердце злая рана –
Не верьте обо мне худой молве.
Держу одну молитву в голове:
«Не покидайте вашего Бертрана».
Спасите чувства праведной души.
Пусть улетит с позором коршун лжи,
Ведь это он меж нами ссоры сеет.
Пусть сокол мой все сплетни обо мне,
Что я имею страсть на стороне,
Догонит, и накажет, и развеет.
Когда я еду на коне верхом,
О вас мечтаю, а ещё о том,
Что встречу вас сегодня или завтра,
Что не погиб и не упал с коня.
Что в сердце у меня достаточно огня,
Всё, что болтают обо мне, – неправда.
Пусть не везёт мне в играх на костях,
Пускай я проиграюсь в пух и прах,
Как доказать вам правоту могу я?

Мой пыл сердечный вовсе не погас,
 Я верен вам, я обожаю вас.
 Поверите ли, что люблю другую?
 Быть может, очень скоро я умру,
 Не отомстив врагам за подлую игру.
 Быть может, не найду удачу.
 И пусть беда жестокая согнёт
 Или какой холоп меня побьёт.
 От вас греховных замыслов не прячу.

* * *

Сражение мне – блаженство из блаженств,
 В нём вижу благосклонный Неба жест,
 Явить уменье, мужество и честь
 Во славу Божьей Матери и дам.
 За битву я все радости отдам
 И от любовных откажусь услад,
 Как Господа слуга и как солдат.

О ТЕХ, КОГО ЛЮБЛЮ

Люблю я дыханье лесов и полей
 И яркие краски весны,
 Люблю, когда в роще поёт соловей
 Под вечер среди тишины.
 Приятен в саду мне звенящий ручей.
 Милей же всего перезвоны мечей,
 И песни сражений, и трубы войны,
 Когда они всюду слышны.

Я весел, коль слышу вдруг топот коней,
 То рыцарский едет отважный отряд,
 Доспехи героев на солнце горят.
 Я вижу, как бой начинается вдруг,
 Мне кровь будоража и радуя взгляд.
 Вот стадо бежит, и в смятенье пастух,

Вот замок в осаде.
 Вот стены трещат,
 И крики, и стоны несутся вокруг.
 И бьются вассалы, отваги полны,
 Сражаются насмерть в проломе стены.
 И вновь тишина и задумчивый луг.
 На нём погребальные плиты встают,
 А рядом ромашки густые цветут,
 И мчится табун одичалых коней
 По травам подросшим военных полей.
 Героем умрёт, кто героем рождён,
 Отмечен печатью Всевышнего он.
 Достойны покоя, любви, тишины
 Лишь мужества дети, лишь чести сыны.
 Кто, пав, себя воинской славой покрыл.
 Кто кровью своею цветы обагрил.

О ТЕХ, КТО МОЛОД

Та дама хороша и молода,
 Чей нрав лишён малейшего бесстыдства,
 Чья совесть не страдает никогда
 Ни от излишеств, ни от любопытства.
 Она всю жизнь хранит красивым тело,
 Ведёт себя с достоинством и смело,
 Не позволяя ветреной толпе
 Судить легко и низко о себе.
 Того лишь рыцаря считаю молодым,
 Кто на подарки дамам не скупится,
 Кто деньги может вмиг развеять в дым,
 Ввязаться в бой,
 В турнир и в пир влюбиться.
 Кто воевать как следует умеет,
 Кто тела на турнирах не жалеет,
 Кто научился управлять бедой –
 Тот для меня по праву молодой.

ФРАНСУА ВИЙОН (1431 ИЛИ 1432 Г. – ПОСЛЕ 1463 Г.)

Знаменитый французский поэт, самый крупный лирик позднего Средневековья. О жизни поэта сложено множество легенд. В то же время сохранилось немало документов, главным образом судебного характера, поскольку Вийон не однажды привлекался к уголовной ответственности за драки, разбой, даже убийства. Когда в 1455 году

на Вийона напал с ножом священник Филипп Сермуаз, поэт в завязавшейся драке смертельно ранил противника и, скрываясь от суда, покинул Париж. Подобный акт самозащиты, дозволявшийся обычаями, не сыграл большой роли в его дальнейшей судьбе (тем более что сам Сермуаз перед смертью простил своего убийцу, признав себя зачинщиком, и Королевский суд объявил поэта невиновным).

Но в дальнейшем Вийон, оказавшись без денег, занялся грабежами, несколько раз попадал в тюрьму. Деньги ему были нужны не для роскошной жизни, а для того, чтобы обеспечить себя необходимой суммой для путешествия в Анжер, попасть на приём к Рене Анжуйскому («королю Сицилии и Иерусалима») и добиться, чтобы тот взял его придворным поэтом. Поскольку Вийон получил отказ и не имел никаких средств, чтобы вернуться на родину, он постепенно сблизился с компанией разбойников.

Дважды приговаривался судом к повешению. Первый раз его спасло от виселицы заступничество герцога Карла Орлеанского, у которого Вийон участвовал в поэтических турнирах (см. «Балладу на поэтических состязаниях в Блуа»). Второй раз Вийона выпустили на свободу по амнистии короля Людовика XI, сына Карла Орлеанского. С тех пор судьба поэта неизвестна, за исключением какого-то упоминания в хрониках XV века, что позволило определить его кончину не раньше 1491 года. То есть прожил Вийон при его буйном характере всё-таки достаточно долгий по тем временам срок.

Неординарна и творческая судьба великого поэта. При жизни он пользовался, видимо, достаточной известностью, раз был под покровительством августейших особ. Затем на три с лишним века погрузился в забвение, из которого Вийона вывел в XIX веке Теофиль Готье.

У нас в России отношение к Вийону тоже менялось. Однажды французского поэта вспомнил молодой Пушкин, отметив в нём, правда, только грубость. У поэтов Серебряного века Франсуа Вийон не встретил приязни. Исключение – Эренбург. Есть эпатажные и одновременно сочувственные строки о гениальном «школяре» у Маяковского, обращённые к собратям по перу: «А знаете, если не писал, разбоем занимался Франсуа Вийон». Широкое признание советских читателей к Вийону пришло лишь после отличных переводов поэта, сделанных Ильёй Эренбургом.

Тем не менее переводчик позволил себе внести некоторые существенные, на его взгляд, коррективы в свой перевод стихотворения «От жажды умирая над ручьём», где Вийон выразил своё жизненное и творческое кредо. Строку Вийона, которая в подстрочнике выглядит так: «Моя родная земля не здесь, она далеко» – Эренбург передал словами: «Мне родина моя – моя чужбина».

Конечно, перевод одного поэта другим допускает вольную перекличку, но в данном случае душевное созвучие показалось переводчику неадекватным. Эренбург пересказал скорее своё душевное состояние. Ю. М. Ключников перевёл строку Вийона тоже вольно: «Моя отчизна – журавлиный клёкот». Учитывая глубокую религиозность Франсуа Вийона и его способность к раскаянию, ясно, о какой отчизне грезил французский поэт... Его рефрен, завершающий каждую строфу, у Эренбурга выглядит так: «Я принят всеми, изгнан отовсюду». Подстрочник же Вийона иной:

«Я принят (неизвестно кем. – Ю. К.) хорошо, но изгнан каждым». Поэтому, опять же имея в виду глубокую, хотя и своеобразную набожность «школяра» (он сам себя так называл), свой перевод данной строки Юрий Ключников обозначил так: «Я принят Всем, за это изгнан всеми». Впрочем, любой переводчик неизбежно вносит личный отпечаток в переводимый поэтический текст, точный перевод стихов с одного языка на другой, в нашем понимании, невозможен.

Этот столь подробный комментарий к Вийону объясняется масштабом поэта. В нём, как в зерне, содержатся все лучшие черты последующей французской поэзии: её огромная искренность, жизнелюбие, глубокая религиозность, культ женщины, юмор, демократизм – комплименты можно продолжать долго. Исследователи творчества Вийона видят в нём и трагическую фигуру, способную к глубоким прозрениям, заглянувшую в тайны бытия, и в то же время мастера иронии, склонно-

го к тонкой пародии, с помощью которой он спасается от страхов перед расплатой за собственные грехи.

Ю. М. Ключников сопоставляет значение Вийона для французов со значением Петрарки для итальянцев. Но можно сравнить любовную лирику французского поэта и с поэтизацией Дульсинеи у Сервантеса. В самом деле, герой Сервантеса поклоняется Прекрасной Даме в лице крестьянки. Предмет поклонения Франсуа Вийона – содержательница разбойничьего притона. При этом поэт не впадает в идеализацию героини, полностью отдаёт себе отчёт, чем реально является предмет его обожания. Дон Кихот посмеивается над собой, совершая воображаемые подвиги на свободе, Вийон это делает в тюрьме накануне казни. Поистине уникальный в мировой литературе образ: гений, злодейство, пронзительная искренность, осмысление двойственной природы человека и юмор висельника соединились в очень большом поэте.

БАЛЛАДА НА ПОЭТИЧЕСКИХ СОСТЯЗАНИЯХ В БЛУА

Напиться не могу, склоняюсь над родником.
 У вас, мой принц, мне тоже одиноко,
 Дрожу в тепле, с морозом незнаком,
 Моя отчизна – журавлиный клёкот.
 Не полагаюсь ни на чьи глаза,
 Своим – не верю, верю в чудеса.
 А ночевать предпочитаю в сене.
 Порой застанет в нём меня гроза.
 Я принят Всем, за это изгнан всеми.
 Богат, как царь, без дрожи над казней,
 Которую усердно расточаю.
 Для подданных я – государь смешной,
 Лишь миражи им щедро обещаю.
 Мне из людей всего понятней тот,
 Кто коршуном голубку назовёт,
 Кто в очевидность лишь сомненья сеет,
 А выдумке заглядывает в рот.
 Я принят Всем, за это изгнан всеми.
 Добра мешок по кочкам зла влачу,
 Траву ищу под слоем павших листьев,

От правды ложь никак не отличу
 Среди высокочтимых полуистин.
 И правда где, в раю или в аду?
 У тех, кто счастлив?
 Кто попал в беду?
 Рассудят лишь Создатель наш и Время.
 Школяр, не знаю сам, куда бреду.
 Я принят Всем, за это изгнан всеми.
 Напиться не могу, склоняюсь над родником,
 Свои желанья ото всех скрываю.
 Не потому, что с мудростью знаком.
 Я знаю лишь, что ничего не знаю.
 От вас же, принц, не смею скрыть того,
 Что многого хочу, но жажду одного –
 Понять всего единственное Семя,
 И верю в Высшей Правды торжество.
 Я принят Всем, за это изгнан всеми.

БАЛЛАДА ИСТИН НАИЗНАНКУ

Куда приятней запах сена
 Травы, которая растёт.
 Милей земные перемены,
 Чем неподвижность всех высот.
 Любая жизнь опасней тлена,
 Клочок земли важней Вселенной.
 Нам глупость знания несёт.
 И лишь влюблённый знает всё.
 Венера рождена из пены.
 Цветок сухой сулит нам плод.
 Огонь выходит из полена.
 В морозы тело солнца ждёт.
 У верности сестра – измена.
 Свобода зреет в муках плена.
 Несчастье радости пасёт.
 И лишь влюблённый знает всё.
 Хмельному море по колено.

Хромой свой дом скорей найдёт.
 Нахальный молится смиренно,
 Когда увидит смертный вход.
 Разрушит жизнь любые стены,
 Фома уверует мгновенно,
 Его сомнение спасёт.
 И лишь влюблённый знает всё.
 Кто путь земной прошёл без крена?
 Наверно, полный идиот.
 Жизнь – неизменная арена
 Для истины наоборот.
 Вращают спицы колесо.
 И лишь влюблённый знает всё.

БАЛЛАДА О ПОВЕШЕННЫХ

О люди!
 К вам, живым, взываю всем,
 Не плача, не винясь, не упрекая.
 Нас – пять ли, шесть висит здесь или семь...
 И вас, быть может, ждёт судьба такая.
 Мы тоже знали беды и пиры,
 Намучились, наелись, насладились.
 И вот они, последние дары –
 Мы в кукол страшных нынче превратились!
 Жара нас мучит, градом бьёт гроза,
 Зима терзает, снегом одевая.
 Нам выклевали вороны глаза.
 Но мы-то живы, в страхе пребывая.
 Вдруг и в аду у нас отнимут речь,
 Молиться будет некому и нечем.
 И душам тоже там ни встать, ни лечь.
 Качаться лишь...
 Порядок Божий вечен.
 Мы в муках ждём Последнего суда.
 А вы его, возможно, не боитесь,
 Поскольку не грешили никогда.
 Тогда за нас хотя бы помолитесь.

За падших нас
 Тому, кто был зачат Пречистой.
 Попросите Иисуса
 Освободить Его несчастных чад
 От страшного теперешнего груза.
 О нас пошлите горестную весть...
 Молчите. Боль висящих вас не гложет.
 Душ безразличных под луною несть.
 Тогда и вам Всевышний не поможет.
 Для всех сияет солнце горемык,
 Всем обещает светлую дорогу.
 О люди!
 Наш немой услышьте крик,
 За висельников помолитесь Богу!

Я ЗНАЮ ВСЁ, НО ТОЛЬКО НЕ СЕБЯ

Я знаю вкус несчастий и побед.
 И слёзы, и когда ресницы сухи,
 Я знаю, адский мрак и райский свет
 Надежней тех, кто носит крест на брюхе.
 Я знаю сплетни, что о нас старухи
 Распространяют, на весь мир трубя,
 И как опасны радостные слухи.
 Я знаю всё, но только не себя.

Я знаю Ветхий и Христов Завет,
 Как школяру не сгинуть с голодухи,
 Как богачи бывают к бедным глухи,
 И что у них сегодня на обед.
 Я знаю, как обидны оплеухи,
 Как выжить без гроша и не скорбя,
 Живым остаться в смертной заварухе.
 Я знаю всё, но только не себя.

Я знаю ласки страстные любви,
 И как нас за нос водят потаскухи.
 Как сердце обливается в крови,

Когда его терзают злые духи.
 Я знаю стыд певца в смоле и в пухе
 И счастье жить, на свете всё любя.
 Я знаю наслаждения и муки.
 Я знаю всё, но только не себя.

ИЗ МАЛОГО ЗАВЕЩАНИЯ

I.

Под Рождество, среди зимы,
 Когда в тепло стремимся мы,
 Избавиться задумал я,
 Жестокой мукой утомлённый,
 От своего жилья-былья,
 От горестной любви своей,
 Где среди мрака и цепей
 Терзался я, в Марго влюблённый.

II.

Я не забуду эту клеть,
 Где столько мне пришлось терпеть
 Измен, побоев – счёту несть.
 А что же получил в итоге?
 Свою поруганную честь,
 Пустой карман и прах в гробу,
 Разбитую вконец судьбу
 Разбойника с большой дороги.

III.

И не забыл, из-за кого
 Хлебнул я этого всего,
 И сколько горьких слёз пролил
 И сил был вынужден отдать я.
 Чтоб милым быть, кому не мил,
 Любимым быть, кому не люб.
 Зачем других не жаждал губ,
 Иные не искал объятья?!

IV

Меня её лукавый взор
 Насквозь пронзает до сих пор,

И мучит, и грызёт меня,
 Но жалкий жребий не меняет.
 Бегу от глаз её огня,
 От тела жаркого бегу.
 Но отделиться не могу,
 Воспоминанья догоняют.

V.

Гоню воспоминанья прочь,
 Они тревожат день и ночь,
 Казнят и дразнят школяра
 Юдолью сладкой и постылой.
 Расстаться с ними мне пора,
 Себя свожу в могилу сам,
 Найдет Марго меня и там.
 Спаси, Всевышний, и помилуй!

VI.

Болван, какой же я болван,
 Ношу я краденый кафтан,*
 В кармане нож бандитский свой,
 Душой моею страсти крутят,
 И что мне делать с головой,
 Где в мыслях я судьбу браню,
 Священный Лик Творца храню
 И женские ласкаю груди.

АНДРЕ ШЕНЬЕ (1762-1794)

Столь же быстро кровавые эксцессы революционного режима вызвали у поэта резкое отторжение. Шенье сделался непримиримым обли-

чителем «власти народа», публиковал в оппозиционных парижских газетах и журналах яростные статьи, эссе, стихи против лидеров революционного Конвента.

Какое-то время верховоды революции его терпели, затем взяли под стражу. В тюрьме Андре Шенье провёл несколько месяцев, и за это время написал ряд лирических стихотворений, позднее принёсших ему широкую посмертную славу в Европе.

За жизнь Андре Шенье боролись влиятельные родственники, которые, кстати, пошли на службу якобинскому режиму. Последняя аудиенция брата Андре Шенье у влиятельного члена Конвента Бертрана Барера (его имя упоминается в сонетах Шенье) закончилась обещанием чиновника: «Через три дня я верну ему (Шенье) свободу». «Свободой» оказалась гильотина.

Казнь Шенье вызвала широкий резонанс в Европе. На это событие откликнулись своими стихами и переводами французского поэта известные европейские литераторы, у нас – Батюшков, Баратынский, Пушкин, другие поэты.

В лице Андре Шенье французская литература преждевременно потеряла очень большой талант, который только набирал силу. Публикуемая ниже «Элегия» представляет раннее творчество поэта, «Ямбы» – это уже поздний Шенье.

ЭЛЕГИЯ

Под звёздами, под хмурою луной
Я выхожу на встречу с тишиной,
Но не затем, чтоб обобрать кого-то,
Воспользовавшись ночью и погодой,
Тем более – кого-нибудь убить...
О нет! Я жажду верить и любить
Тебя, звезда любви, моя Венера!
Хочу я также, чтобы всё вокруг звенело
И наконец мне повстречалась та,
Кого лелеет сладкая мечта.

ЯМБЫ

Когда овца отправится на бойню
И голову подставит под топор,
Не сделаются пастыри достойней,
А судьи милосердней с этих пор.

Мальчишки, что бежали вслед за стадом,
Старушки, опекавшие овец,
Не вспомнят ту, что прыгала когда-то.
Живому полагается конец.

И мне готовят новое жилище.
Законы революции стары –
Я должен стать кому-то сладкой пищей,
Украшу победителей столы...

А что друзья?
Они не склонны к риску.
Ведь мог бы кто из близких парижан
Послать пирог, напильник и записку
Да золотой тюремным сторожам...

Ах, милые, не мучайтесь виною,
Что кровожадной сделалась страна.
Вам вовсе незачем спешить в тюрьму за мною.
И я в былые времена

Свой взгляд отвёл бы от тюремных камер,
Не замечая дьявольского зла.
Сегодня сам перед кончиной замер.
Друзья, да будет ваша жизнь светла!

* * *

Живём. и что? Наверно, так и нужно –
Поспать, покушать, крошки отряхнуть.
Дождаться часа своего и старости недужной,
Под музыку уплыть в последний путь.

Тот пьёт, тот лжёт, та мужу изменяет.
Поэт стишки строчит о красоте.
Иные речи спешно сочиняют,
Барер – о либерте с эгалите.*

В Конvente мельтешат одни и те же рожи –
витии, краснобаи, болтуны, дельцы.
Но час пробьёт – и вдруг возникнет, Боже,
Та, что начала сводит и концы.
Что всех нас без особого разбора
Стрижёт и отправляет на тот свет.
И кто-то шепчет: «Не сегодня, нет...»
Глупец! Пусть не теперь, но скоро...

* * *

Последний солнца луч готовит сумрак миру
И за холмы вот-вот прощально упадёт.
В последний раз настраиваю лиру.
Спою – и поднимусь на эшафот.
Гремит замок. Посланец смерти скорой
Построит всех нас в ряд и выкликнет меня.
И побреду с толпой в потёмках коридора
На плаху умирающего дня.
Ну что же, я пожил, я знал минуты счастья
И честь не уронил, не предал прямогу.
И уходящим днём в последний скорбный час я
Могу лишь повторить, что сохранил мечту
О правде и любви. Зачем мне жить на свете,
Где царствуют бесчестье, ложь, вражда.
Мы все за всё душой когда-нибудь ответим
Перед законами Последнего суда.
А я... Я ухожу туда, где только правда.
Возлюбленная Франция, поверь:
Мне без твоей свободы жизнь – отравла.
Смерть, не стучи замком. Я сам открою дверь!

ПЬЕР БЕРАНЖЕ (1780–1857)

Знаменитый французский поэт, сатирик, автор песен. Творческое лицо этого французского классика хорошо известно русскому читателю начиная с 60-х годов XIX века благодаря мастерским переводам В. Курочкина и А. Михайлова. Их считает своими учителями и переводчик, особенно в переводах Беранже. Много печатали поэта в советские годы, его стихи положил на музыку Даргомыжский («Старый капрал»), песни исполнял Шаляпин.

Пьер Беранже прожил долгую, наполненную большими событиями жизнь, активно участвовал в ней и как поэт, и как политик. У него всегда были сложные отношения с властью, которая безуспешно старалась его приручить. Он порой менял свои взгляды, но никогда не приспособился к настроениям толпы. Так, например, ещё в 1808 году, когда Наполеон был в силе, Беранже написал памфлет на «корсиканца» и сатирические стихи. Но в годы Реставрации, когда имя великого императора Франции поносили, воздавал ему хвалу, даже написал стихотворение-реквием о нём – редчайший случай во французской поэзии, когда предметом восхваления становится первое лицо государства. Зато резко выступал против Наполеона III, за что подвергался преследованиям. Но авторитет и слава Беранже были столь велики, что даже «Наполеон маленький» вынужден был провести похороны поэта по высшему разряду и за счёт правительства.

По широте интересов, многогранному таланту Беранже сопоставим разве что с Гюго, хотя в жанровом отношении его творчество небогато: в основном это песни, ставшие народными. Песни позволили поэту не только передавать настроения широкой публики, но и выражать собственные философские, религиозные, даже прогностические размышления, для своего времени совсем не тривиальные. В последние десять лет жизни поэт отошёл от общественной жизни и поселился в предместье Парижа, где занялся делами, описанными в стихотворении «Садик».

САДИК

Однажды попросил я Бога:
– Мне скоро стукнет шестьдесят.

Твоих даров я принял много,
 Порадуй напоследок взгляд.
 Утех немного остаётся
 Поэту-грешнику. Вино?
 Но одному никак не пьётся.
 Друзья же разбрелись давно.
 Любовь? Она ещё туманит
 Седую голову мою
 И по своей привычке манит,
 Но от неё я устаю...
 От славы устаю я тоже,
 От шума, лести, похвалы,
 За коими, прости, о Боже,
 Потоки льются злой хулы.
 Что же касается бессмертья,
 Не знаю, быть ему, не быть.
 Оно как письмо в конверте –
 Пока ты жив, его не вскрыть.
 Пошли мне что-нибудь простое,
 Что видел каждый на веку,
 Чем сельский житель удостоен –
 Клочок природы старику.
 Сказал – и что я вижу: рядом
 Ручьи весёлые бегут,
 Цветы ласкают взгляд нарядом,
 Деревья небо стерегут.
 Бог шлёт поэту-ротозею
 Лопату, грабли, таз, метлу.
 Гребу, мету, копаю, сею,
 Пока не ляжет сад во мглу.
 А вечером ко мне на ветку
 Летит приятель-соловей,
 И я за ним лечу в разведку
 На поиск песен и идей.

ЗАВЕЩАНИЕ ПОЭТАМ

Поэты! Возвещаю годы
 Безмолвия словесных муз.
 Уже сливаются народы
 В один большой земной Союз.
 Нужды не станет в наших спорах,
 А значит, и в потоках слов.
 Грядёт, хоть, может быть, нескоро,
 Преображение Основ.
 Всё в мире породило Небо –
 Начало наше, наш итог.
 А Небо, как известно, немо,
 Как молчалив премудрый Бог.
 Великолепные пейзажи
 Им созданы не для речей.
 Куртины роз – не для продажи,
 Как и леса, как и ручей.
 Не сохранит любой гербарий
 Живым цветок, тем паче – луг.
 Как не понять Творенье тварей
 Всей Академии наук.
 Она ценой больших раздумий
 Способна только объяснить
 Существование в Лувре мумий –
 Как прах наш можно сохранить.
 Итак, поэты, век приходит,
 Его уже предвижу я,
 Когда ни при какой погоде
 Не удержать в руках старья.
 Вооружимся же любовью,
 Приложим к ней старание, труд,
 Чтобы уйти от многословья,
 Его потомки не поймут.

БЕЗУМЦЫ

Мы привыкли вышагивать строем.
 Если ж вырвется кто-то вперёд,

Вслед ему оглушительно воем:
 «Он безумец! Позорит народ».
 Травят люди такого, как волка,
 Пока до смерти зверь не устал.
 После ставят на книжную полку,
 А бывает – и на пьедестал.
 Ждёт Идея, подобно невесте,
 Кто её поведёт под венец.
 Редко слышит хорошие вести,
 Ей повсюду пророчат конец.
 Но безумец находится некий,
 Слушать он не желает народ.
 Не получится в нынешнем веке –
 Выйдет в новом... За дело, вперёд!
 Сен-Симон родовое богатство*
 Посвятил сокровенной мечте –
 Он задумал всеобщее братство
 Учредить, и угас в нищете,
 О всеобщем богатстве мечтая,
 Где отсутствует хищник-злодей.
 До сих пор та Идея святая
 Будоражит сознание людей.
 Всех из грязи нас выбраться в князи
 Призывал беспокойный Фурье.**
 «Сколько можно терпеть безобразье!
 Почему вы живёте в норе?»
 Стройте сами жильё и заводы,
 Создавайте фаланги труда.
 Мысли эти не канули в воду,
 Не прошли по земле без следа.
 Был ещё один. За равноправье
 Двух полов он всю жизнь воевал.
 Три безумца. Но люди не вправе
 Осуждать их святой Идеал.
 Луч неясный становится ясным.
 Был безумцем открыт Новый Свет.
 Слыл когда-то безумцем опасным

Подаривший нам Новый завет.
 Если завтра бы солнце забыло
 В человеческий мир заглянуть,
 Землю тотчас бы всю озарила
 Мысль безумца какого-нибудь.
 Сами мы не умеем найти
 К ослепительной Правде дорогу,
 Лишь безумцы, послушные Богу,
 Открывают к Ней наши пути.

НАПОЛЕОН НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ

Куда-то вдаль подобьем сувенира
 На жалком бриге, где чужой штандарт,
 Меня отправили. и вот, обломок мира,
 Я вдалеке от мореходных карт
 Мечтаю снова возвратиться в детство,
 В края, где блещут солнце и слеза.
 Где Франция закроет наконец-то
 Мои в неё влюблённые глаза.
 Передо мной клочок пустынной суши
 И полумира напряжённый взгляд.
 С какою злобой разные чинуши
 Издалека за мною здесь следят!
 А вдруг вернётся к ним моё соседство!..
 Не бойтесь, вижу я свой путь назад,
 Где Франция закроет наконец-то
 Мои в неё влюблённые глаза.
 Я, для вельмож опасный чужестранец,
 На трон каким-то образом пролез,
 Не вписываюсь в королевский глянец,
 Взорвал, как бомба, двадцать королевств.
 Могильный холм – единственное место,
 Где прятаться должна моя гроза.
 О Франция, закрой же наконец-то
 Мои в тебя влюблённые глаза!
 За мной следить победа утомилась,

Я тоже от забот её устал.
 Пошли, судьба, непрошеную милость,
 Перемени мой жизненный устав.
 От яда лавров никуда не деться,
 Пускай насытят змеи свой азарт.
 О Франция, закрой же наконец-то
 Мои в тебя влюблённые глаза.
 Что на скале таинственной маячит?
 О боги, неужели чёрный флаг,
 И голос мой услышан, это значит,
 Что умер я, что плачет даже враг.
 Что на планете есть святое средство
 Прикончить затянувшийся базар.
 О Франция, закрой же наконец-то
 Мои в тебя влюблённые глаза.

Ю. М. Ключников писал о роли Наполеона в истории Франции: «Я тоже много думал о том, почему поэты Франции написали так мало стихов о Наполеоне в отличие от русских, ведь у нас этого гениального завоевателя воспели Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Брюсов, Цветаева. Имена Беранже и Шатобриана в данном смысле – пожалуй, исключение... Может быть, причина в свободолюбии французов, избегавших прославления государственных лиц, возможно, причина в сокрушительном поражении императора, которое им хотелось бы забыть. Между тем великий завоеватель в конце жизненного пути увидел иные, хотя и запоздалые, подступы к тому пути, где можно было одержать неоспоримую победу. Речь идёт о его письменном признании, сделанном на острове Святой Елены:

“Александр Македонский, Юлий Цезарь, Карл Великий и я – мы были основателями мощных государств, но на чём держалась наша власть? На силе! Иисус Христос основал своё царство на любви, и в настоящее время тысячи людей отдали бы с радостью за Него свою жизнь... Иисус является завоевателем, Который истинно объединяет не только один народ, но и всё человечество с Самим Собой”.

Завершаю свои раздумья коротким стихотворением:

*– О, жизнь моя, – какой роман! – сказал Наполеон.
 Я кровь солдат не проливал, не властвовал, как он.*

*Но очень долго воевал с собою и с людьми.
 И сдался так же, как и он,
 Империи Любви,
 Которую принёс
 Христос.»*

ВИКТОР ГЮГО (1802-1885)

Великий поэт, прозаик и драматург, основатель школы романтизма в литературе, член Французской академии, пэр, сенатор.

Сын наполеоновского генерала и роялистки по убеждениям, он сочетал в своих воззрениях монархизм с демократизмом, почитал Наполеона и одновременно республику. С нескрываемым презрением глядел на племянника великого императора, ненадолго воссевшего на французский трон, называл его «Бонапартом малым». Сочувственно отнёсся ко всем революциям, которые прокатились по Франции в XIX веке, – таков краткий обзор деятельности этого, возможно, самого «политизированного» из великих писателей Франции. Его называют приверженцем «школы романтиков», но он – целая самостоятельная эпоха в литературе этой страны. Похоронен в Пантеоне – усыпальнице великих сынов Франции.

Гюго прославился в России прежде всего как прозаик, автор широко известных романов. Как поэт он известен у нас лишь узкому кругу любителей и специалистам. Между тем во Франции Виктор Гюго – именно и прежде всего великий поэт. При этом лира Гюго многообразна. Даже та небольшая подборка переводов, что помещена здесь, включает политические, философские, любовные мотивы, лирику природы и т. д. Поэзия Гюго не потеряла актуальность до сей поры (см., например, стихотворение «Спящий лев», которое можно истолковать по-разному, в том числе как ожидание прихода крупного исторического деятеля мирового уровня). Он и сам был похож на льва своим неукротимым темпераментом, творческой и витальной силой, как теперь принято говорить.

Оставил огромное творческое наследие и славу неутомимого любовника многих женщин. Вот уж лучшее опровержение теории Зигмунда Фрейда, что гении – люди, не реализовавшие, а, наоборот, подавляв-

шие своё естественное либидо сублимацией оного. Гюго ничего в себе не «сублимировал», его «либидо» хватало на поэзию, драматические произведения, множество статей и романов как в прозе, так и в жизни. По собственному признанию, не знал женщин до 21 года, но, женившись, в первую брачную ночь совершил девять актов. и сохранил силу до старости. Биографы рассказывают такую историю: взрослая внучка однажды застала восьмидесятилетнего деда в объятиях молодой женщины. Смущённый Виктор Гюго воскликнул: «Посмотри, чем занимается человек, которого называют гением!»

Однако свою могучую силу Гюго пытался сочетать с общепринятой моралью и был по-своему хорошим семьянином, а на свои многочисленные любовные связи испросил разрешения жены, измученной многими родами. После смерти жены стал на долгие годы другом известной в своё время в Париже артистки Жюльетты Друз. Связь с ней поэт сохранял в течение четверти века, а похоронив подругу, написал трогательное стихотворение, завершающее данную подборку переводов.

ДРУГУ

В долине дальней, горной,
Среди утёсов, где
Гулять ветрам просторно
И тесно мчат в воде,
Где травы изумрудны,
Нетронуты цветы,
Подарок сделал чудный –
Мне дом построил ты.
Надёжный, но и кроткий
Я жребий получил.
Плыть беспокойной лодкой
В Мальстрём морских пучин.
Валы его в объятия
Мой утлый челн берут
И страшные проклятья
Мне издали несут.
За что? За то, что песни
Пою свободы я,
Что оказался в бездне

И в стае воронья.
За то, что глас поэта
Растит надежды сад.
Тем временем газеты
Мне карами грозят.
Зовут меня пиратом,
И, право, я польщён
Сравнением с Маратом*
И тем, что не прощён.
С властями я не спорю,
Они, как саранча,
Плодятся нам на горе,
Им мало палача.
На них бы злые грозы,
Сгореть бы им в аду,
Пока свободы розы
Сажу в своем саду.

Я ХРАМ НАШЁЛ

Я к храму отыскал дорогу,
В нём может отдохнуть душой
Босой монах, послушный Богу,
И атеист, Ему чужой.

Стоят у входа в этот храм
Деревья в солнечном свеченье,
Давая даром отпущенье
Грехов стрекозам и шмелям.

Там нет затейливых беседок
Или подстриженных аллей,
Зато повсюду буйство веток,
Дыханье свежее полей.

Там пахнут скошенные травы,
А не букеты Буало.*

Там деревенские забавы,
Там всюду радость и тепло.

Нет места выдуманной драме,
Нет тени лживой красоты.
В нерукотворном этом храме
Царят свободные мечты.

Тот храм превыше Ватикана
И всех подручных сатаны.
В безмолвной музыке органа
Надежды чудные слышны.

Тот храм пока ещё в эфире,
Вне камня, плоти и крови.
Да утвердится в дольном мире
Мой храм свободы и любви!

ЗИМА

Мы к храму подошли однажды,
Но он к себе не допустил,
Холодный сделался и важный,
Щетину всюду отрастил.

Исчезли птицы и стрекозы,
Под пнями сгнили все грибы,
Пропали бархатные розы,
Торчали всюду лишь шипы,
Не то что дух пришёл могильный –
Ушла былая благодать.
Не мог бы гидом сам Вергилий
В таком аду для Данте стать.

В конце осеннего сезона
Закрылся храмовый бомонд.
Нам с ветки крикнула ворона:
– У лета начался ремонт!

СОН ЛЬВА

Лев на холме высоком дремлет.
По-царски важен львиный сон.
Слетелась мошкара на земли,
Где безраздельно правит он.

Живое всё, конечно, знает,
Что лев не умер, не убит,
Позволил мелюзге хозяин
Потешиться, пока он спит.

Лев страшен всем, когда проснётся,
А значит, делается зряч.
Шакалий хохот раздаётся,
Напоминает детский плач.

Наш лев похрапывает сладко,
Неукротимый здоровяк.
В спокойных лапах дремлет хватка,
Решимость грозная в бровях.

Глухая ночь влачится слабо,
Комар хозяйничать привык.
Но лев взмахнет могучей лапой –
И мошкара исчезнет вмиг.

* * *

Как? Вовсе не любить? Пройти свою дорогу,
Лишь видя её пыль, без поклоненья Богу?
Без женщин, без цветов шагать слепым ко рву
И наблюдать лишь то, что зримо наяву?
Стремиться к телу, душу презирая?
Не знать в ней ада, домогаясь рая?
В пустых боях бесплодных ждать побед?
Болтать, как попугай, про тот и этот свет?
О бедные жильцы, о муравьи столиц!

В дворцах живёте вы или в подвалах,
 Как жаль вас всех в желаньях ваших малых.
 Я убегая в лес от серых лиц,
 Стать деревом в лесу предпочитаю,
 Чем голову засунуть в вашу стаю.

НОЧНАЯ СКАЗКА

Лесное озеро укрылось в чаще леса.
 Поляна тихая, усталая луна.
 Не помню, чья жена, Юпитера ль, Зевеса,
 Среди ветвей Венера не видна.
 О чём шумят ветра, что шепчут листья?
 «Целуйтесь, кто не спит и кто не мёртв.
 Из всех на свете благородных истин
 Нет выше этой, в ней и боль, и мёд».
 Мы – капли той Любви, что на дороге,
 На путь земной вложил в нас всех Творец.
 Любите пламенно, любовь любезна Богу,
 Она – Первотворения венец.
 Ушедшие сгорели, словно свечи,
 И передали это пламя нам,
 И мы уйдём, и наши с Богом встречи
 Продолжатся по будущим векам.
 В лучах луны чернеет домик ветхий,
 Из окон звуки тихие слышны.
 То шёпот страстный мужа и жены
 Тревожит наклонившиеся ветки.
 Уходит утром пыл ночей минувших,
 Встречаем строгость будней трудовых.
 Сливается дыхание уснувших
 С любовными объятьями живых.

* * *

Я завтра на заре покину город
 И в путь отправлюсь дальний. Решено.
 Пойду через леса, поля и горы.

К тебе, единственной,
 Ты, знаю, ждёшь давно.
 Пойду пешком такой же одинокий,
 В раздумья погрузив своё чело,
 Изранив грудь, натруженные ноги,
 Не видя и не слыша ничего.
 К закату я дойду к тебе, быть может,
 Мне память дорогие оживит черты,
 А к изголовью твоему рука положит
 Мечты о встрече. Там надежды и цветы.

ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ

Веками жил отчаянный народ
 Под сапогом танцующих господ,
 В сплошной тени Средневековья.
 Терпеть свой гнёт он наконец не стал,
 Одумался, как вал морской, восстал.
 И Францию залил, но не водой, а кровью.
 И Революции крестьянское сабо
 Пустилось в пляску, отшвырнув сапог.
 Вот так народ свою свободу встретил.
 Кровавым безрассудным мятежом,
 Лихими песнями, разбойничьим ножом
 Отмечен девяносто третий.

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ (1811–1872)

Крупнейший поэт и критик Франции, яркий представитель романтической школы, творчество которого иногда относят к «преддекадентству». Именно Теофиля Готье объявили своим учителем сначала Бодлер, с которого ведётся отсчёт новейшей поэзии Франции, потом – французские символисты. Благоговейное отношение к поэзии, тщательнейшая работа над словом отличают этого мастера.

В девятнадцатилетнем возрасте издал первый свой сборник *Poesie*, сразу обративший на себя внимание знатоков. Вокруг Готье образовался кружок молодых авторов (среди них – Жерар де Нерваль), всецело преданных искусству. Про них говорили: «Они завтракают одой, обедают балладой». Сам Готье, вспоминая молодость, писал: «Мы были опьянены прекрасным, у нас была божественная мания искусства». Позднее поэт писал романы, много работал в журналистике, совершил ряд путешествий в европейские страны, а также на Восток и в Россию, итогом которых явились замечательные по слогу книги, в том числе «Путешествие в Россию» и «Сокровища России».

Главный сборник Готье – «Эмали и камеи» – полностью перевёл Николай Гумилёв. Очень ценили Готье Блок и Брюсов.

Готье заново после трёхвекового умолчания открыл для французов Франсуа Вийона. Тончайший мастер поэзии, он оказал также немалое влияние на французскую живопись конца XIX века. Потому даже небольшая подборка из пяти стихотворений может дать читателям представление, какого масштаба поэт перед ними.

ОСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ

Нигде в ветвях не дрогнет лист,
 Не слышен птичий звон.
 Блеснёт порой, багрово-мглист,
 Далёкий горизонт.
 Наморщит тихий ветер зыбь
 Разбитой колеи.
 Дома крестьянские, как сыпь,
 Рассыпаны вдали.
 Царит повсюду полумрак.
 С котомкой на плече
 Спустилась женщина в овраг,
 Бредёт куда, зачем?
 По глине бедная скользит,
 Скрывается во мгле,
 Усталый дождик моросит
 По дремлющей земле.

ОБЛАКО

Небесной влагою умыта,
 Любуясь наготой сама,
 В лазури светлой Афродита
 Из пены сводит нас с ума.
 Воображение тревожит
 И манит облачная стать.
 Девичья грудь, оттенки кожи... –
 Всех чудных форм не передать.
 Причудливы, разнообразны
 Творения моей мечты,
 Непостоянны, но прекрасны,
 Как отблеск Высшей Красоты.
 И, позабыв о плоти бренной,
 И впад мгновению в сладкий сон,
 Я мчусь в мечтах за нежной пеной,
 Как сладострастный Иксион.*
 Ум рассуждает: «Это призрак
 Богини, не тревожь её.
 Толпой зевак твой сон не признан.
 Оставь творение своё».
 Но сердце возражает: «Ладно.
 Таков удел любой красы.
 Возникла и ушла обратно,
 Подобно сполоху грозы.
 И ты, поэт, себя не мучай
 Желаньем красотой владеть.
 Любуясь женщиной ли, тучей,
 Стремись об этом только петь.

* * *

В деревьях спрятавшись осенних,
 Укрылся одинокий дом.
 Крыльцо подгнило, дует в сенях,
 И кровля прохудилась в нём.
 Окно завешено тряпицей,

Домишко с виду нежилой.
 Но тёплый пар над ним струится,
 Дыханье видно над трубой.
 Что означает струйка дыма,
 Вознёсшаяся в высоту?
 Душа поэта здесь томима
 Тоской и жаждой по Христу.

* * *

Я вас люблю, и что тут делать
 С такою разницей в годах?
 Вы расцвели душой и телом,
 Мне предстоит могильный прах.

Мои виски покрыты снегом,
 Душа задумалась о том,
 Что скажет там, на встрече с небом,
 Где тело ждёт подземный дом.

Но если б на земле – не в небе –
 Поцеловали вы хоть раз,
 Я мог бы и в могильном склепе
 Спокойно спать с мечтой о вас.

ДРОЗД

Во фраке чёрном, в жёлтых брюках
 Какой-то франт взахлёб поёт,
 Не зная, что такое скука,
 Не прерывая свой полёт.
 То дрозд (наивная натура),
 Не помня о календаре,
 Апрельские фиоритуры
 Выводит утром в январе.
 Сухие ворошит листочки,
 Хвоинки тормозит от сна,

Коснулся клювом спящей почки,
 Чтобы скорей пришла весна.
 И скачет, скачет по бурьяну...
 Везде несёт благую весть
 Назло снегам, дождям, туману
 О том, что солнце в мире есть.
 Что никуда ему не деться...
 Так простодушный пилигрим
 Грядущее предвидит сердцем,
 Зрит то, что не дано другим...
 Вот и поэт, как дрозд, летает,
 Хранит его волшебный труд.
 И кто певца шутом считает,
 Тот сам, конечно, жалкий шут.

ШАРЛЬ БОДЛЕР (1821–1867)

Выдающийся поэт и критик, классик французской и мировой литературы. Когда автор переводов учился на филологическом факультете Томского университета, ему трактовали Бодлера как родоначальника европейского декадентства и поэта, культивирующего в своих стихах самые мрачные стороны бытия. Бодлер родился в семье крестьянина, который сделал стремительную карьеру во времена Наполеона и сумел стать сенатором. Отец привил сыну любовь к искусствам, поскольку сам рисовал. Затем отец умер, мать снова вышла замуж, и у Бодлера настолько не сложились отношения с отчимом, что мальчик надолго получил душевную травму. Он страдал перепадами настроения, склонностью к меланхолии, и единственное, что согревало его юную душу, – страсть к поэзии. Колледж права, куда определил его отчим, надеявшийся помочь ему сделать карьеру юриста или дипломата, не вызывал у него никакого энтузиазма. Не помогло даже путешествие на Восток, в Индию, куда его направили родители. Молодой Бодлер возвращался на родину через 10 месяцев с желанием описать свои впечатления от Востока в стихах. Неожиданно ему повезло – достигнув совершеннолетия, он вступил в наследство и получил доступ

к немалому состоянию отца. Но Бодлер быстро спустил это состояние, в чём ему помогла балерина Жанна Дюваль, – эта особа до конца дней вытравивала из поэта все появившиеся у него деньги.

Однако Бодлер, несмотря на богемную жизнь, находил время и силы серьёзно заниматься искусством: его вытягивал огромный талант и служение красоте. Он публиковал прекрасные статьи о современном искусстве и сочинял великолепные стихи. При этом нередко эпатировал публику, писал так, что это казалось современникам апологией зла. Он также участвовал в революции 1848 года, часто защищал бедняков, мечтал о стране, где «счастье обручилось с тишиной», обличал в стихах пороки – тщеславие, алчность, лень, склонность к болтовне и в конце жизни пришёл к католицизму.

Его сборник «Цветы зла» сразу же после выхода вызвал резкую критику современников и даже судебные санкции во Франции. А стихотворение «Падаль» рассматривалось только в прямом смысле, как эстетизация разложения. Между тем Бодлер, которого символисты Франции считали своим знаменем, выразил описанием трупа разлагающейся лошади не только признание смерти и продуктов распада как проявления естественного порядка вещей в природе, но и своё отвращение к современному ему обществу. Какой символ он избрал бы теперь!..

Стихотворение «Предыдущая жизнь» (*La vie antérieure*) в русском переводе имеет малопонятное название «Предсуществование», которое можно было бы считать навеянным буддийской доктриной перевоплощений, если бы она не была частью мировоззрения поэта, побывавшего в Индии. Он пытался мучительно разгадать известный дельфийский ребус, когда, «познавая самого себя», познаёшь все загадки мира. Наверное, для Бодлера непрерывная череда жизней была не модной теорией, но внутренней реальностью, правду которой он знал на уровне своей великой поэтической интуиции, предчувствуя, что за благополучным воплощением может следовать очень бедственное. Впрочем, современная Церковь и большинство учёных считают доктрину перевоплощений выдуманной. Основания для скепсиса в отношении истинности тонких переживаний Бодлера, разумеется, есть – поэт употреблял наркотики. В этом смысле он положил начало целой генерации французских поэтов-визионеров от Верлена и Рембо до символистов и сюрреалистов, которые в разной степени и в разных формах сознательно связывали наркотический опыт с творческими экспериментами.

Подборка стихов Шарля Бодлера, помещённая ниже, показывает нам поэта с иной стороны, чем о нём говорили критики при жизни и долго после неё, – как страстного поборника красоты, чистоты, творческой высоты и адепта живых цветов, вырастающих на мёртвой почве зла. В таком контексте стихотворение «Падаль» сегодня выглядит как вызов всему низменному, как почти религиозный гимн вечному торжеству красоты Бытия с её неизбежной сменой форм.

АЛЬБАТРОС

Когда достигнет скука молодых матросов,
Они, устав от вахт и нудного труда,
Заманивают в петли белых альбатросов,
Что провожают в плаванье суда.
И вот любимец солнца, ветра, ураганов,
Далёкий от возни и вечных птичьих драк,
Могучий покоритель синих океанов
Становится шутком для палубных зевак.
Он, волоча крыла, мучительно ступает.
Разыгрывать спектакль ему не вмоготу.
Его табачным дымом кто-то донимает,
Иной копирует страдальца хромоту.
Поэт, ты дышишь в небе метеорной пылью,
Пронзаешь облака, приветствуя грозу.
Но богатырские тебе мешают крылья,
Когда в толпе находишься внизу.

ПОЛЁТ

Над миром, над морями и лесами,
Над холодом и тьмой земных ночей,
Над светом и теплом дневных лучей
И выше этого всего – над небесами
Мой дух плывёт, недремлющий челнок,
В пространственном безбрежном океане,
Всегда невыразим и одинок,
Ему мучительно блуждать в тумане.

Блажен поэт, чья мысль окрылена
 Таинственным и бесконечным Зовом.
 Внизу он чувствует себя несчастным Иовом.*
 И лишь вверху судьба его вольна.

МОНОЛОГ КРАСОТЫ

Я – светлый образ, я всегда невинна,
 Я существую, чтобы ты, поэт,
 Лепя в страстях податливую глину,
 Искал мой вечно недоступный свет.
 Я – сфинкс, я выше всяких проявлений,
 Во мне с огнём соседствует вода.
 Меня не может огорчить беда,
 Меня нельзя поставить на колени.
 А формы, лики, звёздные мерцанья
 Я людям создаю для созерцанья.
 Людские покоряю я сердца
 Каким-нибудь подобием зеркальным,
 Оно казаться может идеальным,
 Но в виде временного только образца.

ПРЕДЫДУЩАЯ ЖИЗНЬ

Я долго жил, не зная слёз и стонов,
 Не видел жизни скорбного лица,
 Под портиками дивного дворца,
 Похожего на гроты Посейдона.
 Там солнце на волнах качалось без конца,
 Лазурь была прозрачной и бездонной.
 Там музыка звучала монотонно
 И звёздный свет безоблачно мерцал.
 Раб надо мной маячил с опахалом,
 Грудь благовония восточные вдыхала.
 А бедный лоб мой тщился разгадать
 Загадки жизни преходящей этой
 И сколько в жизни будущей поэту
 Придётся за блаженство пострадать.

ПАДАЛЬ

Ты помнишь летний день, ласкающий, пригожий,
 И то, что вдруг смутило нас обоим взгляд:
 В траве зелёной разлагавшуюся лошадь?
 То рядом жизнь и смерть творили свой обряд.
 Труп к солнцу поднимал ужасные копыта,
 В нём черви шевелились у неба на виду.
 И ноги обнажённые раскинулись открыто,
 Как у старухи, что не прячет наготу.
 И солнце над останками сияло,
 Стремилось поскорей все клетки разложить,
 Вернуть Природе то, что некогда создало,
 Что так стремилось людям послужить.
 Гармонией вокруг дышало всё и пело,
 Как будто жизнь и смерть связались в хоровод,
 Как будто в чайнике Творца вода кипела,
 На дно садилась накипь сточных вод.
 И нам почудилось, что мерзкий и зловонный
 Растаял труп, исчез, как чёрный сон.
 Так мастера этюд, ещё не завершённый,
 Мазком последним вдруг бывает завершён.
 Мы путь продолжили среди пейзажей кротких.
 И пёс голодный, нам глядевший вслед,
 Мгновенно кинулся к оставленной находке,
 Чтобы закончить пир и обглодать скелет.
 Ну что ж, придёт и мой черёд неотвратимый
 Закончить путь земной среди таких скорбей.
 И ты, мой ангел, не вернёшься в небо мимо
 Распада форм своих и праздника червей.
 Но скажем мы тогда без горестного вздоха:
 – Червям достался прах, они вкушают дым.
 Судьба двоих сердец не может быть жестокой,
 Когда в ней лик любви торжественно храним.

* * *

Откуда ты приходишь, Красота?
 Ты дар небес или вызов преисподней?

Влечёшь к себе иссохшие уста
 С беспамятных времён и до сегодня.
 В тебе и утро наше, и закат,
 И ясность, и дурное наважденье.
 Тобою каждый насладиться рад,
 Ты боль приносишь после наслажденья.
 Вот мотылёк летит на твой огонь
 В надежде отыскать чертоги рая.
 Находит их ценою дорогой,
 В твоём коварном пламени стгорая.
 Твой дух нам непонятен, облик прост.
 Нуждается в тебе на свете каждый.
 Ты нас сопровождаешь, словно пёс,
 Хранитель-ангел или ангел падший.
 Любви дитя или творенье зла,
 Святая правда под картоном маски.
 Тебя несут к нам вечные крыла
 Загадочной мечты и страшной сказки.
 Так Бог иль сатана, злодей или мечта,
 Царица жизни, плена или тлена?
 Не всё ли нам равно, будь вечна, Красота,
 И неизменна, и благословенна!

СТЕФАН МАЛЛАРМЕ (1842-1898)

Знаменитый французский поэт, примыкавший сначала к «парнасцам» (печатался в альманахе «Современный Парнас»), а позднее ставший одним из видных вождей символистов. Верлен включил его в число немногих авторов составленного им знаменитого сборника эссе «Проклятые поэты». В молодости отказался от гарантированной карьеры художника, поскольку знал, что будет поэтом, и всю жизнь зарабатывал на хлеб скромным трудом преподавателя английского языка, знание которого помогло ему переводить поэзию обожаемого им Эдгара По. Приобрёл немалую известность в кругах «парнасцев», но затем разочаровался в этом направле-

нии, примкнул к декадентам и возглавил символическое направление. После ухода Верлена титул «принца поэтов» перешёл к Малларме. Влияние этого литератора на последующую поэтическую Францию, вплоть до наших дней, огромно. Оно объясняется не только его плодотворным стилевым новаторством, но и философской позицией. Стефан Малларме – мыслитель в стихах и большой знаток поэзии Востока. В некоторых его стихотворениях («Веер госпожи Малларме») любовная лирика поднята на космический уровень, как это делали поэты-суфии Ближнего Востока. Понять стихи этого французского лирика непросто даже французу из-за их смысловой сложности. В данном случае он близок раннему Пастернаку и, подобно русскому поэту, всю жизнь стремился к «неслыханной простоте», о чём говорят его «Стихи о разных вкусах».

А вот что пишет Малларме сам о себе: «Парнасцы трактуют свои системы наподобие старых философов и риториков, изображая вещи прямо. Я думаю, что нужно, напротив, чтобы был лишь намёк. Созерцание вещей – песня, так как образ проистекает из грёз, ими возбуждённых. Парнасцы же берут вещь и показывают её целиком, отчего им недостаёт тайны; они лишают дух восхитительной радости – сознания, что он творит. Назвать предмет – значит уничтожить три четверти наслаждения стихотворением, состоящего в счастье понемногу угадывать, – вот в чём мечта. В совершенном применении этой тайны и состоит символ: вызывать мало-помалу предмет, чтобы показать состояние души, или, наоборот, выбирать предмет и извлекать из него путём последовательных разгадок душевное состояние».

Впрочем, наряду со столь сложной поэтической метафизикой поздний Малларме по-библейски прост и по-французски ироничен. Подтверждение тому – последние стихи подборки.

ЛЕБЕДЬ

Могуч и нежен, девственно красив,
 Живёт мечтой, она его тревожит,
 Он разорвать оков своих не может,
 Страдает, но угрюмо молчалив.

Истерзано его больное сердце,
 Не может песни лебединой спеть.

Не свил гнезда, где можно обогреться,
И в небо не позволено взлететь.

К озёрным льдам душа его примёрзла,
Не приняла толпа его ремёсла.
Недвижной оказалась красота.

Он скован тяжестью земного пребывания,
Где людям не нужны святыя упования.
Глядит с презрением на мир его мечта.

ЗВОНАРЬ

Безлюдье. Утро. Холодно и сонно.
Ребёнок сладко молится во сне.
Но вот поплыли колокола звоны
И аромат лаванды в тишине.

Звонарь один, один во всей пустыне.
Ему внимают лишь поля да лес.
Свои псалмы бормочет на латыни,
Но сам не слышит голоса Небес.

Однажды (так цыганка нагадала)
Я в поисках святого идеала,
В неуходящей боли и тоске

Развею эту утреннюю свежесть.
Отчаявшись найти себя, повешусь.
На чём?
На колокольном языке.

ВЕЕР ГОСПОЖИ МАЛЛАРМЕ

Веер ваш расправил крылья,
Их сложил, овеяв грудь.
Взмахи веера открыли
К вдохновенью верный путь.

Он в душе перемещает
Настроенья и миры.
Грусть уносит, обещает
Музы светлые дары.

Разгоняет сумрак в небе,
Свет приносит нам в окне.
Что ещё? Сжигает в пепел
Всё случайное во мне.

Словом, машет, дышит, лечит...
Иногда меня калечит.

* * *

Закрыв я древний том, полузакрыв глаза –
И грёзы унесли меня к руинам храма
Уснувшей Афродиты. Обнажилась яма
Между мечтой и жизнью. и слеза

Скользнула по щеке моей упрямо.
Нет, в Греции не жизнь, я не хочу назад.
Мне дорог мой, пустой сегодня сад,
И обнажилась дремлющая рана.

Чего ищу я, в этом мире нет.
Не встречу я своих фантазий след
Ни в этом мире, ни в ушедших, тонких.

Из памяти души (или из древних книг?)
Меня зовёт великолепный лик
Отвергнувшей мужчину амазонки.

Эпитафии

ЭДГАРУ ПО

Лишь после гибели его раскрылась суть:
Поэт, поднявший меч над торжищем эпохи,

Заставил век свой слушать ангельские вздохи
 И в дьявольское зеркало взглянуть.
 Его к рабочему столу послали боги
 В чернила первозданность окунуть.
 Но критики сумели всё перевернуть:
 «Он спиртом замутил поэзии пороги!»
 О небо и земля, всегда вы во вражде!
 Достойный барельеф на гробовой плите
 Не захотели вырезать потомки.
 Зато молве о нём – неправде и хуле –
 Всевышний очертил пределы на земле
 И прах зарыл от пошлости в потёмки.

ШАРЛЮ БОДЛЕРУ

Храм погребён, но до сих пор Анубис*
 Свирепым лаем, как потоком нечистот,
 Глядишь, поэта временами обольёт,
 Перед величьем смерти не потупясь.
 Чего только толпа на гроб ему не шлёт!
 Свою к его душе примешивает тупость,
 И сладострастье низкое, и грубость,
 И красным газовым рожком заканчивает счёт...
 Всё это отметут небесные сады,
 Украсят лик его венками красоты,
 У ног его насадят роз шпалеры.
 А значит, и земля отвергнет сплетен рать,
 Не даст ничтожной лжи злоречьем замарать
 Небесное надгробие Бодлера.

ПОЛЮ ВЕРЛЕНУ

Толпа напрасно плачет и злословит.
 И ветры запоздалого тепла,
 И злобная холодная хула
 Валун, катящийся с горы, не остановят.
 Куда рулил, в какие бездны зла –

Нам не понять, не станем хмурить брови,
 Какой ценой, какой потерей крови
 Он сеял нежность – вот его дела.
 Загадка для поэта-шалуна
 Нескладная фортуна шатуна –
 Наивного до детскости Верлена,
 Как он, живя в своём хмельном аду,
 В бессмертие ушёл у века на виду,
 От пьяного освободившись плена.

СЛЁЗЫ

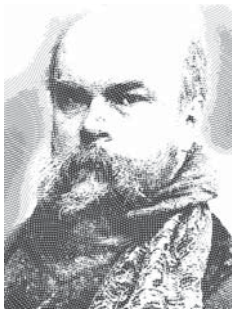
Поплакать дайте мне, лесному шуму вторя,
 Вдали от шума толп, вдали от пенья птиц.
 О ком или о чём? О том, что волны моря
 Уносят всё в туман, скрывают волны лиц.
 А может, о себе? Я мёртв, мой ангел милый,
 Душа моя давно от жизни в стороне.
 И сердцу биться в грудь уж не хватает силы.
 Я всё утратил, всё... Поплакать дайте мне.

* * *

Наскучили мне думы Гераклита,*
 Увядавшие цветы, надгробные кресты,
 Печали из-под мраморной плиты
 И надписи печальные на плитах.
 Ещё не время музе в монастырь,
 Молиться об ушедших и забытых.
 Всем этим нахлебался я досыта.
 Окину взглядом жизненный пустырь
 В его разнообразном океане.
 Я сил отдал немало покаянью.
 Надеюсь, Бог за то меня простит.
 Как и за стихотворное кропанье,
 За слёзное в душе самокопанье.
 И верю, что со мною шпагу Пан скрестит.

СТИХИ О РАЗНЫХ ВКУСАХ

Мальчишкой будучи, я был по духу классик,
 Над собственной глупостью не властен.
 Ячменный сахар чтит и вкупе с ним Расина
 (В чём больше пошлости – не слишком отличал),
 Мне возражавших страстно обличал.
 Короче, был зануда и разиня.
 И если за окном чирикал воробей,
 Ничуть не понимал (хоть обухом убей)
 Его сегодня для меня чудесных песен,
 Ведь был воробушек для мэтров неизвестен.
 Цветистость? О, я был её знаток.
 Искусственным цветам поэзии парнасской
 Поклоны отбивал, как будто в них сам Бог
 Скрывал себя за многоцветной маской.
 Железный петушок на крыше среди мха
 Был мне милей живого петуха.

ПОЛЬ ВЕРЛЕН (1844–1896)

Великий французский поэт, тончайший лирик, одна из вершин поэзии Франции, если не самая крупная, на взгляд многих знающих французскую культуру людей. Стихи будущий гений начал писать с 14 лет, первые его опыты были благосклонно приняты Виктором Гюго. Получив образование бакалавра словесности, Верлен пробует сделать буржуазную карьеру, учит-

ся в Школе права, рассчитывает сдать экзамен на место в Министерстве финансов, работает экспедитором в парижской мэрии. Но поэтический «даймоний» явно побеждает, и молодой поэт с головой уходит в литературу. Он посещает различные литературные салоны, по молодости тяготеет к «парнасцам», постепенно входит в круг лучших поэтов Франции, много работает, чередуя творческие вдохновения с бурной богемной жизнью. В этой феерической жизни были и обильные алкогольные возлияния, перемежавшиеся с приёмом наркотиков, и много-

численные романы, и частые публичные скандалы. Но были также короткая военная служба во время франко-прусской войны, когда Верлен записался добровольцем в национальную гвардию, и даже участие, хотя не слишком активное, в Парижской коммуне.

Весьма сложными оказались семейные отношения поэта с матерью и женой. Они закончились скандалом и разрывом. Два года Верлен находился в скитаниях и в нетрадиционных отношениях с другим поэтом – Артюром Рембо. и эти отношения имели скандальный конец, за которым последовало глубокое религиозное покаяние, нашедшее яркое проявление в жизни и творчестве уже знаменитого литератора. Тем не менее жёлтая пресса, да и ряд почтенных французских филологов, словно «подначивая» стареющего поэта, публиковали статьи, где всю расхваливали его стихи «нетрадиционного» периода и упрекали за «тускнеющий талант» во время его прихода к католичеству. Между тем гений Верлена никогда не тускнел, стихи позднего периода по-прежнему свежи, мощны и предельно искренни. В творчестве французского поэта нетрадиционные отношения также не нашли никакого отражения. Скорее всего, они совершались в состоянии безумного алкогольного опьянения, ведь оба, и Верлен и Рембо, пили неразведённый абсент крепостью до восьмидесяти градусов. То есть полынную настойку, содержащую туйон – признанный наркотик. Однажды после подобного возлияния Верлен едва не пристрелил Рембо, за что на два года угодил в тюрьму. После этого друзья расстались как друг с другом, так и со своими грехами юности, а Рембо после написания поэмы «Пьяный корабль» – и с литературой.

Но настоящей религией, которой следовал Верлен всю жизнь, была религия красоты. Как мастер музыки стиха он не превзойдён никем из поэтов Франции. Иногда критики говорят, что он первый в европейской поэзии полностью отворил дверь из мира реального в мир субъективный. Близкая к импрессионизму в живописи, поэзия Верлена передаёт и звучание музыки, и полутона цвета, и воспринимается как совершенно необычный вид словесного творчества, завораживающего своим очарованием и мощью.

Его «Осеннюю песню» пробовали переводить многие из наших мастеров Серебряного века, но равного созвучия не добился никто. и дело не только в степени таланта. Верлен мастерски использовал наличие в родном языке носовых (сонорных) гласных, а недостаток француз-

ской речи – фиксированное ударение на последнем слоге каждого слова – обратил в преимущество: меняя метр стихосложения, вводя, где нужно, звук «э», добился особой, неповторимой мелодичности. По признанию Юрия Ключникова, его собственные переводы Верлена страдают тем же недостатком: лишь приблизительно передают тончайшую музыку его музыки. Переводчик писал: «В “Осенней песне”, например, у французского поэта всё – стон, у меня – свист и шуршание, у Верлена осень звучит в душе, у меня – в ушах и под ногами...»

Несмотря на богемную жизнь, Верлен был очень плодовит: перу великого поэта принадлежит около тысячи блестящих стихотворений, тематически очень разных. Наиболее известные сборники его стихов – «Сатурналии» (1866), «Галантные празднества» (1869), «Романсы без слов» (1874), «Мудрость» (1881). Книга литературно-критических статей «Проклятые поэты» (1884). Сборник «Сокровенные обедни» (1892), посвящённый памяти Бодлера, оказавшего на Верлена сильнейшее влияние, принято относить к так называемым католическим стихам. Помимо стихов Верлен писал литературно-критические статьи, прозаические миниатюры («проза воображения») и мемуарную прозу: «Мои больницы» (1891), «Мои тюрьмы» (1893), «Исповедь» (1894).

К концу жизни Верлен начал получать признание не только в масштабах страны, но и в ряде стран Европы, в России. Его приглашают с лекциями в Бельгию, Голландию, Англию. В 1896 году в возрасте 52 лет Поль Верлен умер. Поэт оказал огромное влияние на мировую и русскую поэзию, особенно на авторов Серебряного века. Его стихи переводили Брюсов, Сологуб, Анненский, Эфрон, Шенгели.

В подборке Верлена из этой антологии стоит обратить внимание на стихотворение «Стихи, за которые буду оклеветан». Оно посвящено памяти юноши Люсьена Летинуа, которого поэт взял под свою опеку после разрыва с Артюром Рембо. Он вытащил из глубокой провинции всю семью Люсьена, купил для неё под Парижем ферму, а самого юношу определил в военное училище.

Почему поэт поступил так, во многом объясняет и предшествовавший поступок Верлена, вызвавшего из провинции Рембо и продвинувшего его в литературные круги. Верлен был способен на решительные поступки и в жизни, и в творчестве.

Люсьен Летинуа умер слишком рано, не успев осуществить надежды своего опекуна. Однако сплетни об их «истинных отношениях» по-

ползли ещё при жизни обоих, так что своими стихами памяти юноши Поль Верлен хотел восстановить правду: никакой грязи в отношениях не было. Но кто ему верил... Всякого рода «версии» бродят в литературоведении и поныне.

ЖЕНЩИНА И КОШКА

Весь вечер с кошкой она
Вела игру, где страсть дышала.
И будуарная стена
Бесстрастно тени отражала.
Вот шлёт угрозу среди забав,
Нацелив пальчики шальные,
А кошка коготки стальные
Вобрала, на спину упав.
Увлечены игрою обе,
Забыв о тьме, о лжи, о злобе.
Зато серьёзен Сатана.
Всем нашим играм потакая,
Глядят в пространство, не мигая,
Четыре фосфорных пятна.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Последний звон,
Как всхлип, как стон,
Рождает лира.
Гляжу в окно,
Но там темно,
Темно и сыро.
В моей душе
Давно уже
Развевал ветер
Явь и мечты.
Они почти
Душе не светят.
Я выхожу,

В лесу брожу –
 Ни троп, ни птицы...
 Лес пуст и мглист.
 Последний лист
 Куда-то мчится.

СОН, С КОТОРЫМ Я СРОДНИЛСЯ

Мне душу странный сон измучил,
 Я вижу женщину, она
 Подобна в небе светлой туче –
 Легка, изменчива, нежна.
 Ей всё в душе моей понятно:
 И жду чего, и чем томим.
 Своим явлением одним
 Во мне тоски смывает пятна.
 Не знаю, как зовут её,
 Откуда родом, где жильё.
 Но лик из хорошо знакомых.
 Не помню только, встретил где
 И наяву или в мечте?..
 Ах, вспомнил: видел на иконах.

СТИХИ, ЗА КОТОРЫЕ БУДУ ОКЛЕВЕТАН

Склонился я над спящей головою
 И вслушивался в твой последний сон.
 И мне почудился какой-то странный звон –
 Звон тишины, что нет тебя со мною.
 Зачем тебя моей тревожить раной?
 Как ландышу, тебе положено цвести.
 О чём я говорю, прости меня, прости.
 Поспи, тревожить я тебя не стану.
 Любовь земная слишком коротка.
 Мгновенно рвётся нить житейского витка.
 Мне жажда райской встречи губы сушит.
 В твоей улыбке смертной тайна спит.

Неужто там, за гробом, жизнь нам мстит?
 Молю, проснись! Там живы наши души?

ЖЕНЩИНЕ

Сроднится ли стихам моим и мне
 С глазами милыми, с их красотой чудной.
 Готов сложить все чувства, все дары
 К ногам твоим, терпеть судьбы удары.
 Но возникают вновь в душе кошмары,
 Я чую, сатанинские миры
 Меня зовут. Я жалок, Боже мой!
 Но жалобы мои напрасны пред тобой.
 Как предков плач был тщетен безутешный,
 Когда простёр Творец над парой грешной
 Свой гнев. Но, Боже, Боже, все твои грехи
 В сравнении с моими – всплеск реки!..

ВЗДОХ

Лик чистоты, и вся душа в тумане...
 О женщина! В тебе переплелось
 Ликующее солнце с морем слёз,
 Доверчивость с капризами желаний,

Бесстрашие и трепет дикой лани.
 ...Не выдержали души наши гроз.
 В моей теперь господствует мороз
 И мгла холодных разочарований.

Приходит наконец осенняя пора,
 Когда не радует любовная игра,
 Избытком сил природа не балует.

О женщина! О мой восторг и стон!
 Я для неё давно – сосуд пустой.
 Она, как мать, лишь в лоб меня целует.

ИСКУССТВО ПОЭЗИИ

Лишь музыка – первооснова муз,
 В стихах заключена стихия звука,
 Звонящих слов причудливый союз –
 Завещанная издревле наука.
 В науке той нередко голова
 Вступает в спор с душою, приглашая
 Поэта так соединять слова,
 Чтоб несказанным все они дышали.
 Бывает день и скучен, и тягуч,
 Когда затянут облачною пеной.
 Ночные звёзды, избегая туч,
 Мерцают сверху тайной неизменной.
 Бесформенным пятном плывёт луна,
 В объятьях облаков едва приметна.
 В стихе должны сиять полутона
 Куда определённое предмета.
 Сильней земли нас манят небеса
 И то, что скрыто за туманной далью.
 Неотразимы женские глаза,
 Когда прикрыты тёмною вуалью.
 Но пусть в твоём сонете светотень
 Не будет сонной, вялой, худосочной.
 Пошли рифмованную дребедень
 Ко всем чертям, к похлёбке их чесночной.
 Красивость на бумаге изорви,
 А пошлость молча обойди при встрече.
 Гармонию настойчиво зови,
 Сумей найти её в противоречье.
 Ещё запомни навсегда: бурьян
 Прекрасней, чем садовая культура.
 И повторяю: кто музыкою пьян,
 Лишь тот Поэт! Иной – литература.

ПОСВЯЩЕНИЕ ДОН КИХОТУ

О Дон Кихот, прекрасных грёз слуга!
 Твоя кончина – горе для живущих
 Под жерновами мельниц всемогущих.
 Нам без тебя не одолеть врага.
 Проснись, воскресни! Подтяни седло,
 Надень доспехов призрачное бремя –
 Вновь подними копьё на мировое зло.
 Вдохни надежду в нас и в наше время!
 Мы за тобой пойдём, мечтатель и певец.
 Она осуществится, наконец,
 Когда-нибудь, мы свято в это верим,
 Твоя великолепная мечта.
 И мельницы исчезнут навсегда,
 Бессмертие откроет людям двери.

АРТЮР РЕМБО (1854–1891)

Гениальный французский поэт, один из основоположников символизма, яркий представитель группы так называемых «проклятых поэтов». Его уникальность в том, что основные свои поэтические шедевры он создал в исключительно молодом возрасте – до 22 лет. Рембо отличался буйным нравом и неуёмной энергией, очень рано начал писать стихи, причём сразу на очень высоком уровне. В возрасте 17 лет приезжает в Париж, знакомится с Верленом, на какое-то время становится его близким другом и с ним в нетрадиционные отношения, посещает различные литературные кружки, ведёт богемную жизнь, полную скандалов и эксцентричных выходок, принимает участие в восстании Парижской коммуны. Путешествует по Европе вместе с Верленом и после ссоры с ним, закончившейся двухлетним тюремным заключением для последнего, а затем навсегда расстаётся со своим другом. При жизни Рембо почти не печатали, и после разрыва с Верленом поэт прекратил отношения с большой литературой. После бурных перипетий своей преды-

душей жизни реализовал мечту – написал поэму, в которой сравнил себя с пьяным кораблём, и поставил крест на грехах юности. Порвал с богемой, литературой и никогда не возвращался к последней, несмотря на растущую славу.

Поведение Рембо тогда, да и сейчас, является загадкой, ведь знатоки уже при жизни называли его гением планетарного уровня, что подтвердили и последующие ценители поэзии во всём мире. Между тем признание и литературная слава молодого Рембо мало интересовали. Чего он добивался, поэт сам изложил в поэме «Пьяный корабль», произведении, которое до сих пор во многом остаётся неразгаданным ребусом для переводчиков и комментаторов. Сделал попытку перевода наряду с Павлом Антокольским, Леонидом Мартыновым, Иосифом Бродским, другими поэтами и Юрий Ключников, его перевод «Пьяного корабля» публикуется ниже.

Переводчик убеждён: своей поэмой Рембо дал не только поэтическую оценку личным «прошлым грехам», но и провидел последующее двадцатилетие собственной жизни. Он поставил выражение «прошлые грехи» в кавычки потому, что большинство из них ещё предстояло совершить. Никогда не бывавший в своём бродяжничестве дальше Лондона, скитавшийся главным образом по штормовым морям парижской литературной богемы, он решил попробовать себя в ином качестве, в том, с чего начинается «Пьяный корабль»: отправился по торговым делам, правда, не в Южную Америку, а в Африку. Как точно определил в своём предисловии к книге Жан-Батиста Бароняна «Артюре Рембо» исследователь его творчества Владислав Зайцев: «Рембо-поэт внезапно кончился, но Рембо-странник продолжил свои перемещения по земле». Слишком распирала его неуёмная энергия. «Пьяный корабль» попробовал делать то, что считал невозможным в поэме, – «плыть среди купцов», хотя и не в «тени казённого штандарта». Рембо занялся, как принято говорить теперь, бизнесом, причём весьма рискованным: пытался полуполюгально торговать оружием, хотя делал это, как свойственно поэту, неудачно, служил коммивояжёром в торговой фирме, представлявшей интересы французов в Африке.

Его дальнейшую судьбу можно определить словами Хемингуэя – как «победу в поражении». В новой жизни Артюра Рембо были женщины, опасные приключения, освоение новых областей знания. Несмотря на неудачи, он вновь и вновь стремился дальше на Восток, причём новая

действительность увлекла его настолько, что он в разговорах категорически отказывался даже на минуту возвращаться к темам поэтического прошлого. В сохранившейся рукописи «Одного лета в аду» (о совместных скитаниях с Верленом) поэт пишет: «Я ненавижу теперь мистические порывы и стилистические выверты. Теперь я могу сказать, что искусство – это глупая выдумка...»

В последние годы он занялся изучением этнографии и географии Востока, в частности Эфиопии, где, как писал В. Зайцев, «знакомился с местными наречиями, верованиями, обычаями, обрядами, материальной культурой, изучал флору и фауну». Причём подходил к делу столь же серьёзно и основательно, как в своё время к поэзии, использовал новейшие технические средства того времени, включая фотографию. Он даже отправлял в Парижское географическое общество научные отчёты и начал публиковать статьи, носившие отпечаток его блестящего литературного стиля.

Биографы сообщают, что он привёз в зашитом кожаном поясе сорок тысяч экю золотом – немалые по тем временам деньги, добытые ценой тяжких усилий, и... саркому. В марсельской больнице Рембо отрезали ногу, и он умер в больнице в роковом для людей искусства возрасте – 37 лет, на заре своего мирового триумфа.

Таким образом, сбылось его последнее пророчество: «пьяный корабль» пошёл ко дну в «европейской луже», где когда-то молодой поэт пускал на воду литературные бумажные кораблики и куда вынужден был причалить в конце своей бурной жизни.

Лев Толстой тоже, но только будучи намного старше Рембо, поставил крест на всём написанном прежде, принялся тачать сапоги и сочинять сказки для крестьянских детей. Ему же принадлежит идея об «энергии заблуждения». Заблуждение может быть великим, если человек в него верит искренне, и Бог может снабдить искренне заблуждающегося человека великой энергией. Как Он снабдил ею Артюра Рембо, ощутившего в себе всемогущество и уверовавшего, что оно освобождает его от морали и ответственности. Вот отрывки из прозаической исповеди Артюра Рембо: «Я пробовал изобрести новые цветы, новые звёзды, новые виды плоти, новые языки. Я поверил, что обладаю сверхъестественным могуществом. и что же!.. Я! Я, который счёл себя магом или ангелом, освобождённым от всякой морали, я снова брошен на землю с обязанностью искать работу, обнять грубую действительность!»

Обратим внимание на интуитивную веру великого поэта в многообразии форм жизни, в её неединственность. Если довести его предчувствия до уровня сакрального знания, то, с точки зрения такой логики, Рембо – это воплощение какого-то величайшего духа из прошлого (не мог такой гений появиться из ничего), ангела поэзии, сошедшего с небес на землю, но не выдержавшего земной экзамен. А нам он ярко показал своим примером, что на путях безбожия (а он был безбожником радикальным, воинствующим), на путях греха даже у величайшего гения будущего нет. Но накоплен опыт, гениальный опыт «энергии заблуждения».

Что же в сухом остатке? Полный крах! Но ведь остались отвергнутые поэтом собственные стихи и мировая слава. И, если верить в бесконечность жизни, как это делают на Востоке, куда всеми силами рвался Рембо, перспектива родиться вновь – как новый гений, поставивший крест на прошлых заблуждениях. Как же будет на самом деле, мы не знаем, это великая загадка, к постижению которой переводчик в меру своего понимания и сил пытался приблизиться своими мыслями и прежде всего переводами стихотворений гениального юноши.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Пора! Мою свободу стерегут.
 Уйду от сторожей, покину дом однажды.
 Коснётся ветер воспалённых губ,
 Почувяв жар неутолённой жажды.
 Любовь костёр зажжёт в моей груди.
 Пойду сквозь знойный полдень и ненастье,
 Цыган без табора, в родных полях один,
 Как с женщиной, найду с природой счастье.

УСНУВШИЙ

Ручей среди травы струится незаметный,
 Взлохмаченный тростник весь инеем одет.
 И солнце из-за гор лучом своим рассветным
 Природу серебрит и странный силуэт.
 Там юноша-солдат лежит простоволосый,

Глаза его открыты, подёрнут дымкой взгляд,
 Над головой о чём-то листья шелестят,
 Когда деревья заплетают косы.
 Поспи, дитя войны. Да будет сон твой ровным,
 Лицо – улыбчивым, дыхание – безмолвным.
 Природа, охраняй его последний сон
 И напои цветочным ароматом,
 Блаженство подари убитому солдату,
 Тебе одной себя доверил он.

МОЁ БРОДЯЖНИЧЕСТВО

Фантазия

Я брёл по полю, бормоча сонеты,
 В карманы рваные засунув кулаки.
 Смотрел на свои горе-башмаки
 И рисовал роскошные сюжеты.
 Подыскивал на берегу копну,
 Чтоб где-то на ночлег остановиться.
 Мне звёзды открывали свои лица,
 Я пристально разглядывал луну
 И с головою зарывался в сено.
 Шумела рядом Рона или Сена.
 Я вслушивался в слабый гул веков.
 И, вновь настроив пламенную лиру,
 Рождал стихи пророческие миру,
 Как струны теребя шнурки от башмаков.

РОМАН

1

Чего не хочется, когда семнадцать лет!
 Влекут вас звёздный свет и винные бокалы,
 И шумное кафе, и лилий белый цвет!
 И фонари души горят не вполнекала.
 За городом вам дышится легко,
 Прекрасна даже пыльная крапива!

Не раздражает, что Париж недалеко,
Смешался аромат травы, цветов и пива.

2

Вы можете узреть звезду среди ветвей,
Цветущих лип на фоне неба тёмном.
И вдруг на вас повеет запахом морей
И чем-то неизведанным, огромным.
Июнь! Семнадцать лет! Цветами день пропах!
Коснутся ваших рук сиреневые ветки –
И вспыхнет жар внутри, а на сухих губах
Забьётся поцелуй, как птица в душной клетке.

3

И странствиями бредит наивная душа...
Но вот мадмуазель, что всех фантазий краше,
Под бледным фонарём проходит не спеша,
В тени воротника сурового папаша.
Вас мельком оглядев, отводит взгляд тотчас,
Но чует вас спиной, вы знаете об этом.
И тает в полутьме. А на устах у вас
Бутоны с нераспустившимся сонетом.

4

Вы в переписке. Август за окном.
Она сонетами вас просит не тревожить.
Друзья покинули. Вам грустно. А потом
Она своим письмом вас осчастливить может.
В тот вечер... вы в кафе идёте, яркий свет.
Там вновь вас ждут друзья, и кружки, и бокалы...
Чего не хочется, когда семнадцать лет
И фонари души горят не вполнакала.

ПРОЩАНИЕ С ЕВРОПОЙ

О сердце! Нам плевать на грозный камнепад,
На то, что мир в огне, что всюду боль и стоны.
Пусть на планете торжествует ад
И сытый рай дрожит от гибельной истомы.
Отмщенье? Спуск в ничто? Пусть будет так!

Исчезните, цари, торговцы и юристы.
История, прими последний выстрел.
Сгинь, старый мир, в свинце крутых атак.
Мой разум, сделайся орудием судьбы,
Не слушай стонов, не внимай молениям.
Республики, монархии, рабы –
Весь этот хлам долой без промедленья!
Европа, Азия, Америка – к чертям!
Романтики-друзья, навстречу всем смертям
Рванёмся, отменив границы и законы,
Для творчества пределы незнакомы!
Решайтесь, осторожные друзья
Всех наций и любого цвета кожи.
Но горе! Чувствую, в смятении Земля:
– На старой мне мир новый невозможен.
Ну что ж! и я, и я с тобой, Земля моя...

ПЬЯНЫЙ КОРАБЛЬ

1. Я плыл один без цели, без команды
По медленной тропической реке.
Мою команду расстреляли в Андах
Индейцы. Мир покойным вдалеке.

2. Хоть в общем-то плевал я на матросов,
На хлопок в трюме, на мешки зерна.
Меня заботил главный из вопросов –
Куда речная вынесет волна?

3. и вынесла по лабиринтам устья,
Сквозь заводы, туманы и мороз,
Из тихого речного захолустья
В открытый океан, в его хаос.

4. В игру стихий, и водных, и небесных!
Как пробка, я летал на гребнях волн
Над хлябями разверзнувшейся бездны,
Надежд, восторгов и смятенья полн.

5. Вода мою поверхность заливала
И подбиралась к трюму самому.
Но это всё меня не занимало –
Я радовался этому всему.
6. Ведь нравится ребёнку вкус зелёных,
Незрелых яблок. С палубы смывал
Остатки рвоты и клочки пелёнок –
Очередной неотвратимый вал.
7. Я зрел этюд: среди дубовой тары
Танцует никому не нужный плот.
А рядом с ним обломком мачты старой
Задумчивый утопленник плывёт.
8. Чего поверх воды и ватерлиний
Не рассмотрел в корчах тошноты!
Я солнце видел в окнах неба синих
И волны, словно древние шуты,
9. Играли с ним. А я не знал покоя,
Пересекал картинки эти вплавь.
И для меня сильнее алкоголя
Была такая творческая явь.
10. Потом, в глубоких сумерках вечерних,
Я любовался в чарах полусна
Мерцаньем фосфорических свечений,
Виденьями невидимого дна.
11. А утром снова дьявольские ритмы
И пляска волн, Мальстрёма круговерть,
И быстрых молний огненные бритвы
Кромсали небо, ударяя в твердь.

12. Меня моё спокойствие спасало,
Глазастых чаек – палуба моя.
Они здесь обустроили базары,
Загадив всё. и это вынес я.
13. Ведь я – корабль, для птиц плавучий остров.
Но сам-то прохожу Последний суд,
И мой расхристанный волнами бедный остов
Земные силы точно не спасут.
14. Я выслушал столетий отголоски,
Из глубины и рифов голоса.
Я видел гадов алчные присоски,
Их жутко неподвижные глаза.
15. Несло меня к неведомым Флоридам,
Где хищно всё, от радуг до зверей,
А берега напоминают видом
Изгибы злополучных якорей.
16. Там, в тростниках болотных, между лилий,
Мерцали вспышки газовых огней.
Останки там Левиафана гнили
От Сотворенья и до наших дней.
17. В местах тех диких верилось едва ли,
Что миром правит вечная любовь.
В лагунах там громадных змей съедали
Ватаги рыб, похожих на клопов.
18. Хотел бы очень показать их детям –
Тех рыбок золотых чумных морей,
Куда забрасывал порой безумный ветер
Мой парус без руля, без якорей.

19. А парус над водой своим пареньем
Дырявил небо остриями мачт.
И кровь закатную пускал, словно варенье,
И чистил солнце, как в коростах мяч.

20. Ну что ещё? Мне напевала Муза,
Что этот ужас и свирепый срам
Когда-то ляжет к Той, что Иисуса
Нам родила, к смиряющим ногам.

21. Но я ещё блуждаю в одиночку,
Безумный рейс себе определив.
В какую попаду на карте точку?
Где мой причал? Куда швырнёт прилив?

22. Какие новых звёзд архипелаги
Ещё открою в безнадёжной мгле?
И сколько силы, воли и отваги,
Чтоб их найти, понадобится мне?

23. Довольно слёз. Невыносимы зори,
Мне солнце шлёт тоску, луна – беду.
Устал я и от суши, и от моря.
Ломайся, корпус! Я ко дну иду.

24. Европу представляю грустной лужей,
Клочком несостоявшейся земли.
И я над ней, мальчишка неуклюжий,
Бумажные пускаю корабли.

25. Игру свою закончив битой картой,
Отныне не смогу я плыть в строю
И быть в тени казённого штандарта.
Куда-то рвусь... В какую даль свою?

ПОЛЬ КЛОДЕЛЬ (1868-1955)

«Крупнейший представитель французского символизма...» – так порою именуют поэта в антологиях. Думаю, Клодель улыбнулся бы столь жёсткому втискиванию себя в какие-то литературные школы. Тем более что тяготел он не к литературному новаторству, а скорее к старине. Намного точнее было бы назвать Клоделя крупнейшим представителем французской христианской духовной традиции, при этом он очень интересовался философией Востока. Достаточно назвать его мемуарную книгу «Познание Востока». Помимо стихов оставил после себя несколько драм и ряд эссе. Его творчество получило широкое признание во Франции, писатель был удостоен Большого креста ордена Почётного легиона. С 1946 года член Французской академии.

Подобно Сен-Жону Персу, Клодель многие годы посвятил дипломатической службе, жил в Китае, Японии, Бразилии, чему свидетельством множество тематических посвящений в его творчестве. Одно из них – «Ответ мудрого Цинь Юаня» – помещено ниже. Но прежде всего, как уже говорилось, Поль Клодель – оригинальный поэт-мыслитель и традиционалист. В своих стихах он воскрешает поэтическую метрику Франсуа Вийона и даже ритмы древнегреческой поэзии, делает попытки приблизить свои стихи к звучанию гекзаметра.

Несмотря на искреннюю приверженность поэта католической религии (Клоделя называли крупнейшим религиозным писателем XX века), в своей поэзии он нередко выходил за пределы чисто церковной эстетики. Высказываемые им идеи и образы порой созвучны философии Востока: видимо, годы, проведённые в Китае и Японии, не могли не оставить своего следа. И это вовсе не религиозная окрошка, не ментальная всеядность, но глубокое проникновение в духовную основу человека. Он великолепно передаёт в своих стихах изменчивую красоту этого мира и тщету человеческих попыток зацепиться за богатство или другие привязанности к миру форм.

Два слова о стихотворении о Верлене, которое открывает подборку переводов Поля Клоделя. Его переводили не однажды под разными названиями. Автор выбрал то, что следует ниже, ибо в нём не только прав-

дивый лик Верлена, но и самого Клоделя – упрямого, не поддающегося никаким новейшим влияниям традиционалиста и вечного борца с разными формами пошлости.

БАЛЛАДА О МОРЕ

В путь их всех провожали и чайки, и женщин платки.
Корабли были разные, нынче – посудины, раньше – судки.
Но торговцы из древнего Тира и нынешние бизнесмены
Как две капли похожи, желанья у них неизменны.
Мало золота здесь, но полно его где-то в тумане.
Надо плыть за богатством, добыть его в Нью-Орлеане.
Кто к деньгам прикоснулся, всегда этим зелием пьян.
Трудно в горло идёт только первый стакан.

Экипажи пиратских судов, занесённые в чёрные списки,
И команды эсминцев, служившие ратным богам,
И подводные лодки, пройдя сквозь смертельные риски,
Дремлют все под водой, устремляя глаза к облакам.
Чем весь день были заняты пассажиры на мрачном «Титанике»
В те минуты, когда без помех уходили ко дну?
Танцевали прощальное танго без паники.
В это время вода подходила бесшумно к окну.
А потом и воюющих всех, и танцующих тихо прибрал океан.
Трудно в горло идёт только первый стакан.

Что живёт на поверхности, ляжет на дно без сомненья.
Ёрш, снующий в воде, всё равно попадёт на кукан.
Ничего нет на свете дешевле и лучше забвенья.
Но сначала придётся помучиться бедным бокам.
Трудно в горло идёт только первый стакан.

ПОСЫЛКА

Всё на свете есть море. Оно нас выносит, качает и топит.
Счастлив, кто молодым с ним завёл неразрывный роман.
Уцелеет счастливец такой даже в новом Потопе.
Трудно в горло идёт только первый стакан.

НЕУДОБНЫЙ ВЕРЛЕН

Это был знаменитый бродяга, буйан, литератор.
Чем известен Парижу? Его называли – новатор.
Мэтр известный новаторству вынес вердикт: «Это вздор!
А запои его – для писателя просто позор!»
Мэтр был Франс Анатоль, осмеявший Верлена в новелле.
Ему что-то платили. Студенты хвалу ему пели.
Говорили, мол, он голодал. Ну а кто виноват,
Если всё пропивал, добиваясь утрат – не наград?
Денег всем недостаточно, даже прославленным мэтрам.
Кто же тип этот странный, хмельным подгоняемый ветром?
Тот абсент, что иной за полгода не выпил бы, он
Без проблем выливал в себя сразу, едва не галлон.
И тогда в одуревшем мозгу возникало виденье,
Будто женщина-ангел его ожидает в Эдеме.
Нет, пусть Нобеля лучше Сюлли получает Прюдом,*
Чем прямой кандидат в сумасшедший для «ангелов» дом.
И довольно насмешек. Давайте помянем Верлена.
Он ведь умер, чего не хватало ему несомненно.
Он ушёл, чтобы мы в нём сумели хоть что-то понять,
Музыканты – мелодии к текстам его сочинять
И тэ дэ. А Верлен возвратился туда, где когда-то
Проложил в океане небесном знакомый фарватер.
Женский голос оттуда иль ангельский возглас в тумане
Прозвучал ему тихо: «Мы ждём тебя здесь, в океане».

БАЛЛАДА О ГЛАВНОМ ВОПРОСЕ

Мы не раз уезжали, и зимней порою, и летней.
Поезд ждать нас не станет, не выйдет такая беда.
Было актов прощанья немало, но этот – последний.
Ни на что не надейтесь, вы видите – я уйду навсегда.
Мать, печально не плачь, возвращенья второго не будет.
Слёзы – признак того, что прощаемся мы не всерьёз.
Я ведь стал уже тенью, а тени, конечно, не люди.
Не бывает у них ни надежд, ни печалей, ни слёз.
Не увидимся мы, это главный вопрос.

Покидаем и ближних, и дальних, и взрослых, и деток,
 Все болтают по-детски, не знают начал и концов.
 Разрешите мне, жена, в твои очи взглянуть напоследок.
 До поры, пока сам я в ряды не вступил мертвецов.
 Да, пока я не сгинул. Дозволено сколько угодно
 На другого глядеть. Только сына, который подрос,
 Не оставь без вниманья, пускай он легко и свободно
 Сохранит в себе свет накануне положенных гроз.
 Не увидимся мы, это главный вопрос.
 И прощайте, друзья! Мы явились к вам так издалёка,
 Что внушали опаску, в лучшем случае лишь интерес.
 Сохраните тепло как наш дар, чтоб не чужь себя одиноко.
 Тщетно всё под сияньем, под синим сияньем небес.
 Всё останется с вами: и знанья, и страсть к заморочкам,
 Бесконечная жизнь, остановки и стуки колёс.
 Умирать на прекрасной земле предоставьте одним оболочкам.
 Так что смерть вам не надо рассматривать слишком всерьёз.
 Не увидимся мы, это главный вопрос.

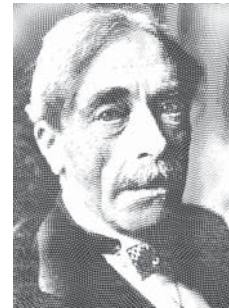
ПОСЫЛКА

Вы ещё на земле, мы же на корабле. Всё в тумане.
 Продолжается жизнь в виде дымной дороги наверх.
 На земле мы не встретимся – в небе случится свиданье.
 Там уже не расстанемся, может быть, даже навек.
 Но вот станем ли жить без улыбок фальшивых, без поз.
 Это главный вопрос.

ОТВЕТ МУДРОГО ЦИНЬ ЮАНЯ

Когда спросили Цинь Юаня об итоге лет и зим,
 Он выразил итоги заключением таким:
 Весной бросаю семя в землю, летом орошаю.
 К зиме приходит время сбора урожая.
 И зёрна, что я наглухо в земле захоронил,
 Наглядными плодами предстают по мере сил.
 Похожи наши жизни на сады или на свитки.

Записаны свершенья в них, и думы, и попытки.
 Всё начатое здесь – любая мысль и проба –
 Продолжится по мере прорастания из гроба.
 Насколько ты искусный оказался садовод,
 Тебе покажет твой последующий плод.
 Итак, не вижу в смерти никакого пораженья.
 Не назову концом, что жаждет продолженья!

ПОЛЬ ВАЛЕРИ (1871–1945)

Крупнейший французский поэт, эссеист, философ, автор многочисленных эссе и афоризмов, посвящённых искусству, музыке, истории. Член Французской академии, до Второй мировой войны представлял Францию в Лиге наций, выступал с лекциями о культуре, разъезжая по странам Европы.

Начало творческого пути ознаменовано сильным влиянием поэтики Малларме. Желая уйти от опеки учителя, обрести собственный голос, Валери на целых двадцать лет, по его признанию, уходит в «монастырь собственной души». Но выходит из идейно-экспериментального заточения с ещё более усложнённым и «тёмным» символистским арсеналом. В отличие от Стефана Малларме, пришедшего в результате формальных поисков к простоте, Валери сделал «праздник перемены форм» своим культом. В этом смысле его стихи не отличаются эмоциональным богатством, это всё-таки, по его собственному определению, «поэзия мысли», зато в области формы они достигают порой верленовского совершенства.

Обращение поэта к духовному миру Леонардо да Винчи, к Платону и к философии Востока – отнюдь не предмет книжного любопытства, это выражение его напряжённых интеллектуально-духовных исканий.

В годы оккупации Франции гитлеровцами Валери вёл себя вполне достойно, не пошёл на сотрудничество с правительством Виши, печатался, сохраняя независимость взглядов, и был одним из лидеров интеллектуального Сопротивления, чем заслужил глубокое уважение де Голля. Выступил с надгробным словом на похоронах философа А. Бергсона, не принимавшего фашизм, в оккупированном Париже в 1941 году. По-

хороны самого Валери в 1945 году состоялись по протоколу генерала и стали явлением национального траура.

КЛАДБИЩЕ В МОРЕ

Мелькают в соснах призраки и птицы,
 На ветки ветер медленно садится.
 В седых бровях прозрачная вода
 Таит неугасимое мерцанье
 И глубины подводной созерцанье,
 Где шум земной не слышен никогда.
 О вечная вечерняя прохлада!
 О тайная нерасхитимость клада!
 Здесь не у дела расторопный вор.
 Я здесь дышу своим подводным дымом,
 Пою хвалу подводным серафимам
 И славлю праздник перемены форм.
 Священный дом, где души отдыхают.
 Вверху над ними ангелы порхают.
 Дом этот отвоёван у земли.
 Он среди рыб, среди морской капусты,
 В нём не бывает грустно или пусто.
 И бесы овладеть им не смогли.
 О море неисполненных пророчеств!
 Оно нам всем оказывает почестъ
 Сияньем отражённым вечных звёзд,
 Чередуваньем тишины и бури
 И тем, что в неразгаданной лазури
 Змий вечности закусывает хвост.
 Попутный ветер – значит, жить придётся.
 Но в Книге жизни лист перевернётся –
 И мы плывём неведомо куда,
 Где шелестят нам новые страницы.
 Мелькают светотени, люди, птицы,
 Плывут иные судьбы и суда.

ВИНО ПОЭЗИИ

Когда я пролил в океан
 Своей поэзии вино,
 Лилось случайно ли оно
 И испарялось, как туман?
 Или таинственная Сила
 Моею двигала рукой,
 Строку рождая за строкой,
 Душой моей руководила?
 Понять пытаюсь я, трезвея,
 Покуда ветер не развеял
 Клочки моих нетрезвых снов.
 За роем розовых видений,
 За пляской разноцветных теней
 Узреть гранит святых Основ.

ГИЙОМ АПОЛЛИНЕР (1880–1918)

Поляк по происхождению, Вильгельм Аполлинарий Костровицкий составил себе псевдоним, переименовав своё двойное имя на французский лад. Род Костровицких принадлежал к высшей польской аристократии, но в Польше будущий поэт не жил, детство провёл в Италии, учился во Франции, писал в Париже и на передовой, в окопах Первой мировой войны.

Короткая жизнь Аполлинера насыщена многими бурными событиями, он сотрудничал с яркими и противоречивыми людьми, с такими же противоречивыми направлениями в искусстве. Был одно время адептом «автоматического письма», участвовал в сюрреалистических изданиях, а также в скандально известных акциях вместе с композитором Эриком Сати и художником Пабло Пикассо, теоретизируя и создавая «новое искусство», вся «новизна» которого сводилась к реанимации нравов поздних Древней Греции и Древнего Рима.

Все творческие зигзаги Аполлинера, а также испытанные им влияния, в том числе сильнейшее влияние поэзии Рембо, закончились бла-

гополучно. Он вырuling к самостоятельности, взял высокую планку поэзии, вошёл в десятку (может, и меньше) крупнейших поэтов Франции. Но жизнь оборвалась рано, трагически. Поэт получил осколочное ранение в голову на войне, скончался после трепанации черепа.

Жизненный и творческий путь Аполлинера очень напоминает судьбу Николая Степановича Гумилёва, с которым они прошли по жизни почти синхронно.

МОСТ МИРАБО

Под мостом Мирабо тихо плещется Сена,
Её чувства одеты в гранитные стены,
Никому не уйти от житейского плена.
Мы глядим в молчаливую даль,
С нами вместе безмолвна печаль.
Мы вложили друг другу ладони в ладони.
Верим в мост наших чувств,
Что на нём не утонем.
Может, счастье когда-нибудь
Где-то догоним,
А пока изучаем туманную даль,
С нами вместе безмолвна печаль.
Наши страсти, как эти бегущие воды,
Повинуются вечным законам природы.
Как медлительны дни, как стремительны годы.
Как бывает обманчива светлая даль,
С нами вместе безмолвна печаль.
Повторяется мост Мирабо и его одинокая Сена.
Повторяется смена часов и недель перемена.
Повторяется то, что всегда неизменно, —
Мы глядим в бесконечно манящую даль,
С нами вместе надежда, любовь и печаль.

* * *

Облако в небе сливается с мглой,
Струи вина – с обстановкой суровой.
Завтра мы вместе отправимся в бой

С теми, кто пьёт в полутёмной столовой.
Вместе мы будем скакать под дождём,
Слушать приказы и трубы горнистов.
Вместе, быть может, и смерть здесь найдём,
В местности этой, раскисшей и мгливой.
Но не торопимся мы умереть
И, повинувшись привычкам немногим,
Жадно на женщин спешим поглядеть,
Если вдруг встретятся нам на дороге.
Ты извини уж... Добавить могу,
Что с молодой нерастроченной силой
Все мы сегодня в великом долгу
Перед судьбой нашей Франции милой.

ЕСЛИ Я ТАМ ПОГИБНУ

Если я упаду в неудачной атаке,
Ты представь себе поле, июньские маки.
Быстро высохнут слёзы, и дай только срок,
Где упал я, поднимется красный цветок.
Растворит мою память малиновый воздух,
На закате окрасятся кровью моря,
И рубинами вспыхнут далёкие звёзды,
И наполнится алою силой заря.
Я приду к тебе утром, живой, невесомый,
Обниму, поцелую уста и чело.
Сразу, Лу, дорогая, ты станешь весёлой,
Даже если тебе не скажу ничего.
Это кровь моя брызжет и мир обновляет,
Словно солнце свершает свой огненный круг,
О творениях новых своих объявляет.
Я тебя не забуду, мой ласковый друг.
Но и ты вспоминай, ну хотя на мгновенье,
Драгоценные паузы тихих речей...
Моя кровь превратилась в прозрачный ручей.
Ты о том не горюй, благотворно забвеньё,
Если только в бреду родилось вдохновенье.

ПОЛЬ ЭЛЮАР (1895-1952)

Известный французский поэт, сочетавший в себе сюрреалистическую направленность творчества и левые политические взгляды. Настоящее имя – Эжен Поль Грендель. Элюар – участник Первой мировой войны, служивший там санитаром фронтового госпиталя. В мирные годы примкнул к коммунистическому движению. Пробывание Элюара в рядах компартии продолжалось с 1926 по 1933 год и закончилось исключением за антисоветские высказывания. Вероятно, тон высказываний был даже для свободомыслящих французов-коммунистов слишком крутым, этим объясняется столь суровое обращение с поэтом коллег по партии.

Он не без оснований считается одним из основателей сюрреализма. Представители же данной школы, подобно нашим футуристам, вели себя в общественных местах буйно, своими выходками часто эпатажили не только приличную публику, но и кого угодно. Возможно, какими-то резкостями Элюар и напугал коллег-коммунистов. Хотя по своей природе не слыл радикалом, и после того, как лидер сюрреалистического движения Андре Бретон вступил в союз с Троцким, Элюар порвал с сюрреалистами.

В годы Сопротивления вторично вступил в ряды ФКП, стал видным её членом, а также вырос в крупного мастера поэзии, которому было тесно в рамках литературных школ. Лира Элюара в годы Второй мировой войны зазвучала особенно мощно. Его стихотворение «Свобода» союзники сбрасывали с самолётов в виде листовки над оккупированной гитлеровцами Францией.

После войны принимал участие в пацифистском движении, был очень популярен в Советском Союзе.

Ещё в молодости женился на Елене Ивановне Дьяконовой, ставшей впоследствии женой Сальвадора Дали (натурщица Гала на портретах художника). Семейные перипетии двух сюрреалистов сопровождались эффектными жестами. Например, Дали написал портрет Элюара и публично заявил: «Я чувствовал, что на меня возложена обязанность запечатлеть лик поэта, с Олимпа которого я похитил одну из Муз». Е. И. Дьяконова высказалась столь же многозначительно и велеречиво:

«Я воспитала талант, теперь становлюсь музой гения». Элюар, убеждённый сторонник свободной любви, перенёс разрыв стоически, откликнувшись четверостишием:

Молодость ей подарила
Силу свободно жить.
Я не сумел свою силу
В сердце её вложить.

Отметим, что всё вышесказанное об отношениях поэта с Е. И. Дьяконовой – часть рекламного пиара, входившего в программу поведения сюрреалистов. Поздний Элюар, всегда отличавшийся искренностью и сердечностью, снял маску, порвал со всякого рода литературными и общественными рекламными выходками, был весьма сдержан. Если же охарактеризовать в целом фигуру Поля Элюара, то она автору переводов своей цельностью, искренностью, нравственной чистотой представляется одной из самых ярких в истории поэтической Франции.

Я ГОТОВ НАПЛЕВАТЬ

Разумеется, я отношусь с отвращением к буржуям,
К царству пошлости, денег, ничтожеств и лживых святош.
Но сильнее всего моя ненависть в сердце бушует
К тем, кто чувства мои принимать не желает. Ну что ж,
Я готов наплевать на поклонников Пэ Элюара,
Если нет у них в душах меня вдохновившего жара.

ТОЧНОСТЬ СЕРДЦА

О точность человеческого сердца!
Ты краски жизни, формы и черты
Приемлешь напрямик. Ты хочешь обогреться
Теплом прямолинейной красоты,
Из первозданных родников напиться,
Сквозь ворох встреч случайных и причин
Упрочить в душах женщин и мужчин
Незыблемое таинство традиций
И нежную устойчивость веков,
Плывущих наподобье облаков.

МЫ ДВОЕ

Мы, крепко взявшись за руки, идём
 По жизни, и повсюду, словно дома,
 Постелью может стать для нас солома,
 А крышей – крона дуба под дождём.
 Нас греет ночью звёздное мерцанье,
 Днём не заботит злой язык молвы.
 В соседстве с мудрецами и глупцами
 Своей мы не теряем головы.
 Просты и ясны наши отношенья
 Между собой, но также и с людьми.
 Мы – радостное жертвоприношенье,
 Открытый и живой пример любви.

МУЖЕСТВО ПАРИЖА

Твои дома обшарпаны и серы,
 Твои бульвары грустью замело,
 В глазах у парижан не видно веры,
 А в душах полутьма, как и в метро.
 Но всё равно ты полон обаянья,
 Под маскою Пьеро душой горишь,
 Не просишь, словно нищий, подаянья,
 Врагу не покорившийся Париж.
 Таится за тоской твоей сердечность,
 За зябкой дрожью – творческий огонь,
 За непреклонным взглядом – человечность,
 Мой лучший в мире город дорогой.
 Нет у тебя ни танков, ни орудий,
 Ни слугами начищенных сапог.
 Твоё оружие – мы, простые люди.
 Любовь к тебе – наш бесконечный бог.
 Ни ты, ни мы не растеряли силы,
 Фашистам нашей не сломить судьбы.
 Порядки их для нас невыносимы,
 Восстань, Париж, с тобой мы – не рабы!

СВОБОДА (ФРАГМЕНТЫ)

В учебниках школьных, на партах,
 Во всех декабрях и мартах,
 В песке, на снегу, где брожу,
 Я имя твоё пишу.
 На всех отзвеневших лирах,
 На королевских турнирах,
 Где место мечу и ножу,
 Я имя твоё пишу.
 На небе ночном и древнем,
 На хлебе своём ежедневном,
 Который ножом крошу,
 Я имя твоё пишу.
 В полётах жизни крылатых,
 В больничных бледных палатах,
 Где в смертном бреду лежу,
 Я имя твоё пишу.
 И властью этого слова
 Я жить начинаю снова,
 Чтоб снова встретить тебя,
 Ликуя, храня, любя!

АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ (1900–1944)

Знаменитый французский писатель, журналист, профессиональный лётчик, Сент-Экзюпери был весьма популярен у русского читателя ещё в советское время. Ю. М. Ключников описывает своё знакомство с ним так:

«Его “Маленьким принцем”, “Ночным полётом”, “Военным лётчиком” зачитывались в 60–70-е годы прошлого века многие. Позднее, в 1990-е, мы по-

знакомились с религиозными сочинениями Экзюпери. Меня в этом направлении просветили французские туристы ещё в 1965-м.

Помню, возил в течение двух недель группу студентов из Парижа, приехавших в СССР на собственном автобусе. Я принял их в Бресте,

проезд через Белоруссию и среднюю полосу России. Были остановка на несколько дней в подмосковном кемпинге Бутово, знакомство со столицей, затем поездка в Ленинград и выезд через Выборг в Финляндию. Поездка была организована и оплачена компартией Франции, а студенты и сопровождавшие их профессора были людьми левых взглядов. Непрерывное полумесячное общение, естественно, включало беседы на многие темы и взаимное просветительство. Французы подарили мне книги Роже Гароди, Жан-Поля Сартра, при этом студент, сделавший подарок, снабдил его такой припиской: “Я читал твоего, точнее нашего Ленина, ты почитай моего Сартра”. Это была книга “Что такое литература?”. Французы подарили мне также текст “Молитвы” Сент-Экзюпери и познакомили в общих чертах с идеями его “Цитадели”. Саму книгу я прочёл в русском переводе уже в 1990-х годах.

Познакомили меня мои подопечные и с некоторыми подробностями биографии лётчика-писателя. Я, например, узнал, что Сент-Экзюпери мог быть участником знаменитого полка “Нормандия-Неман”. Во всяком случае, писатель рвался повоевать в небе России. Но де Голль не разрешил такую командировку, оберегая жизнь знаменитого соотечественника. Короче говоря, у меня к Сент-Экзюпери давнее и глубокое тяготение, как к очень близкому, родному по духу поэту, чья проза – “стихия стиха”. А ещё как к героической личности, в которой мысль, слово и дело слиты воедино. Могу сказать даже, что это мой самый любимый западный писатель.

Поэтому я позволил себе перевести прозаический текст “Молитвы” Сент-Экзюпери стихами».

МОЛИТВА

Я не прошу, о Господи, явлений и чудес.
 Дай силы мне пройти через житейский лес,
 Где надо сделать остановку, но не ради пустяков.
 И научи искусству маленьких шагов.
 Пошли мне воздержание и меру при ходьбе,
 Чтоб не порхал над жизнью, не прыгал по судьбе.
 Чтоб видел главное, когда прижмёт беда,
 Чтоб наслаждался я искусством иногда.
 Ты знаешь, Господи, что все мои мечты

О том, что было и что сбудется, – пусты.
 Дай чувствовать всегда Твою благую весть
 И действовать сейчас, немедленно и здесь.
 Мне ясность подари, ведь путь любой не прям,
 В нём много скользких луж, прикрытых грязью ям.
 Напомни: нет причин печалиться о том,
 В любых препятствиях мы зреем и растём.
 Напоминай почаще мне, коль не туда иду,
 Что сердце и рассудок бывают не в ладу.
 Пошли кого-нибудь от имени Тебя,
 Кто правду скажет мне открыто, но любя.
 Я знаю: иногда захлёстывает плен
 Излишней суеты в решении проблем.
 Так научи меня ещё искусству ждать,
 Терпенью научи, чтоб чуют Благодать.
 Ты знаешь, как нужны сердечность и приязнь.
 Да буду я таким, вступая с кем-то в связь.
 Чтоб мог я молча, несмотря на ложь и зло,
 Отправить хоть кому-то правду и тепло.
 Пошли умение помочь всем страждущим во тьме
 И не бояться, коль чего-то не хватило мне.
 Дай не того, чего хочу, – но исполнения долгов...
 И научи искусству маленьких шагов.

ЛУИ АРАГОН (1897–1982)

Известный французский поэт и прозаик, лауреат Гонкуровской премии, Луи Арагон был в своё время не менее популярен в Советском Союзе, чем Поль Элюар. Кроме стихов русскому читателю известны переводы его прозы. Автор многочисленных статей о природе искусства, защищающих классические формы поэзии и рифму, от которой французские поэты середины века начали всё чаще отказываться и переходить в верлибр. На примере Арагона в каком-то смысле можно говорить и о прямых родственных связях французской поэзии с русской. Жена Арагона Эльза Триоле и возлю-

бленная Маяковского Лиля Брик были родными сёстрами (в девичестве – Каган).

Поэт прошёл через дадаизм, сюрреализм, реализм в литературе. В 1927 году вступил в ряды ФКП и был членом её высшего руководства. Хотя французская компартия находилась под сильным влиянием русских коммунистов, она с момента возникновения и до сих пор содержит множество фракций, от троцкистских и анархистских до «либертальных». «Коммунистическим вольнодумцем» был и Арагон, в своё время оказавший немалое влияние на руководство КПСС, в частности на её политику по отношению к советским диссидентам.

В предлагаемой подборке поэта присутствуют антифашистская лирика, которая наполнена чувством солидарности с Москвой во время войны, и великолепное стихотворение «Не бывает счастливой любви», которое было переложено на музыку и исполнялось знаменитым шансонье Жоржем Брассенсом. По словам биографов, стихи посвящены Эльзе Триоле, с которой поэт находился в очень сердечных отношениях и в браке на протяжении сорока лет.

СЛУШАЙ, ФРАНЦИЯ, ГОЛОС МОСКВЫ

Слушай, Франция, вовсе не скорбную мессу.
 Чья-то песня весёлая шелесту вторит листвы.
 Слушай, Франция, эту мелодию ты.
 Чьи-то руки к тебе пролагают мосты,
 Прилагая к словам незнакомым твою «Марсельезу».

Как мелодия эта дорогу в Париж отыскала
 И как юно звучит, ведь в эфире почти не слышна.
 Это значит, что солнцу случайная тьма не страшна.
 Это значит, сражается с громом войны тишина.
 Это значит, и мы не мертвы, не к лицу и тоска нам.

Бьются наши сердца, этой песне свободной внимая.
 Проплывают в глазах незабвенные древние сны.
 Жанна д'Арк нам внушает священный завет старины –
 За достоинство и непреклонность страны
 Вместе с нами, с Россией свой меч поднимает.

Слушай, Франция, ты не одна в этом бешеном мире.
 Не всегда будет длиться позорная серая мгла.
 Если хочешь, чтоб песня тебе помогла,
 Ты борись и берись засучив рукава за дела.
 Слушай, Франция, русскую суть «Марсельезы» в эфире!

НЕ БЫВАЕТ СЧАСТЛИВОЙ ЛЮБВИ

Наша жизнь на отряд безоружный похожа,
 На забытый богами потерянный взвод.
 Так зачем нам с утра отправляться в поход,
 Если к вечеру в поле никто нас не ждёт,
 А в заплочном мешке непосильная ноша?
 Не бывает счастливой любви –
 У неё слишком тонкая кожа...
 О любовь моя, сбитая в воздухе птица,
 Кто тебя подстрелил, и зачем я пою?
 Ведь не видят прохожие ношу мою,
 Повторяют за мной только песню свою,
 Что я спел о глазах твоих и о ресницах.
 Не бывает счастливой любви,
 Ведь она только снится.
 Нам, любовь моя, жизни учиться уж поздно!
 Сколько силы уходит на нервную дрожь.
 Сколько грусти потратишь на злобу и ложь.
 Сколько горя хлебнешь, пока вслух запоёшь,
 Чтобы слушали горы, равнины и звёзды.
 Не бывает счастливой любви,
 Она видится грозной.
 Не бывает любви без дождей и без сереньких тучек.
 Не бывает любви без потерь, как на всякой войне.
 Не бывает любви ни к тебе, ни ко мне, ни к стране
 Без предательств, рождённых в ночной тишине.
 Не бывает любви, чтобы жить беззаботно, не мучась...
 Не бывает счастливой любви,
 Такова наша общая участь.

VI

Итальянская поэзия

(XIII–XIX вв.)

Франциск Ассизский. Данте. Петрарка. Лоренцо Медичи. Макиавелли
Микеланджело. Джордано Бруно. Кампанелла. Пиндемонте. Leopardi

Италия – страна с богатейшей историей и культурой, несопоставимой ни с одной другой. По данным ЮНЕСКО 35% мирового культурного фонда находится в Италии. Современная Италия хорошо сохраняет величественные культурные формы прошлого. Тем не менее разрыв культурной традиции средневековой Италии со своим великим прошлым – античным Римом – тоже факт итальянской истории. Древние римляне и средневековые итальянцы, не говоря о современных жителях Италии, – это, по сути, разные народы. и дело здесь не только в прошедших веках, разводящих далеко друга от друга предков и потомков практически в любой стране, но и в масштабе катастроф, произошедших в Риме, когда в течение века власть перешла от утончённых римских цезарей к варварам. Проблему усугубил и конфессиональный слом – во всех отношениях более гуманная и одухотворённая новая религия проявила, как и было принято в те далёкие времена, беспощадность по отношению к культуре побеждённых. Античная культура и литература оказались во многом под запретом, и когда позднее поэзия всё-таки вернулась к народу, потери были невосполнимыми.

Ситуация в литературе и в поэзии любой страны не может не зависеть от общей ситуации в государстве. Поэзия существовала в устной форме, и итальянские трубадуры, воспевавшие подвиги короля Артура, отставали от своих французских собратьев на целый век и находились под их сильнейшим влиянием. Италия средневекового периода переживала кризис. Остро стоял вопрос о языке – на народный язык, как и на литературный, давила латынь. Латинские школы во времена господства варваров не погибли ни в готскую, ни в лонгобардскую эпоху, а приспособились, обучая людей риторике и напоминая об Античности. Целые монастыри (тот же Бенедиктинский) стали центрами, собирающими любителей Древних Греции и Рима. Одним из главных центров был двор Фридриха II Гогенштауфена, где большое внимание уделяли античной Греции, Риму и по сути возродили эллинизм. Вокруг двора объединились десятки поэтов, которые создали знаменитую сицилийскую школу. Помимо античного влияния поэты впитывали арабскую и провансальскую культуру. Эта школа

в конце концов помогла созданию того чудесного итальянского языка, на котором Данте и Петрарка писали свои канцоны и сонеты.

По-настоящему итальянская письменная литература появляется в XII веке, одним из таких ярких поэтов был итальянский святой Франциск Ассизский. Его небольшие поэтические опыты были замечены культурной Италией и оказали влияние на тех, кто пробовал писать после него.

Однако главным поэтом Италии следующего века был гениальный уроженец Флоренции Данте Алигьери. Он сразу поднял творческую планку достижений в поэзии на непревзойдённо высокий уровень. Его сонеты и «Божественная комедия» до сих пор внимательно изучаются всеми, кто проявляет интерес к подлинной поэзии. Эта планка была поддержана Петраркой, который со своим воспеванием Лауры и сонетной формой ворвался в XIV столетии не только в итальянскую, но и в мировую поэзию. Герцог и покровитель искусств Лоренцо Медичи и скульптор Микеланджело Буонарроти были прекрасными поэтами. Как, впрочем, и политик Никколо Макиавелли, философы Джордано Бруно и Томмазо Кампанелла, которые писали свои философские стихи, используя сонетную форму. Позднее знамя высокой поэзии было подхвачено романтиками Ипполито Пиндемонте и Джузеппе Леопарди. Разумеется, в Италии помимо названных и присутствующих в данной книге замечательных поэтов были и другие, не менее яркие, стихи которых не вошли в книгу – нельзя объять необъятное.

Какие черты итальянской поэзии можно выделить? Они уходят в глубину того, что можно назвать итальянским национальным характером в его лучших проявлениях, – страстность, искренность, изящество, воля к красоте формы, иногда демонстративная и пережидывающая через край, как это было в эпоху Возрождения. Ну и, конечно, необыкновенно яркая образность, какая-то глубинная солнечность и радость, сохранявшаяся даже в самые тяжёлые моменты. Разумеется, поэзия Италии, как и вся итальянская культура, развивалась под сильным влиянием католичества. Отсюда сочетание плотскости и одухотворённости, наиболее ярко обозначившее себя в итальянской поэзии в эпоху Возрождения. Автор переводов и переложений постарался передать этот дух, переполнявший сердца лучших поэтов Италии. Их стихи переводили многие, автору ближе всего переводы А. М. Эфроса и Е. М. Солоновича.

ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ (1181/1182-1226)

Великий святой Италии Джованни Франческо ди Пьетро Бернардоне, создавший католический орден своего имени – орден францисканцев, внёс новые краски в идеалы святости, представлявшейся его adeptам как сплав трёх обетов – бедности, целомудрия и послушания. Историки считают, что история аскетических практик получила через деятельность Франциска Ассизского мощные импульсы. Бедность, причём добровольная, стала восприниматься не как символ угнетения, а как особая добродетель, крест, который нужно нести легко и радостно. Несмотря на то, что у идеи добровольной бедности было немало противников, проповедь Франциска, звучавшая с максимальной искренностью, вызвала мощный подъём религиозного чувства у простого народа. Франциска любили, за ним шли.

Франциск Ассизский родился в зажиточной семье торговца шёлком, который часто ездил во Францию. Франциск, узнавший от отца французский язык, пел на нём песни трубадуров. В молодости Франциск, как случается у детей богатых родителей, вёл разгульный образ жизни, и его называли «царём пирушек». Затем был сон, в котором ему предсказывалось иное назначение. Он уловил эти знаки неба, как называли в Италии вещие сны. Он становится служителем церкви. Удивительно, но церковная власть разрешила ему создать свой орден, поскольку ясно видела, насколько благотворно влияние молодого священника на массы. Сердцевина учения Франциска, как и его личности, – горячая проповедь сострадания к людям, особенно страдающим, и проявление чистой, искренней, кроткой любви к ближнему. Он часто раздавал всё имущество, которое у него накапливалось. Франциск также был страстным защитником животных. Со временем орден превратился в могущественную организацию, и сам Франциск в конце жизни был этим недоволен, утверждая, что его цель – помочь людям вернуться к идеалам чистоты раннего христианства, а не создавать религиозную империю. Биографы отмечают, что с именем и жизнью Франциска Ассизского связано множество чудес, исцелений, неожиданной помощи: согласно преданиям, он исцелял слепых, воскрешал мёртвых, лечил больных самыми тяжёлыми неизлечимыми болезнями.

Франциск Ассизский не был светочем грамотности, но его переполняли высокие чувства, которые требовали своего выплеска. Отсюда тяга к творчеству, к поэзии. Его стихотворное наследие невелико, но оно привлекало внимание. и тогда, и сейчас. Самым известным его произведением является «Песнь брату Солнцу», относящаяся к жанру «лауда» – хвалебная часть богослужения с повторяющимися словами. Песнь была написана незадолго до смерти Франциска, и её созданию предшествовало состояние мистического озарения с последующим появлением стигматов и явлением «шестикрылого серафима» (вспомним Пушкина). Интересно, что христианин Франциск упоминает здесь про стихии, тема которых была подробно разработана в античной натурфилософии. Во втором стихотворении речь идёт о внутренней работе и о методах борьбы с навязчивыми мыслями, о чём не всегда услышишь в церковных проповедях.

В русской литературе о Франциске с восхищением писали П. Флоренский, И. Ильин, Н. Веселовский, Л. Толстой, Л. Карсавин, Д. Мережковский, А. Блок, К. Бальмонт, М. Волошин, С. Соловьёв, М. Кузмин, Вяч. Иванов, М. Горький, И. Гревс, Б. Пастернак, А. Белый, В. Хлебников, Ю. Иваск, Б. Зайцев, Л. Эллис, А. Тарковский, И. Бродский, С. Аверинцев, О. Седакова.

ГИМН СОЛНЦУ И ВСЕМ ЕГО ТВОРЕНИЯМ

Я брату Солнцу посылаю свой привет
 В ответ на Его радостную щедрость,
 С которой Он повсюду сеет свет.
 А мы, увы, нередко сеем тщетность...
 Благодарим сестру Его, туманную луну,
 Спасибо за огонь ночами в звёздах,
 За землю, воду и за брата воздух,
 Что у пяти стихий в заботливом плену.*
 Спасибо, Господи, что правишь нами бодро,
 Что тварей в услуженье держишь сонм,
 Хвала за ливневые тучи и за ведро.
 Хвала, что ночью посылаешь краткий сон.
 И даже смерть, являя отдых длинный,
 Среди костей, беспамятства и глины.

И просыпаемся в аду гораздо чаще, чем в раю.
 Поэтому тебя, Творец, за это всё благодарю.
 Хотя иной судья, особенно незрячий,
 Оценит собственную жизнь куда иначе...
 Итак, восславим нашего Творца,
 Как благодетеля и мудрого Отца!

О МЫСЛЯХ БЛУЖДАЮЩИХ

От них нередко горе,
 Их посылает чёрт.
 Суля всегда благое –
 Доходы и почёт.
 На самом деле злобны,
 Хотя круглы на вид.
 И ангелам подобны,
 И рой их плодовит.
 Над головой кружите,
 Как осы без конца.
 И в панике бежите
 От светлого Ловца.
 Вы скачете как блохи,
 Вас нелегко поймать,
 Ведь мысль – дитя эпохи,
 И плод её, и мать.
 Вам чернь бока надраила,
 Ваш блеск – одна беда.
 Отец же ваш, как правило,
 Большие города,
 Где люд на что-то пялится,
 Торгуя, спя, жуя...
 Скользите между пальцами,
 Как рыба чешуя.
 На карасей похожи.
 Расчёт бездумный прост –
 Ни разум не тревожит,
 Ни труд, ни бой, ни пост...

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ (1265-1321)

Величайший поэт мира, один из немногих художественных гениев человечества, определивший развитие поэзии на века вперёд. Так же, как Шекспир в Англии, и как Пушкин у нас в России, Данте считается создателем итальянского языка. Достиг непревзойдённых высот в поэтическом мастерстве. Речь идёт и о глубине сказанного, и о красоте слога и образов, и о масштабе созданного.

Чего стоит одна «Божественная комедия», с её девятью кругами ада, семью уровнями чистилища и раем, разные области которого соответствуют девяти планетам и уровням универсума. (Кстати окрестил эту комедию «божественной» друг Данте Боккаччо.)

Данте – тончайший лирик, и мыслитель, и богослов одновременно. Он знал блестяще всю мировую поэзию, которая была создана к тому времени, и в то же время владел тайными знаниями, о которых в то время мало кто имел представление. Он был не просто книжным кабинетным поэтом, но и человеком действия, активно участвовавшим в политической борьбе своей эпохи. В столкновении двух главных партий он безоговорочно выбрал сторону гибеллинов, сторонников императора, противостоявших гвельфам, служившим папе. Такая позиция не могла не сказаться на событиях жизни поэта, который многие годы был вынужден провести на чужбине в изгнании, поскольку его родная Флоренция в то время была под властью сил, присягнувших папскому престолу.

Данте родился в 1265 году в одном из самых красивых городов не только Италии, но и всего мира, и по преданию принадлежал к древнейшему рыцарскому роду. Мальчик получил прекрасное образование и хорошо знал и естественные науки, и философию, и поэзию. Биографы Данте утверждают, что он с юных лет на очень высоком уровне был посвящён в тайны бытия: изучая различного рода сакральные учения, тем не менее, считал себя христианином. Рано начал писать. Биографы считают, что первые литературные опыты Данте относятся к 1292 году, когда он написал несколько поэм, сложившихся в книгу «Новая жизнь» и посвящённых его так и не реализованной любви юности к Беатриче Портинари. В девятилетнем возрасте он увидел Беатриче и влюбился в неё. Но в дальнейшем из-за своей скромности так и не признался ей

в любви – за всю жизнь они поговорили только дважды. После первой встречи они не виделись больше девяти лет. Беатриче решила, что, поскольку Данте не проявляет инициативу, значит, они друг другу не подходят. Но и вторая встреча не привела к развитию отношений: молодому поэту оставалось только наблюдать за возлюбленной со стороны – Беатриче к тому времени была уже замужней женщиной.

Ещё один адресат стихов Данте – его друг Гвидо Кавальканте. В дальнейшем Данте напишет ещё целый ряд книг разных жанров, обессмертивших его имя, – «Пир», «О народном красноречии», «Эклоги», «Послания», «Цветок», «Монархия», «Вопрос о воде и земле». Но главным произведением, сделавшим имя Данте узнаваемым и любимым потомками, – безусловно, была «Божественная комедия». Данте писал свой главный труд не менее пятнадцати лет. Поэма получила популярность в народе, а люди просили власти разрешить постановку этой пьесы на площадях, разъясняя при этом сложные места. Она получила популярность не только в силу своей гениальности и яркой формы, но и из-за изображения трёхъярусной конструкции Мироздания. Данте не просто показывает Мироздание в его зримой и незримой страте, но раскрывает законы, управляющие судьбами людей. Закон свободы воли уравнивается законом возмездия, которое осуществляет Творец.

Как известно, «Божественная комедия» делится на три части – «Ад», «Чистилище» и «Рай». Описывая эти уровни Мироздания, Данте придерживается сакральной нумерологии. Ад у него состоит из Девяти кругов, Чистилище из Семи ступеней, которым соответствует такое же количество грехов, и Рай также имеет Девять подразделений, которые символизируются девятью планетами. Другие сакральные числа, используемые в композиции «Божественной Комедии», – три, семь, десять, тринадцать: каждое из них имеет глубинный смысл.

Главный герой – это сам Данте, совершивший путешествие в адские сферы, а затем начавший путь очищения и восхождения. Многие исследователи творчества Данте отмечали, что «Ад» – наиболее популярная часть «Божественной комедии». Это объяснимо целым рядом причин – тем, что именно в эту inferнальную область помещены враги поэта, как личные, так и политические, а также самые разные известные персонажи истории и деятели того времени. Людям было очень интересно узнать о посмертных судьбах их друзей, врагов и знаменитых лю-

дей, потому произведение Данте воспринималось как своего рода продолжение Апокалипсиса. Данте придерживался строгой христианской морали и, уподобляясь Демиургу, отправлял в ад всех, кто, по его мнению, не соблюдал заповеди, поддавался страстям и совершал грехи. На самом нижнем, девятом круге Ада находятся изменники и предатели. Что касается «Рая», то нередко встречались и такие мнения, что описания этих сияющих сфер бытия, уместные в религиозных текстах, в художественном произведении выглядят монотонно и даже скучно. Тем не менее на протяжении многих веков этим произведением люди самых разных стран, национальностей и культур буквально зачитывались и находили в нём ответы на многие свои вопросы.

Как уже говорилось, Данте помимо любви к женщине и творчеству был активным гражданином своего города и деятельным политиком. После победы его партии – гибеллинов – в городе он на какое-то время становится приором.

Но в политике нет постоянных успехов – Фортуна слишком переменчива. Уже через год в республике берут верх сторонники папы. Во время отсутствия поэта в городе (Данте был в отъезде) они несправедливо обвиняют поэта-приора в коррупции и антигосударственной деятельности, присуждают ему огромный штраф, арестовывают его имущество. Его даже заочно приговорили к смерти. Случайно узнав об этом, Данте не стал возвращаться и начал жизнь скитальцем по Италии.

Данте провёл вдали от родины много лет, и его прибежищами на какое-то время становились самые разные города Италии (Болонья, Верона, Равенна) и даже другие страны, например, Франция. Два чувства переполняли его сердце все эти годы – любовь к родине, поскольку он был очень привязан к Флоренции, и любовь к Беатриче. Ей он посвящал свои сонеты, и Беатриче была выведена в «Божественной комедии»: ведь Вергилий, выступавший как проводник Данте по кругам ада, не мог подняться в Рай как язычник. Именно Беатриче помогала лирическому герою поэмы в его райском восхождении.

Сильным ударом для поэта стала смерть Беатриче. К тому времени поэт уже был женат: его брак, заключённый в присутствии нотариуса, был скорее союзом по расчёту, хотя и принёс ему трёх детей. Он взял в жёны Джемму Донати, дочь лидера флорентийской политической партии. После изгнания Данте из Флоренции его жена осталась там с детьми и до конца поддерживала их. Сам же поэт последние

годы жил в Равенне, где стал послом её правителя Гвидо да Полента. Однажды тот отправил Данте в Венецию, чтобы поэт заключил мирное соглашение с республикой Святого Марка. Но на обратном пути Данте, проезжая заболоченные места, заболел малярией и умер. Случилось это в 1321 году.

Сегодня, вчитываясь в стихи «Божественной комедии», мы поражаемся глубине мысли поэта, заглянувшего своим поэтическим зрением в такие сферы, которые ранее были доступны только пророкам, масштабности картины мира и величественности фигуры самого флорентийца. Он входит в пантеон высших мировых поэтов – Шекспир, Гёте, Шиллер, Пушкин, Ли Бо, Руми. Гениальность поэта в том, что он выразил единство зримой и незримой реальности неизмеримо ярче и совершеннее других творцов.

Данте оказал огромное влияние на мировую и русскую литературу. Батюшков, Чаадаев, Пушкин, Гоголь со скитанием «мёртвых душ» по аду русской действительности, Достоевский, Островский, Майков, Ходасевич, Брюсов, Вячеслав Иванов, Бальмонт, Владимир Соловьёв, Блок, Белый, Волошин, Городецкий не раз упоминали имя Данте, писали о нём, использовали его образы. Юрий Ключников, переводя европейскую литературу, естественно, не мог обойти вниманием этого великого поэта Возрождения и с радостью перевёл ряд его сонетов.

Сонеты Данте принято относить к направлению «Dolce stil nuovo» – «нового сладостного стиля», которое воспекает и земную, и небесную любовь. Эти два вида любви должны слиться в единое целое и в жизни, и в стихах. Молодой Данте создал свой сонетный цикл, сумев объединить эти любовные потоки. Сделанные Юрием Ключниковым переводы больше всего говорят о любви, причём в стихах поэт позволяет себе больше, чем это было в его жизни: ведь отношения с Беатриче так и не состоялись в полноценном любовном смысле и остались платоническими.

Большая часть сонетов Данте вошла в его книгу «Новая жизнь», которая при жизни поэта не получила большого успеха, а в дальнейшем её звезда померкла в лучах «Божественной комедии». Однако преемственность главной книги Данте по отношению к «Новой жизни» несомненна: многие мысли и переживания поэта, представленные в сонетах, перекочевали в его великую трилогию.

12 (LII) ДАНТЕ – ГВИДО КАВАЛЬКАНТИ*

О, если б я и ты, и все друзья
По тайному душевному влеченью
Умчались против ветра по теченью,
И в море быстрокрылая ладья

Несла бы нас по гребню бытия,
И мы навстречу звёздному свеченью
Слагали б гимны красоте творенья!
Восторг познала бы душа моя.

И монну**, ту, чьё тайное число
Записано как «тридцать» на скрижалях,
В ладье судьбы чтоб к счастью унесло.
Пусть маг забыть её заставит о печалях.

Чтобы мечтала о любви светло,
Земли обетованной светлых далях.

18 (LXV)

Любимая, ты свет моих очей,
И взор твой – неземного благородства.
Жизнь без него моя полна сиротства,
С ним не сравнятся тысячи речей.

При свете дня и в сумраке ночей
Я чувствую влечения господство.
Тогда клянусь себе – начну бороться
С желанием смотреть в зрачки я ей.

Но снова в сердце чувствую вину –
Глаза мои не слушаются боле
И тянутся, где чудо мне явилось.

Закрою их, ослепший поневоле,
Чтоб страсти угасить волну...
Амор, он знает, что со мной случилось!

19 (LXVI)

О госпожа моя, как я хочу
Найти в вас неизменную опору!
Устал я от мучений, и Амору
Нести столь тяжкий груз не по плечу.
Я падаю, хоть верил, что лечу.

Пленённый дух идти не может в гору,
Он может лишь роптать в такую пору
И вопрошать: «За что я так плачу?»
Досадно Вам узреть неправоту,
Но я неужто умереть достоин?

Вы знаете прекрасно сами – нет!
В бою со страстью я паду как воин.
Не выжить, если Вы уйдёте за черту,
Где мне не виден Ваш чудесный свет.

20 (LXIX)

В День Всех Святых – блаженство даль таила.
Шли женщины, и среди них она...
Других как будто всем превосходила,
С Амором рядом шла, тиха, скромна!

Светилась в ней таинственная сила,
В её очах жила любовь одна,
И взгляд мой к ней навеки пригвоздила
Небес в них отражённых глубина.

Она дарила щедро свет достойным,
Хотелось рядом с ней творить добро!
И словно путь закрыло злобе, войнам

Её души чистойшей серебро.
Сошла с небес возвышенно, спокойно,
Кто воспоёт её, блаженно то перо.

49 (LXXXVI)

Живут в моей душе две госпожи,
Владеют обе ею полновластно.
Обеих я люблю светло и страстно,
Сомнений нет, ведь обе хороши.

Одна светла красой своей души,
За добронравие похвал достойна разных.
Другая красотой к ангелам причастна,
Стройна, нежна. Ох, трудно мне решить,

Кого избрать. Тогда без лишних слов
Влюбиться я в обеих дам готов...
Но требует Закон мне сделать выбор.

Я в замешательстве, признаться надо, ибо
Нельзя для радости красу не возлюбить
И добродетель в женском облике не чтить.

50 (LXXXIX)

Кто сможет ей ещё глядеть в глаза
С бесстрашием, иных не видя выгод?
Я из-за них увидел смерть как выход,
Чтоб перестала боль меня терзать.

Пусть мой уход поможет показать,
Как не прейти черту и сделать вывод:
Другой безумец разве должен видеть
Красу сей девы? Стоит отказать

Влюблённым в назидание иным,
Как я, они спешат путём земным,
Судьба до срока мне уйти велела,

Чтоб опыт не растаял мой как дым.
...Жил бы ещё, смерть душу мне б не грела,
Как жемчугу с утра луч солнца смелый.

52 (LXII)

Любовь нас, смертных, решит стрелами,
Их рассылет резвый Купидон.
Решение, оно всегда за вами,
Как выполнять незыблемый Закон.

Не стоит ставить жизнь свою на кон.
Коль спросите, скажу между делами –
Ему всегда послушны будьте сами!
Упрямых быстро образумит Он.

Придите откровенным к вашей даме
С букетом роз или милыми цветами.
Бог чувства к подношениям привык.

Добро любви весомей зла, полезней.
Слова же, чем красивей и любезней,
Примчат быстрее к цели напрямик.

58 (CXIII)

Вы самых лучших, искренних даров
Достойны, голос ваш всегда был чистым,
Но кто в проводниках неверность числит –
С сокровищем не делит общий кров.

Как уберечься от слепой любви шипов?
Не знал я и страдал от ран, неистов.
Но минерал волшебный есть, лучистый,
Научит жить он тех, кто жить готов.

Слепой не различит – закат, восход,
Закрыло горизонт ему несчастье
Души, страдающей от болей и невзгод.

Меня бы убедило лишь участие
Правдивых слёз, вот главный аргумент –
Он вместо слов меня сразит в момент.

61 (CV)

Нет, меч возмездия не должен затупиться
Теперь, когда её на свете больше нет.
Молю, о Боже, сохрани любимой след,
Чтоб не остался безнаказанным убийца,

Чтобы ему не удалось сокрыться.
Судьба найдёт его и через сотни лет.
Сразит возмездие его скелет –
Не спрятать от судьбы злодеям лица.

Залит зловещим ядом этот мир.
Молчит, объятый сном, род человечесий,
Но продолжается недуга мрачный пир.
Невинной жертве помощи с небесной встречей.

Останови разгул, Господь, останови!
Верни мне Правду, равновесие Любви.

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА (1304–1374)

Выдающийся поэт эпохи Возрождения, Франческо Петрарка был не менее популярен, чем его старший собрат по перу Данте Алигьери. Его считали одним из самых ярких представителей гуманизма. Отец поэта был юристом, принадлежал к партии «белых» гвельфов и был вынужден перебраться на юг Франции, покинув Флоренцию. Петрарка учился юриспруденции,

получил прекрасное образование в Болонском университете, но с юности тяготел к изучению классической литературы. После университета принял священство и какое-то время служил в церкви (сан давал средства к существованию). При этом религиозность Петрарки была вполне искренней, как и его поэтическое творчество: ему всё время приходилось бороться со своими страстями.

Он рано начал писать – и стихи, и трактаты, созданные на латинском языке. Импульсом к написанию стихов стала его любовь к Лауре де Нов, которая оказалась неразделённой. Историки до сих пор не установили, соответствовала ли реальная Лаура де Нов, супруга графа Гуго II де Сада (между прочим, предка маркиза де Сада, семья которого всерьёз изучала эту тему), персонажу лирических произведений поэта: ведь ни в одном письме его родственникам и друзьям мы не встретим это имя. Но известно, что она была матерью одиннадцати детей, проявляла интерес к литературе и даже была участницей авиньонского «Двора любви» – литературного салона, который создала графиня и виконтесса Алази Авиньонская. Петрарка впервые увидел златокудрую красавицу в церкви Святой Клары в Авиньоне, пытался поймать её взгляд, влюбился в неё и хранил это платоническое чувство к замужней женщине, верной своему мужу в течение многих лет (она вышла замуж в 15 лет). На момент встречи ей было всего двадцать лет, а ему двадцать три, и он, как священнослужитель, дал обет безбрачия. Он посвятил ей 366 сонетов, которые впоследствии были признаны классикой и эталоном высокого любовного чувства.

При этом Петрарка не отличался святостью поведения и вступал в контакты с женщинами, причём у него были две незаконнорождённые дочери от разных женщин. Биографы, которые признают реальность возлюбленной поэта, отмечают, что Петрарка и Лаура виделись незадолго до её смерти, 21 сентября 1347 года, в тот же месяц и день, но через 21 год после знакомства. Причина столь ранней смерти Лауры (ей было 38 лет) неизвестна, может быть, это была чума, опустошавшая округу как раз в те дни, а может, что-то другое. Поэт не мог смириться с этим фактом и ещё десять лет был мыслями с ней. Под старость он признавался, что мечтает воссоединиться с ней в инобытии.

Петрарка много писал, причём наибольшую славу на первом этапе его литературной судьбы принесли ему прозаические произведения на латинском языке. Это две его автобиографии и трактаты на этические темы («О средствах против превратностей судьбы», «Об уединённой жизни», «О монашеском досуге», «Об истинной мудрости»), в которых заметна борьба двух начал в душе автора – его желания любви и религиозных устремлений. В «Письмах без адреса» Петрарка активно обличал лицемерие папского двора, чем снискал себе большую популярность. Его стали приглашать в крупные города Европы (Париж,

Неаполь и Рим) на коронавание лавровым венком – особое действие, совершаемое в честь признания его лучшим поэтом эпохи и знатоком античности. Эта традиция, прерванная на тысячу лет, была восстановлена незадолго до того, как Петрарку короновали в Риме – городе, который он в итоге выбрал для этой процедуры. Коронавание произошло в церкви Санта-Мария-ин-Арачели на Пасху. Этот день (8 апреля 1341 года) стали считать символической датой начала эпохи Возрождения. Король Неаполя был поражен глубиной эрудиции поэта.

Оказавшись в Париже, Петрарка стал выступать с речами о необходимости возрождения Римской республики, что вызвало неудовольствие его покровителей во Франции. Ему пришлось покинуть эту страну. В Италии Петрарка нашёл большое количество новых друзей (в том числе и Боккаччо), много путешествовал по стране, выполнял различные дипломатические миссии, действуя при дворе Висконти (знатный аристократический род, доживший, между прочим, до нашего времени: кинорежиссёр Лукино Висконти восходит к нему), и в конце концов поселился в Венеции, где и умер. Как отмечают биографы, усопшего поэта нашли за письменным столом с пером в руке – он так и не закончил жизнеописание Цезаря.

Петрарка был очень ярким и уважаемым гуманистом, произведения которого вызывали восторги и высоко ценились современниками. Его латинские произведения открыли итальянцам внутренний мир человека, они опирались на прочный фундамент античности, которая становилась всё более популярной, а его трактаты и письма обличали пороки современности и злоупотребления власти, что нравилось массам во все времена. Но ему было этого мало, душа тянулась к стихам. Интересно, что он сам не очень-то ценил собственную лирику, считая стихи «безделицей», «пустяками», несерьёзным занятием, которое нужно для отдохновения и «для себя». Но именно оно в конце концов обесмертило его имя. Стихам и потомкам посчастливилось – поэт бережно хранил каждое стихотворение, не потому что ценил свой поэтический уровень, а потому что был очень привязан к образу возлюбленной и всем материальным формам, напомиравшим о ней. Современников и потомков буквально пробивала пронзительная искренность поэта. Невозможность быть вместе с объектом любви неизбежно вело к платонизму, но он был не абстрактным, а очень живым, наполненным индивидуальным чувством.

Личность Лауры и тема любви к ней величайшего поэта была и остаётся под пристальным вниманием людей искусства, которые сочиняют о ней стихи, посвящают ей картины и даже иконы, пытаются найти неисследованные обстоятельства её жизни. Тема платонической любви освещалась многими поэтами, но раскрытие её в литературе во всей её возвышенности и красоте связана с именем Петрарки.

Книга сонетов Петрарки «Канцоньере», что в переводе означает «песенник», разделяется на две части – стихотворения, написанные «на жизнь» (263 сонета) и «на смерть» (103 сонета) «мадонны Лауры». Лаура после смерти в стихах Петрарки превращается в «вожатого», который водит его по высшим сферам инобытия.

Стихи Петрарки, его мадригалы, секстины, канцоны и особенно сонеты были положены на музыку. Композиторы эпохи Возрождения, романтики XIX века (Шуберт, Лист) и даже Шёнберг в XX веке написали музыку к его произведениям, которая в дальнейшем с успехом исполнялась перед зрителями. Основа его лирики – любовь и любовные переживания, но ряд сонетов, созданных поэтом, – это стихи о Боге, о жизни, о человеческих отношениях: всё-таки гений не может быть поэтом одной-единственной темы.

У поэта уже при жизни появилось множество подражателей, которых назвали петраркистами. Наименее талантливые и многословные из них создали целое направление – петраркизм, это поэзия, основанная на воздыханиях, где образ изначально задан и мысль предсказуема. Главное отличие сонетов Петрарки от стихов его многочисленных подражателей в том, что его стихи пронизаны подлинным чувством (ведь объект любви был реальным и конкретным!), а у подражателей этого чувства, как правило, не было – да и как оно могло появиться, если воспевался придуманный образ! и обычные читатели, и тем более литераторы всегда могли увидеть эту абстрактность поэзии петраркистов и характерное для подражательной поэзии отсутствие осязаемости и зримости деталей, подтверждающей подлинность. Гениальные поэты, такие как, например, Шекспир боролись с петраркизмом и старались основывать свою лирику на более реальных образах и подходах к изображению. Тем не менее нужно признать, что влияние Петрарки на итальянскую и мировую поэзию было огромным. В памяти людей он остался гениальным творцом, сумевшим поднять и своё творчество, и свою любовь к недостижимым небесным высотам.

2 (II)

По молодости я ему перечил,
И получалось всё легко тогда,
Но он прицелился, попал, пришла беда,
И у меня опять случились встречи.

Я жил тогда наивно и беспечно,
Но неожиданным ударом без труда
Амур пробил меня, рука его тверда.
Я думал, что сражён теперь навечно –

Смутился. Как хотелось дать отпор!
Всегда бороться за свободу сладко,
В конце концов закрыться от всех бед.

Но он стрелял прицельно и в упор,
А стрелы говорят по сути – кратко.
И сожалеть не стоит – толку нет.

6 (VI)

Я сбит с пути тем безрассудным чувством,
Которое лететь за ней меня влечёт,
Оно меня то радует, то бьёт,
То с холодом её встречаюсь грустно.

Стремлений пылких распирает зов.
Плыву за ветром чувственным поспешно,
Мечтаю, чтобы грудь дышала нежно,
Но там, где страсть, нет ни руля, ни парусов!..

Влечений конь узду терпеть не хочет
И душу направляет в пропасть, в ад.
Борюсь, но страсти по ночам не спят
И мою волю разрушают, точат.

Вкусить мне не дано ни счастья, ни славы,
А лишь неспелый плод, подобие отравы.

61 (LXI)

Благословенны месяц, день и час,
Когда однажды в полутёмном храме
Любви в груди моей зажглось пламя!
Сиянием божественным лучась,

Благословен Порыв, что сблизил нас,
И правил по законам тайным нами.
Стрелой пронзён, любви согрет лучами,
И жар сладчайший в сердце не угас!

Благословен судьбе моей подарок.
Среди укусов и отчаянных ударов
Мадонны именем я боль переносу,

Канцоны звонкие о страсти я пишу,
Златые помыслы о ней одной лелею,
Подумать ни о чём ином не смею!

91 (XCI)

Красавица, свой несравненный лик
Ты от Творца в подарок взять сумела.
Мне думается, Тот, кто дал нам тело,
Кто бесподобно славен и велик,

Грустил, Он рядом быть с тобой привык.
А ты к земле спуститься захотела,
Но вновь звездою в небо улетела.
К Нему вернулась. Я твой путь постиг.

Себе не представляю лучшего удела,
Вслед за тобой освободить себя от тела,
С благодарением припасть к великому Тому,

Кто вместе посылает нас во тьму,
Заставив выпить искусительную чашу
И щедро одарив любовью участь нашу.*

124 (СХХIV)

Я пережил любовь, судьбу свою
От кратких ласк до длительных влечений.
Завидую другим, а мой итог плачевен,
Смотрю в былое, пред концом стою.

Хотя Амур горит – себя не узнаю.
Удел предательства в душе моей начертан.
Как тяжело жить среди сплошных мучений!
И ярость гложет, что живу в слепом бою.

Тоска гнетёт. И юность больше не вернётся,
И худшее грозит меня в капкан поймать.
Но путь земной прошёл до половины.*

Надежд алмаз стекляшкой обернётся,
Любви моей, увы, никак не удержать,
И нить мечтаний рвётся у середины.

132 (СХХХII)

Я не люблю!.. Но что со мной тогда?
Какой огонь в груди столь жарко пышет?
И почему молитв Амур не слышит?
Какая светит надо мной звезда?

На что же жалуясь, и есть ли в том беда,
Коль взят ты в плен, но стоны страсти тише?
Ведь в жизни смерть-любовь друг к другу ближе.
Единый корень. Боль с блаженством сходны, да?

Страданье-страсть, слова похожей масти.
С собой в войне, на бунтаря похож,
Над разумом своим не чую власти,

Ко мне в июле зимний холод вхож,
Теснят мою природу разные напасти –
А в январе и сам от зноя чую дрожь.

241 (CCXLI)

Амур легко мне подарил наш миг,
Сразил копьём любви неотразимым,
Меня огнём наполнив негасимым –
Твой взгляд в ответ коротким был, как блик.

Грозил мне гибелью удар, я сник.
Но он добить меня решил неотвратимо
И жалости стрелу вонзил незримо,
Двойною мукой переполнив мой родник.

Пылает рана болевым сияньем,
Другая язва тихо кровоточит,
И слёзы её стенки едко жгут.

Но мой пожар гасить никто не хочет,
И сердце полнится любовью и страданьем –
Кого жалеют, того больше ждут.

283 (CCLXXXIII)

Дня с ночью передвинулась граница –
На душу тень зловещая легла.
Возникла непроглядная темница,
Исчезло моё солнце. Ты ушла.

Всё дорогое сожжено дотла.
Молчат уста, что пели мне как птицы,
Ни взор, ни слух не может удивиться
Уж ничему. Настала тишь и мгла.

Всех ждёт на свете смерть, могила, тленье,
Но память, вот что даст мне утешенье,
Любимой облик, как надежды колос.

И если бы сумел Мадонны голос
Я вновь услышать, то любви цветенье
Не людям бы дарил, но зверю тоже.

301 (СССІ)

Брожу вдоль рек один, среди лесов,
Где звери бродят, стаи птиц порхают.
Но мысли и сюда упрямо проникают –
Как мне уйти от скорбных голосов?

В местах родных, где много дней, часов
Душа жила, теперь прогулка нелегка ей.
Холмов унылых образы мелькают...
Дорога к радости закрыта на засов.

Картина та же, мне понятна вся,
Лишь я другой, растаяли восторги,
Надолго в сердце мне пришло страданье.

Я счастье видел здесь, теперь нельзя.
Она, одежд земных красу отторгнув,
Взлетела в небо к Богу на свиданье.

303 (СССІІІ)

С Амуром никогда не разлучался.
На дивных берегах с далёких пор
Он вёл со мной весёлый разговор
И на волнах играючи качался.

Цветы, трава, холмы... Со мной прощался
Весенних птиц чудесный райский хор.
Цвёл сад любви, сокрытый среди гор,
Где я от бурь, измученный, спасался.

Дриады, нимфы!.. Тот восторг постиг,
Ведь счастье рождено не стопкой книг,
Оно взаимы так просто не даётся...

Услышьте, наша жизнь омрачена,
Печать конца, поставлена она –
Бессмертие усилием берётся.

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

ПО МОТИВАМ СОНЕТОВ ПЕТРАРКИ

Апрельским днём обманчивой весной
Я положил начало той ошибке,
Что угрожает нарушению Основ,
Границы коих неясны и зыбки.

Благое место, где в один из дней
Любовь моя стопы остановила
И взор ко мне священный обратила,
Что воздуха прозрачного ясней.

Воспел любовь. А там в одном котле
Кипят и мёд, и яд. Искал я славы
На нашей грешной, горестной земле,
В Италии. Но избежал расправы.

Учителем прослыл народу своему.
В действительности взять готов суму,
Отправиться по городам и сёлам...

Измучен был занятъем невесёлым:
Писал стихи, в крови почуяв зов весны,
И ими вдруг увлѣк едва не полстраны.

ЛОРЕНЦО МЕДИЧИ (1449–1492)

Лоренцо Медичи, он же Лоренцо Великолепный – один из самых ярких живых символов эпохи Возрождения в период её максимального расцвета. Крупный политик, дипломат, коллекционер, меценат, благосклонности которого к искусствам обязаны многие художники республики. Он принадлежал к высшим аристократическим кругам Италии и восходил к очень знатному роду. Его дед Козимо считался основателем династии флорентийских правителей, с деятельностью которых связано множество преобразований. Родители Лоренцо

были в центре событий тогдашней политической и культурной жизни, и потому нет ничего удивительного в том, что мальчик, получивший блестящее образование, со временем встал во главе республики. Его с раннего возраста различными способами вводили в политику – окружая его дипломатами, вводившими поручая ему выполнение важных дипломатических миссий, заставляя присутствовать на встречах с руководителями государств и Церкви. Отец следил и за физической и военной подготовкой сына, который с отроческих лет с удовольствием принимал участие в рыцарских турнирах. Мать старалась привить ему вкус к искусствам и меценатству. Лоренцо десять (!) лет учился во Флорентийском университете, овладевал риторикой и поэтикой, изучал греческую и римскую культуру, общался с поэтами (Кристофоро Ландино, Данте), видными философами (Марсилио Фичино), греческими и византийскими учёными и политиками.

Отец Лоренцо рано умер, и сыну пришлось возглавить страну уже в возрасте 19 лет, в 1469 году. Флоренция была истощена войнами и внутренними смутами, и единственное, что могло спасти это государство, по мнению молодого лидера страны, – установление более строгих порядков. Такая политика Лоренцо вызвала большое недовольство тогдашней политической элиты. Возник заговор, и вспыхнул бунт, организованный клерикальной группой Франческо Пацци. Восстание было благословлено папой римским Сикстом IV, недовольным гуманистическими взглядами молодого правителя, и началось с покушения на Лоренцо Медичи и его брата во время мессы в кафедральном соборе. Лоренцо удалось избежать гибели, в отличие от брата, он сумел скрыться от разъярённой толпы. Однако молодой правитель Флоренции не стал капитулировать перед бунтовщиками и оказал им активное сопротивление. Всех заговорщиков удалось поймать, предать суду и казнить. Папа римский был взбешён поведением Лоренцо. Его отлучили от Церкви, а на его имущество правительство страны наложило арест. Лоренцо не испугался этого шага и продолжил свою политику укрепления государства. Тогда папа Сикст IV объединился с королём Неаполя и пошёл войной на Флоренцию. Война длилась довольно долго, до тех пор, пока Лоренцо не сумел использовать свои дипломатические таланты и заключить с королём договор о мире. Флоренция получила передышку, во время которой молодой правитель осуществил серьёзные реформы, обеспечившие дальнейший подъём жизни в стране. Популярность Лоренцо выросла, это позволило ему управлять Флоренцией и покровительствовать искусствам. Он собирает

вокруг себя выдающихся мастеров кисти – Леонардо да Винчи, Сандро Боттичелли, Микеланджело Буонарроти. Они создавали неповторимую атмосферу поклонения высокому искусству в республике и укрепляли её положение в мире.

Лоренцо был женат на Лукреции Марии Ромола, имел от неё десятидетерых детей, из которых трое умерли в раннем возрасте. Исследователи биографии Лоренцо утверждают, что этот брак не был союзом двух счастливых и любящих друг друга супругов. Жена была набожной и не разделяла возрожденческую философию мужа, потому много времени проводила в Риме.

Сегодня многие историки утверждают, что клан Медичи спонсировал искусство Возрождения как некую сознательную антитезу христианству, внедряющую в сознание людей культ плоти. Наверное, во многом так и было, но Возрождение не пропагандировало уродство, а возрождало идеалы Античности с её одухотворённой красотой тела, забытой в Средние века, – история культуры движима таинственными ритмами. Медичи был разносторонним человеком и помимо коллекционирования предметов искусства и покровительства мастерам пера и кисти сам писал стихи, преимущественно стилизации античной поэзии. Представленное в этом сборнике большое стихотворение «Вакхическая песня» – типичный гимн эпикурейству с его исступлённой жаждой наслаждений и культом любовной страсти, чему поклонялись даже самые продвинутые и образованные люди эпохи Возрождения. Насколько эти страсти отличаются от суровой строгости Высокого Средневековья и даже от неоплатонизма! Перед нами памятник эпохи, в которой человек попытался обрести свободу так, как её тогда понимал. Автор этой книги перевёл это стихотворение вовсе не потому что ему близко подобное эпикурейство, отнюдь нет, а чтобы показать тот тёмный лик эпохи Возрождения, о котором в советское время почти не писали и сейчас практически не говорят. Как поэт Лоренцо ярок и, безусловно, обладал и талантом, и мастерством, и внёс свой несомненный вклад в копилку мировой поэзии и культуры.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Старцем и во цвете лет
Будь мгновениям послушен.
Завтра твой исчезнет след,
Ты себе сегодня нужен.

Помни, кто здоров и юн:
Таковым не будешь вечно.
Отрицаешь это – лгун.
Потому живи беспечно.

На земле надёжный путь
Знают Вахх и Ариадна.*
Всё бери от жизни жадно,
Наслажденья не забудь.
Боль покажется отрадной,
Если слёзы с глаз смахнуть
Даже на дороге страдной,
Коль умеешь отдохнуть.

Козлоногих не пугай,
Эти чтут свою науку –
Разгоняют нимфам скуку
На пути в грядущий рай.
Жизнь земная на утехе
Небогата скучным днём.
Преврати грехи в огрехи
Ночью собственным огнём.

Стань на миг парнокопытным,
Дев прекрасных не жалеяй.
Молодым и любопытным
В кубок их вина подлей.
Обожал науку страсти,
До седых волос Силен.**
Был знаток любовной власти,
Чтил эпохи перемен.

И свои услуги дева
Безвозмездно не отдаст.
Это знает каждый демон,
В прошлом ведал царь Мидас.***
Вакху кланяйся, Амуру,

Избегай дурных морщин,
Да смотри, любезный, сдуру
В страсти не переборщи!

Повторю: земных мгновений
Не теряй нигде, ничуть.
Обновленье наслаждений
Нам сулит подлунный путь.
Что с людьми случится завтра,
Их самих заботит пусть –
Вот единственная правда.
Позабудь тоску и грусть!

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ (1469-1527)

О заслугах Никколо Макиавелли перед родной Италией и историей в целом можно писать и говорить бесконечно. Его называют первым политологом нового времени. Главный труд Макиавелли – «Государь» – широко и скандально известен. Один из советских словарей иностранных слов толкует «макиавеллизм» как политику, основанную на культе грубой силы, на пренебрежении нормами морали, как коварство, вероломство, двуличие и лицемерие. Однако большинство историков убеждены, что в честности, личной порядочности и благородстве Макиавелли сомневаться не приходится. Это был очень умный человек, обладавший многочисленными талантами, политик, входивший в правительство Флоренции, дипломат, философ, историк, поэт, драматург, театральный режиссёр, композитор, теоретик государственного и военного строительства и предтеча современной политологии.

Никколо Макиавелли на первый взгляд не должен иметь никаких касательств к поэзии. Жёсткий прагматик, гений интриг, занимавшийся созданием идеологии и практической политикой, он по своему складу должен опираться на интеллект и логику, а не на образы и возвышенные чувства. Так оно на самом деле и было, но тем не менее этот разносторонний по своим талантам человек тоже пробовал сочинять

стихи. Не сказать, что они были выдающимися, но всё же он их писал, и они читались тогдашними любителями поэзии. Надо сказать, что его жизнь была настолько драматичной и дающей множество ярких возможностей, чтобы её запечатлеть, что его попытки настроить своё перо не только на прозу, но и на поэзию не удивительны. Своеобразной поэзией наполнены и его афоризмы, которые можно было читать как в прозе, так и в виде поэтических переложений.

Никколо Макиавелли родился в 1469 году в семье дворянина, принадлежавшего к старинному, но обедневшему роду. Дохода от имения отца на зажиточную жизнь не хватало, но было достаточно для покупки хороших книг, которыми мальчик зачитывался с раннего возраста. Биографы отмечают, что он увлекался римской историей, родной итальянской поэзией (Данте, Петрарка, Боккаччо), народными флорентийскими легендами и песнями. Он пробует сочинять стихи с юного возраста, слагает ряд карнаваловых песен, в которых немного подражает Лоренцо Великолепному. С самого начала юноша присматривался к власти, но смотрел на неё весьма критическим взором, как в переносном, так и в прямом смысле: биографы отмечали застывшую на его губах полуулыбку, из которой непросто было понять его истинное отношение к собеседнику и миру. Он так и не вошёл в окружение Лоренцо Медичи, несмотря на меценатскую политику этого правителя, поскольку считал его тираном, и негативно отнёсся к неистовому монаху Джироламо Савонароле, который некоторое время правил после свержения Лоренцо. В его книге «Государь» можно найти критику методов Савонаролы, «безоружного пророка», делавшего ставку на силу страстной проповеди, но не удосужившегося подпереть свою политику и реформы военной мощью. Крах Савонаролы он объяснил его утопизмом: «Введённые им порядки рухнули, как только толпа перестала в них верить, у него же не было средств утвердить в вере тех, кто ещё верил, и принудить к ней тех, кто уже не верил».

Тем не менее хорошие связи играли большую роль в любую эпоху. Макиавелли учился во Флорентийском университете, и сложилось так, что его преподаватель Марчелло Адриани через какое-то время возглавил правительство. Он составил протекцию своему талантливому ученику, и в 1498 году тот в возрасте 29 лет занял пост второго канцлера Флорентийской республики. Положение, в котором находилась Республика, было очень непростым. Некогда единая Римская империя была

давно разрушена, новое единое государство Италия появится на свет лишь через несколько веков. А различные города-жемчужины – Рим, Венеция, Неаполь, Пиза и сама Флоренция – находились в состоянии постоянной вражды друг с другом. Не менее опасными были внешние угрозы: со стороны той же Франции на итальянскую территорию вторгся Карл VIII. Система обороны была выстроена плохо – так, Флоренция предпочитала наёмные войска, которые могли перейти на сторону противника или повернуть против нанимателей. Союзники, которые призывались итальянскими городами для защиты, были весьма ненадёжны: в те времена было в порядке вещей после оказания помощи занять территорию тех, кто расплатился с ними. С Флоренцией в годы правления Медичи по прозвищу «Несчастный» всё произошло ещё печальнее – он вначале согласился на все условия Карла VIII, а затем бежал, испугавшись гнева народа, который счёл такие действия предательством.

Как можно видеть, исторический контекст, в котором формировались политические взгляды Макиавелли, изначально сочувствовавшего республиканским взглядам, явно не располагал к восхищению слабыми правителями, даже если они при этом поддерживали искусство. Начиная политик быстро осознал, что лишь сильная и одновременно умная власть, обладающая собственной армией, может защитить страну от вторжения. Собственно, назначение Макиавелли секретарём Флорентийской республики состоялось уже после бегства Медичи и казни Савонаролы. Молодой политик побывал с дипломатическими поручениями при дворе французского короля, где его всерьёз не восприняли, хотя ему удалось заключить выгодные для Флоренции, умиротворяющие короля договоры. После этого был вынужден вернуться домой, где умерли его отец и сестра, и возникли сложности с карьерой. Но предприимчивый политик преодолел сложности и поправил свои дела тем, что женился на богатой женщине, принадлежавшей к знатному роду Корсини, от которой у него появилось несколько детей. Впоследствии они стали заметными людьми в стране (старший стал казначеем герцога, средний – генерал-лейтенантом морского флота, младший – священником). Удачный брак позволил ему продолжить карьеру: молодого дипломата отправили к Чезаре Борджиа, диктатору, о жестокости и коварстве которого ходили легенды.

Макиавелли учился у всех людей, встречавшихся ему на пути. Методы Борджиа, сочетавшие в себе обаяние, удачливость, жестокость

и цинизм понравились секретарю Флорентийской республики, хотя его излишнее упование на судьбу и вера в свою счастливую судьбу оказались опасными. Предвидение Макиавелли оказалось верным – Цезаре был вскоре обманут новым папой, взошедшим на престол, – Юлием II. Всё это формировало в молодом дипломате убеждение: никому в политике верить нельзя, а подлинный государь должен обладать изощрённым умом. Нельзя верить никому, а судьбе тем более – именно она может изменить в первую очередь.

Так произошло и с судьбой самого Никколо Макиавелли. Он видел, какой опасности подвергается республика, и организовал вооружённое сопротивление испанским наёмникам, которые были призваны папой Юлием II. Но испанцы победили это наспех сколоченное войско и возвели на трон изгнанных за предательство и трусость Медичи. Бывший секретарь республики был отправлен в отставку, а затем обвинён в заговоре против Медичи и посажен в тюрьму, где подвергнут жестоким пыткам. Однако Макиавелли проявил стойкость, сохранил присутствие духа и с присущей ему изобретательностью сумел доказать свою полную невиновность. Его освободили, и, находясь в тишине собственного имения, он погрузился в то занятие, которым обычно и занимаются политики, отрешённые от власти, – написание мемуаров. Впрочем, мемуарами «Государя» сложно назвать – это прежде всего трактат о природе власти, описывающий модель идеального государя, размышления, конечно же пропущенные через призму собственной политической судьбы. Настроение народа, взаимоотношение государя с подданными, наука интриговать, разделять и властвовать, секреты сохранения власти на долгие годы – вот темы, волнующие автора, который стремится довести плод своего опыта и размышлений до сознания думающих граждан и представителей правящего сословия.

Вопреки расхожему мнению, нельзя считать трактат Макиавелли беззастенчивой апологией деспотизма. Его понимание силы скорее ближе было к формулировке «сила ума», нежели к идее государственного насилия. Он описывает три способа прихода правителя к власти: оружие, сила или насилие (*armi, forza* или *violenza*), удача (*fortuna*) и добродетель (*virtù*). Лишается власти государь либо благодаря действию внешней силы, либо по внутренним причинам, чаще всего связанным с «презрением народа». Оно появляется, если государь проявляет нерешительность, деградируя как политик и человек, в чьей душе стали

развиваться пороки, или разрушая «образ страны», управляемой им. Удерживать власть государю помогают добродетели, среди которых наиболее важными он считал милосердие, благоразумие, щедрость, скупость (сдержанность), гуманность, создающие вместе репутацию. Единство страны создаёт триада главных факторов: язык, нравы, обычаи – и мудрый государь должен поддерживать их, балансируя между знатью (грандами) и народом. Подлинный государь должен хорошо знать историю и черпать из неё нужные примеры для подражания. Если он хорошо изучит историю, то убедится, что для народа важнее успешность правителя, управляющего им, нежели его добродетельность, потому что именно успешность обеспечивает общественное благо. Это центральный пункт политической философии Макиавелли. Правитель же должен всегда проявлять силу льва и хитрость лисицы. Только так он сможет управлять человеческой массой, ибо люди по своей природе, считал Макиавелли, неблагодарны, лживы, непостоянны и трусливы, к добру их может принудить только необходимость. Истинная мораль – выполнение общественного долга.

Можно представить, как современники приняли этот блестяще написанный трактат, предназначавшийся одному человеку – Лоренцо Медичи. Макиавелли хотел помочь правителю объединить раздробленную Италию. Кстати, биографы утверждают, что просвещённый флорентийский тиран не стал открывать этот трактат, а приказал послать философу несколько бутылок хорошего итальянского вина. Зато трактат открыли другие люди и внимательно вчитывались в него на протяжении веков. Книга была новой для западного мышления – на Востоке подобные наставления правителям были весьма популярны, вспомним «Тирруккурал» («Тамильскую Библию») или китайские наставления правителям, запечатлённые в трудах Конфуция и Сунь-цзы. «Государя» читали разные правители мира: Наполеон, говоривший, что это единственный автор, которого стоит читать, Черчилль, генерал де Голль, Ленин, одобрительно высказывавшийся об «умном флорентийце», и, наконец, Сталин.

Католическая церковь запретила это произведение. Макиавелли пришлось перенести несколько тяжёлых ударов, связанных с его карьерой государственного чиновника. Его несколько раз возвышали, а потом отодвигали от власти. Он отказался от эмиграции во Францию, куда его усиленно звали, и остался верен Флоренции. После вос-

стания 1527 года, когда в конце концов было восстановлено республиканское правление, Макиавелли предпринимает последнюю попытку вернуться во власть и выдвигает свою кандидатуру на пост секретаря Коллегии Десяти (он занимал этот пост ранее). Но новая власть не оценила его былых заслуг, и вскоре секретарь Флорентийской республики умер. На его могиле в церкви Санта-Кроче красуется надпись: «Никакая эпитафия не выразит всего величия этого имени».

Главная идея, ради которой он бился на своих дипломатических полях, заключалась в том, чтобы во Флоренции появилось собственное ополчение, чтобы оно было высокоподготовленным и состоялось при его жизни. Флоренция дорого заплатила за эту ошибку. Но жизнь научила флорентийцев любить свою родину. Несколько вторжений иноземцев и наёмников заставили их осознать, что любовь эта должна воплощаться в поступках. Призыв к созданию ополчения был услышан уже после смерти Никколо Макиавелли. Ополчение было создано и на протяжении веков успешно отражало нападения чужеземцев. В том, что Флоренция стоит до сих пор и что она сохранила свой культурный фонд, тоже заслуга Макиавелли.

Несмотря на вынужденное погружение в грубую материю власти, Макиавелли всё время тянуло к чему-то тонкому, и он постоянно возвращался к литературе. Отчасти это было данью моде, согласно которой всякий образованный гуманист обязан был что-то сочинять, обращаться к Античности, осмысливать историю, переводить пьесы. Действуя в духе этой традиции, Макиавелли написал ещё несколько книг по истории Флоренции, военному строительству в Республике, работы о языке и речи, а также целый ряд чисто литературных произведений – две поэмы: *Decennale primo* (1506) и *Decennale secondo* (1509), затем он сделал стихотворное переложение «Золотого осла» Апулея, очень популярного в эпоху Возрождения, и написал четыре пьесы. Две из них были переводами соответствующих басен Плавта и Теренция, а две комедии были написаны им самим.

Кроме того, секретарь Флорентийской республики иногда писал стихи. Зачем он это делал? Мы едва ли узнаем об этом, но, зная в общих чертах его жизненный путь и произведения, можно предположить, что ему в мире интриг и политических войн не хватало красоты и любви, и он добывал эти необходимые для души переживания, погружаясь в стихию поэзии. Ему важно было не просто писать, но и получить при-

знание, и сам Макиавелли был недоволен, когда в поэтической антологии, изданной в то время, он не нашёл своего имени. Здесь приведён перевод одного из сонетов Макиавелли и поэтическое переложение его многочисленных политических афоризмов: может быть, так их смысл запомнится читателю лучше.

* * *

Забыть вас на мгновенье не могу,
Ваш образ врезан в душу, как камень.*
Перед Господними заветами в долгу
И перед вами в восхищении немею.

Слугою предстаю прекрасных глаз.
И, значит, истина иную тоже застит.
Ну что же, две равновеликие напасти
Между собою вздорят в этот раз.

Мы говорим «конец», теряя силу,
Богатство, трон, готовимся в могилу..
Ан ждёт куда значительней венец –

Вновь обретаем творческий резец,
Возможности не потерять удачу.
По сей причине я смеюсь и плачу...

АФОРИЗМЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕЛОЖЕНИИ

В данной подборке представлены переложения самых интересных афоризмов Никколо Макиавелли. Здесь, может быть, немного поэзии в её классическом понимании, но зато в избытке поэзии власти, в которую Макиавелли был влюблён, как в женщину.

* * *

Каждый видит, кем он кажется,
Что не часто с правдой вяжется.

* * *

Кто хочет видеть мир реально, не во сне,
Пускай, его храня, готовится к войне!

* * *

Кто опирается на крепкие войска,
Того не съест ни совесть, ни тоска.

* * *

Пускай судьба меня растопчет очевидно.
А я увижу – будет ли от этого ей стыдно?

* * *

Воюй, чтобы порядок в государстве навести,
Иначе к Истине отрежешь все пути.

* * *

Хочешь укрепить своё самодержавие –
Чаще бей кнутом, крепчает благонравие.

* * *

Истинных царей великая обязанность –
Устранить любую безнаказанность.
Разумный царь приходит к силе ружей,
Когда другие средства только хуже.

* * *

Кто хочет победить любой ценой,
Тот недостоин управлять страной.

* * *

Я в силу правды неизменно верю,
Что человеку свойственно – не зверю.

* * *

Мы падки все на злобу и на серебро,
Пока не вынудит Судьба творить добро.

* * *

Не бедность и не горе худшая наука,
Несчастье страшное – отчаянная скука.

* * *

Полны свободы мы, но в самой высшей сфере.
Как боги. Остальные полулюди, полужвери.

* * *

У всех людей имеются глаза,
Глядящие, как правило, назад.

* * *

Хорошо, когда тебе внимают.
Ещё лучше, если сразу понимают.

* * *

Порядки новые нам никогда не милы
И требуют всегда немалой силы.

* * *

Имеющий союзников
Находит и союзников.

* * *

Войны начинают в чистом поле,
А кончают их в большой неволе.

* * *

Любви со страхом не ужиться.
Поврозь приходится кружиться.

* * *

Охотно веря, что правитель новый лучше,
Благоразумия теряем неизменный ключик.

* * *

Фортуна – женщина, и тот с ней чаще ладит,
Кто даму покоряет, а не гладит.

МИКЕЛАНДЖЕЛО БУОНАРРОТИ (1475–1564)

Микеланджело Буонарроти известен прежде всего как выдающийся скульптор, живописец, архитектор и мыслитель, однако он был ещё и замечательным поэтом. С этой его ипостасью современный читатель знаком значительно меньше, нежели с его картинами и скульптурами. Но они заслуживают отдельного разговора.

Микеланджело прожил огромную по тем временам жизнь, 89 лет, многое видел – достаточно сказать, что за это время на папском престоле сменилось тринадцать (!) пап. Его век – это расцвет Высокого Возрождения и начало Контрреформации, стремившейся восстановить пошатнувшееся положение Католической Церкви. Микеланджело повезло в том, что этот век был задокументирован, и он, в отличие от многих других художников того времени, был прославлен современниками настолько, что его биография вышла ещё при жизни. Он оставил после себя множество скульптурных работ и картин, самой знаменитой из которых была фреска потолка Сикстинской капеллы, украшающая дворцы Ватикана. В его жизни было много драматического и поэтического, его буквально переполняла творческая энергия, и он пробовал себя в самых разных жанрах.

Итальянский гений родился в 1475 году в небогатой дворянской семье, которая принадлежала к некогда знатному роду. Родителям трудно было прокормить его, и малыша отдали кормилице, которая его воспитала и с самых ранних лет научила разминать глину и владеть резцом. Он закончил школу во Флоренции без особых успехов – единственное, что интересовало его, – это искусство. Он перерисовывал церковные иконы, фрески и рано проявил себя в живописи. Какое-то время он обучался у разных скульпторов, пока не попал в школу Бертольдо ди Джованни, которого поддерживал сам Лоренцо Медичи, правитель республики. Несколько лет он находился при дворе Медичи, и это было очень полезно для его образования и творческого становления. Он познакомился здесь с мыслителями, составлявшими цвет тогдашней Италии, – Марсилио Фичино, Пико делла Мирандола, Анджеоло Полициано. Однако этот столичный период длился недолго, и после смерти

Медичи юноша вернулся домой. Он выполняет заказы Ватикана, создавая скульптуры раки святого Доминика, потом в течение нескольких лет путешествует по Италии, курсирует между Римом и Флоренцией и создавая свои шедевры «Святой Йоханнес», «Спящий Купидон», «Вакх», «Римская Пьета», «Двенадцать Апостолов», «Святой Матфей», наконец «Давид», который, по мнению тогдашних знатоков искусства, «посрамил все античные скульптуры».

После этого было создано ещё немало скульптур: архитектура эпохи Возрождения в Италии, и прежде всего в Риме и Флоренции, во многом была связана с титанической работой Микеланджело. У него были непростые отношения с римской знатью и духовенством, иногда художника заносило в политику. Но его авторитет и слава были настолько велики, а художественный гений настолько бесспорен, что власти не решались прибегать к репрессиям: кроме него закончить работы по созданию и восстановлению монументальных религиозных строений в Италии никто не мог. Хотя скандалы были. Один из них произошёл после завершения Микеланджело работы над фреской Сикстинской капеллы, где святые, по мнению духовенства, были изображены в неподобающем обнажённом виде. После смерти художника эти фигуры были дорисованы и приведены в устраивающий церковные власти вид.

Чувствуя приближение смертного часа, великий художник составил краткое завещание: «Я отдаю душу Богу, тело земле, имущество родным». Микеланджело покинул этот мир в 1564 году в Риме и был в конце концов похоронен в любимой Флоренции в церкви Санкта-Кроче, хотя папа Пий IV собирался сделать это в Риме, построив гробницу в соборе Святого Петра. Главные жемчужины Италии – её города Рим, Флоренция и Венеция – буквально наполнены присутствием великого художника и скульптора. Совершенно очевидно, что статуи, созданные Микеланджело в этих городах, и оставленная им архитектура во многом определяют облик страны. Потому есть основания утверждать, что Микеланджело оказал огромное влияние на всю мировую культуру. В поэзии такое влияние было более скромным.

А. М. Эфрос, сделавший переводы сонетов Микеланджело, высказался следующим образом:

«Поэзия была младшей из микеланджеловских муз, и он держал её на положении Золушки. Он не любил пускать свои стихи в свет. Даже по сей день потомство мало знает их: они наименее раскрыты и наиме-

нее ценимы из всего наследия Микеланджело. Современники же почти не знали их совсем».

Действительно, Микеланджело всегда именовал себя скульптором, возводя этот вид искусства к самому Творцу, который, согласно библейскому мифу, вылепил Адама из глины. Известно, что сонеты Микеланджело были впервые изданы его внучатым племянником, причём тот, будучи неплохим версификатором, отредактировал часть стихотворений, уверенный, что в первоизданном виде эти стихи никак нельзя было выпускать – публика не воспримет такой образ его деда. В то время сонетами баловались многие известные художники – прежде всего Леонардо и Рафаэль, однако Микеланджело ориентировался не на них, а на Данте и Петрарку.

Микеланджело был очень страстным человеком: ему было трудно сдерживать свои эмоции, и он часто ссорился с окружающими и властями. Он увлекался своими скульптурными проектами до такой степени, что впадал в неистовство и забывал обо всём. Пять лет своей жизни он провёл на лесах под потолком капеллы, почти не спускаясь вниз, отказываясь выполнять приказы властей. В таком состоянии он совершал немало поступков, в которых впоследствии раскаивался. Оттого в его сознании, а затем и в поэзии нередко звучала тема греха и страха перед последующим возмездием. Именно так – «Грех» – назвал свой яркий фильм, посвящённый художнику и поэту, режиссёр Андрей Михалков-Кончаловский.

Значительная часть наследия Микеланджело – его любовная лирика, отражающая его сложные отношения с Витторией Колонна. Женщине было сорок семь, а Микеланджело шестьдесят два года, когда они встретились и между ними возникло чувство. Примерно через десять лет, когда ему исполнилось семьдесят, а ей пятьдесят семь, они расстались. Биографы утверждают, что эта вдова была очень благородной женщиной, её очень интересовали духовные темы. Она была предана своему умершему мужу и воспринимала Микеланджело в первую очередь как друга. Отношения между ними были бесспорно платоническими, не отягчёнными мирскими проблемами. Переписка Микеланджело с Витторией – образец чистой, бескорыстной дружбы-любви. Они писали друг другу не только письма, но и сонеты. Биографы писали, что «..переписка этих двух замечательных людей представляет не только высокий биографический интерес, но и является прекрасным памятником

исторической эпохи и редким примером живого обмена мыслей, полных ума, тонкой наблюдательности и иронии».

Большую часть своих поэтических текстов (их несколько сот) Микеланджело создал в последний, римский период своей жизни. Он писал не только о любви, красоте искусства и мира, вечности, одиночестве художника, но и о вечном антиподе любви – смерти. Многие его стихи несут в себе заряд, который выражен формулой «помни о смерти». Стихи отличает глубина, но в них нет лёгкости Петрарки, да и Микеланджело, человек с очень тяжёлой судьбой, к лёгкости не стремился. Его прежде всего интересовали истина и возможность превратить какую-то выстраданную мысль в форму сонета или мадригала. Он преуспел и в этом, хотя и не достиг уровня Данте или Петрарки.

7 (VII)

Кто в людях дух бессмертия зажжёт?
Кому игра – метаморфозы смерти?
Кто не приемлет возрастные мерки?
Ответ один: Непостижимый Бог!

Я жив и мёртв, таинственен мой рок.
Кем у себя похищен? Мысли сверьте.
Кто волю свяжет мне? Кто путь начертит?
О Боже, Ты – скрещение дорог!

Я не себя, другую часть люблю –
Частичку Самого, Кто нами правит.
Она во мне всё пестует и травит,

Её потоки в сердце всё ловлю.
И верю, Боже, я в Любовь и Вечность,
Я в небе их ищу и в каждом встречном.

(60) (LX)*

И наивысший гений не позволит
Добавить в самый простенький гранит
Те тайны, что природа в тишине хранит
И разглашеньем их себя не опозорит.

О донна, кто ж Ваш свет оспорит?
Он каждый миг к себе меня манит.
Вы сердцу моему и факел, и магнит,
И верю, Бог к Вам путь легко ускорит.

Ни красота и ни любви высокой глас,
Ни склонность быть холодной или гневной
Моих страданий вовсе не причина.

С пощадой слита смерть в душе у Вас,
Но гений скуден мой, в любви науке древней
Одна лишь смерть мне только различима.

100 (С)

Я побеждён. Приходит мой конец.
Каким оружием? Амуром и стрелою.
Стереть легко своё нелёгкое былое.
Но вот надену ли бессмертия венец?!

Мир слеп вокруг, давно сказал Творец.
И телу близко страсти пламя злое,
Хоть очень скоро станет всё золою.
Но правят ложь и Золотой Телец.

Когда придёт, Господь, скажи, когда
То, что так ждут те, кто остался верен?
Слабеет дух, когда приход отсрочен.

Ведь смерть вперёд спасения – беда,
Кто знает, срок какой кому измерен?
Спасётся тот, кто чист и непорочен.

* * *

Не пробуждай меня желанием тревожным –
Кому-то ли, чему-то рьяно послужить.
Мне легче сделаться булыжником дорожным,
Чем думать, чувствовать и даже просто жить.

* * *

При сотвореньи Бог пожертвовал собой,
А нам всего труднее дать желаньям бой.

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ
ПО МОТИВАМ СОНЕТОВ МИКЕЛАНДЖЕЛО

*Я возжелал того, на что нет сил,
Куда мой возраст зреть обязан хмуρο –
Смутили стрелы юного Амура,
Ведь свой колчан телесный износил.*

*Страдаю, что наверх к Тебе лечу,
Но Ты впустил в меня вино иное,
Уйти от коего невмочь и не хочу...
Скажи, что ныне делаешь со мною?*

*Пошли в туман душевный ясный Свет.
До сей поры свой крест в житейском поле
Душа держала. Больше силы нет.*

*Изнемогаю, стал слепым от боли,
Я сделаю последний взмах весла.
А если зло – сдержу и натиск зла.*

ДЖОРДАНО БРУНО (1548-1600)

Итальянский философ, доминиканский монах, поэт Джордано Бруно остался в истории как пример бескомпромиссного поведения и готовности сгореть за свои убеждения. Он осуществил эту готовность и действительно был сожжён Католической Церковью по причине упорства в отстаивании своих взглядах: он публично высказывал сомнения в истинности толкования догмата Троицы и по поводу преосуществления и непорочного зачатия Девы Марии. Он длительное время спасался в Европе от преследований, ор-

ганизованных Церковью, но когда вернулся в Италию, быстро очутился на скамье подсудимых в суде инквизиции. Просидев в тюрьме семь лет и отказавшись отречься от своих взглядов, он был сожжён на костре святой инквизиции. Ему вменили нарушение монашеского обета и проповедь учения о бесконечности Вселенной.

По характеру Джордано Бруно был упрямым и целеустремлённым нонконформистом. Он упорно отстаивал свои взгляды, невзирая на лица и не выбирая выражений, если был уверен в своей правоте. Филиппо Бруно, прозванный Ноланцем (место рождения – город Нола) родился в семье простого солдата, который, тем не менее, хотел дать сыну хорошее образование. С детства он изучал философию (логику и диалектику) и литературу, в 15 лет поступил в монастырь Святого Доминика в Неаполе и уже через два месяца постригся в монахи. Ему дали имя, с которым он и вошёл в мировую историю – Джордано. Начитанный молодой человек начал рано писать – первый свой трактат «Ноев Ковчег» он посвятил папе Пию V. Но молодой священник, только приступивший к литургической практике в доминиканском монастыре, вскоре был замечен в подозрительной деятельности: он читал запрещённые книги и во время богослужений убирал иконы, оставляя одно распятие.

Осознавая, что расследование его деятельности может закончиться весьма плачевно и не ограничится отстранением от службы, Джордано Бруно бежит – вначале на север Италии, а потом, понимая, что его здесь всё равно достанут, – в Швейцарию. Там господствовал кальвинизм, и Бруно на какое-то время, может быть искренне, может быть вынуждено, становится последователем Кальвина. Но вскоре лавина обвинений настигает его и здесь – во время диспута его обвиняют в ереси уже протестанты.

Фортуна заносит Джордано Бруно во Францию, славившуюся свободомыслием. Здесь он выступает не как монах, а скорее как философ-гуманист – читает лекции о Раймунде Луллии (Бруно увлекался каббалой и алхимией), об Аристотеле, о мнемонике (науке памяти), сочиняет пьесы и входит в контакт с королём Генрихом III Французским, который восхитился образованностью и умом философа. Бруно принял приглашение короля, и несколько лет мыслителя никто не трогал, но затем начались споры с последователями Аристотеля. Их накал достиг такой высокой степени, что Ноланцу пришлось покинуть

Францию. Воспользовавшись рекомендательными письмами короля, Бруно приехал в Англию и провёл там два года, пытаясь найти применение своим идеям.

Философу нигде не было покоя. Он выступал настолько смело и открыто, что у него всегда находились противники. В Англии, где Бруно жил в Оксфорде и Лондоне, таковые тоже нашлись. Это были профессора Оксфорда, которые не хотели признавать учение Коперника, пропагандируемое Ноланцем. Его принимали знатные люди королевства – Филипп Сидни, университетская профессура. Историки Ренессанса утверждают, что он не единожды встречался с уже престарелой королевой Елизаветой и обучал её мнемонике. Есть предположение, что Шекспир вывел Бруно в своей последней драме «Буря» в образе мага Просперо. В лекциях он излагал идеи Марсилио Фичино и Пико делла Мирандолы, основы астрологии, принципы высокой египетской и халдейской магии, творящей чудеса и, по его мнению, улучшающей мир. В целом в Англии к нему отнеслись с подозрением – королева Елизавета, считавшаяся воплощением свободы, вскоре умерла, и на трон взошёл Яков, ненавидевший любую мистику. Окружение Якова, разумеется, выполняло все его установки, и фигура, подобная Бруно, была здесь совершенно неуместной. Господствовала Аристотелева система, последователи которой были убеждены, что Солнце – планета, вращающаяся вокруг Земли. Единственным человеком, принявшим Бруно с его идеями множественности миров, был врач и физик Уильям Гилберт, открывший явление магнетизма и слывший оппонентом Бэкона. Бруно был вынужден покинуть Англию.

В течение нескольких лет Ноланец путешествует по Европе, читает лекции в Германии, проповедует «новую универсальную философию» в протестантских университетах, критикует Аристотеля, пишет свои магические трактаты в Праге. Затем он возвращается в Италию (с риском для жизни, ведь ранние обвинения с него не были сняты), где пытается обучать мнемонике аристократа из Венеции Джованни Мочениго. Педагогическое наставничество заканчивается доносом в институт святой инквизиции со стороны Мочениго. Доносу предшествовала ссора: Бруно убедился в тупости ученика, и ему надоело с ним возиться. Как тот ни убеждал философа, Ноланец был твёрд в своём решении уехать из Венеции. Мочениго пришёл в ярость и обвинил Ноланца в ересах и кощунстве. Видимо, Бруно, помимо «Луллиевой науки», начал

излагать итальянцу своё учение. После нескольких доносов Бруно берут под стражу, и он уже никогда не выйдет из тюрьмы, где проведёт целых восемь лет.

Церковь опасалась сама судить Бруно – слишком велик был его авторитет и слава, слишком силён магнетизм его личности: в Риме помнили, что его идеями увлёкся сам французский король. Он мог легко получить кафедру в любом университете Европы, правда, быстро её терял, но без труда находил новые возможности донести свои идеи до широких масс. Он обладал великолепной памятью и, как утверждала молва, помнил наизусть тысячи книг. Бруно был блестящим полемистом, хладнокровно побеждавшим любых оппонентов на любой площадке. Конечно, такой человек был очень опасен и для церкви, и для королевской власти. Несмотря на нежелание Венеции отдавать опасного, но яркого бунтовщика, папа Клемент VIII настоял, чтобы процесс проходил в Риме.

В итоге суд, назвав Бруно «нераскаившимся, упорным и непреклонным еретиком», приговорил его к сожжению на костре. Сущность обвинения держалась в тайне. Ноланец вёл себя подчёркнуто независимо и бесстрашно, с полным осознанием своей правоты. Выслушав приговор, заявил судьям: «Вероятно, вы с большим страхом выносите мне приговор, чем я его выслушиваю». А потом воскликнул: «Сжечь – не значит опровергнуть». Он заявил также: «Я умираю мучеником добровольно и знаю, что моя душа с последним вздохом вознесётся в рай». После этого ему засунули кляп в рот и сожгли.

Книги Бруно, запрещённые на Западе с начала XVII века, стали доступны для широкого читателя с 1946 года. Интересна реакция Католической Церкви на события четырёхсотлетней давности. Да, вина была признана, что выразилось в установке памятника в Риме 9 июня 1889 году на площади Цветов, где и состоялась казнь великого гуманиста. Кстати, сама процедура вылилась в яростную демонстрацию против папы и института Католической Церкви. Да, в 2000 году кардинал Анджело Содано назвал казнь Бруно «печальным эпизодом» в истории Церкви. Однако он защитил тогдашних инквизиторов, которые, по его мнению, «делали всё, чтобы сохранить ему жизнь», и пытались его переубедить. Папский Престол отказался реабилитировать философа, поскольку счёл действия инквизиторов единственной возможной реакцией на вызывающие антирелигиозные эскапады Ноланца. и это при том, что папа Иоанн Павел II в 1992 году реабилитировал Галилео Галилея,

признав церковной ошибкой принуждение учёного к покаянию перед угрозой смерти.

После казни сразу же поползли слухи, что обвинение было абсолютно незаконным, поскольку оно даже не было предъявлено: приговор был зачитан без обвинительного заключения и представлял собой простое упоминание восьми еретических грехов осуждённого (гелиоцентрическая система Бруно в нём не упоминается, поскольку идеи Коперника ещё не были запрещены). Не менее очевидно, что Джордано Бруно вёл кампанию в свою защиту очень грамотно. Он сразу указал на Мочениго как источник клеветы и перевёл конфликт в плоскость юридической тяжбы, обвинив клеветника в том, что тот не хочет расплачиваться с ним, полностью выполнившим свои обязательства по обучению мнемонике. Обвинения в богохульстве, издевательствах над молитвами, Спасителем и непорочным зачатием Бруно категорически отрицал. Он высказывал сомнения в реальности непорочного зачатия. Единственное, с чем из обвинений он согласился, это с признанием своей веры во множественность миров, но и это он сделал очень грамотно:

«В целом мои взгляды следующие. Существует бесконечная Вселенная, созданная бесконечным Божественным могуществом. Ибо я считаю недостойным благости и могущества Божества мнение, будто оно, обладая способностью создать, кроме этого мира, и другие бесконечные миры, создало конечный мир.

Итак, я провозглашаю существование бесчисленных миров, подобных миру этой Земли. Вместе с Пифагором я считаю её светилом, подобным Луне, другим планетам, другим звёздам, число которых бесконечно. Все эти небесные тела составляют бесчисленные миры. Они образуют бесконечную Вселенную в бесконечном пространстве».

Взгляды, конечно, небезопасные для того времени. Бруно говорил о множестве солнц и планет во всех мирах, допускал существование других форм жизни, считал Мировую Душу двигателем Вселенной. Но эти взгляды не заслуживали сожжения на костре. Чего же испугалась тогдашняя Церковь, которая в лице конгрегации девяти кардиналов во главе с папой всё-таки вынесли смертный приговор великому философу? Почему она сожгла Джордано Бруно, устроив шумный публичный процесс перед собравшимися толпами? Ведь она легко могла уничтожить философа, просто сгноив его в тюрьме и объявив, что он умер от болезни. Очевидно, она боялась расправы над ним, иначе он был бы уничто-

жен сразу, а не сидел бы в казематах восемь лет (для большой группы тамплиеров во Франции хватило семи лет) – ведь это был известный на всю страну, авторитетный и образованный вольнодумец. Его выдающиеся способности признавали сами власти. Так, прокуратор Венецианской республики Контарини писал, что Бруно «совершил тягчайшее преступление в том, что касается ереси, но это – один из самых выдающихся и редчайших гениев, каких только можно себе представить, и обладает необычайными познаниями, и создал замечательное учение».

Во-первых, Бруно был не просто еретиком, но человеком конфликтным, провоцирующим власть на агрессию. Есть мнение, что он нередко вёл себя на грани хулиганства и безумия. Конечно, он провоцировал Церковь, и в конце концов она ему ответила. Он говорил о своих взглядах везде, включая тюрьму, в которой сидел, и оттуда тоже пришёл на него донос: видимо, его союзники рассчитывали таким образом смягчить свою участь. Да и с тюремщиками философ держался исключительно дерзко. Во-вторых, в те времена понимали важность идеологии куда лучше, чем в сегодняшнюю эпоху безудержного плюрализма мнений. В-третьих, самым опасным фактором был пантеизм философа, который, по мнению церковных властей, растворял Творца в своих творениях и бесконечных космических мирах. Это автоматически приводило к признанию правоты языческого неоплатонизма и отодвигало бы церковную теорию творения мира и саму Церковь на обочину. К такому выводу пришли самые разные «бруноведы» всего мира, включая русского философа Алексея Фёдоровича Лосева. Формально Церковь была права, Бруно был злостным еретиком, которого она безуспешно пыталась переубедить в течение восьми лет, а еретиков по законам того военного времени полагалось сжигать. Если следовать букве обвинения, нужно признать, что Бруно отрицал догматы Церкви и не пытался выстроить никаких примирительных мостов между своей теорией и учением католичества. Он вносил в собственную теорию и неоплатонизм, и герметизм, и магию, и пифагорейство. Он не был Галилеем, который тоже был подвергнут церковному суду, но избежал казни, признав незыблемыми догматы Католической Церкви. и тем более он не был неким художником времён Галилея, символом конформизма и примирения, о котором написал проницательные строки поэт Евгений Евтушенко:

Художник, сверстник Галилея,
 Был Галилея не глупее.

Он знал, что верится Земля,
 Но у него была семья.

Кстати Джордано Бруно, нарушивший религиозные клятвы на доктринальном уровне, в личной жизни был аскетом, который никогда не был женат. Он осуждал «вульгарную любовь» и «вульгарные страсти», критиковал салонный петраркизм.

Не слишком убедительными представляются утверждения, что Бруно не имел никаких собственных взглядов, а опирался на философию Коперника и Кузанского, тем более что он, в отличие от Галилея и Коперника, не занимался научными экспериментами, а был религиозным философом, что и подорвало авторитет идей Коперника. За чужие убеждения люди не идут в костёр, а если всё-таки идут, то это означает только одно – чужие идеи стали настолько своими, что за них не страшно и умереть. Вера в Божественность природы не отрицает веры в Творца и не несёт в себе ничего аморального и заслуживающего смерти, а личное спокойствие Бруно, его бесстрашие и достоинство, с которым он переносил пытки и вошёл на костёр, перечёркивают любые попытки оправдать тех, кто его сжёг.

Что помогало Джордано Бруно выдержать испытания и пытки? Конечно, вера в правоту собственных идей, осознание высокой миссии, горение его страстной души, влюблённой в Истину. Подобное горение особенно требовалось в эпоху господства папства и синьории, наступившего в финальной стадии Ренессанса, философия и эстетика которого начала подавляться тогдашней реакцией. Великая поэзия всегда предполагает высокую температуру души поэта. Сам Джордано определил это состояние духа как «героический энтузиазм». Так называется его книга, имевшая подзаголовки «поэма» и «естественное и физическое сочинение». Книга, построенная в виде пяти диалогов с известным поэтом-петраркистом Луиджи Тансилло (Бруно включил в книгу ряд его сонетов), посвящена целому ряду тем – теории познания мира, красоте, созерцанию, пониманию идеала, искусству работы с противоречиями, развитию фантазий и высоких качеств, победе над страхом. Главное, о чём пишет Бруно, – это любовь и восхождение человека. Любовь, пронизанная героическим энтузиазмом, светом, самопожертвованием, порывом к Высокому. Символ любви – высокий огонь, который движет сердцами и мирами. Бруно различает чувственную и высокую любовь. Чувственная любовь чужда блаженности, заботе о другом человеке, самоотдаче, она эгоистична.

Немалая часть книги посвящена поэзии. Он критикует «педантов», перелагающих идеи Аристотеля в стихотворные формы, и показывает, что подлинная поэзия не может родиться из правил или мыслей авторитетов, неважно, сегодняшних или античных. Истинный поэт каждый раз рождает собственные правила. К правилам, по его мнению, прибегают те, кто, «не имея своей музыки, хотел бы иметь любовные дела с музой Гомера». Он за высокое качество во всём – в творчестве, в поисках истины, в «искусстве памяти». Всё, к чему прикасается перо Джордано Бруно, вне зависимости от того, философская проза это или поэзия, пронизано литературным мастерством. Не зря книга посвящена великому английскому поэту Филиппу Сидни. Ноланец опирается в книге и на авторитет Библии, апеллируя к «Песне Песней», и на авторитет Данте, и на авторитет Дионисия Ареопагита. Каждый сонет отражает ту или иную эмблему, в конечном счёте приводящую к духовному миру. Его сонеты, с одной стороны, представляют собой образцы неистовой спонтанности творчества, устремлённого к Высокому, а с другой – глубоко продуманные многослойные тексты, отражающие разные уровни и ступени приближения человека к Богу в той традиции, которая ему была близка.

Бруно писал не только возвышенные философские трактаты, но и сатирические поэмы («Ноев Ковчег», «Подсвечник»), в которых едко высмеивал «педантов» и католиков-ортодоксов. Эти работы – не главная черта его творчества, но явное свидетельство разнообразных талантов Ноланца, который имел множество самых ярких идей и незаконченных материалов.

Переведённые здесь сонеты повествуют о любви, о сердце, о внутренних сражениях человека с собственными страстями, о солнечном огне, в котором должно сгореть человеческое несовершенство. Но жизненный путь гениального философа прервал другой огонь, поглотивший человеческую плоть, но позволивший его душе шагнуть в бессмертие.

СТИХИ ИЗ ЦИКЛА «О ГЕРОИЧЕСКОМ ЭНТУЗИАЗМЕ»

Сонет 1

О Музы, как я был несправедлив
В ответ на ваши пламенные зовы!
Вы посылали вдохновения прилив,
А я рассудком постигал Основы.

Мне, эгоисту, преподали вы урок –
Не ведать лавров, не желать удачи;
Вы говорили: жди, придёт твой срок,
И сделаешься целостным и зрячим.

О музы-девы! У Парнасского ручья
Искусств высоких поднимаю знамя.
В душе горела творчества свеча,
Всегда сердечным пребывало пламя.

Бесплоден даже умных мыслей спор.
Зажги внутри свой солнечный костёр!

Сонет 2

Душа поэта! – самый верный глаз.
Тоскливо мне твоё изнеможенье!
Покой небесный ждёт беспутных нас,
Коль чuem каждое душевное движение.

Пусть льются слёзы под луною из очей,
Сотрёт небесный Геликон их влагу,
В душе поникшей возбуди отвагу –
И укрепишь Божественный ручей.
Не могут королевские награды
Погибшим душам принести отрады.
Но и не может черни злобный вой
Задуть огонь, завещанный судьбой.

Неистребим тот благородный факел,
Что некогда зажжёт небесный ангел.

Сонет 3

Зовёт к сражениям военная труба.
Но есть такие, кто её не слышит.
Иная им назначена судьба,
Иная страсть таким сердца колыхет.

Кто недвижим, чья ещё льётся кровь,
Они лишь райским ангелам внимают.
Я существом же, видимо, таков,
Что рай и ад меня не принимают.

Любовь – удел мой и стремлений цель,
Я красоту внутри себя лелею.
И то, о чём мечтаю в жизненном конце,
Заклятым недругам сказать не смею.

Одна у всех судьба, один для нас закон –
Мы суть извечно безрассудный Иксион...*

ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛА (1568-1639)

С чем в сознании современного человека ассоциируется имя Томмазо Кампанеллы? У тех читателей, кто жил ещё в советское время, возникает образ романтика и представителя «утопического социализма», создавшего произведения, где воспевается Город Солнца – олицетворение прекрасной мечты человечества. У тех же, кто

в эпоху перестройки активно читал ранее запрещённую литературу, рождался совсем иной образ: Кампанелла – певец принудительного труда и создатель мрачной тоталитарной утопии, стремящейся подстричь людей под одну гребёнку. Современный читатель, как правило, не может сказать об этом человеке ничего – итальянский философ ему неизвестен и неинтересен. Между тем этот человек прожил настолько яркую жизнь, что ему было о чём писать для современников и потомков и стихами, и прозой.

Томмазо Кампанелла – знаменитый итальянский теолог, доминиканец, мыслитель, литератор, автор многочисленных произведений, самое известное из которых, «Город Солнца», родилось в 1568 году. Появившись на свет в семье простого сапожника, он непрерывным трудом достиг высот образованности. Отличался невероятным упорством, которое присутствовало во всех его начинаниях. Сохранился анекдот о ранних детских годах будущего философа: оказывается, он

так хотел учиться, что стоял под окнами школы и выкрикивал точный ответ, если другие ученики на вопрос учителя отвечали с ошибками. Был очень свободолюбив и независим по духу, увлекался запретными в ту пору магией и мистическими учениями и отказывался следовать религиозным канонам. Подвергался многочисленным арестам и многократно сидел в тюрьме. Общее время его скитания по тюрьмам составляет 27 (!) лет. Но там он просто отбывал наказание, а непрерывно работал – тогдашние тюрьмы позволяли эти занятия. Трудно перечислить все темы, которым посвящены многочисленные трактаты Кампанеллы, столь они многочисленны: это и богословие, и гуманистическая философия, и астрономия (как обычно, в те времена рука об руку с астрологией), и физика, и математика, и политика, и медицина. Отличался исключительной памятью: он помнил свои книги практически наизусть, и каждый раз как их опять уничтожали, снова их восстанавливал. А ведь общее число его работ перевалило за сотню и составляло 30 000 страниц!

Кампанелла прекрасно учился и получил мощное образование, которое давали в доминиканских монастырях. Рано начал спорить с преподавателями и отличался нонконформизмом. Так он, несмотря на неудовольствие школьного начальства, не побоялся обрушиться с критикой на Аристотеля. Вскоре он встретился с трудами философа Бернардино Телезио, который стал его кумиром на всю жизнь. Ему не удалось поговорить с этим человеком лично, поскольку застал его умирающим. Впоследствии учение Кампанеллы называли разновидностью телезианства, хотя мыслитель существенно дополнил воззрения Телезио учением Пифагора, Плотина, Гермеса, Оригена, Дионисия, Августина. Кампанелла переехал в Неаполь, прославился участием в диспутах, писал разные трактаты на бытовые темы (правильный приём пищи, верховая езда, разведение собак и домашнего скота), изучал магию, астрологию, каббалу, тайные науки. Потом начался длительный период тюремного заключения. Поведение Церкви тоже было по-своему логичным: она защищала свою идеологическую территорию теми способами, которые были прияты в то жестокое время. Кампанелле в тюрьме пришлось очень тяжело: его пытали, причём самыми зверскими способами, вплоть до многочасового сидения на колу. Он сохранял стойкость, хотя для того чтобы сохранить жизнь ему не один раз приходилось симулировать безумие. Настойчивость рыцаря истины была вознаграждена: в 1626 году

его всё-таки выпустили из тюрьмы и перевели в Рим, хотя бдительное око инквизиции продолжало следить за ним ещё несколько лет.

Но власти – религиозные и светские – начинают относиться к беспокойному монаху по-иному. Так, папа римский Урбан VIII проявил интерес к творческим достижениям Кампанеллы и позволил ему какое-то время провести вне Ватикана. Интерес этот возник не на пустом месте: астрологи предсказали заболевшему папе скорую смерть, а Кампанелла заявил, что с помощью магии вылечит понтифика. Какое-то время он занимался с ним по своей методике, и папа действительно выздоровел. Не без влияния папы доминиканский орден пошёл на беспрецедентный шаг – присвоение Кампанелле звания «магистр теологии». Однако противники Кампанеллы не сдавались и находили всё новые аргументы против него. Несмотря на защиту со стороны папы, ему пришлось покинуть Италию и перебраться во Францию. Там он нашёл неожиданную поддержку в лице кардинала Ришелье. Умнейший царедворец и стратег, Ришелье решил, что в сложном балансе сил и многоугольниках влияний (Франция – Италия – королевская власть – Ватикан) Кампанелла и его система взглядов будут нужны. Труды Кампанеллы одобряет вольнолюбивая профессура Сорбонны. Кампанелла наконец издаёт свой «Город Солнца», а затем составляет гороскоп только родившемуся младенцу Людовику XIV, выражая пожелания и надежду, что будущий король превратит Францию в Город Солнца. Что ни говори, а этот гороскоп в чём-то сбывается: Людовик XIV действительно получил прозвище «король-солнце», а Франция при нём достигла своего наивысшего могущества.

Кампанелла был на двадцать лет моложе Бруно, и исследователи итальянского Ренессанса говорят, что в смысле похожести судьбы он шёл по его стопам вплотную, а однажды они чуть не встретились. Несмотря на большее количество лет, проведённых в тюрьме, Кампанелле удалось избежать кostrа, и он во многом сумел реализовать свои идеи на практике. Биографы делят его судьбу на три этапа: *революционный*, когда он находился на свободе и в той или иной степени призывал к восстанию, считая революционное состояние мира наилучшей формой для реализации своих идей; *тюремный*, когда он уже не призывал к восстанию, а напротив, увидел тогдашнюю монархическо-папскую систему идеальной площадкой для самореализации; *этап признания*, когда некоторые государства наконец обратили внимание на идеи и труды эксцентричного философа.

Поклонник идеи одушевлённости Вселенной, Кампанелла верил во всеединство Мироздания и считал, что этот принцип всеобщего магнетизма проецируется на социум и государство. Первоначально он был сторонником идеи монархии, считая, что персональный носитель силы Вселенского Всеединства – король каждого государства. Однако затем пришёл к выводу, что носителем подобной силы был папа римский. Кроме того, Кампанелла был уверен, что эту силу несут в себе и произведения искусства, и поэзия тоже. Всю жизнь он в той или иной степени занимался литературой, писал стихи, создал драму «Мария Стюарт», впоследствии утраченную. Написал трактат «Поэтика», где подробно изложил свои взгляды на творчество поэта, согласно которым подлинный поэт является носителем высших вселенских сил. Этот трактат, который он писал много лет, рассматривает поэтическое искусство как «орудие внушения блага и истины, поскольку оно есть благо, которое воздействует как бы незаметно, посредством восхитительных и привлекательных речей». Он видит в поэзии «дар и порождение Божественной мудрости», дарованные «на пользу людям и на благо государства».

Конечно, взгляды Кампанеллы расходились со взглядами Католической Церкви, которая была носителем традиционных для тогдашней эпохи ценностей, и она преследовала философа не от кровожадности, а от осознания опасности его взглядов для церковного мировоззрения. Философ был настойчив в своих исканиях не потому что ненавидел Церковь, а потому что верил в правоту своей философии. В собственных сочинениях Кампанеллы можно видеть «религиозный культ Космоса» (Фрэнсис Йейтс). Общее число его стихотворений насчитывает примерно 150 единиц, и русскому читателю знакома только часть из них. Он сравнивал Космос со «статуей Бога» и утверждал, что поэт должен находить в природе присутствие Божественного начала столь же страстно, как любовник созерцает объект своей любви и находит в этом изображении следы дорогой для него красоты. Соединение человека и Космоса, страны и Вселенной должно проходить по строгим астрологическим законам, и потому произведения Кампанеллы, включая его стихи, полны астрологических терминов, названий планет и античных божеств. Поэт – это маг, преобразующий мир посредством слова и ведущий человека в направлении совершенства. «Поэт должен дышать с Богом в унисон», тогда в нём накапливается сила вдохновения. Созданные им стихи принадлежали к разным жанрам: канцоны, мадрига-

лы, по большей части сонеты. Он утверждал в них веру в человека и его способность познать мир, гармонию человека и Космоса, законы, позволяющие человеку сливаться со Вселенной. В его стихах нет заданности, они спонтанны, смыслы и чувства рождаются сразу. Учёные отмечают, что даже если он занят высокой метафизикой, его слово пронизано ярким чувством. Писал Кампанелла стихи и о восстании, свободе, законности бунта против угнетения. Естественно, его стихи раздражали власть и оказывались дополнительной гирькой на весах тогдашнего правосудия, склонявшей их в сторону наказания.

Кампанелла не был гениальным поэтом, как Данте или Петрарка. Но его жизнь была пронизана столь мощным высоковольтным напряжением, что это наложило печать значительности на всё, что проходило через его сознание. В этих переводах сделана попытка передать величие этого человека, кем бы он ни был.

О СЕБЕ

Освобождённый, но в тенётах муз,
Потерянный, со взглядом устремлённым,
Пытаюсь с долгом сохранить союз,
Путь к свету отыскать в него влюблённым.

Хочу расправить согнутую плоть
У тех, чей дух поник, сражаясь с кривдой,
И низость собственную в сердце побороть.
Готовлюсь видеть солнце непрерывно!

В сегодняшних и прошлых бурях бытия
Грядущую узреть надеюсь добродетель.
Страдания общие повсюду вижу я
И нас, себя ведущих словно дети.

Когда же мы сумеем, наконец,
Создать всепонимания Дворец?!

О КОРНЯХ ВЕЛИКИХ ЗОЛ ВСЕЛЕННОЙ

Я в мир пришёл порок искоренить
И укрепить могущество Фемиды.
Слаба Любви первоначальной нить,
Могучи страсти, беды и обиды.

Владеют нами войны, моры, блуд,
Притягивает малодушных золото.
Не уберёт при Сотворенье люд
Всевышний от вторичного разврата.

Пусть человек, мол, справится с ним сам.
Такую получили от Него задачу.
Я тоже от прохожих тайн не прячу.
Невежество мой главный враг и срам!

Слаба ума связующая нить:
Я послан миру Разум воскресить!

О ПРОСТОМ НАРОДЕ

Громадный зверь, он, напрягая силы,
Готов вершить полезные дела
И может простодушно до могилы
Служить Большому Властелину зла.
Его способен мальчик обмануть,
Когда отныне с ложью дружит правда...
Таков сегодня мой народ, но завтра,
Я верю, встанет на достойный путь.

Несладкая упряму выпала fortuna.
Он с виду взрослый, а умом малыш.
Его высокой правдой только злишь,
Сознание у зверя не по росту юно.

ВЕШНЕМУ СОЛНЦУ, УМОЛЯ О ТЕПЛЕ (ОТРЫВОК)

Не Янус, но совсем не ровня Фебу!*
К Тебе, о Солнце, обращаюсь я с мольбой:
Пройдись в темнице по безоблачному небу,
Меня лучами нежными омой.

Ты это делаешь на зодиаках разных,
Всех оживляешь, сонных и глухих.
Устраиваешь приунывшим праздник.
Не делишь на хороших и плохих.

Тебя я почитаю всех богов ревнивей.
Иного маяка мне не было и нет.
Возникни на моей судебной ниве,
Яви намёк хотя бы на рассвет.

Я верю – выйду из тюрьмы до Пасхи,
Предчувствия свидетельства несут.
Не должен долго длиться гнусный суд –
Грызут меня чудовищные пасти.

Я всё ещё не мёртвый, но живой
И Разум сохраняю светлой головой.

ИППОЛИТО ПИНДЕМОНТЕ (1753–1828)

Мы будем говорить в этой биографии не столько об итальянском поэте Ипполито Пиндемонте, но больше о Пушкине. Пушкинскому стихотворению «Из Пиндемонти» повезло, потому что оно оказалось привлекательным для литературоведов, заинтересованных вскрыть тайну мистификации. Довольно быстро стало понятно, что у итальянского поэта Пиндемонте не было

такого собственного стихотворения, с которого Пушкин сделал перевод. Тогда литературоведы, согласившись, что это авторское стихотворение Пушкина, а не перевод, заинтересовались двумя вопросами: были

ли у Пиндемонте хоть какие-то стихи на эту тему, и знал ли их Пушкин? Нашли два стихотворения, в которых темы, поставленные Пушкиным (права человека, общественное мнение, отношение поэта к политике), каким-то образом отражены. Это «Политические мнения», или «предпочтения» (здесь тематических совпадений больше), и «Удар в колокол Св. Марка в Венеции» (здесь совпадает только одна строка). Но потом споры усилились. Немалое количество пушкиноведов считает, что Пушкин вообще не читал стихов Пиндемонте и что это стихотворение навеяно полемикой с совершенно иными авторами и произведениями – с «Одой к Меценату» Горация, со статьёй французского политика Алексиса де Токвиля «О демократии в Америке», с произведениями Карамзина и драмами Мицкевича. Едва ли на него повлиял Токвиль (некоторые учёные показали, что Пушкин чисто физически не мог опираться на его работу, поскольку купил её позднее, чем написал свой шедевр). Но если предположить, что Пушкин, работая над стихотворением, действительно имел в виду и Горация, и Карамзина, и Мицкевича, то почему он в конце концов выбрал Пиндемонте? Многих сбил с толку стоящий в черновике заголовок «Из *Alfred de Musset*» («Из Альфреда Мюссе»). Пошли разговоры, что для поэта было всё равно, чьим именем прикрывать свои подлинные мысли о свободах и правах человека.

Позднее большинство пушкиноведов пришло к выводу, что свободно читающий по-итальянски Александр Сергеевич всё-таки знал стихи Пиндемонте. Правда, Б. В. Томашевский предполагал, что Пушкин, получивший информацию об Ипполито Пиндемонте из книги швейцарского автора Жан-Шарля Леонара Сисмонди «О литературе Южной Европы», был знаком только с цитатами из этой книги и не знал других стихотворений итальянца. Работа Сисмонди стояла на книжной полке Пушкина ещё с 1825 года. и впервые имя Пиндемонте появляется в произведениях поэта как раз с 1825 году в качестве эпиграфа к «Кавказскому пленнику». Однако за всё это время никто в нашей стране не переводил Пиндемонте, и потому произведение Пушкина осталось по-настоящему непонятым. В нём действительно есть загадка и множество вопросов. Кто-то считает, что оно посвящено Италии и выдаёт тайную мечту Пушкина съездить в эту прекрасную страну («по прихоти своей скитаться здесь и там, дивясь божественным природы красотам») – в пушкинских текстах Италия упоминается 130 раз, Рим – даже чаще, 170 раз, а в личной библиотеке Пушкина, по свидетельству академика М. Н. Розанова, «имелось до тридцать

итальянских писателей». Когда наконец такой перевод появился, мы можем пристальней всмотреться в фигуру Пиндемонте и мотивы, двигавшие Пушкиным во время создания его шедевра.

Итальянский поэт второй половины XVIII – первой четверти XIX столетия Ипполито Пиндемонте едва ли входит в пантеон мировой поэзии. И то стихотворение, которое приводится здесь, само по себе вряд ли заслуживает большого внимания. Но раз это литературная мистификация, связанная с именем Пушкина, то к нему периодически возвращаются. Поскольку для автора этой книги фигура Пушкина – центральная в литературе России и в мировой поэзии, он принял решение переложить это стихотворение, чтобы сказать об отношении нашего гения к политике, а также о том, каким это отношение (речь идёт о поэтах), на его взгляд, в принципе должно быть.

Ипполито Пиндемонте был не только поэтом, но переводчиком, прозаиком и драматургом, а также братом может быть более известного, но менее талантливого литератора и удачливого политика Джованни Пиндемонте. Происходил из семьи итальянских аристократов, получил хорошее образование, много путешествовал по Европе. Во время одной из поездок застал революционные события во Франции и на первых порах поддерживал идеалы Французской Революции, Бонапарта, в 1793 году написал поэму «Франция». Но, увидев террор своими глазами, разочаровался в своих иллюзиях и уже в 1794 году создал трагедию «Арминий», где осудил деспотизм Наполеона. В отличие от брата, который так и остался приверженцем революции и просвещения и делал реальную революционную карьеру, войдя в высший совет Цизальпинской республики (дочернее государство-сателлит Первой Французской республики) и называя Наполеона освободителем Италии.

В последний период своей жизни ушёл в творческое уединение, писал стихи о прелестях сельской жизни и занялся переводами. Он переводил Сапфо, Горация, Вергилия, Расина, но наибольшую славу Пиндемонте принёс перевод на итальянский язык «Одиссеи» Гомера. Его называли «герольдом романтизма» в Италии. Он много путешествовал по Европе, был во Франции, Швейцарии, Германии, встречался с известными литераторами того времени, в частности с Байроном, который отмечал личное обаяние Пиндемонте. Очерки о нём можно найти в самых разных литературных энциклопедиях мира, в том числе и в нашем Брокгаузе, где Ю. А. Веселовский отмечает неравноценность творческо-

го наследия поэта, находя в нём и признаки несомненного дарования, следы вдохновения, художественный вкус, и в то же время – склонность к длиннотам и морализаторству.

Пиндемонте не входил в число любимых поэтов Пушкина. Но имя его было в то время на слуху, и его стихотворение «Политические предпочтения» (1808, сб. «Sermoni»), по-видимому, тоже. В нём он выступает против тирании с европейских либерально-гуманистических позиций. Пиндемонте касался этой темы и в других своих стихотворениях, в том числе в морализаторской поэме «Удар в колокол Св. Марка в Венеции» (1820), где есть строки, близкие по смыслу к пушкинской строке «Иная лучшая потребна мне свобода».

Знал ли Пушкин о судьбе Пиндемонте и о его внутренней драме? Литературовед В. А. Грехнёв утверждает, что не мог не знать:

«Что Пушкин знал об этом перепаде мироощущения Пиндемонте, убеждает выбор цитаты из итальянского поэта (хотя бы и почерпнутой у Сисмонди), избранной в качестве чернового эпитафия к поэме “Кавказский пленник”, поэме, в которой естественный мир противостоит “неволе душных городов”».

Черновой эпитафия выглядит так:

О, счастлив тот, кто никогда не ступал

За пределы своей милой родины;

Его сердце не привязано к предметам,

Которые он больше не надеется увидеть,

И то, что ещё живёт, он не оплакивает, как умершее».

Как относился Пушкин к Пиндемонте? Наверное, по-своему уважительно. Едва ли он бы включил в название столь важного для него стихотворения имя поэта, которого не уважал. Пиндемонте устраивал его как неплохой поэт умеренных взглядов, переживший внутреннюю трансформацию и отвергший политическую суету. Но, отвергнув Наполеона, Пиндемонте остался европейцем, противником тирании и любых жёстких форм государственного правления. Его стихотворение «Общественное мнение» называет мерзким рабом любого, кто оправдывает волю монарха и сильную власть. К таким речам, по его мнению, склонен тот, кто родился в стране, имеющей сильные монархические традиции. Страной, олицетворявшей подобную тиранию для всех просвещённых европейцев такого типа, была, безусловно, Россия. И Пушкин, отдавая дань позиции Пиндемонте в отношении политики, имеет свой взгляд

на нашу страну и власть, которую не идеализирует, но в последние годы своей жизни и не критикует.

Стихотворение Пиндемонте представляет собой полемику с английским писателем XVIII века Оливером Голдсмитом. Оно делится на две части – в первой воспроизводится переложённая в рифму цитата из Голдсмита, а во второй части Пиндемонте отвечает на неё.

Голдсмит:

Под любым правлением (полком, ратью, военизированной властью)
человек способен жить и выжить,
Несмотря на царящий террор, жестокие законы
Или королей-тиранов, сдерживающих людей.
В несчастиях, заставляющих страдать наше сердце,
Мала доля зла, которое могут нам причинить короли-тираны,
И мала доля зла, от которого могут нас исцелить гуманные законы!

Дальше Пиндемонте как бы отвечает на эти мысли, в которых европейский либерал легко может усмотреть рабство души:

Кто так говорит? Мерзкий раб.

Что, может быть, таким образом он льстит
Абсолютной власти, под которой он родился?

Нет, так говорит уроженец страны,

Где воле монарха поставлены прочные берега (препоны).

Говорит человек прекрасной возвышенной души,

В сердце которого щедро и красиво,

Не менее ярко, чем у поклонника Муз,

Горит пламя истинного гражданина.

О чём стихотворение Пиндемонте, привлёкшее Пушкина? Устами Голдсмита Пиндемонте говорит нам, что человек может остаться человеком при любом политическом режиме и о том, что в страданиях людей «мала доля зла», которое приносят людям короли-тираны. Не обольщается Пиндемонте и гуманными законами, которые способны исцелить человека, опять-таки, от «малой доли зла». Он убеждён, что думать так, то есть не связывать зло с политическим режимом, может не только уроженец страны с давними самодержавными корнями, но и житель стра-

ны, где воля монарха ограничена законами, обладающий прекрасной душой и возвышенными гражданскими чувствами. Ю. М. Ключников сделал поэтическое переложение стихотворения Пиндемонте, дав ему своё название «Общественное мнение»:

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Есть мнение о сути всякой власти,
О коей разговор всегда исполнен страсти,
Мол, можем выжить под любым господством,
Тиранов зло переживём, террор.
Смириться с гнёта небольшим уродством
Для нас не зло и вовсе не позор.
А если нам и выпало подобное несчастье,
Мала в нём доля зла, идущего от власти.
Мала и доля зла – с сим мнением знакомы,
От коего излечат нас гуманные законы.

Но кто способен так сказать? Раб мерзкий
Который в рабстве родился и лжи,
Бойся непослушным показаться, дерзким,
При имени монарха весь дрожит?
Нет, так нам говорит прекрасная душа,
Прожившая в стране, где правят не спеша
Законы прочные, что твёрдою рукой
Нам обеспечили порядок и покой,
Поставили препон самодержавной воле...
Так говорит нам тот, в ком искренне, до боли
Горит не меньше, чем у Музы чистой сына,
Огонь певца свобод и гражданина.

Могло ли стать стихотворение Пиндемонте для Пушкина некоей отправной точкой для выражения своего отношения к политике и власти, которое было, конечно, более сложным, глубоким и зрелым, чем правильные, но слишком «европейские» мысли итальянца. На наш взгляд, не только могло, но и стало. Как мы знаем, Пушкин ответил на вызов, брошенный ему европейской поэзии в лице Пиндемонте так:

Не дорого ценю я громкие права,
 От коих не одна кружится голова.
 Я не ропщу о том, что отказали боги
 Мне в сладкой участи оспоривать налоги
 Или мешать царям друг с другом воевать;
 И мало горя мне, свободно ли печать
 Морочит олухов, иль чуткая цензура
 В журнальных замыслах стесняет балагура.
 Всё это, видите ль, *слова, слова, слова**.
 Иные, лучшие мне дороги права;
 Иная, лучшая потребна мне свобода:
 Зависеть от царя, зависеть от народа –
 Не всё ли нам равно? Бог с ними. Никому
 Отчёта не давать, себе лишь самому
 Служить и угождать, для власти, для ливреи
 Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
 По прихоти своей скитаться здесь и там,
 Дивясь божественным природы красотам,
 И пред созданьями искусств и вдохновенья
 Трепеща радостно в восторгах умиленья.
 Вот счастье! вот права...

* Hamlet. (Примеч. А.С. Пушкина.)

Стихотворение было вписано в так называемый «Каменноостровский цикл», считающийся вершиной зрелого творчества Пушкина: в него входили ещё пронумерованные самим Пушкиным стихотворения «Молитва» («Отцы пустынники и жены непорочны...») (II), «Подражание итальянскому» (III), «Мирская власть» (IV), «Из Пиндемонта» (VI). Вначале оно, как уже говорилось, называлось «Из Alfred de Musset». Но Пушкину, желавшему всё же увидеть своё стихотворение напечатанным, пришлось отказаться от имени Мюссе, приветствовавшего Французскую революцию и потому абсолютно неприемлемого для самодержавной власти. Он выбрал в качестве прикрытия более нейтральную фигуру Пиндемонта, который, как видно из перевода, тоже выступал против оправдания тирании, но выглядел для цензуры не столь одиозно. Можно предположить, что Пушкин поступил в данном случае обдуманно, он подобрал не просто автора, но и его реальное

произведение, в котором тот высказывается на данную тему. Цензура не могла голословно отменить стихотворение поэта, заявив, что он опирается на некий несуществующий текст, приписываемый итальянцу.

Обратим внимание на классический, александрийский стих и торжественный шестистопный ямб, выбранный Пушкиным для изложения своих взглядов. Это означало только одно: значимость для Пушкина стихотворения и темы, поднятой в нём. Стихотворение как бы разделяется на две части: в одной Пушкин перечисляет те ценности, которые для него не представляют интереса.. Вся эта околополитическая правозащитная суета – возможность оспоривать налоги, влиять на военные решения царей, бороться с печатью, морочащей олухов или с цензурой, стесняющей самовыражение «балагура» – для Пушкина «слова, слова, слова», причём в помощь своим критическим мыслям он привлекает такого тяжеловеса, как Шекспир. Во второй части говорится о других, желанных для поэта ценностях. Ему «потребна иная, лучшая», «тайная» свобода, о которой позже в своём стихотворении о Пушкине скажет Блок. Пушкин не просто отрицает тиранию, он это очень ярко делал в своей литературной молодости. Он показывает превосходство поэзии, творчества и внутренне богатого и свободного стиля жизни над любой политической суетой. Всё творчество зрелого Пушкина убеждает, что настоящий поэт – не правозащитник, протестующий против налоговой или военной политики своей страны. Это пророк, который служит не просто себе, но Высшей Воле Того, Кто его послал служить миру. Пушкин противопоставляет правозащитным европейским ценностям иные дорогие для него права – независимость личности от карьеры, от необходимости угождать власти. Ну и, конечно, право созерцать прекрасную природу во время путешествий и наслаждаться красотой искусства.

Юрия Ключникова стихотворение Пушкина «Из Пиндемонта» привлекало давно, он писал о нём в своём эссе «Мистический Пушкин» и создал «Фантазии на тему пушкинского стихотворения “Из Пиндемонта”», продолжающие затронутые в нём темы:

*Тоскую по зарытой в грунт речушке
 Неглинке, по зелёным берегам,
 Где некогда бродил подросток Пушкин,
 В ту пору не причисленный к богам.*

Тогда нас всех вела по жизни бодрость,
 В глазах не рубль светился, но звезда...
 Дуэли останавливали подлость,
 Где не держала царская узда.
 Мечтаю запахнуть медвежью полость
 Да тройкой в путь под песню ямщика
 Или, когда плетёт интриги сволочь,
 Нажать на спуск дуэльного курка!
 Но не помогут грёзы о бомонде,
 В цене теперь иной аристократ...
 Не стану продолжать «Из Пиндемонти»
 Поэтом перечисленных утрат.
 Не буду поминать потоки крови,
 Цензурный плен, синодик несвобод...
 Ничто не беспокоит сердце, кроме
 Украденных ничтожеством высот.
 От Сахалина и до Петербурга
 Урюм сегодня дух родных полей.
 Уставился в них хмурый сивка-бурка,
 Понять не может новых королей...
 Пусть скачет или пашет наш Пегас,
 Плетётся даже слабой рысью,
 Мне бы
 Не потерять из виду наше небо
 И чтобы пушкинский светильник не погас.

В стихотворении, продолжающем пушкинский подход, также изложен свой список чуждых и, напротив, очень близких для автора тем и ценностей. То, на чём любят спекулировать либералы, поэту наоборот кажется чуждым – это критика страны за репрессии («потоки крови»), запреты и цензуру. Больше всего беспокоит Юрия Ключникова другое, главное для него – «украденные ничтожеством высоты» духа, что всегда было решающей ценностью и ориентиром для русского человека. Поэт, который вслед за Пушкиным и Блоком всегда воспевал «тайную свободу» и не гонялся за атрибутами свободы внешней, заклинает современников «не потерять из виду наше небо», сохранить пушкинский светильник зажжённым. и эта тайная свобода для него, как и для

Пушкина, состоит вовсе не в том, чтобы угодить своему гедонизму и эгоизму, а в том, чтобы служить Высшему. Об этом Пушкин не раз говорил в своих самых разных стихотворениях и раньше Каменноостровского цикла, и, разумеется, в них, итоговых стихах: «Встань, пророк, и виждь, и внемли, исполнись волею моей, и, обходя моря и земли, глаголом жги сердца людей», «Веленью божьему, о Муза, будь послушна», «И дух смирения, терпения, любви и целомудрия мне в сердце оживи».

Судьба поэта отличается от судьбы инока, который выбирает «спасенья верный путь и тесные врата», и бежит «К Сионским высотам». Может быть, в итоге жизни он и выберет «спасенья верный путь и узкие врата». Пока же он должен скорее идти широким путём, «обходить моря и земли», «по прихоти своей скитаться здесь и там», восхищаться божественными красотами природы и «созданиями искусств и вдохновенья» и сам создавать шедевры, за которые долго будет «любезен народу», пробуждать свою лирой «добрые чувства» и призывать «милость к падшим». Но чтобы эта миссия состоялась, истинный поэт, по мысли Пушкина, не должен тратить своих душевных сил на правозащитную суету, мелкие политические страсти, на всё, что можно определить формулой Гамлета «слова, слова, слова». Только освободив силы души для главного, поэт может сказать своё Слово. Поблагодарим же Пиндемонте, который своими раздумьями расчистил Пушкину путь для создания шедевра о правах, политике и подлинной свободе.

ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ (1798-1837)

Джакомо Леопарди – один из самых крупных поэтов XIX столетия Италии, романтик, ставивший в своём творчестве высокие нравственные вопросы. Он родился в аристократической семье, его отец был публицистом клерикального направления, мать, приходившаяся мужу двоюродной сестрой, была очень жёстким человеком. Леопарди рос болезненным ребёнком, был ограничен в движениях и не знал, что такое подвижные детские игры. Он с самого начала вёл жизнь маленького учёного, вундеркинда, плохо спал по ночам, выучил пять языков (греческий, латынь, иврит, английский и французский), был переводчиком, коммен-

татором учёных книг. Рано начал писать, и его творчество обратило на себя внимание влиятельных людей среди его родственников и знакомых. В результате одарённого юношу направили на учёбу в Рим. Ему помогал известный итальянский литератор Пьетро Джордани, ознакомившийся со стихами и философскими произведениями юноши. Он ввёл его в круг известных поэтов и писателей столицы, что в дальнейшем помогло поэту получить признание, по большей части после смерти.

Однако устроиться на какую-то подходящую литературную работу ни в Риме, ни в Милане, ни в Пизе, ни во Флоренции у Леопарди не получилось. Тогдашняя Италия, находившаяся под властью Австрии, была бедным государством, и былая слава средневековых университетов на тот момент изрядно потускнела. Его приглашали зарубежные университеты, но ухудшавшееся здоровье не позволило принять эти приглашения. В конце концов он был вынужден вернуться в отцовское поместье.

Последние годы жизни Леопарди провёл в Неаполе, куда переехал в 1833 году. Он умер от сердечной недостаточности в 1837 году, в один год с «нашим всем» – Александром Сергеевичем Пушкиным, и был похоронен в Вергилиевом парке в пригороде Неаполе, где каждый год проходит фестиваль на лучшее исполнение лирической песни. Наверное, это место с его красочностью и солнечностью было наилучшим для могилы этого крупнейшего итальянского лирика XIX столетия. Считая себя поклонником Руссо, он старался выразить в своих стихах чувство красоты, возникающей в его сердце от созерцания природы. Иногда она выглядит у него как яркий южноитальянский пейзаж, согретый тёплым чувством любви к родным местам, в других случаях исследователи его творчества находят, что природа воссоздана как равнодушная сила. Что ж, многие гениальные поэты порой воспринимали природу похожим образом, вспомним того же Пушкина: «И равнодушная природа красую вечною сиять». Сам Леопарди считал себя классицистом, слишком хорошо он знал античную литературу и греческую филологию.

Творчество Леопарди нередко считается – и не без основания – воплощением «мировой скорби». Не зря его стихи (сохранилось всего несколько их десятков) были близки, наверное, самому яркому представителю философского пессимизма Артуру Шопенгауэру. Действительно, жизнь Леопарди была цепью сплошных разочарований. Пер-

вым и главным была невозможность радоваться жизни и ощущать себя счастливым из-за слабого здоровья. Он разочаровался в вере и счёл христианскую религию иллюзией, поскольку она, по его мнению, не сумела избавить людей от несчастий и зла. Он разочаровался в политике и политиках, которые не смогли освободить Италию от австрийского владычества (это произойдёт уже после смерти поэта), и в стране, не захотевшей породить героических лидеров-освободителей. Он разочаровался и в знании, по сути подтвердил открытие Экклезиаста: «В многой мудрости много печали» – и пришёл к выводу, что истина, будучи найденной, становится проклятием и лишает человека счастья, ведёт к усталости и отчаянию. Но странное дело – печать тотального разочарования не убила очарование стихов Леопарди, спорить с великолепием которых просто невозможно. Достаточно прочесть его пейзажную лирику, то же стихотворение «Беспредельность», чтобы убедиться в красоте его поэзии и воспетой в ней природы, примиряющей мятежную душу поэта с миром.

БЕСПРЕДЕЛЬНОСТЬ

Мне холм соседний милым был всегда
И изгородь его, занявшая полвзгляда.
За нею горизонта дальняя гряда
И неба беспредельная ограда.
Душою правит радостный покой,
Ум ничего не беспокоит тоже.
Лишь ветер гладит ласковой рукой
Закрытые глаза и утомленье кожи.
Созвучна тишина шуршанию листвы,
Поникишим травам, колебаниям погоды.
У вечности глаза открыты и чисты.
И я припоминаю прожитые годы,
И там на память мне приходит свет,
И прочь уходит надоедливое горе,
И переменам этим окончанья нет
И с наслаждением купаюсь в этом море.

К ЛУНЕ

О дивная луна, ночей подруга!
 Любуюсь я тобою на холме.
 Сегодня занимаешь четверть круга,
 Но завтра что ещё в твоём уме?
 Накроешься туманным покрывалом,
 Поспишь, благоразумная луна...
 Не упрекну за то тебя нимало.
 А вот моя судьба весьма скверна
 Ничем, увы, она не стала лучше,
 Всё меньше шлёт улыбчивых лучей.
 Тусклее солнце, равнодушной тучи.
 Из глаз моих печальных слёз ручей.
 Так некогда творилось Мирозданье –
 Вначале тьма, потом пересозданье.
 В конце же всех мучительных дорог –
 Торжественный и радостный итог.

К САМОМУ СЕБЕ

Теперь, о сердце, смолкнешь ты навеки.
 С тобою вместе обольстительный обман,
 Который полагал я вечным в человеке,
 Особо посреди учёных христиан.
 Ошибочной бывает и почтенная наука.
 Довольно биться, сердце, помолчи.
 И солнце прячет жаркие лучи.
 Полезна иногда ночная скука.
 Стараний наших факты недостойны:
 Болезни, смерти, яростные войны...
 Не лучше ль своевременный уход
 В загадочный и вечный небосвод?
 Он неизбежно всё земное ждёт.
 Явь очевидная и тщетна и печальна.
 Об этом сказано: мир создан изначально
 Трудом Творца и по лекалам перемен.
 Не попади же постоянству в плен.

ШУТКА

Когда я оказался в мастерской
 У строгих муз прилежным подмастерьем,
 Они меня учили день-деньской
 Сложнейшим поэтическим мистериям.
 Однажды у одной из них спросил:
 «Напильник туп, его сменить бы надо».
 Ответила: «Помочь и в этом деле рада,
 Недостаёт, к несчастью, времени и сил».

ЕЁ ПРОДОЛЖЕНИЕ

(С греческого. Из Симонида*)

Недолг жизни нашей кругооборот,
 Мы это всё великолепно знаем.
 По сей причине твари всех пород
 Покорны Зевсу. Он земли хозяин.
 И только человек на ней один
 Ведёт себя, как главный господин
 Всего на свете. Жалкая привычка!
 Ведь мы не исключенье, не кавычка.
 Разумны, дабы рано жизнь не потерять
 И с возрастом желанья свои соизмерять.
 Тот старости и смерти не боится,
 Кто верен нерушимости Основ,
 Чей дух при очевидной немощи таится,
 Всегда готов к работе и здоров.
 Бывает человеческая суть незрима
 И у святого, и у сукиного сына.

VII

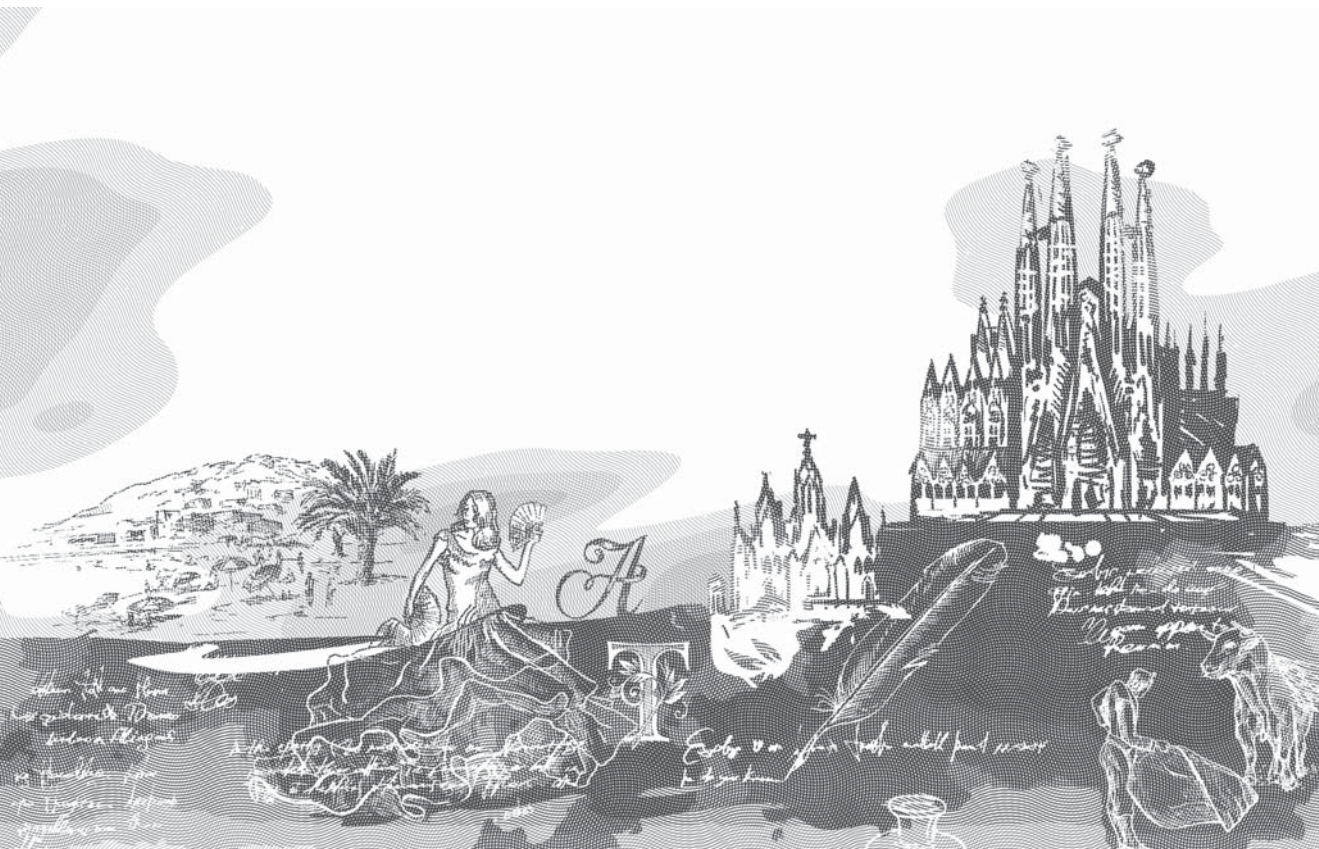
Испанская поэзия

(XVI–XX вв.)

Сервантес. Луис де Гонгора. Лопе де Вега
Хосе Марти. Мигель де Унамуно. Гарсиа Лорка. Рафаэль Альберти

Испанская поэзия на кастильском языке появилась на свет сравнительно поздно. Пиренейский полуостров, населённый кельтиберами, был завоёван римлянами, что привело к смене языка: местные наречия были вытеснены народной латынью, принесённой завоевателями, и из неё постепенно развился испанский язык. Затем через Пиренейский полуостров прокатилась волна завоеваний – вестготы и арабы, против которых местное население вело мощную освободительную войну (Реконкисту), завершившуюся победой молодой испанской нации. В Испании в течение многих веков жили большие еврейские общины. Испанская поэзия развивалась под влиянием нескольких мощных сил – католической религии, культурного влияния Античности, арабской культуры, собственного народного творчества. Первые образцы народной лирической поэзии появились только в XI веке. Они назывались «харджа» и записывались арабским алфавитом на народном языке, с небольшими вкраплениями на арабском и древнееврейском языках. Такие небольшие поэмы и песни на разные случаи жизни исполнялись под народную музыку. Первое крупное произведение жанра героического эпоса, которое дошло до наших времён, – поэма XIII века «Песнь о моём Сиде». Главным её героем был реальный человек – деятель Реконкисты Родриго Диас де Бивар, которого звали ещё Кампеадор (исп. «боец») и Сид (араб. «господин»).

В течение ряда веков испанская литература набирала свою мощь и прошла через множество этапов: эпические поэмы об истории страны, произведения так называемого «учёного искусства», в котором были как религиозные, так и светские произведения, эпоха рыцарского, а потом и плутовского романа. Появился религиозный и светский театр, подвергавшийся гонениям со стороны клерикальных кругов, и религиозные пьесы, подразделяющиеся на *мистерии* (пьесы о жизни Спасителя) и *моралите* (нравственные аллегории). Эпические поэмы сменились *романсом* – коротким лирическим произведением, исполняемым под музыку. В эпоху Возрождения романсы объединяли в сборники, называемые «*романсеро*». В XX веке увлечению романсом отдал дань Федерико Гарсиа Лорка.

Ренессанс в Испании принято делить на три этапа: раннее Возрождение (до середины XVI в.), высокое Возрождение (до 30-х гг. XVII в.) и период барокко (до конца XVII в.). Это было время появления книгопечатания, светского гуманизма и университетов, в которых звучали идеи Эразма Роттердамского, в чём-то пересекающиеся с призывами к обновлению Католической Церкви. Именно в это время испанская поэзия разделяется на две большие школы: севильская, тяготеющая к любовной лирике светского характера, и саламанкская, тяготеющая к мистике. Самыми яркими представителями мистической поэзии были святая Тереза и святой Хуан де ла Крус.

На подлинную высоту лирическая поэзия была поднята величайшими гениями Испании – прозаиком Мигелем де Сервантесом Сааведра и драматургом Феликсом Лопе де Вега. Стихи не были главным жанром в их творчестве, но за счёт масштаба этих авторов их стихи получили популярность в Испании и стимулировали новых авторов на создание высоких образцов поэзии. Важной фигурой на испанском поэтическом небосклоне XVII столетия, к творчеству и эстетическим подходам которого не один раз обращались самые серьёзные поэты XX века, был Луис де Гонгора-и-Арготе. Каноник и королевский капеллан, живший при дворе короля Филиппа III, Гонгора был не просто лириком, но идеологом нового направления поэзии, которое назвали «культуранизмом» от слова *culto* («возделанный»). Стиль был рассчитан на изысканную, образованную аудиторию. Противником Гонгоры считался Лопе де Вега, но сторонником, ценившим поэта, был король испанской литературы – сам Сервантес. Автор переводов и переложений данной книги, как уже говорилось, не ставил перед собой невыполнимой для одного человека задачи – создать специальную антологию испанской поэзии от её истоков до сегодняшнего дня (хотя четыре таких поэтических антологии – индийскую, китайскую, суфийскую, французскую – он создал). Ю. М. Ключников сделал переложения поэзии конца XVI – начала XVII века – Сервантеса, Лопе де Вега и Луиса де Гонгоры, но в XVIII веке, веке Просвещения с его культом разума, таких созвучных себе поэтов не нашёл. Потому далее следуют уже стихи поэтов XIX века.

В конце XIX, и особенно в первой половине XX столетия взошла и долго светила звезда Мигеля де Унамуно. Она светила больше на философском небосклоне, хотя он, испанский экзистенциалист духовного толка, сосредоточенный на теме бессмертия, писал прекрасные стихи.

Но, конечно, испанская поэзия немыслима без таких фигур, как рано ушедший Федерико Гарсиа Лорка и проживший почти 100 лет поэт-социалист Рафаэль Альберти. Каждый из них искал и находил новые пути поэзии, касаясь и смыслов, и формы. и тот и другой тяготели к идеям социализма, однако прежде всего были выдающимися лириками и творцами поэтической реальности, живущей по своим собственным, а отнюдь не социальным законам.

Главные черты испанской поэзии – искренность, страстность поэтического чувства, готовность ставить предельные вопросы и решать их самым радикальным путём, порой даже ценой гибели героя. Исследователи испанской литературы отмечают, что внимание к смерти в ней всегда было серьёзным. В этой искренности и радикальности испанская поэзия чем-то близка русской поэтической традиции. Это поэзия чести, красоты и свободы, поэзия тоски по несбыточному идеалу, который невозможен в несовершенной и несправедливой жизни, окружающей поэта. и этим она очень близка нам, потому удивительно, что Юрий Михайлович Ключников перевёл более 40 испанских стихотворений.

МИГЕЛЬ ДЕ СЕРВАНТЕС СААВЕДРА
(1547–1616)

Знаменитый (наверное, самый знаменитый) испанский писатель. Главное его достижение – бессмертный роман всех времён и народов «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», который многие великие писатели считают лучшей книгой, когда-либо существовавшей на земле.

По количеству изданных экземпляров она находится на втором месте после Библии. Достоевский утверждал, что если человечеству предстоит когда-либо предстать перед Богом на Страшном Суде, ему за эту книгу простятся все грехи. Сам Сервантес считал книгу пародией на рыцарский роман, идеалы и образы которого, по его мнению, устарели. Создавая образ рыцаря, он сделал его главными качествами способность к самопожертвованию, стремление к справедливости и готовность защитить слабых, но, чтобы избежать насмешек, создал его наивным и немного безумным, не от мира сего. Но именно это

сочетание качеств привлекало и продолжает привлекать к нему читателей со всего мира.

Сервантес родился в Кастилии в семье обедневших дворян, его отец был хирургом. Скорее всего, Сервантес не получил высшего образования, однако учился в иезуитской школе в Кордове или Севилье. Конфликт со сверстником обернулся угрозой тюремного заключения, и Сервантесу пришлось бежать в Италию, где он провёл несколько лет и пополнил своё образование. Вернувшись в Испанию, он оказался на военной службе в качестве морского пехотинца. Ему выпало держать оборону в знаменитой битве при Лепанто в Патрасском заливе, определившей судьбу Европы: галерный флот Священной лиги разгромил флотилию Османской империи. Тяжело больной лихорадкой Сервантес тем не менее принял личное участие в бою, в котором получил три пулевых ранения и фактически потерял левую руку. Но и после ранения он продолжил службу, побывав на Корфу, в Тунисе и Португалии.

Одним из самых драматических эпизодов жизни Сервантеса был, безусловно, алжирский плен. Во время его путешествия из Италии в Испанию судно «Солнце» было атаковано и захвачено алжирскими корсарами, часть команды перебита, а другая часть – и Сервантес в их числе – захвачена в плен и увезена в Алжир. Пять лет будущий создатель «Дон Кихота» провёл в плену, за это время совершил четыре неудачных побега, и наконец он был выкуплен на деньги королевства Валенсия (помогли хлопоты его родителей). Ряд страниц «Дон Кихота», посвящённых теме плена, написаны столь выразительно, что многим было ясно – их мог написать только человек, который сам это пережил.

В 1584 году Сервантес женился на молодой женщине из дворянского рода Каталине Паласиос де Саласар. Чтобы содержать семью, приходилось много работать. Будущий создатель знаменитого романа был комиссаром по делам американского флота, который мотался по деревням Андалусии и Гранады для закупки продуктов. Это занятие не радовало Сервантеса, интересы которого в то время целиком были направлены на литературу, к которой он пришёл поздно. Он пишет пьесы (всего их было около тридцати), но публика не проявляет к ним интереса.

Но работа сборщика податей, с помощью которой он надеялся обеспечить семью и возможность заниматься писательским трудом, не слишком ему подходила. Он доверил казённые деньги банкиру, а тот сбежал с ними, и писатель оказался в тюрьме по обвинению в растра-

тах. Но несмотря на все трудности писатель продолжает литературный труд, публикует роман «Галатея», а затем первую часть «Дон Кихота». Как и полагается апологету благородства и справедливости, Сервантесу не удалось заработать на этом денег. Но свою порцию вражды, зависти, насмешки, клеветы, интриг он получил сполна.

В самом конце жизни он словно подтвердил свою неземную природу – постригся в монахи. Сервантес покинул этот мир 23 апреля 1616 года, причём точное место захоронения долгое время оставалось неизвестным. Только в 2015 году археологи обнаружили останки писателя, которые были позднее перезахоронены в мадридском Соборе Святой Троицы.

Сервантес был не только прозаиком, но и поэтом. Если его проза содержит в себе много комического, то стихи и поэмы трогательны, возвышенны и серьёзны, хотя сам Сервантес, похоже, не придавал большого значения стихам. Литераторы по-разному относятся к поэзии Сервантеса: кому-то она кажется гениальной, а кому-то представляется, что она значительно уступает его прозе. Ряд стихов был безвозвратно утрачен. В этой книге приведены переводы семи стихотворений Сервантеса и несколько его афоризмов, переложённых стихами.

Чтобы понять творца, необходимо понимать его личность. Очень хорошо раскрыл благороднейший и совершенно непрактичный характер Сервантеса (а характер – это судьба) его биограф Шаль:

«Поэту, ветреному и мечтательному, недоставало житейского умения, и он не извлёк пользы ни из своих военных кампаний, ни из своих произведений. Это была душа бескорыстная, неспособная добывать себе славу или рассчитывать на успех, поочерёдно очарованная или негодующая, неодолимо отдававшаяся всем своим порывам... Его видели наивно влюблённым во всё прекрасное, великодушное и благородное, предающимся романтическим грёзам или любовным мечтаньям, пылким на поле битвы, то погружённым в глубокое размышление, то беззаботно весёлым... Из анализа его жизни он выходит с честью, полным великодушной и благородной деятельности, удивительным и наивным пророком, героическим в своих бедствиях и добрым в своей гениальности».

Юрий Ключников многократно возвращался к образу Дон Кихота в своём творчестве. Он убеждён, что два образа, созданных Сервантесом, – сам Дон-Кихот и его верный оруженосец Санчо Панса – это на

самом деле две половинки одного человека, которые в соединении дали бы абсолютное совершенство. Но поскольку так не бывает в жизни, Сервантес разделил их и в своём романе. Поэт попытался соединить эти два образа в небольшом цикле о Дон Кихоте.

ИТОГ ЖИЗНИ

I. Выводы Дон Кихота

*Наша жизнь – лишь дурное подобие
Той, что к нам постучаться должна.
Чем святее и чище утопия,
Тем точней и реальней она.*

II. Выводы Санчо Пансы

*Хоть не все у хозяина дома,
Но чтоб в этой реальности жить,
Я обязан хозяйским фантомам
Поклоняться всю жизнь
И служить.*

* * *

*Он воспыхал смешным пристрастьем к ней,
Она цветком дорожным, неприметным
Росла среди навоза и свиней.
Теперь же светят факелом бессмертным
Уже четыре века за строкой
Романа. Но зато каков роман-то!..
Заплачено за выдумку рукой,
Потерянной в сраженъе при Лепанто.
Алжир, пираты, долгий рабский плен...
Пришлось на выкуп денег в письмах кланяться...
И завершить синодик перемен
Торемными скитаньями в Ламанче,
Поскольку среди бед не поумнел,
Карман не отягчил эскудо лишним,
Налоги брать как надо не умел,*

*Слыл мытарем на службе никудышным.
Храни же, рыцарь всех времён и вех,
Хоть капельку подобного азарта!
Копьё мечты свершает путь наверх
На крыльях той же мельницы базарной.
А остальное – дело санчопанс,
Как захотят распорядиться томом:
Под грузом комментариев упасть
Или служить по-прежнему фантомам.*

К ПЕРЕИЗДАНИЮ СЕРВАНТЕСА В РОССИИ

*Испанский ангел твой не сразу хватится,
Что ты в Россию от него сбежал.
Тебе, переизданию Сервантеса,
Обогревает грудь российский жар.
В жилетку плакать незачем и некому,
Везде сверкают меч или копьё.
Мы – донкихоты с новой в сердце Меккою –
Повсюду атакуем вороньё
И защищаем ветряные мельницы,
Пусть попадаем часто не туда...
Нам верится: эпоха переменится.
Натянем росинантам поводка –
И в новые далёкие ристания
Отправимся куда-то на Восток.
Что нам Ламанча, что нам вся Испания!
Настал черёд России. С нами Бог!*

Собственная поэзия Сервантеса проста, пронзительна и очень светла:

*Легчайшим парусом влекомый,
По морю жизни я блуждал,
Манил меня магнит знакомый –
Любви туманная нужда.
Она ведь неизвестна многим,
Нам ближе и доступней страсть.*

Плыл по неведомым дорогам,
 Дрожа от страха и храбрясь.
 Одна звезда светила в небе,
 И чувство грело грудь одно.
 Но парус вдруг покинуло оно,
 Исчез куда-то дивный жребий.
 Вернись на место, мой маяк,
 Храня и путь, и назначенье.
 Всё это гавань, родина моя,
 Хотя обыкновенью помраченье...

НА КАТАФАЛК КОРОЛЯ ФИЛИППА II В СЕВИЛЬЕ*

(Вольное переложение)

Клянусь, поэт в ту пору промолчал,
 Дабы меня льстецом не обозвали.
 Когда нам цезаря Всевышний назначал,
 Не веря вздорным слухам на базаре.

Теперь Филипп ушёл в наш общий Дом
 Севилье вслед и Риму не в угоду.
 Дана возможность каждому народу
 Себя явить на фоне мировом.

На том основан Мироздания порядок.
 И Бог не высь – Он с человеком рядом,
 Как вечный бой, как неизменный труд.

Когда-нибудь нас тоже призовут.
 Сумеет ли явить Творцу достойно
 Свои деянья, размышления и войны?..

СОНЕТ

Святые чувства, чтобы уцелеть,
 Обязаны сменить первичный облик.
 И золото порой блесит как медь,
 И суть в делах таится неудобных.

Ох, оставалась бы нетронутой душа!
 Её частица – это сам Создатель.
 Но что сказать, коль и мечта нехороша,
 А ей положено стремиться к Благодати?

Когда взлететь мечтаешь в эмпирей,
 Здесь, на земле, и пот, и кровь пролей.
 Подобьем Бога не останься вечным.

Стань Им самим, простым и человеческим.
 И Господу верни безгрешной Красоту,
 Первоначальными Мечту и Чистоту.

РЕВНОСТЬ

Когда под снегом скроется трава
 И ветви на деревьях обнажатся,
 Сезоны перестанут в нас сражаться,
 Тогда задействует Природа жернова...

У Книги жизни вечные повторы:
 Меняются местами радость и беда.
 Свой срок живут и бабочки, и горы.
 И к божествам приходит череда.

Одна Любовь не ведает сражений.
 Её огонь горит без пятен и без тени.
 Тебя, жилец почтенный Инобытия*,

Телесная пусть не смущает бренность,
 Всеобщая не жалит душу ревность –
 Для смертных беспощадная змея.

СТИХИ ИЗ ПЕРВОГО ТОМА РОМАНА «ДОН КИХОТ»

ПОСВЯЩЕНИЕ ГЕРОЮ СОЧИНЕНИЯ

Он на меня, на сочинителя похож
 Характером, судьбой, обличем даже.
 Люблю правдивость, презираю ложь.
 У Истины всегда стою на страже.

Познал укусы зла и боль Добра;
 Победы торжество и муки плена;
 Лишение медных денег, серебра
 И всевозможные иные перемены... *

Бессмертие вкусить должны мы оба
 С той стороны назначенного гроба.
 Так обещает златокудрый Феб,

Что покусилась на небесный хлеб.
 И долго ещё будем покушаться.
 (Не знаю, радоваться или сокрушаться).

ПОСВЯЩЕНИЕ ДУЛЬСИНЕЕ ТОБОССКОЙ

О Дульсинея! Если б твой слуга
 Вдруг оказался у тебя в Тобосе,
 Душою бы взлетел за облака,
 Хотя для тела наступила осень.

Дал право бы возлюбленный Господь
 В душе Прекрасной Дамы воплотиться.
 Пускай мужскою остаётся плоть,
 И сердце бьётся, как отважный рыцарь.

Умножу смелые и славные дела,
 Жду, чтобы ты невинность сберегла,
 Ведь в прошлом были мужем и женою.

Пусть это вновь случится под луною:
 Хотя изменится светил надземный ход,
 Ты – дева из Тобоса; я – твой Дон Кихот.

ПОСВЯЩЕНИЕ САНЧО ПАНСЕ

И ты в долгоживущую историю попал,
 Мой старый друг, мудрец, оруженосец.
 Пусть как герой тяжёлых лат не носишь,
 Но без тебя бы Дон Кихот пропал.

В тебе живёт особенное рвенье –
 Удерживать хозяйские стремленья
 В необходимой для грядущего узде,
 Ведь мой роман прославится везде.

Ты, как осёл твой, и разумен, и упитан,
 Зря у судьбы не сгинешь под копытом,
 Фантазиям беспутного хозяина служа.

И у тебя, мой друг, бессмертная душа,
 Пока в ней грёзы юношества живы
 И основания душевные не лживы.

АФОРИЗМЫ

Всевышнего проси,
 Но сам траву коси.

* * *

Лиха беда начало,
 Да плох конец-мочало.

* * *

Коль счастье для тебя незримо,
 Оно всегда проходит мимо.

* * *

Нам всем командовать желанно,
Хотя бы сборищем баранов.

* * *

Советы женщин для мужчин нередко полумрак,
Однако муж, отвергший их, – законченный дурак.

* * *

Кто любит сам себя хвалить,
Теряет ум и правды нить.

* * *

Не существует никакой причины,
Чтобы в раю или в аду не излечили.

ЛУИС ДЕ ГОНГОРА (1561-1627)

Луис де Гонгора-и-Арготе – крупный испанский поэт эпохи барокко. Считается создателем нового эстетического стиля «культеранизм» («кульгизм»), или «гонгоризм». Тонкий ценитель стиля, эстет, любитель жизненных радостей, он, однако, не был банальным бонвиваном. Он подходил к миру эстетически, как и полагается истинному ценителю Возрождения. При этом Гон-

гора очень много работал и был мастером противоречий. Взять хотя бы сферу веры: любовь к Ренессансу он сочетал с церковной службой, поскольку был каноником в кафедральном соборе в Кордове. Духовные искания он сочетал с любовью к корриде и азартным играм, а возвышенную поэзию – со склонностью к сильным выражениям (одна из граней того, что впоследствии было названо «гонгоризмом», состоит именно в этом).

Гонгора родился в Кордове в обедневшей дворянской семье, учился в Саламанкском университете, где получил хорошее теологическое и юридическое образование. Затем принял сан священника, жил очень бедно, пытался получить приход, дающий финансовые возможности, но

потерпел фиаско. Недостаток денег сопровождал Гонгору всю жизнь. Ему так и не удалось при жизни опубликовать свою книгу стихов. Отчасти это могло быть вызвано эксцентричной манерой поведения Гонгоры во время церковных церемоний – слишком непосредственной и откровенной.

Гонгора длительное время был странником, причём не столько по духу, сколько по назначению: совет клириков при кафедре епископа постоянно посылал служителя культа в разные места Испании с разнообразными поручениями. Поездки давали возможность познакомиться с самыми разными людьми, а также заниматься сочинением стихов.

Увлечение поэзией сопровождало Гонгору всю жизнь. В своём следовании голосу Музы он прошёл ряд этапов. В поэзии Гонгоры выделяют два главных этапа – «ясный» и «тёмный», поздний, в котором он занимался шифровкой тайных смыслов и тщательной шлифовкой стиха. Не все принимали подобную поэзию, но многие оценили её, даже спустя века. В XX веке творчество Гонгоры было высоко оценено Гарсия Лоркой и стало объединяющей силой для популярной тогда литературной группы «Поколение 27 года».

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Плачет девчужка, стирая бельё –
Парень с ребёнком бросил её.
Рано, выходит, познала беду.
Время и так приучает к труду.
Надо троим приготовить обед.
А ведь самой-то четырнадцать лет.
Мать утешает: «Родная, поплачь.
Время врачует, оно не палач».
Девушка спорит: «Ему не прощу,
Как уж получится, но отомщу.
Песня ушла из души как вода,
Голос мой милый унёс навсегда».
Мать повторяет: «Ты лучше поплачь,
Время врачует, оно не палач».
Так и случилось, всё улеглось,
Дочь обошлась без отца и без слёз.

ПАСТОРАЛЬ

Доверив тело лавру у его ствола,
 Пастушка пышногрудая спала.
 Сатир разглядывал малиновые губки,
 А ветер шевелил ей розовые юбки.
 Внезапно грозно загудевшая пчела
 Нескромную картинку прервала.
 Пастушка пробудилась то ли от укуса,
 А может, сон пришёл иного вкуса.
 Сатир, страшась повторных жал,
 Без памяти куда-то быстро убежал.
 Куда? Обширны поэтические дали...
 И вот восстановились наши пасторали.*

ПОСЛАНИЕ ЛОПЕ ДЕ ВЕГА

Брат Лопе, не спеши писать стихи.
 Они с огнём вынашивают копоть.
 В руках твоих любые пустяки
 Рождают у испанцев только похоть.
 Зачем на переплёт библейски возложил
 Свои ладони? Знаешь наставленья...
 А если бы, как ты, на свете каждый жил,
 Пропали поголовно бы от перенаселенья.
 Опомнись, Лопе, и детишек не плоди,
 Покуда Страшный Суд не огорошил.
 Для простодушных он, наверное, хороший.
 Но грешных нас своим примером пощади...
 Последний выслушай мой праведный совет:
 Пореже наводи на женщин пистолет.

СОНЕТ, НАПИСАННЫЙ ПОД РОЖДЕСТВО

Крест деревянный. Вскинутые руки.
 Терновый нимб. Копьём пробитый бок.
 Вот поученье жизненной науки,
 Что человеку оставляет даже Бог.

Но и рожденье – вечное мученье.
 И жизнь разнообразная сама –
 Всё тот же крест и то же поученье.
 Такое долго думать – сдвинешься с ума.
 Неужто лишь Господь располагает
 Ключами от священного замка,
 А если его весть святая и благая
 Находится в пределах только языка?
 Мы под луною бесконечно зреем
 И с каждым веком делаемся злее.

ФЕЛИКС ЛОПЕ ДЕ ВЕГА (1562–1635)

Знаменитый испанский драматург, поэт и прозаик, современник Шекспира, отличавшийся исключительным талантом и огромной творческой плодовитостью. За свою не самую долгую жизнь (73 года) он создал около 2000 пьес, которые принесли ему мировую славу, а также около 3000 сонетов и 20 поэм. Столь большое количество созданных пьес объясняется желанием драматурга,

убеждённого, что пьеса интересна только в первый раз, доставить радость публике. Именно они и принесли ему мировую славу, и по известности на тот момент он обогнал даже гениального Сервантеса, его поэзия была очень популярна и в Испании, и во всём мире. Отличался разнообразием творческих интересов, писал романы, пьесы, стихи, был организатором театрализованных праздников, воином, добровольным слугой инквизиции, имевшим звание *familiar del Santo oficio de la Inquisición*. Учился в университете, но не закончил его. Несколько раз женился, но почти все эти браки завершались неудачами. Словом, был человеком, не вписывающимся ни в какие стандарты эпохи.

Лопе де Вега родился в простой семье. Его отец, ремесленник и золотошвей, купил патент на дворянское звание и постарался дать сыну максимально хорошее образование. Лопе де Вега проявил выдающиеся способности в обучении грамотности и наукам. Уже с 10 лет он начал переводить чужие пьесы, а в 13 лет сочинять собственные. Он обучался в колледже иезуитов, затем в Королевской академии и университете.

те, который ему так и не удалось закончить. и дело не в сложности учебной программы или лени студюоза: Лопе де Вега был слишком смел в своих сатирах. Он высмеял в пьесе знатную семью, отвергнувшую его сватовство к их дочери, за что поплатился высылкой из Мадрида на целых 10 лет. Правда, пылкий и нетерпеливый юноша быстро возвращается в город за новой возлюбленной, на которой мечтал жениться тайно. В дальнейшем Лопе де Вега отразил всю ситуацию в романе «Доротея». После этого последовала череда бурных романов и расставаний с разными женщинами, участие в военном походе Непобедимой армады, работа секретарём у знатных особ – у легендарного герцога Альбы, маркиза Малвпика, герцога Лемосского. На какое-то время Лопе де Вега поселяется в Валенсии, где создаёт огромное число пьес на самые разные темы, есть даже пьеса, посвящённая России – «Великий князь Московский» о Лжедмитрии.

Последний период жизни поэта сопровождала череда катастрофических событий: умирает его последняя любимая женщина Марта, погибает сын, похищают дочь. Тем не менее Лопе де Вега пытается победить горечь утрат и продолжает работать каждый день. Этот период жизни Лопе де Веги был наполнен интенсивной духовной жизнью: осознавая множество грехов, которые творил в молодости, он, поэт, весельчак и бонвиван, глубоко погрузился в покаянную молитву.

СВОБОДА (ОТРЫВОК ПОЭМЫ «АРКАДИЯ»)

Пускай бушует непогода
Иль мирно спит на тёплом ложе,
Благословаенная свобода
Мне всех земных даров дороже.
Так было, есть и быть должно.
Что ей, благой, во мне мешает –
Нужда и голод, власть чужая,
Что быть в неволе суждено?
Когда мы собственную шею
Засунем в чей-нибудь хомут –
Всплакнём (лежачего не бьют).
Отдам уж лучше жизнь злодею –
Но в эту не ввяжусь затею.

Однажды мне рассвет забрезжил
Среди земного прозябанья.
И сну, что видел в детстве прежнем,
Сегодня бы не дал названья.
Огонь три маленькие Парки
Во сне безумцу мне зажгли*
На грани Неба и земли.
И вот пылает пламень жаркий.
Хочу – под звёздами ночую
От хижин и дворцов вдали.
Хочу – в краю морей кочую,
Кто знает мой свободный нрав,
Поймёт, насколько автор прав.
Я тот единственный владыка,
Кто не владеет постоянством
В любви ли к дамам или яствам –
Всё это кажется мне дико!
И славе не спешу предаться,
В душе не чувствую магнит.
Боюсь, простак, ни с чем остаться.
Во мне малыш вчерашний спит,
Который в лужах ищет броды,
В своих проказах – дух свободы.
На том ведь и земля стоит.
Её привычки, сны, законы
Всегда подвижно-непреклонны.

Нисходит ночь в плаще-громаде.
Я ночевать привык в палатке.
При звёздах и степной прохладе.
Ночёвки те волшебны сладки.
Звенят без усталости цикады.
Вот насекомые-цыганы!
Нам чужд и тех, и тех уют,
Зато как весело поют,
Как немудрёны их заботы,

Как бесконечны переходы!
Живут под солнцем и в тумане,
Тысячелетия в обмане,
Хотя не сеют и не жнут.

На ветках груши зеленеют.
Поспели сливы и темнеют.
Запахло розою, мускатом
(В селе вдыхаю каждый атом).
Созрел до срока виноград,
Чему порой не слишком рад.
Срываю гроздь терпеливо –
Подарок юга. Что за диво!
Ласкаю трепетной рукой
Природы праздничный покой,
А также веточку с айвой.
Эстио** солнца катит струи.
Восторг даруя, труд ворую...

Я не завидую чужому
Таланту, жизни и жилищу.
Бывает, бедные душою
В чужих карманах счастье ищут.
В краях заброшенных и древних
Свои порядки миром правят.
Дух, существующий в деревьях,
Не поразит, не обесславит.
И не внушит крестьянам ложь,
Что развращает дух вельмож
И тоже счастья не добавит.
В сердцах таится светлый луч,
И обретёшь счастливый ключ.

В хоромы и толпе дворцовой,
В желаньях мебели красивой,
Не будь настойчивым разиней,
Не мчись за модой образцовой.

Там не найдёшь покоя сердцу,
Лишь обретёшь сердечный яд,
Невыносимый страстотерпцу.
Он губит смертных, говорят.
И неплохих, на первый взгляд;
Людей простых, детей придворных;
Прошедших через глад и хлад;
Не оглянувшихся назад;
В богоотступничестве твёрдых.
И гордых, и совсем не гордых.

Не тщусь затмить певца-собрата,
Не обольщаю толстосума.
Я почитаю музу свято.
Я чту мечту свою и думу.
Меня же вспомнит простолюдин
Среди своих забот и буден.
За хлебом, за вином и чаем,
Каких и чем гостей встречаем.
По деньгам – стол, по нраву – гость
Уж так на свете повелось:
И провожая, привечаем,
Чтоб хорошо ему спалось –
По Сеньке – шапка, чину – трость.

НАЗИДАНИЕ ЛЮБИМЦАМ

Басня

Чиновная, но в целом, общая рутина:
Не может самый преданный слуга
Умнее оказаться господина,
Иначе наживёт высокого врага.
Король однажды говорит любимцу –
Кому вы думаете? – сыну-принцу:
«Одно мне дело не даёт никак покоя –
Указ издал, твоей написанный рукою.
Ты пишешь, несомненно, лучше короля,

А ведь в моих руках испанская земля.
Умишком, скажут, главный тронут,
Пора снимать с властителя корону.
Увы, таков дурной толпы закон.
Не лезь, дружище, слишком высоко,
Поэтому моё такое повеленье:
Езжай-ка в глушь и прояви уменье».

ДРОВОСЕК И СМЕРТЬ

Басня

Послушайте: один афинский старец,
Которому и жить-то, может, месяцы остались,
Устал дровишки из лесу таскать,
Стал громко Смерть под соснами искать.
«Нет сил! Приди скорее. Сделай милость».
И та с косою незамедлительно явилась.
«Ты звал меня?» Старик со страху очумел
И просьбу перевёл на тему нужных дел:
«Прости, силёнок не хватило спозаранку.
Дров на спину мне пособи взвалить вязанку».

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ

Верни ягнёнка мне, пастух,
Их у тебя и так довольно.
Ты чуешь, как он блеет вслух,
Как мучается дух невольню.
Ему ошейник тесен золотой,
Тяжёл. Куда роднее медный.
Тем более, ягнёнок этот – мой.
Его чистейшая, невинная улыбка
Оглядывает землю, мчащуюся зыбко,
Которой, кстати, негде отдохнуть,
Земной поскольку нескончаем путь.
Ты хочешь, чтоб я это доказал –
Изволь и посмотри внимательно приметы:

Шерсть в завитках, блестят его глаза,
Хозяин – я, легко проверить это.

Отпустишь, он придёт ко мне лишь одному.
Хочу, чтоб было так, другого не приму.

ДЫМ

Как в небе дым, рисующий узор,
И тут же, смотришь, вмиг растаял;
Как воробьёв стремительная стая
Промчалась, не задерживая взор;
Как пыль, что вьётся вдоль дорог,
Но дождь прошёл – и кашицею стала,
По голенище увязает в ней сапог
И лошадёнка движется устало...
Так громкие пассажи о любви святой
Сверлят мои испытанные уши.
Шепчу себе: «Спасите наши души!
За это уплачу последний золотой».
Девиз такой любви – непостоянство.
Поэтому не возмущай пространство.

ХОСЕ МАРТИ (1853-1895)

Хосе Хулиан Марти-и-Перес – поэт, писатель, публицист и революционер, жизнь которого разворачивалась на две страны – Испания, в которой он начал свой путь, и Куба, где он этот путь завершил. Большую часть жизни он провёл на Кубе, которую пытался освободить от владычества Испании. Тем менее в Испании он, родившийся в Гаване, какое-то время жил, учился в Мадридском университете, получил несколько учёных степеней в области истории, литературы и права, издавал публицистические работы.

Потому его можно рассматривать и как испанского (или испано-кубинского) поэта.

Если взвешивать на весах, кем он всё-таки был – поэтом или революционером, революционные заслуги, наверное, перевешивают, но литератором он тоже был очень ярким. Поскольку на русский язык переведено далеко не всё, что им было создано, поэтическое наследие Хосе Марти явно недооценено. Он больше известен как идеолог кубинской революции, и его достижения на этом поприще сравнивают на Кубе с достижениями Ленина в России. Хотя ему не пришлось дожить до взятия революционерами власти в свои руки (через полвека после его смерти это сделал Фидель Кастро), он вошёл в историю кубинской революции, как один из самых ярких её провозвестников.

Жизнь Хосе Марти была очень бурной и разнообразной, какой и полагается быть жизни революционера. Он участвовал в восстаниях, сидел в тюрьмах, скрывался от преследований, подвергался депортациям, жил в разных странах (Франция, Мексика, Венесуэла, Гватемала, Панама, Коста-Рика, Гондурас, США) и общался со множеством людей, пытался вести какую-то легальную жизнь, работал в газетах, писал статьи и книги, преподавал, рождал партийные программы, в которых Куба обозначалась как свободное государство. Решающим моментом, который поставил точку в яркой судьбе этого бескорыстного романтика революции, была битва с испанскими войсками на Кубе. Незадолго перед битвой ему было присвоено звание генерал-майора. Наткнувшись на засаду, Хосе Марти пришпорил коня и с пистолетом в руке бросился в атаку...

Нужно сказать, что Хосе Марти был исключительно талантливым человеком. За несколько лет до полного погружения в революционную стихию он добился большой литературной славы на всём американском континенте. Помимо статей на общественно-политические темы он писал философские работы и эстетические трактаты, где развивал идеи единства природы и человека. По мнению Хосе Марти, природа обладает человеческими качествами:

«Каждый человек таит в себе весь животный мир, в нём может зарычать лев, заворковать голубь, захрюкать свинья; и вся добродетель в том, чтобы голубь восторжествовал над свиньёй и львом».

В своей эстетике Хосе Марти опирался на импрессионистов и символистов: авторы, на которых он ориентировался, – Теофиль Готье, бра-

тья Гонкуры, Артюр Рембо, Поль Верлен. Он любил русскую культуру и прежде всего Пушкина. Как поэт он прошёл большой путь от модернизма и авангардизма до народной песенной поэзии и реализма. Постепенно его накрывают волны славы. Стоило ему написать какую-либо статью, его перепечатавали все самые крупные газеты американского континента. Людей интересовало всё, что шло от Хосе Марти, который к тому времени стал официально признанным представителем Латинской Америки в США и консулом Аргентины и Парагвая. Однако осенью 1891 года он отказывается от всех видов литературной деятельности и полностью посвящает себя революционной борьбе за свободу Кубы. Ему нужно было во что бы то ни стало освободить свою родину от испанского владычества.

ПРОСТЫЕ СТИХИ

Я спустился на землю Оттуда,
Где рождаются звёзды в тиши.
Верю также в повторное чудо –
Возвращенье на Небо души.
На душе непреклонное чувство
В подсознание живёт до сих пор:
Где сонеты, я – тоже искусство,
Где вершины и я среди гор.
Убивал. Непонятая сила
В дом однажды пчелу занесла,
Та дочурку мою укусила.
Я прихлопнул. Такие дела.
Дел подобных синодик – несметный...
Вспоминаю, как выслушал я
Приговор себе собственный, смертный.
Произнёс на испанском судья.
Сын земли и заоблачный данник,
Страстный пыл и Любовь испытал.
Много выдержал гордых страданий.
Жажду паузу сделать. Устал.

* * *

Я зрел, как орёл был подстрелен,
 Но в небо на родину взмыл;
 Гадюка же в щели-постели
 Пропала, лишённая крыл.
 Отравлена собственным ядом.
 ...Коснувшись осколка звезды,
 Со мною упавшего рядом,
 Я вычислил мощь Высоты.
 Почуял родимую почву.
 Читаю небесную почту.
 За годом так тянется год,
 Враги моё сердце терзают.
 Всё жду, что проснётся народ,
 А он в лапах лжи погрязает
 Но верую в Истины щит,
 Что он, наконец, победит.

* * *

Да, я верю в Божественный Разум;
 Он всемогущ и жив меж людьми.
 Можешь стать победителем разом,
 Если служишь вселенской Любви.
 Потерпи в ожидании сроков
 И не личных – всеобщих плодов,
 Сам поймёшь себя трезво и строго, –
 Значит, ты для Служенья готов.
 Знаю толпы почтенных безумцев.
 Не стремись в их ряды ты попасть.
 Ум и честь попирая, грызутся
 За случайно вручённую власть.
 Пусть такие тебя не заботят,
 Ни теперь, ни в грядущей работе.

МИГЕЛЬ ДЕ УНАМУНО (1864–1936)

Мигель де Унамуно-и-Хуго родился в семье испанского торговца и получил традиционное католическое образование, которое трансформировалось у него в желание стать священнослужителем. Однако он выбрал в итоге не рясу священника, а кафедру университета. Унамуно был прежде всего философом, культурологом, публицистом и общественным деятелем Испании, страстно борющимся против франкистской диктатуры. Хотя и литератором он тоже был очень крупным и писал крепкие романы и яркие стихи. По своим взглядам он относился к «Поколению 98 года», названного так в силу того, что эта группа писателей Испании болезненно пережила поражение в американо-испанской войне и потерю Кубы в 1898 году. В молодые годы проявил выдающиеся способности к обучению, уже к 20 годам знал 11 языков. Учился в Мадридском университете на факультете философии и гуманитарных наук, через какое-то время сам стал доктором философии и ректором Саламанкского университета. С юности отличался чёткой гражданской позицией, выступал против диктатуры Примо де Риверы, много лет провёл в изгнании. За своё дерзкое выступление против сподвижника Франко, фалангистского генерала Хосе Мильяна Астрыя, был помещён под домашний арест и вскоре умер.

Как философа и духовного искателя истины Унамуно более всего интересовала проблема личного бессмертия человека. В поисках ответа на вопросы он, начинавший с социализма, переключился на мистику и духовную философию и серьёзно изучал тексты Блаженного Августина, испанских теологов, Блеза Паскаля, Сёрена Кьеркегора. Его главная идея – героическое безумие, для которого он, как испанец, почитающий героя Сервантеса, придумал специальный термин «кихотизм» – борьба личности за высокий идеал, даже если он трудно осуществим. Философия Унамуно в чём-то предвосхитила появление таких направлений западной мысли как экзистенциализм и персонализм.

Интересно, что стихи Унамуно стал публиковать поздно – ему было уже 43 года! Он касался в своей поэзии разных тем: природа и путешествия по родной стране, образ Христа в испанской традиции, собственные духовно-мистические видения, впечатления от своих путешествий по Ев-

ропе, прежде всего по Италии и Франции, наполненные чувством горечи изгнанника (книга так и называлась – «Баллады изгнания»). В данном разделе предлагается перевод стихотворения «Кровь души», исполненного чувством пронзительной любви к родине. Эти стихи – лучшее свидетельство его философии, которая, по собственному признанию поэта, пронизана ощущением «трагического смысла жизни». Выход из этой трагической ситуации и любых кризисов бытия – следование за Благой вестью, данной через Дон Кихота. Это квинтэссенция наследия Мигеля де Унамуно.

КРОВЬ ДУШИ

Мне Родина повсюду, где Испании язык.
Где льётся кровь в сражениях родная.
Пусть повторяю только звонкие азы,
Евангельских глубин не понимая.
Пускай латынь Сенеки отцвела,
Пророчества вернее правды книжной,
Пришёл тем паче век молвы облыжной,
Что далеко людей от Бога увела.
Зато Колумб удвоил мир подлунный,
Свет Старый зазвучал опять как юный.
Прославлен в нём Рисаля и Хуареса родник.*
Поскольку называю здесь немного славных книг,
Одну единственную вспомню для кого-то –
Испанией дана Благая весть от Дон Кихота!

ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКА (1898–1936)

Крупнейший поэт, драматург, деятель культуры Испании XX столетия, Федерико Гарсиа Лорка оказал огромное влияние на литературу этой страны. Убитый в самом начале Гражданской войны режимом генерала Франко, он стал символом сопротивления фашистской хунте, хотя сам не успел взять в руки оружие, будучи мирным поэтом, далёким от военных занятий.

Активный участник группы «Поколение 27 года», Гарсиа Лорка вместе с единомышленниками старался привить испанской литературе идеи но-

вейших для того времени эстетических направлений символизма, сюрреализма и футуризма, но при этом оставался тончайшим лириком, который использовал лучшие реалистические подходы. Хотя главные достижения Гарсиа Лорки были связаны с миром литературы (поэзию XX века Испании невозможно представить без него), он был очень разносторонним человеком, проявившим себя в самых разных областях – театр и пьесы (ещё с детства поэт увлекался кукольным театром), музыка, живопись (прежде всего художественная графика).

Но наиболее блистательно ему удалось реализовать свои таланты в передаче эмоций и страстей с помощью ярких необычных образов. Особенно это проявилось в его любовной лирике: многие стихи Гарсиа Лорки полюбили русскому читателю именно за пронзительную искренность и страстность.

Федерико родился в провинции Гранада в семье зажиточного землевладельца и учительницы. Подобный союз денег и просвещения дал свои благоприятные плоды – молодой человек имел все возможности получить хорошее образование (при том, что особым усердием в учёбе не отличался). Он учился в университете Гранады, участвовал в различных литературных обществах и кружках, активно путешествовал по стране. Первые литературные опыты Гарсиа Лорки и его поэтические книги сделали его известным: публика не могла не обратить внимания на яркие образы неизвестного молодого человека, ворвавшегося в литературную жизнь Испании как метеор.

Но особенно помог Гарсиа Лорке продвинуться к славе его переезд в Мадрид, где он с головой окунулся в бурно кипящую литературную жизнь. Он обладал открытым позитивным характером, коммуникабельностью и обаянием, что позволяло ему легко сходиться с людьми. Его называли «солнечным юношей». Несколько забегаая вперёд, отметим, что Гарсиа Лорка, человек левых взглядов, за которые и поплатился, дружил не только с людьми, поддерживавшими Республику, но и с теми деятелями искусств, кто был за Франко. Это были лидеры фалангистов Хосе Примо де Ривера и Онесимо Редондо Ортега. Тем нелепее и бессмысленнее выглядит убийство ярчайшего поэта XX столетия, который политически не представлял для режима Франко никакой опасности.

В Мадриде его друзьями становятся такие эксцентричные люди как Сальвадор Дали, Луис Бунюэль, Грегорио Мартинес Сьерра, Антонио Сегура, Мануэль де Фалья, Фернандо де лос Риос, Хорхе Гильен, Хуан Ра-

мон Хименес (этот человек стал для молодого поэта своего рода идеологом и учителем). Он учится в Мадридском университете, выпускал книги, ставил пьесы. Гарсиа Лорка увлекается культурой цыган, которые были ему близки своей страстностью и философией свободы, и пробует освоить лирический образ поэта-цыгана, на самом деле являясь чистокровным испанцем. Увлечение цыганами у поэта было вызвано несколькими причинами: желанием поддержать тех, кто беднее других и чем-то угнетён; детскими впечатлениями – испанские цыгане составляют большую часть населения Гранады; детской психологической травмой, полученной от общения с мальчиком-цыганом, и любовью к культуре цыган. Объясняя название самой любимой собственной книги «Цыганское романсеро», он высказался следующим образом: «Цыгане – это самое благородное и глупое на моей родине, это её аристократия, хранители огня, крови и речи».

Впоследствии критика пыталась превратить испанскую поэзию Гарсиа Лорки в чисто цыганскую, и это очень обижало его. Он осваивал новые художественные темы и методы, экспериментировал и разрабатывал иные подходы, в чём его помогали новые жизненные впечатления и поездки. В 1929 году он поехал в Нью-Йорк, позднее полгода провёл в Аргентине, встречался с рядом известных литераторов, в частности с Пабло Нерудой, и всё это превращалось в его новые стихи, книги и пьесы.

В 1936 году Гарсиа Лорка возвращается в Испанию, причём это совпадает с крушением режима Примо де Риверы и установлением Второй испанской республики, которой поэт с самого начала симпатизировал. Новая власть в ответ на выраженную симпатию назначает Гарсиа Лорку директором студенческого художественного театра «Балаган». Он создаёт и ставит две свои пьесы «Кровавая свадьба» и «Дом Бернарды Альбы». Он находится в расцвете творческих сил, но в это время происходит мятеж генерала Франко, в результате которого развязывается гражданская война. Гарсиа Лорка подписал письмо 300 испанских деятелей культуры в поддержку республиканской власти и тем самым навлек на себя смертельную опасность. Поэт сам шёл навстречу гибели. Зная, что франкисты очень сильны на юге страны, он тем не менее едет в Гранаду, в своё родовое имение. Вместо того чтобы сидеть тихо, ведёт себя очень активно – читает лекции, участвует в самых разных литературных и общественных мероприятиях. Вскоре после приезда Гарсиа Лорку арестовывают и через два дня расстреливают. Не помогло то, что он укрывался в доме местного фалангиста, его нашли и там, пообещали,

что ничего ему не сделают, но обманули и бросили в тюрьму. Причины, побудившие фалангистов на этот шаг, до сих пор неясны (есть мнение, что они подозревали поэта в нетрадиционной сексуальной ориентации). Официальные объяснения, зафиксированные в архивных материалах, сводятся к тому, что Гарсиа Лорка был опасным социалистом, которого заподозрили в связях с масонством. Следует сказать, что Гарсиа Лорка к тому времени имел если не мировую, то всеевропейскую известность, и его расстрел вызвал вспышку возмущения в художественной среде. Тысячи людей вопрошали власти, зачем было нужно это бессмысленное убийство замечательного поэта, о котором Пабло Неруда сказал следующие знаменательные слова:

«Я не встречал больше ни в ком такого сочетания блистательного остроумия и таланта, крылатого сердца и блеска под стать хрустальному водопаду. Он был подобен щедрому, доброму волшебнику, он впитывал и дарил людям радость мира, он был планетой счастья, радости жизни».

Версию о том, что поэт был членом масонской ложи «Альгамбра», в списках которой он якобы фигурировал под псевдонимом Гомер, франкистское правительство выдвинуло, чтобы хоть как-то оправдать свою бессмысленную жестокость. Сама идея принадлежности предельно открытого и сверхэмоционального поэта к закрытому и очень рационально выстроенному ордену выглядит крайне неубедительно. Но даже если предположить, что это так, молодой поэт мог попасть в такую организацию по причине своего любопытства и крайней наивности, как это в своё время было с Моцартом и Пушкиным.

Дочь брата поэта, до последних дней возглавлявшая в США его фонд, утверждала, что на самом деле Гарсиа Лорка был достаточно политизированным человеком, ненавидел несправедливость и хорошо отдавал себе отчёт в том, что его ждёт в случае окончательной победы фалангистов. Она видела причину расправы всё-таки в политических взглядах поэта, который показался малограмотным генералам намного более опасным, чем это было на самом деле.

До середины 50-х годов его книги находились под запретом, а их цензурирование продолжалось до смерти генерала Франко. Но потом плотину прорвало, и Гарсиа Лорку стал читать весь мир.

Творчество поэта очень музыкально. Здесь он напоминает Верлена с его призывом слушать Музыку. Музыкальность Гарсиа Лорки корнями уходит в напевы Андалузии и народную музыку, которой он настоль-

ко увлекался, что в 1922 году вместе с Мануэлем де Фалья организовал фестиваль народной андалусской песни канте хондо.

Ю. М. Ключников посвятил Гарсиа Лорке отдельное стихотворение:

19 АВГУСТА

Памяти Гарсиа Лорки

Был в этот день убит Гарсиа Лорка.

Поэт не дотянул до сорока.

Его звала арена – не галёрка.

И не клинок тореро –

Боль быка.

Когда тупая пуля фалангиста

Остановила сердце навсегда,

На небесах его Гренады мглистой

В ту ночь зажглась ещё одна звезда.

Поэт теряет голову охотно

На самой главной линии огня.

Зато не умирает канте хондо,

Душою Андалузии звеня.

Нас, разделённых временем-пространством,

Живущих друг от друга вдалеке,

Невидимое связывает Братство.

Надеемся когда-то долететь

До дальних звёзд,

Где Сердце Мира бьётся,

И там, в лучах немеркнувшей зари,

Нас встретят Леонардо, Пушкин, Моцарт,

Гарсиа Лорка, Сент-Экзюпери.

Склонимся вместе над священной чашей

Грааля заповедного –

И в путь,

В обратный путь к Земле заблудшей нашей,

Ей радость и достоинство вернуть.

Объём этой книги не позволил автору переводить Гарсиа Лорку в большом объёме, пришлось ограничиться шестью лучшими стихот-

ворениями. Об одном из них, знаменитом романсе «Неверная жена», имеет смысл поговорить отдельно. Сам Гарсиа Лорка в какой-то момент возненавидел это стихотворение, получившее огромную известность. Об истории создания шедевра рассказал родной брат поэта. Они вместе услышали бродячий сюжет от цыгана-извозчика, и рассказ так запал в душу Федерико, что через несколько лет он вернулся к этому эпизоду и превратил его в факт искусства. Стихотворение рассказывает о фейерверке страсти, охватившей молодого цыгана, который влюбился в прекрасную женщину и провёл с ней ночь на природе, но потом выяснилось, что она замужем, а отнюдь не невинная девушка. Для него это приключение стало оскорблением, ведь подобным обманом была задета цыганская честь. Несмотря на любовь и сильное влечение, лирический герой прекращает роман. Согласно испанским обычаям, настоящий мужчина влюбляется только в девушку или в свободную женщину, но чужая жена, скрывшая на ложе свой брак, роняет честь мужчины.

Перевод данного стихотворения сделан с учётом открытия переводчика П. Грушко. Согласно ему, наши советские переводчики не знали, что слово «девчушка» на самом деле означает в Андалузии «свободная», «холостая». В самом деле, трудно поверить, что молодой цыган мог серьёзно полагать, что невинная девушка легко пойдёт на рискованный ночной поход с женщиной к реке.

Стихотворение ярко демонстрирует внутреннюю чистоту поэта, которого порой упрекают в проповеди разнузданности и слепой страсти. Гарсиа Лорка чист и высок во всём, о чём бы он ни писал.

РОМАНС О НЕВЕРНОЙ ЖЕНЕ

Романс цыганский напишу я:

В Сантьяго, ночью беззаботной,

Я как-то раз жену чужую

Увёл, поверив, что – свободна.

С утра возник наш грешный сговор.

Мы ночью прилегли у склона

Вдали от шума городского,

Когда рукой коснулся лона.

Там шевельнулся пламень хрупкий,
Невидимый ночной порою.
В песке – разбросанные юбки
И портупея с кобурою.

И сдёрнув с шеи лишний галстук,
С неё – последние резинки,
Отправился в дальнейший наступ,
Упав на груди-апельсинки.

Листва дерев шумела глухо,
Реки ворчал усталый демон,
То падал, то вздымался духом.
Я наслаждался древней темой,

Но приступ чувствовал тревоги
На пограничье ада-рая.
Обворожительные ноги
Метались, плача ли, играя,

Как пойманные две форели
Иль два соцветия жасмина...
Мы оба стыли и горели.
Обоим разум страсть затмила.

По самым лучшим в мире тропам
До первых предрассветных бликов
Меня в ту ночь несла галопом
В огне безумья кобылица.

Тому, кто чтит в себе мужчину,
Хвалиться не пристало силой,
И повторять мне нет причины
Её слова и шёпот милый.

Мы расставались на рассвете,
В порядок приводя одежды.

Раскрыл обман, проснувшись, ветер –
Шепнул: «Надеждами не тешь ты

Себя на повторенье сказки,
Допустим, даже и любовной...»
Не хочется. Примешан к ласке
Во рту песок и скрип зубовой.

Я до сих пор слышу цыганом,
Хотя себя поэтом чую,
Поскольку с жизненным туманом
Кочую вместе и ночую.

Я поступил как должно было,
Ей преподнёс ларец в подарок.
Смотрел, как вдаль она уплыла,
Как воздух был от страсти жарок.

Себя сужу светло и строго
За встречу ту, за пыл ненужный,
Что привела меня дорога
В ловушку женщины замужней.

БАЛЛАДА МОРСКОЙ ВОДЫ

Море мятётся
У самой лагуны,
Как и придётся –
У смертной лагуны...

Девушка с грудью
Из розовой бронзы,
Не позабудь меня –
Двигутся грозы.

– Не позабуду
Юноша милый,

Радовать буду
До самой могилы.

Я ведь морскою
Торгую водою...
Ты же мирскою
Живёшь красотою.

Мать, слёзы тратишь
Над чьею бедою?
Горько ты плачешь
Морскою водою.

– Что за секреты
У влаги зелёной?
– Страстью согреты
Горько-солёной.

– Девушка, мне бы
Душой обогреться.
– Жду, чтобы Небо
Открыло мне сердце.

Море мятётся
У самой лагуны,
Как и придётся –
У смертной лагуны...

ПОМНИ

Когда умру,
С гитарой схороните
В песке речном.

И нити сердца
В небо протяните
В краю ночном.

Когда умру,
Свернусь во флюгер
В краю родном.

Спою к утру
Навстречу вьюге
Всё об одном.

С родимой крыши
И перед сном:
«Теплей и тише!..»

ТОПОЛЬ

Он постепенно сходит в тень,
Забыв про все шторма и ветер.
Но ветер стих, возник затем,
А тополь неизменно светел.

Мне вечер золотит ещё
Плечо и жизненные скрепы.
Но ощущаю горячо,
Что сам ношу венки из крепы.

Что скоро треснет старый ствол?
Потухнет слабенькая свечка.
Что положу судьбе на стол –
Своё пасхальное сердечко.
Немой мальчик
Мальчик собственный голос
Нащупывал в юных травах,
То есть сердца осколок
Видел слева и справа.

Я из этого голоса
Сделал бы нечто странное.
Чтобы не дыбились волосы
Меж веками и странами,

Чтобы, тоску прогоняя,
 Вдаль уходило отчаянье,
 Чтобы своими корнями
 В нас прорастало молчание.

Необъяснимо светлое
 Вместе с новыми ветрами.

* * *

Хочу на миг вернуться к детству своему,
 Потом себя надолго завернуть во тьму.
 И наконец хранить в себе пока
 Невыразимость краткую цветка.

РАФАЭЛЬ АЛЬБЕРТИ (1902-1999)

Крупнейший поэт и драматург Испании XX века, получивший огромное признание и у себя в стране, и в мире, даже в СССР. Он был награждён самыми престижными литературными премиями в ряде стран, а в нашей стране, страстным поклонником которой он был, отмечен Международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами». Однако его ни в коем случае

нельзя считать конъюнктурным, недостаточно талантливым поэтом, которого награждают по политическим мотивам. Альберти действительно был выдающимся литературным явлением. Он родился в порту Санта-Мария, и близость к морю стала силой, повлиявшей на его мироощущение и темы творчества. Уже первая книга «Моряк на суше» обозначала творческие приоритеты поэта, поскольку множество стихотворений было посвящено этой теме. Альберти начал свой творческий путь как художник, имел большой успех и какое-то время не мог определиться с выбором главного направления в искусстве. Но после переезда в Мадрид и вхождения в круг молодых авангардистов, он проникается ощущением, что поэзия отныне – главное дело его жизни. Он начинает печататься, получает известность, участвует в различных по-

литических акциях, и когда к власти приходит генерал Франко, активно выступает против его диктатуры. Вынужден был бежать от репрессий Франко в Париж, а оттуда в Аргентину. Жил в Чили, Аргентине, Италии и только через год после смерти диктатора вернулся на родину.

Альберти с молодых лет тяготел к левым идеям, и его вступление в Коммунистическую партию не кажется странным. В Испании коммунисты и социалисты традиционно сильны, и потому решение Альберти было ожидаемым. Он три раза приезжал в СССР – в 1932, 1934 и 1964 годах. В своём творчестве Альберти был скорее авангардистом и сюрреалистом, нежели представителем традиционных жанров. Это проявлялось даже в характере его дружеских пристрастий – среди его ближайших друзей были Гарсиа Лорка, Бунюэль, Пикассо. Они вместе основали знаменитое общество «Поколение 27 года». В него входила группа испанских деятелей искусства, пытавшихся соединить в своих эстетических взглядах народные традиции испанской лирики, учёность и лучшие достижения европейского авангарда (сюрреализм, кубизм, футуризм). Группа поддерживала Республику, но после гибели Гарсиа Лорки распалась. Альберти немалое время жил в Париже, где общался с Арагоном, Шагалом, Сюрпервьелем.

Особое место в поэзии Альберти занимает естественная для испанца тема корриды, ей посвящён целый ряд стихотворений. Ю. М. Ключников перевёл одно из них. Он сам написал целый цикл стихотворений об Испании и корриде, причём его взгляд на неё критичен по причине жестокости этого мероприятия. Но он использует корриду как метафору внутренней битвы человека со своим низшим я: в восточных духовных текстах бык символизирует низшую духовную природу человека.

БЕСЕДЫ О КОРРИДЕ

С БЫКОМ

*Несётся на арену он,
 Над ним
 Простор небес весёлый и широкий.
 Судьба быку отсчитывает сроки...
 Не соглашайся с ней, бычок,
 Бодни
 Погонщика, что движется поодаль!*

Не всё ль равно, где смерти остриё?
 Для жизни же потеха и свобода –
 Два разных измерения её.
 Всё повторится:
 Шпага занесётся,
 Ты рухнешь,
 А на ферме где-нибудь
 Телёнок подрастёт под жарким солнцем,
 Чтоб вновь проделать твой последний путь.
 Такая сказка никогда не кончится.
 И бык ревёт
 В слепую темень дня.
 И он бодает...
 Только не погонщика,
 Бодает он досадливо
 Меня.

С МАТАДРОМ

Дон Хуан, нынче день как парильня,
 Третий бык предстоит вам без смен.
 Задержались в пути бандерильи,
 Задержитесь и вы на момент.
 Пышет яростью потная туша,
 Ждут забавы и гранды, и чернь.
 Но подумайте,
 Может, не нужен
 Смертный иней бычиных очей?
 Месмерическим пассом надёжно
 Укрощает быка ваш платок.
 Вы – артист,
 Так не стоит, возможно,
 Прятать в складках коварный клинок?
 Удивлённо приподняты брови.
 Что за шутки!
 Да вы не спяна?!
 Эти зрители требуют крови.

– Что ж, кто жаждет,
 Получит сполна.

С САМИМ СОБОЙ

Я матадор. Я много лет в бою.
 И много лет быком почти прикончен.
 Корриду неприметную мою
 И главную едва ли кто захочет
 Увидеть.
 А мой враг, рога склоня,
 Всё ждёт, что оступлюсь я или струшу.
 Прыжок – и в сантиметре от меня
 Проносится нацеленная туша.
 Одно желанье в мире у него –
 Меня увидеть навшим и добитым.
 Но плащ пурпурный сердца моего –
 И вызов, и надежда, и защита.
 Одно желанье в мире у меня –
 Чтоб донимать желанья перестали,
 Ведь этот бык и есть другое «я»:
 Рога вражды и поле для ристаний.
 Схватились мы в бою, как два клинка,
 В неистовом, почти любовном жженье.
 И кто-то из двоих наверняка
 Не выдержит, падёт в изнеможенье.

С ПРОСТРАНСТВОМ

Всё «я» да «я». На белом свете
 Мне эти двое застыт свет,
 Который есть Великий Третий
 И Главный Я, когда их нет.
 Он не натуга, не неволя,
 Он возвращает нас вовне
 К улыбке пахаря на поле,
 К его упорству на войне.

Сочетание левых взглядов, искреннее желание поддержать устремления народных масс и в то же время поиск новых художественных форм, готовность к экспериментам – вот что составляло сердцевину творчества Рафаэля Альберти, талантливейшего поэта Испании, который создал множество прекрасных книг и пьес. Альберти был одним из немногих литературных модернистов, стихи которого взялся переводить Юрий Ключников, всегда ориентированный на поэзию в её классических формах.

РАНЕНЬИЙ

Положи на раненье платок
И мой лоб поцелуй, санитарка.
На прощание ласки глоток
Мне дороже любого подарка.
Кровью залиты плечи и грудь...
Попрощаемся... Дышится тесно...
Каплю сердца вложить не забудь.
Может быть, ненароком воскресну.

ЧЁРНОЕ МОРЕ

Ты действительно тёмное, Чёрное море,
В глубине твоей ярой вспухает мятеж.
Набухает прилив всенародного горя.
Наступает эпоха всеобщих надежд.
За хребтом Пиренеев мечты твои святы,
Как свою принимаем чужую судьбу.
Век двадцатый встаёт, год идёт его пятый,
Начинают матросы Одессы борьбу.
Чьи-то руки бунтарства могучее семя
Переносят легко в Андалузии грунт,
И теперь затевает своё новоселье
На испанской земле новоявленный бунт.
Нет, не Ленин принёс революции нравы –
Нам их Сид подарил на кастильской заре.*
Мы способны не только на бычьи забавы,
Но готовы к тяжёлой военной игре.

Я молюсь об одном. Те молитвы негромки:
Пусть в Испании бросит свои якоря,
Проплывая везде, броненосец «Потёмкин»,
Алым вымпелом грозно маня и горя.

ЯШМОВЫЙ КОНЬ

Лихие ветры поднимают пыль,
Взрывают тихое латинское пространство,
И конь из яшмы вновь копыта страстно
Вздымает, поднимая историческую быль.
Чуть яшмовый скакун встал на дыбы,
Как задымили злые фурии судьбы,
На горизонте европейском заблистали
Зигзаги частых молний и военной стали.
Ревут тритоны, эхо вторит тварям.
Морские волны горы трупов дарят.
А не отпетых душ хорал живой
Качается над нашей головой.
А по волнам несётся солнца шарик,
Вода по бухтам злобным вихрем шарит,
Рвёт удила свирепо море-конь,
И рвётся в небо яшмовый огонь.
Вода морская винным суслем бродит.
Забывший Бог, как гидроплан, приходит.

КОРРИДА

Висят бандерильи на шкуре быка.
Он землю копытами роет.
Драчливых страстей закипает река.
Арена болельщиков воеет.
Последний даётся торжественный знак
Притихшей толпе и квадрилье.*
Бык в ярости смотрит на толпы зевак,
Предчувствуя гибели крылья.
Закончены игры плащей и мулет.**

Назад уже нет больше шагу.
И гаснет в очах побеждённого свет –
Тореро вонзил свою шпагу.
Бык стоя со смертью встречаться привык –
Коррида не вышла из моды.
Кто пал на арену? Понятно, что бык
Животной и нашей породы.
Но можно поспорить, чья пала душа?
И видится ясно, чья нехороша...

ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКЕ, ПОЭТУ ГРАНАДЫ

Минуя в спуске города и сёла,
Мы, как олени горные с высот,
На солнцепёк Испании весёлой
Сошли, по-рыбьи разевая рот.
Мы заждались внизу небесной манны,
Нас манит пицца северных широт.
Из высей гор и горного тумана
Приди же в мой земной водоворот.
Ты для меня всегда был тем желанным
Глотком свободы, светом осиянным,
Несущим радость, волю и покой.
Позволь мне своим именем ответить,
Его поставить на воде, что ветер
Назвал со смыслом жизненной рекой.

VIII

Английская поэзия

(XVII в.)

Шекспир. Сидни. Чапмен. Бэкон. Марло. Донн

Английская литература и поэзия, которая создала множество шедевров, берёт свои истоки с очень древних времён, приблизительно с VII века. Но это были формы устной поэзии. За почти 14 веков английские поэты достигли высокого признания в Европе, а с расширением сферы английского языка – и во всём мире, ведь англоязычный мир сегодня – это и США, и Канада, и Австралия, и Новая Зеландия. Англия до сих пор настаивает, что Уильям Шекспир – лучший поэт мира, а значит здесь, в Англии, и лучшая поэзия на планете.

Историки литературы полагают, что самое первое поэтическое произведение Англии – это сохранившийся во фрагментах гимн о Сотворении мира, созданный поэтом-импровизатором Кэдмоном. Полностью сохранилось произведение героического эпоса «Беовульф», оно датируется с большим временным диапазоном – от 608 до 1000 года. в дальнейшем появлялось немалое количество эпических произведений, написанных на английском языке, с которым происходили метаморфозы. После того как Англию завоевали норманны, официальным языком парламента и общества стал французский язык, и только в XIV веке английский восстановил свои права. По-настоящему это произошло с появлением первых произведений Чосера – истинного основателя английского языка и поэзии.

Эпоха Возрождения в Англии наступила в начале XVI века и продлилась вплоть до Реставрации (1660). Её приближение ускорило мощное развитие английского военно-морского флота, экспедиции в дальние страны, а также церковно-религиозные процессы, приведшие к созданию англиканской церкви. Мощным импульсом к развитию английской литературы стало создание книгопечатания. Появились книги английских гуманистов, таких как Томас Мор, начали выходить переводы античной литературы, печатали свои стихи крупные поэты того времени Джон Скелтон и Томас Уайетт. Они сумели трансформировать сонеты Петрарки в стихи со своей национальной формой.

Особенно мощный скачок английская литература совершила в елизаветинское время в конце XVI – первой половине XVII века. Елизаветинский двор симпатизировал поэзии и создал исключительно бла-

гоприятную атмосферу для её расцвета. Писать стихи стало модно и престижно. Уильям Шекспир, поэты шекспировской эпохи Филип Сидни, Эдмунд Спенсер, Кристофер Марло, Фрэнсис Бэкон, Бен Джонсон, Джордж Чапмен, Мэри Сидни, Джон Донн сделали для развития национальной и мировой поэзии так много, как это, пожалуй, не сделала ни одна последующая поэтическая эпоха Англии. (В отдельной книге «Сонеты и поэмы Шекспира в переводах Юрия Ключникова» есть ещё стихи графа Оксфорда, Уолтера Рэли, Роберта Деверё, Елизаветы Сидни-Ратленд). Конечно, все они имели разные судьбы – так, поэзия Джона Донна была благополучно забыта и реабилитирована только в начале XX века, не без участия Томаса Стернза Элиота. Нельзя не сказать о великом поэте Англии Джоне Мильтоне, вошедшем в историю мировой поэзии с грандиозным полотном – поэмой «Потерянный рай», а также стихотворными призывами к свободе, отмене цензуры и активной гражданской позиции каждого человека. Уже с XVII века в английской поэзии появляется множество сатирических произведений – при парламентско-демократической форме правления граждане должны иметь право критиковать власть, которая таким образом выпускает пар общественного недовольства.

Дальнейшее развитие поэзии заключалось в смещении акцентов на чувства поэта и конкретику переживаний, включая место и время нахождения лирического героя. Не формальное воспевание прекрасных, но абстрактных садов, но конкретные пейзажи, где находится или бывал ранее поэт и где он что-то пережил и переживает. Это своего рода предромантическая поэзия, за которой в самом конце XVIII столетия пришёл черёд подлинной поэтической романтики. Самыми яркими представителями этого направления были Уильям Блейк, Уильям Вордсворт, Сэмюэл Тейлор Кольридж, Роберт Саути, Перси Биши Шелли, лорд Байрон, Джон Китс. Рождение английского романтизма часто связывают с публикацией в 1798 году лирических баллад Вордсворта и Кольриджа. Романтики были разочарованы классицизмом в поэзии, который, на их взгляд, не давал простора для воссоздания личных переживаний поэта. После того как они убедились в тщетности попыток решить мировые проблемы через внешнюю трансформацию условий жизни (к чему призывала Французская революция), их увлекло поэтическое освоение внутреннего мира человека. Появился новый культ Шекспира, которого представители «озёрной школы» открыли заново.

Романтики были противниками любых тиранов и выступали против угнетения свободы человеческой личности и против буржуазных идеалов. Не зря Джордж Байрон завершил свою жизнь практическим поступком романтика, уехав поддерживать греческое восстание за свободу, но умер от лихорадки. в дальнейшем романтизм был постепенно замещён реализмом. в английской прозе, которая расцвела в 1830–1840 годы это Диккенс, Теккереи, сёстры Бронте, Гаскелл, в поэзии – поэты-чартисты Эрнест Чарлз Джонс, Уильям Джеймс Линтон и Джеральд Масси (чартизм – социальное и политическое движение в Англии, предтеча социал-демократии, а главными жанрами чартистской поэзии можно считать марши, гимны, сатирические оды, эпиграммы). Но не они делали погоду на политическом небосклоне Англии.

Вторая половина XIX столетия вывела на поверхность совсем иные имена и тенденции в английской поэзии. Роберт Браунинг, Алджернон Чарлз Суинберн, Альфред Теннисо, Редьярд Киплинг – это поэты переходного к реализму этапа, которые (в разной степени) несут в себе заряд романтики прошлых веков, но отражают современную реальность с её драматическими событиями, интеллектуализмом, философскими раздумьями о сути бытия и психологизмом. Киплинг с его культом белого человека и могущества Британии и одновременно мастерски выстроенной лирикой стоит в этом ряду особняком.

В XX веке на дворе стоит совсем иная историческая (к тому же быстро меняющаяся) погода, которая вызывает к жизни новые тенденции. Интеллектуалы Томас Стернз Элиот и Уильям Батлер Йейтс, пацифисты Уилфред Оуэн и Зигфрид Сассун, имажинист и военный поэт Ричард Олдингтон и певец возврата к естественности Дэвид Герберт Лоуренс, поэт-коммунист, погибший в гражданской войне в Испании, – Джон Корнфорд и эротический эстет Уистен Хью Оден, изощрённая стилистка Эдит Луиза Ситуэлл и постмодернист и любитель Фрейда Дональд Майкл Томас – поэты совсем иной формации, чем все предыдущие поэты Британии. Многие критики полагают, что английская поэзия XX века и тем более её современные продолжатели в королевстве работают на совершенно иных творческих частотах, нежели русские поэты прошлого и настоящего.

Ю. М. Ключников выбрал для данного издания поэзию XVII века, которую он уже перевёл, когда работал над Шекспиром и Джоном Донном.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР (1564-1616)

Существует более пятидесяти версий, кем был на самом деле Шекспир – ведь убедительных доказательств, что Шекспир – это актёр Шакспер, практически нет. Наиболее распространёнными были гипотезы, утверждавшие авторство графа Оксфорда, Кристофера Марло, Фрэнсиса Бэкона, графа Ратленда и его супруги Елизаветы (версия И. М. Гилилова), совместного авторства философа Фрэнсиса Бэкона и поэта Роджера Мэннерса, Пятого графа Ратленда. Последняя показалась Ю. М. Ключникову самой убедительной. Но повторимся: утверждение, что Шекспир – это Бэкон + Ратленд – лишь версия, но версия хорошо обоснованная (в этом убеждает работа крупного шекспироведа М. Д. Литвиновой «Оправдание Шекспира»). Согласно Литвиновой, каждый из

этих авторов писал разные произведения шекспировского наследия, причём Бэкон преимущественно сочинял ранние пьесы, а вот сонеты и поэмы принадлежали перу Ратленда. Поэтому настоящий раздел в этой книге мы предпочитаем открывать не одним только хрестоматийным изображением Шекспира (на нём скорее всего актёр Шакспер, на авторстве которого настаивают многие современные шекспироведы), но и портретом графа Ратленда.

М. Д. Литвинова утверждает, что наставничество Бэкона обернулось для молодого Ратленда интересным предложением о сотрудничестве в области поэзии. Мэннерс пробует писать и создаёт две поэмы – «Венера и Адонис» (1593) и «Обесчещенная Лукреция» (1594), а примерно с 1592 года начинает писать сонеты. Впервые о Шекспире (правда, не называя его имя) в том же году упоминает Роберт Грин в своём памфлете «На грош ума, купленного за миллион раскаяния». Затем это имя появляется на обложке поэмы «Венера и Адонис». И. М. Гилилов утверждал, что само имя «Шекспир» (Shakespeare, «Потрясающий копьём») было студенческим прозвищем Ратленда. Потому появление этого имени на обложке поэмы «Венера и Адонис» выглядит вполне логичным: ставить свои имена на обложках книг ни Бэ-

кону, ни Ратленду было не с руки, литература, а тем более театр, в то время не относились к числу занятий, одобряемых для аристократов и людей, делающих государственную карьеру. Тогда, вероятно, принимается совместное решение о том, что вместо настоящего имени нужно воспользоваться псевдонимом. Попутно выясняется, что в театре, где идут пьесы, служит актёр, которого зовут почти также – Шакспер. Для Бэкона и Ратленда, стремившихся к шифровке всего, что они делают в литературе и театре, совпадение оказалось как нельзя кстати. Можно сказать, они «назначают» Шакспера (по-видимому, за неплохое вознаграждение) быть Шекспиром и относить готовые пьесы для постановки в театр, где он играл, а также выполнять различные поручения знатных образованных господ. Среди актёров того времени подобная судьба – большая редкость. Может быть, сам того не осознавая до конца (едва ли знатные господа посвящали актёра во все детали своего глобального плана), Шакспер участвует в своего рода «операции под прикрытием» тайной игры аристократов.

Сотрудничество графа Ратленда и актёра Шакспера продлится ещё долгие годы, причём даже после смерти Ратленда (его младший брат расплатился с Шакспером и Бёрбеджем за изготовление эмблемы со стихами).

Выдающийся поэтический талант Ратленда, проявившийся сразу, покорила Бэкона. И, скорее всего, вначале он предложил юноше сделать художественную обработку своих «Исторических хроник» и пьес. Ратленд блестяще справился с этим заданием и постепенно сделал вторые варианты многих пьес, наличие которых до сих пор вызывает недоумение у большинства шекспироведов, ведь вторые варианты существенно отличаются от первых.

Последние годы жизни Роджера Ратленда были омрачены нарастающими конфликтами с женой, тоже талантливой поэтессой, Елизаветой. в один момент всё благополучие семьи оказалось под угрозой – у Ратленда на любовном фронте появляется соперник. Шекспироведы до сих пор гадают, что за поэт выведен в десяти сонетах Шекспира – с 77 по 87. «Поэтом-соперником» оказался уже известный в ту пору, сопоставимый по дарованию с Шекспиром Джон Донн. Убедительные доказательства на основе анализа стихотворений Донна представлены М. Д. Литвиновой. Она реконструировала все эти драматические события по произведениям Шекспира-Ратленда и стихотворениям Донна.

Скорее всего, измены в прямом смысле не произошло: верная своим особенностям, Елизавета в последний момент уклонилась от настойчивых ухаживаний Донна. Хотя возможно, что их общение продолжалось. Но после того как поэт Бен Джонсон, с которым, как с другом семьи, Елизавета поделилась своим секретом, выболтал его другим лицам, находясь в подпитии, тайна вскрылась. Произошёл грандиозный скандал в семье Ратлендов – разъярённый муж выслал жену в один из своих замков. Какое-то время супруги жили отдельно и очень страдали от случившегося. Графиня Пембрук, тётушка Елизаветы, пыталась их примирить.

Вся эта история аллегорически отражена в «Честеровском сборнике», переводы из которого, сделанные Ю. М. Ключниковым, опубликованных в книге «Сонеты и поэмы Шекспира» (М.: Беловодье, 2020). Работа С. Ю. Ключникова «Бездонная тайна Уильяма Шекспира», составляющая часть этой книги, обобщает и развивает идеи М. Д. Литвиновой. Елизавета возвращается на время в родовой замок мужа Бельвюар, но потом следует новая ссора, и супруги расстаются навсегда. Ратленд, считая себя обманутым и опозоренным перед великосветским обществом и миром поэтов, принимает решение опубликовать сонеты. и те, кто в теме, могли прочесть всю драматическую историю отношений графа с Елизаветой из первых уст.

В 1609 году сонеты выходят в свет с посвящением неизвестному лицу, мастеру W. H. Хотя о реальном прототипе, стоящем за инициалами, идёт спор, большинство шекспироведов приходит к выводу, что они посвящены одному из братьев Елизаветы Сидни, Уильяму Герберту Пембруку, который был главным инициатором брака своей сестры с Роджером. Ратленд как бы показал ему: вот что в итоге получилось из его затей.

Историки литературы утверждают, что сонет как жанр лирической поэзии зародился в XIII веке в Италии. в XVI веке в Англии существовала группа поэтов (Г. Сарри, Т. Уайет, Ф. Сидни, Э. Спенсер и др.), которые ориентировались на поэзию Петрарки. Они попытались упростить итальянскую форму сонета, заменив её иной системой рифм (abab, cdcd, efef, gg). Шекспир, в ранний период своего творчества испытывавший определённое влияние этих поэтов, довёл эту форму до совершенства. Форма сонета предполагает обязательные четырнадцать строчек.

Однако переводческий опыт Ю. М. Ключникова и его пристальное изучение мировой поэзии убеждает в том, что стихи, состоящие из четырнадцати строчек, встречались в поэтических культурах куда раньше. При переводах трубадуров Прованса он сталкивался с четырнадцатистрочными стихами с опоясывающей рифмой, относившимися к древней разновидности сонета. При этом география таких протосонетов не ограничивалась Европой. Автору приходилось встречать очень похожие по форме стихи как в древнекитайской, так и в суфийской поэзии. Наверное, не зря наши поэтические предки находили что-то священное в самом числе четырнадцать, которое делится на две семёрки (сакральное число на Востоке), а в сумме составляет пятерку – число Совершенного человека!

Форма сонета диктует строгие правила, которые нельзя нарушать. Не стоит перечислять их, укажем только на норму слогов, которых должно быть 154. Шекспир, считающийся одним из главных «нарушителей правил» итальянского и французского классических сонетов, в данном случае попытался соблюсти эту норму через количество самих сонетов: их как раз 154. в те времена в Англии было принято писать сонеты как некую форму, в которой одна тема сменялась другой, но в итоге последняя часть объединяла обе темы в некую третью. Главными темами, интересовавшими Шекспира в сонетах, считаются любовь и дружба, время человеческой жизни, необратимо убывающее и ведущее человека к концу, и творчество, помогающее человеку обрести независимость от времени.

Шекспироведы посвятили множество работ действующим лицам сонетов. Наиболее распространённая точка зрения исходит из того, что их три – сам автор и поэт, влюблённый в женщину, женщина, выступающая в разных образах – то как чистейший образец любви, то как «смуглая леди», являющая собой тёмный полюс любви, и друг поэта. Ю. М. Ключников предполагает, что ещё одним адресатом сонетов был не кто иной как Господь Бог, которого Шекспир, скорее всего знакомый с суфийской традицией, возможно, зашифровал под именем Друг (а в суфизме Бога принято называть именно так). Сонеты Шекспира нередко называют учебником любви: Шекспир добился тончайшего уровня в анализе этого фундаментального человеческого чувства.

Несколько слов о работе с оригиналами, подстрочниками и поэтическими переводами сонетов Шекспира. Если в работе с суфийской и китай-

ской поэзией переводчик использовал подробные подстрочные переводы (поскольку не владел ни фарси, ни китайским языком) и неоднократно прослушивал стихи в исполнении чтецов и артистов на языке оригинала (чтобы лучше войти в поэтическую ауру иной культуры и эпохи), то при переводе английской и французской поэзии он работал напрямую с оригинальными текстами. Сонеты Шекспира поразили, по его собственному признанию, объёмностью смыслов. Четырнадцать строчек английского текста никак не вмещались в четырнадцать строк русского перевода. Сравнивая свою работу с работой предшественников, Ключников убедился: похоже, они испытывали те же трудности – невозможность вместить весь объём информации каждого шекспировского сонета в текст перевода. Он сравнил прозаический перевод сонетов, сделанный А. С. Шаракшанэ, с поэтическим. Русский вариант перевода по объёму информации примерно на одну треть превосходил оригинал.

Поэтическая и философско-этическая планка творчества Великого барда оказалось настолько высокой, что сонеты будут ещё долго привлекать внимание читателей и переводчиков.

В книге, помимо сонетов, представлено поэтическое творчество Роджера Мэннерса, Пятого графа Ратленда, а это поэтические переложения монологов, принадлежащих героям разных шекспировских пьес (Просперо, Гонзало, Гамлет, Тимон Афинский, Полоний, Жак), а также поэзия «второго Шекспира» – Фрэнсиса Бэкона (речь идёт о переложениях библейских псалмов – они идут под именем Бэкона). Есть ещё поэма «Жалобы влюблённой», которую учёные приписывают Шекспиру и которая, в контексте всего, что известно сегодня, видимо, принадлежит перу Ратленда – очень уж похожа история, излагаемая в поэме, на ту, которая произошла в его жизни. По сути дела, это поэма о грехопадении в западном прочтении, отличающемся от библейской версии тем, что не Ева соблазнила Адама, а новый Адам соблазнил Еву.

В антологии есть и стихи поэтов шекспировского времени – Филипа Сидни, Джорджа Чапмена, Кристофера Марло, Джона Донна. Их творчество составляет тот поэтический фон великолепного Елизаветинского века, на котором бриллиант шекспировской поэзии сверкает ещё ярче. Свои переводы стихов королевы Елизаветы I, Эдмунда Спенсера, Эдуарда де Вера (он же граф Оксфорд), Роберта Деверё (Второго графа Эссекса), Мэри Сидни-Пембрук, вошедшие в отдельную книгу «Соне-

ты и поэмы Шекспира. Поэзия шекспировской эпохи», в данную антологию автор не включил.

Подавляющее большинство стихотворений, опубликованных здесь, уже выходили на русском языке в исполнении других мастеров перевода. Ю. М. Ключников доверился выбору отечественных переводчиков и сознательно ориентировался на те произведения, которые стали классикой. Поэт признаётся, что в силу своего возраста и особенностей характера он совершенно не гнался за славой первооткрывателя, который переводит только то, что не переводилось никем. Гораздо важнее для него было передать те важные для него и, как он полагает, для читателей оттенки смысла, которые были, на его взгляд, недостаточно выражены другими переводчиками. Получилось это у него или нет, конечно, судить читателю.

ИЗБРАННЫЕ СОНЕТЫ

1

От всех существ мы продолженья ждём,
Чтоб роза красоты не исчезала
И, возродясь в наследнике своём,
Прекрасное цветенье продолжала.

Но ты, свой жар питая изнутри,
Повенчанный навеки с вечной Тайной,
Обилья красоты не раздари,
На голод не смени в игре случайной.

Ты сам, как и Природа, светишь нам
Весенней свежестью и красотой телесной,
Но, как скупец с транжирой пополам,
Не погуби себя в бутоне тесном.

Скупцом не поглотит весенний цвет,
В могильный мрак не унеси свой след.

7

Вот солнце утром всходит на востоке,
 Всеми живому радуя глаза.
 И, пробуждаясь, вечной жизни токи
 Устремлены, ликуя, в небеса.

Неспешно золотая колесница
 Свой ежедневный совершает путь.
 Лучи светила блещут, словно спицы,
 А к ночи солнцу надо отдохнуть.

Под облака ложится или в море,
 Чтоб завтра пробудиться поскорей,
 И оставляет на земном дозоре
 Жену-луну и звёздных дочерей.

Светилу золотому уподобься,
 Мир не оставь без сына и потомства.

32

Подумай, я ушёл в иную жизнь – не ты,
 И в памяти людской моё исчезнет имя.
 Читай стихи других и сравнивай с моими:
 Найдёшь, быть может, больше красоты.

Как драгоценность, те и эти сохрани:
 Поэзия не есть соревнованье –
 В ней чувств и душ живое узнаванье
 И сердца неподкупные огни.

Перо растёт в созвучье с каждым веком,*
 Враждебность уменьшая на пути,
 А сочинитель остаётся человеком,
 Себя вчерашнего стараясь превзойти.

Важны и чувства, и сонеты тоже,
 Любовь, однако, мастерства дороже.

54

Неоспорима и желанна красота,
 Прославлена во всех мирах, как роза.
 Недолговечна, ненавязчива, чиста,
 Шипы – её невинная угроза.*

Есть у похожего растения шипы,
 Но лишено оно прелестной стати,
 Не стало потому избранником судьбы,
 Как роза, и сосудом благодати.

Людьми ценима роза с давних пор
 Изяществом своим и ароматом,
 А место для шиповника – забор,
 Хотя считается её законным братом.

Тебе же, друг, назначен розы путь,
 Ты правдой и стихами в нём пребудь!

60

Как волны, ударяясь в камни, гаснут,
 Уйдя в забвенье волею Творца,
 Так и минуты чередой напрасной
 Приходят к неизбежности конца.

Едва дитя становится мужчиной
 И успевает долг исполнить свой,
 Как чертит лоб морщину за морщиной,
 А голова становится седой.

Сметает всё удар кривой косы
 Твоей, о Время! Вот удел живого.
 Но драгоценны творчества часы,
 Не умирают красота и слово.

И красота твоя в моих стихах
 Останется, не превратится в прах.

65

Поскольку даже горы и леса
 Меняет и уничтожает Лета,
 Как уцелеет дивная краса
 Недолго нас чарующего лета?

Никак не может Времени сундук*
 Сберечь живую прелесть нежной розы,
 И скалы каменные чувствуют испуг,
 Когда подземные толчки несут угрозы.

Пугающий финал! Но как же сохранить
 Священной Красоты волшебный камень?
 Как дальше оберечь святую нить,
 Сокровища хранящую веками?

В поэзии течёт спасительная кровь,
 Алхимия чернил спасёт мою любовь.

66

Устал от жизни. Смерть зову как отдых.
 Брести нет мочи по земной тропе
 И видеть подлость в одеяньях модных,
 И благородство в нищенском тряпье,

И совершенный Лик в пренебреженье,
 И женскую поруганную плоть,
 И недостойных славы возвышенья,
 И нашу немощь низость побороть,

И хор невежд, слыvuщий мудрым клубом,
 И смешанное с кровью серебро,
 И простодушие, названное глупым,
 И злом порабощённое добро.

Устал смертельно. Всё покинуть хочется.
 Но как Любовь оставлю в одиночестве?!*

77

Морщины зеркало нам показать грозит,
 Часы – минут утрату: век наш краток.
 Страница белая пускай отобразит,
 Души твоей правдивый отпечаток.

Могилу вспомнить зеркало зовёт,
 Смерть значит бытия перемещенье,
 А стрелок бег – былым утратам счёт
 И к вечности высокой возвращенье.

Сам в Книгу Бытия вписать спеши
 Судьбы и дел забытые страницы.
 Они, как дети любящей души,
 Тебе в веках позволят сохраниться.

Часы и зеркало – страницам придадут
 Свет вечности и отблески минут.

97

Разлука показалась мне зимой,
 Хотя была в иное время года.
 О, этот холод, пережитый мной!
 О, раненного сердца непогода!

Дни утопали в солнце, всё цвело,
 Но дождь в душе накрапывал печальный,
 Осенней поступью брело моё отчаянье.
 Не чуял я цветенье и тепло.

Листва не шелестела для меня,
 Не вторили певцу с деревьев птицы.
 Погасший факел твоего огня
 Предстал, как лик стареющей вдовицы.

А ветра свист, раздавшийся во тьме,
 И блеклый лист напоминали о зиме.

106

В старинных хрониках находим описанья
Отважных рыцарей и благородных дам –
Поэтов прошлого баллады и сказанья
Свои заветы передали нам.

Искали авторы – сказители историй –
Земной пример нетленной красоты,
Который всех чудес небесных стоит,
Тот идеал, что нам являешь ты.

И, восхваляя образцы иные,
Твой образ в них пророчески нашли,
Но все слова, звучавшие впервые,
Достигнуть идеала не смогли.

Стихи мои, увы, не исключенье –
Где силу отыщу для восхищенья?!

128

Когда играешь ты на клавесине,
Мне кажется, играет херувим.
Как удаётся грубой древесине
Стать зеркалом таинственным твоим?

Такое человеку невозможно –
Столь совершенно подражать богам!
Я дереву завидую безбожно,
Что прикасается к божественным перстам.

Мечтаю (о, не надо улыбаться!),
Ещё одно святое чудо сотвори –
Как клавишам ты даришь свои пальцы,
Так поцелуй мне нежный подари.

Да не покажутся мои желанья грубы –
Игре себя отдай, мне уступи лишь губы.

144

Любовь и страсть во мне заключены,
И обе претендуют на верховность.
Любви душа и преданность нужны,
А страсти – ненасытная греховность.

Мужчина ясноглаз и белокур,
А женщина черна, как подземелье.
И наш прислужник, маленький Амур,
Навязывает двум хмельное зелье.

В том зелье демон свил своё гнездо.
Пускай люблю, а ты другого любишь.
Гляжу и не пойму, какой бедой,
Какой ценой своё ты счастье купишь?

Итак, не знаю, что случится впредь,
Боюсь, что ангелу придётся умереть.

МОНОЛОГИ ПРОСПЕРО ИЗ ПЬЕСЫ «БУРЯ»
(Вольное переложение)

Первый монолог

Сей мир, подобно призракам бесплотным,
Куда-то исчезает, как туман.
Но всяк в нём оставляется голодным
На перемены зрелищ и обман.

Хоромы царские и сумрачные храмы,
Цветы весенние, и горы под луной,
И даже весь великий шар земной –
Всего лишь акты бесконечной драмы.

Мы во Вселенной все сотворены
Из вещества, что дым и наши сны.

Второй монолог
 О духи рощ, озёр и речек горных,
 Чьи на земле невидимы труды!
 Вы побыстрее ласточек проворных.
 Нигде не оставляете следы.

Вы – эльфы, но ведь ваши хороводы
 Вытаптывают склоны грузных гор,
 В морях и реках обновляют воды,
 Дням и ночам выносят приговор.

Вы слабы, но владеете умением
 Помочь мне солнце наземь опустить,
 Поднять волну, во тьме грибы взрастить,
 Внушить надежду праведным знаменем.

Я дал огонь громам и бликам молний,
 Ущелья в водопады превратил,
 Чудовищ злых сонмы укротил
 И оживил словами мир безмолвный.

Всё совершенством магии своей
 И вашей силой. Но отныне каюсь.
 И возвращаюсь на простор полей,
 От магии могучей отрекаюсь.

Лишь музыка торжественная – щит –
 От бедствий нашу землю защитит!

МОНОЛОГ ГОНЗАЛО (Вольное переложение)

Когда б мне дали во владенье землю,
 Я все порядки бы на ней сменил:
 Создал, во-первых, бы одну большую семью –
 Разрозненных людей объединил,

Убрал бы деньги, запретил торговлю,
 Чиновников и судей упразднил.
 Любому бы возвёл бесплатно кровлю,
 А бедолаг бездомных не казнил.*

Никто бы не заботился о пище –
 Кормила бы природа-мать народ.
 А он, не разделённый на господ,
 Владеющих богатством, и на нищих,

Не знал бы пушек и стальных мечей,
 Договоров и права на наследство,
 Парламентских двусмысленных речей,
 Не сторонился бы опасного соседства.

Не ведал бы измен, предательств, смут –
 Всё, что гнетёт на свете человека...
 Тогда бы воссиял над миром труд,
 Затмивший славу золотого века.

МОНОЛОГ ГАМЛЕТА

(Вольное переложение)

Быть или не быть – вот жизни суть.
 Что лучше: сгинуть мирно под ударом,
 Как кролик, зачарованный удавом?
 Или удар обидчику вернуть?

Зачем? Конечно, проиграть в итоге
 В борьбе со снами, сонмом передраг.
 Ведь тлен земной – неотвратимый враг –
 Нас ждёт всегда в конце любой дороги.

Бездействие заводит в дебри зла,
 А мысли – в паутину колебаний.
 Бывало, что в раздумьях погибали
 Великолепные и славные дела.

Как очевидность иногда невыносима,
И как она бывает тягостно длинна!
Забиться бы в объятых сладких сна!
Хотя страшит неведомая сила.

Уснуть и видеть светлые мечты,
Какие людям обещают святцы, –
Просветы рая среди адской тьмы...
По-разному картины смерти снятся.

Нас в трусов превращает новизна
Той жизни, что считается небесной.
Возможно, мы окажемся над бездной,
Где райская не скоро ждёт весна.

Самоубийство – слишком лёгкий выход
Покинуть мир торговцев и вельмож,
Неправедных судов, случайных выгод,
А главное – обитель подлых рож.

Никто не знает, что на новом свете,
Каким окажется потусторонний дом,
Что за виденья новосёла встретят.
Ведь все находимся в неведенье слепом:

Решимость умереть колеблет мысль,
Сомненья нас удерживают страстно –
Уйти навеки в тёмное пространство.
Твердим себе: «Согнулся – распрямись!»

Офелия, божественная нимфа!
Склонись в молитве нежной надо мной,
Грехи страдальца твоего омой
Священным светом золотого нимба.

МОНОЛОГ ТИМОНА АФИНСКОГО

(Вольное переложение)

Здесь хватит найденного золота вполне,
Чтоб чёрное притворно сделать белым,
Послать с депешей черепаху на коне,
Трусливого мгновенно сделать смелым.

Вернуть солдату неживому шлем,
Красу желанную – убогому уродцу...
Но, боги, боги, не могу понять, зачем
Вновь привели к безводному колодцу?!

Проценты, знаю, не упустит чёрт
И от соблазна сам на миг не вздрогнет,
Потом за прегрешенья сунет счёт,
Контракт небесный навсегда расторгнет.

Благословит проказу и чуму,
Застелет голову туманом серым,
Заявит: ум народу ни к чему,
Лишённого ума назначит пэром.

Металл поганый, сгинь скорее с глаз!
Ты – главная причина и зараза,
Которая в могилу сводит нас.
Освободи от плена и от сглаза!

Сам сделать это не могу, не скрою.
Поэтому опять сокровище зарюю.

НАПУТСТВИЕ ПОЛОНИЯ ЛАЭРТУ ПЕРЕД ЕГО ОТПЛЫТИЕМ

Тебе давно уж, друг мой, в порт пора,
На шее паруса повис работы ветер,
И мачты начали скрипеть ещё вчера,
Спешу к ним, помня о моём завете.

Держи подальше мысль от языка,
Ещё от дел пусть ясных, но поспешных.
Будь прост, но не слыви за простака.
Друзей своих, действительно безгрешных,

Прикуй цепями к собственной душе.
Публично никогда в грехах не кайся.
С людьми будь ласков и настороже.
Конфликт уладь, других остерегайся.

И если уж ввязался – целься в глаз,
Да так, чтобы ослеп он на победу.
Всем жалуй ухо, лишь немногим – глас.
Чужие слушай, собственному следуй.

Шей платье подороже, без затей,
Сидишь ли дома, посещаешь страны.
В долг не бери, не траться на гостей –
Всё потеряешь: друга и карманы.

А главное, не потеряй свой путь,
Удаче личной неизменно верен будь.
Тогда покорны станут ночи и восходы.
Прощай! Тебя вверяю божествам погоды.

МОНОЛОГ ЖАКА
ИЗ КОМЕДИИ «КАК ВАМ ЭТО ПОНРАВИТСЯ?»

Весь мир театр, и люди в нём актёры.
Ждём выхода, чтобы, играя роль.
Потом её покинуть в час, который
Ни шут не знает точно, ни король.

Семь актов пьесы. в ней младенец каждый.
Он мучит мать, ей, бедной, невтерпёж.
Потом школяр, в ком нет ученья жажды,
Бредущий в школу с ленью слушать ложь.

Затем любовник, распеваящий баллады,
Вздыхающий, как в печке домово́й.
Солдат-задира, всё ему сражаться надо,
Для славы рисковать бездумной головой.

Ещё судья с брюшком, подобным груше,
Где мигом за присест скрывается каплун.
Да ладно жареный, но ведь бывает хуже –
Когда наказан праведник и радуется лгун.

Шестой период, он подобен Панталоне,
Его отличие – широкие штаны.
В них ноги этого красавца не видны,
Столь высохшие на житейском склоне.

И украшение штанов – большой кошель,
Перед которым все склоняют шеи.
Хозяин молодых способен гнать взащей.
Да силы нет. Просители свежее.

И, наконец, последний в пьесе акт:
Куда-то пропадем без наследства.
Но перед этим – несомненный факт –
Впадаем снова во второе детство.

ЖАЛОБЫ ВЛЮБЛЁННОЙ

(Поэма)

С горы слышалось подобие напева,
И эхо тотчас повторило звук.
В нём не было ни ропота, ни гнева –
Тоска лишь бесконечная. и вдруг
В себе я сам почувствовал недуг,
Увидев, как жена срывает перстни
И в воду их швыряет, напевая песни.

* * *

На голове соломенная шляпка
От зноя. Но, конечно, не спасла.
В платок бедняжка кутается зябко,
Так, словно, от невидимого зла.
Хранят черты прелестного чела
Следы недавно прерванного счастья,
Развеянного бурей в одночасье.

* * *

Несётся шустрый рядом с ней ручей,
Зато неспешны женщины движенья.
Застыла скорбь на дне сухих очей.
Продуманы прощальные решенья:
Она воде вверяет украшенья
Рассудку здравому и нравам вопреки.
Берут же ни за что ростовщики!

* * *

Бумаги рвёт, их медленно прочтя,
А то не глядя опускает в воду.
Надеется, возможно, на природу,
Как верит матери невинное дитя,
Ещё не обретя желанную свободу:
Пуškai не здесь, но в будущем ином
Найдётся для мечты законный дом.

* * *

Придерживая свой последний свиток
И не стирая с глаз остатки слёз,
Не прекращает женщина попыток
Себя подставить под раскаты гроз,
Убрать из сердца путаницу «ниток»,
Рвёт на клочки оставшийся листок,
Его кидает в ледяной поток.

* * *

Старик, в былом хозяин дум девичьих,
Бретёр, гуляка, хваткий дуэлянт,
Познавший пустоту желаний птичьих
И получивший в старости талант
Прозренья, проходил в ту пору рядом.
Сказал, окинув деву быстрым взглядом:
«Брось в воду покаянья адамант».

* * *

Она ответила: «Великодушный старец,
Прости меня, я, видишь, молода,
Чтобы раскаянья сладчайшая вода
Омыла раны. Все они остались.
Но верю: грудь освободит беда
И прикоснётся к ней Святая Милость,
Какое бы несчастье ни случилось.

* * *

Так выслушай. Однажды мне пришлось
На тропах жизни человека встретить.
С ним много ветров резких ворвалось
В судьбу мою. Он сделался в ней третьим.
Носил волну каштановых волос.
И в этом мире, горестном и пресном,
Мог показаться ангелом небесным.

* * *

Был незнакомец Богом одарён
Не только своим видом, но и нравом.
Мне думалось, что мною покорён.
Наездником прослыл, по слухам, бравым,
Считался воином и другом нелукавым.
И я поверила, что отыскала в нём
Своих надежд и упований дом.

* * *

Наружно юн, но становился мужем,
 На подбородке обрастал пушком.
 С услугами бритья ещё не дружен,
 Зато с мечом и порохом знаком.
 Читл безупречно рыцарский закон,
 Был благороден и манерами, и телом.
 Слова его не расходились с делом.

* * *

Умён казался, на язык остёр,
 Мог погасить любую злую тему,
 Горячий дым преобразить в костёр,
 Ромашку подарить, как хризантему,
 Или надеть молчанья диадему.
 Чем подчинял влиянью своему
 Мужей, превосходящих по уму.

* * *

А те, кто в светской жизни куролесил,
 Завидовали завистью немой
 И похвалялись: «Вот знакомый мой,
 Который неизменно мил и весел,
 А стало быть, я тоже интересен».
 Так делаемся очень часто вдруг
 Владельцами несвойственных заслуг.

* * *

И вот, химер начитанных рабыня,
 У полудетских снов ещё в плену,
 Решила я, что для него – богиня,
 Затеяла всерьёз сердечную войну,
 Не сознавая, что могу пойти ко дну.
 Наука плоти и наука сердца –
 Не значит, что они единоверцы.

* * *

Я в отношениях себя считала госпожой,
 Не делала ни скидок, ни уступок
 Ему и плоти, коей редкий кубок
 Ласкать не должен чейто взгляд чужой,
 Тем более – владеть моей душой.
 Дала зарок: мужчине не позволю
 Навязывать желанья и волю.

* * *

Проходит каждый сам познания путь.
 Кому нужны рецепты и примеры?!
 Решаем часто в сторону вильнуть
 Там, где развилка у неверия и веры.
 Притягивает запах адской серы...
 А если слышим разума совет,
 Ему упрямо отвечаем – нет.

* * *

И мудрость в книгах разгребая чью-то,
 В себе её не видим даже часть.
 Когда внезапно бешено и круто
 Влюблённого охватывает страсть,
 Душа готова в ноги ей упасть,
 Смирняя сердца царственную гордость, –
 Так Бог нас проверяет на пригодность.

* * *

Я понимала хорошо: хотя он юн,
 Однако рано обучился искушеньям.
 И как любой мужчина – в страсти лгун,
 А как поэт – живёт воображеньем.
 Я видела за каждым ухищреньем
 Его открытый сладострастный взор,
 А за узором клятв – дурной позор.

* * *

И долго отбивала страстные атаки.
Тогда он тактику любовную сменил:
Сыграл ловца, заблудшего во мраке,
Стал робок и поюношески мил.
Во мне живую жалость пробудил
Своим неловким поведением ловеласа,
Где якобы любви не знал ни часа.

* * *

Шептал он: «Сострадание яви
К ошибкам моего дурного детства.
Я ничего не понимал в любви,
Не накопил в ней ни гроша наследства.
В тебе одной нашёл святое средство,
Неповторимый понял счастья вкус
И сбросил с плеч невыносимый груз».

* * *

«Мои истории, о коих ходят слухи, –
Он продолжал, – бывали и не раз.
О ловкости любви твердят старухи,
Когда своя – отвортила глаз.
Обычно люди к состраданию глухи.
Сил нет соседу бросить добрый взгляд –
Заботы собственные плечи тяготят».

* * *

Настойчивый малопонятный шёпот
Меня всё больше влёт к его руке.
Он, как рыбак, ловил мой юный опыт,
А я, улейкой плавая в реке,
Всё чаще повисала на его крючке.
Когда боишься в отношениях ошибиться –
Подальше уходи от любопытства.

* * *

Он говорил: «Все девы, встреченные мной,
Не тронули меня и ничего не дали.
Могла ли внешность быть тому виной
Или душа? Я понимал едва ли.
Тебя же встретил – мне явились дали,
Раскрылись уголки сознания моего...
Кроме тебя одной не надо ничего».

* * *

Дарил подарки, говоря: «За годы увлечений
Я дань собрал от подданных своих:
Вот дочь морских тропических течений –
Жемчужина, я посвятил ей стих.
А вот рубин, в нём крови цвет затих,
Бурлившей некогда отчаянно и смело.
Она сегодня в камне откипела.

* * *

А это локон чисто золотой,
В нём стать живая всё ещё ютится –
Звено, связующее нашу правду с той,
Где ей дана возможность воплотиться
И крылья обретает Фениксптица.
К несчастью, все подруги прежние мои
На миг не отрывались от земли.

* * *

Вот бриллиант – светлей слезы невинной.
Вот изумруд, где пыл души потух,
Вернуть он может с точностью старинной
Поникший от невзгод зелёный дух.
А вот сапфир – в нём синевы небесной круг,
Нас от забот житейских уводящей».
Затем вручил камней роскошных ящик.

* * *

И завершил свой увлекательный рассказ,
 Подробно описав сокровищ свойства
 (Где ни намёка на любовные геройства),
 Венком таких, меня смутивших, фраз:
 «Приду душой я в полное расстройство,
 Коль от меня не примешь этот дар,
 Как красоте твоей оправу и алтарь».

* * *

Как удавались ловеласу дифирамбы!
 Он льстил: «Ты заслужила все мои стихи
 И обратила обыденность в ямбы,
 Проказы юности бывлые – в пустяки.
 Они, как дым вчерашний, истекли.
 Отныне навсегда покончу с ними,
 Прославлю лишь твоё, о королева, имя».

* * *

Рассказывал: «Взгляни на этот амулет –
 Принадлежал монахине, нестарой.
 Покинула она девицей шумный свет.
 И что? Пополнила число моих весталок.
 Ты спросишь о причине – груз усталый
 Своих вериг снести бедняжка не могла,
 Невинность словно в жертву принесла.

* * *

Разубеждал: «Ты видишь – бесполезно
 Бороться с тем, что в нас вложил Творец.
 Любовь не спрятать в камере железной,
 И не прельстит её изысканный дворец.
 Я вовсе не назойливый хвастун или гордец,
 Мечтающий склонить к паденью крепость,
 Но целомудрие твоё – одна нелепость.

* * *

Друг с другом не случайность нас свела,
 Но все описанные в Книге чудосказки.
 Любви не требуются мифы и подсказки –
 Любовь сама во всей Вселенной создала
 Творца и творчество, мелодии и краски,
 И нет сильнее ничего в крови,
 Чем благотворная религия Любви.

* * *

Подумай же, в тебе так много силы,
 Что и церковные святые родники,
 И камешки мои ты в сердце поместила,
 Добытые со дна той чувственной реки,
 Где все сомненья, ой, как нележки.
 В моих речах ты видишь лишь коварство –
 Они от целомудрия лекарство.

* * *

Твоё вниманье я привлёк не потому,
 Что более всего люблю свободу
 Или что уповаю на дурную моду,
 Столь свойственную светскому уму.
 Я не подумаю сослаться на природу.
 Ты знаешь без меня – Любовь преобразит
 Всю нашу жизнь: сомненья, муки, стыд.

* * *

Те женщины, что были у меня в вассалах,
 К тебе взывают из залитых кровью ртов:
 “Наш дух рождён не в театральных залах,
 А нрав к учтивым рассуждениям не готов.
 Любовь – не милая тропинка из цветов,
 Но тернии, ловушки и капканы,
 А главное – бесчисленные раны”».

* * *

Он говорил: «Ты превратила в бастион
Святое чувство, потому душа страдает
Не столько от любви, как от препон.
Себе придумала таинственный закон,
Теперь душой твоей владеет он:
Мол, крепость сердца некто осаждаёт.
Ты защищаешься, а чувство увядает.

* * *

Волшебной силой ты наделена.
Все девы до тебя моё поили русло.
Отныне же душа тобой покорена,
К себе вернула ты обманутые чувства.
В том вижу безыскусное искусство.
Гордись же красотой таких побед –
От всех печалей пропадёт и след».

* * *

И завершил: «Прощай моя свобода!
В душе остался твой прекрасный тлен.
Нам простодушная, но властная природа
Свой ненавязчивый навязывает плен,
Диктует властно время перемен.
Я по тебе вздыхаю тоже тяжко,
Как по любви упрямая монашка.

* * *

Ты взгляд горячий сердцу послала,
Рука моей легонечко коснулась –
И больше не нужны ни жесты, ни слова,
Желание в крови тотчас проснулось.
И всё забыв, беспamięтно волнуясь,
Всесильную любовь я стану ждать
И поторапливать иную благодать».

* * *

Умолкнув, бросил взгляд, похожий на петлю,
В нём слёзы (я попала в хитрую ловушку).
Так не одну ловил он, видимо, подружку
На безошибочный крючок: «Тебя люблю».
Потом пристёгивал к своим трофеям тушку.
История пришла из глубины веков:
Возник пред Евою Адам – и был таков.

* * *

В нём жил, конечно, несомненный дар,
Каким владеют гениальные актёры.
Рот источал целительный нектар,
Глаза же выдавали – волк матёрый.
Меж нами часто вспыхивали ссоры,
Но он умел их жар гасить всегда
Словами – как в ручье журчащая вода.

* * *

Мой образ мыслей подчинял невольню,
Как и монашке, напуская сладкий дым.
Да и со мной, скорее, вёл не войны,
Но делал вид, что я воюю с ним:
Осаду вёл с напором молодым,
Ввергал себя порою в униженье
И выиграл в конце концов сраженье.

* * *

Когда страстям мы волю отдаём,
Нет места добродетельным советам.
Так чистота снегов не дружит с летом,
А пыл души несовместим со льдом –
Сердечные дела решаются вдвоём.
И удивительно – любви предубежденья,
Грехи и боли нам приносят наслажденья.

* * *

Мог покраснеть, а после побелеть,
 Ещё через минуту розово зардеться.
 Тесна ему была артиста клеть,
 Умел, как уж под вилами, вертеться.
 Я чувствовала – некуда мне деться.
 Его искусный сатанинский дар
 Невольно и во мне зажжёт пожар.

* * *

И подхватил меня сочувствия прилив,
 Помноженный на тягу к обольщенью.
 Наряды и бельё с нагого тела сбыв,
 Я уступила девственность прельщенью.
 Так нам Овидий указал на превращенья.
 И потомуто мой хранимый долго пыл
 Ему во благо шёл, меня же он сгубил.

* * *

При этом сердце его было в стороне
 От всех страстей и даже от расчётов,
 Как будто им водил незримый кто-то.
 Любовь не есть предмет игры вдвойне:
 Всегда не знаем тайну нечета и чёта.
 И не спасает душу от опасных дум
 Блудливый и в сомненьях вечных ум.

* * *

«Отец, как имя беспощадной власти,
 Нас побеждающей сильнее всех царей?
 Что даже не подобье пылкой страсти,
 Но крепко вложенный инстинкт, скорей.
 Выдерживаем шторм любых морей
 И вдруг сдаёмся на любовные рыдания –
 Мы не выносим милых глаз страданья.

* * *

И прячет правду Красоты одежда
 Своим убранством чистым и простым.
 Но простота всегда слаба надеждой,
 Что непременно прилетит к ней херувим.
 Кто в юности не ждёт, что будет он любим?
 И я сдалась...Отец, вопрос стучится:
 Что будет, коль такое вновь случится?

* * *

О чудозвуки о Любви звучащих фраз!
 О краски щёк, желающих сближенья!
 О свет, горящий жадной страстью глаз!
 Как может напугать вас чьёто устрашенья?
 Вы власть сплели Природы и воображенья,
 Сладчайшее блаженство и горчайшую беду.
 Отец, что делать мне, коль снова я паду?!»

ФИЛИП СИДНИ (1554–1586)

Филип Сидни – блестящий поэт елизаветинской эпохи, проживший короткую, но очень яркую жизнь. Аристократ, племянник графа Лестера. Окончил Оксфордский университет. Был дипломатом, выполняя поручения английского двора, три года прожил во Франции, где, будучи протестантом, чудом уцелел во время Варфоломеевской ночи. Имел сложные отношения с королевой, которая то удаляла его от двора, то снова приближала, но, несмотря на разногласия, ценила Сидни. Возглавлял сообщество поэтов «Ареопаг», в которое входили такие известные поэты Англии как Эдмунд Спенсер, Эдвард Дайер, и покровительствовал поэтам. Был участником литературного салона своей сестры Мэри, позднее ставшей графиней Пембрук. Сидни был женат на дочери государственного секретаря и руководителя секретной службы королевы Елизаветы, его карьера шла блестяще, он заседал в парламенте. Много путешествовал, проехал Францию, Германию, Польшу,

Венгрию, Чехию, встречался с европейской знатью – Карлом IX, Генрихом Наваррским, Маргаритой Валуа (королевой Марго), Джордано Бруно, которому посвятил сонет.

По духу Сидни был авантюрным человеком. Придворная жизнь казалась ему скучной, и он едва не отправился с адмиралом Фрэнсисом Дрейком в пиратскую экспедицию. Но королева послала его в Нидерланды на войну. Филип Сидни много воевал, руководил королевской конницей, назначался губернатором завоёванных территорий. Во время одного из сражений был тяжело ранен, получил заражение крови и умер. Свидетели его смерти утверждают, что он, истекающий кровью и томимый жаждой, отдал последнюю воду раненому солдату со словами: «Ему она нужнее».

Героическая смерть сделала поэта национальной легендой, его похороны имели королевский размах. Популярность Сидни была очень высока – до Шекспира он считался лучшим поэтом Англии, сочетающим в себе аристократические качества, бесстрашие и поэтический талант.

В поэзии он сделал очень много – был крупнейшим лириком своего времени. Почитая Петрарку, он в какой-то степени модернизировал форму сонета, введя в него живые диалоги, юмор, парадоксы. Таким образом, он подготовил почву для Шекспира, отвергнувшего петраркизм. Переводил на язык поэзии псалмы, но успел завершить только 43 псалма, а остальные 107 перевела его сестра Мэри Сидни. Его высокое почитание поэзии как средства нравственного воспитания человека, более эффективного, чем скучный морализм, воспринималось в тогдашней Англии далеко не всеми. Руке Сидни принадлежит трактат «Защита поэзии», ставший знаменем для всех тогдашних стихотворцев. Образ поэта как соавтора Природы был чрезвычайно привлекателен и давал мощный импульс для развития литературы в целом. Считается, что этот благородный и утончённый человек оказал огромное художественное влияние на Шекспира, а также на Эдмунда Спенсера и Бена Джонсона.

СОНЕТ 1

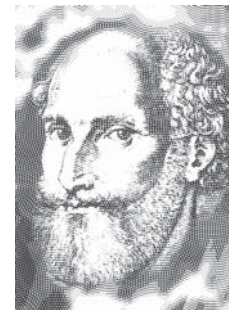
Мечтал любовь запечатлеть в стихах,
Любимую свою пленить их строем,
Добиться поцелуя на устах,
На языке молвы прослыть героем.

И думал: может быть, поэт другой,
Невольно проявив ко мне участие,
Потоком слов остудит разум мой,
Разгорячённый ярким солнцем страсти.

Но сил своих не рассчитал поэт,
Напрасно по чужим следам шагая,
В отчаянье перо своё ломая, –
И Муза вдруг прислала мне совет:

«В чужих словах ты правды не узришь,
Но сердце слушая, шедевры сотворишь».

ДЖОРДЖ ЧАПМЕН (1559-1634)

Джордж Чапмен – английский поэт, драматург, участник «Честеровского сборника», переводчик «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, переводил также Гесиода, Ювенала, познакомив английскую читающую публику с шедеврами Античности. Происходил из простой семьи, поступил в Оксфордский университет, где изучил древние языки. Вошёл в кружок Уолтера Рэли, писал пьесы, работал на Филипа Хенслоу, владельца театра «Роза» и конкурента труппы, членом которой был Шакспер. Посетил испанские Нидерланды, объятые пожаром революции. Быстро получил известность, но познал не только славу, но и гонения. Поэт даже посидел в тюрьме – как за сатиру против шотландцев, которые наводнили Лондон и королевский двор после воцарения на троне короля Якова, так и за неоплаченные долги. Был душеприказчиком Марло после его смерти и даже дописал его неоконченную поэму «Геро и Леандр», правда, по качеству дописанные фрагменты существенно уступают тексту Марло. Увлекался историей Франции. Писал трактаты, где развивал тему ценности духа, порядка в жизни и душе человека.

Помимо трагедий, Чапмен сочинял и стихи, но всё же главный его вклад в английскую литературу – переводческая деятельность. Некото-

рые шекспироведы высказали предположение, что он и был тем самым таинственным поэтом-соперником, о котором говорит Шекспир в своих сонетах. Другие считают, что это вряд ли возможно: очень уж разные у этих поэтов «весовые категории». Чапмен умер в бедности, его могила в Лондоне сохранилась.

ИЗ ПЬЕСЫ «БЮССИ Д'АМБУА»
(Отрывок)

Природой правит не рассудок – хаос.
Здесь всё изменчиво и всё наоборот.
Как только власти твердь заколыхалась,
Возьмёт бразды правления народ.

Нет, не рассудок – случая тщета
Даёт свои жестокие уроки:
Богатство портит, только нищета
Обязывает зла найти истоки.

Природе власть неравенства чужда,
Вельможам часто шапка не по чину,
И монстр на троне – общая беда.
Во властолюбии мы видим зла причину.

Иной тиран горшок пузатый лепит
Из самого себя, как Божий дар.
Людей без пользы загоняет в трепет
Такой несостоявшийся гончар.

Корона, что талантом обеднела,
Глядишь, на пальцы дует – жар обжёт.
Фортуне до лжеца какое дело –
Глядишь, на свалку вышвырнут горшок!

Кумиры ненадёжны, как известно,
Особо если хрупок пьедестал.
Встал новый идол на пустое место,
Когда маячить прежний перестал.

Жизнь человека – на ветру свеча.
Немного стоит личная отвага
Того, кто, цепи алчности влача,
Уходит в море на добычу блага.

Он может опоясать шар земной,
Со штормами успешно побороться
И нищим возвратиться в дом родной,
Сигналя – бедолаге нужен лоцман.

Там не в почёте чин или богатство,
Почтение к ним знают только здесь.
Конечной гавани не следует пугаться –
Везде важны достоинство и честь.

Все люди на земле пока что дети.
И лоцман одинокий – добродетель.

ФРЭНСИС БЭКОН (1561-1626)

Фрэнсис Бэкон – величайший мыслитель, историк, политик, государственный деятель, литератор. Основоположник эмпиризма как направления философии. На протяжении всей своей жизни старался воплотить в жизнь свой восходящий к античным представлениям идеал советника при государе, чем объясняется его стремление к политической карьере. с 1617 года – лорд-хранитель Большой печати, позднее – лорд-канцлер, барон Веруламский и виконт Сент-Олбанский. Автор ряда блестящих афоризмов, один из которых «знание – сила» даже вошёл в советскую систему просвещения. Согласно версии шекспироведов-бэконистов, Фрэнсис Бэкон и есть подлинный Шекспир. М. Д. Литвинова считает, что Бэкон имел прямое отношение к имени «Шекспир», только не единолично, а вместе с Роджером Мэннерсом, Пятым графом Ратлендом.

Родился в 1561 году в английской придворной семье. Его отец, Николас Бэкон, – один из самых высокопоставленных вельмож в Англии,

лорд-канцлер и лорд-хранитель Большой печати королевства. Семья была в родстве с самыми влиятельными людьми страны, поэтому детство Фрэнсиса прошло под постоянные разговоры о большой политике. с ранних лет он имел возможность бывать при дворе, общаться с королевой. Отличался хорошими манерами, воспитанностью и целеустремлённостью.

Весной 1573 года мальчика посылают учиться в Тринити-колледж в Кембридж. Здесь обучались в основном молодые аристократы, рассчитывавшие в будущем получить какие-либо государственные должности, а университет к тому времени уже начал приобретать светский характер. Биографы Бэкона пишут, что он питал стойкую неприязнь к философии Аристотеля, которой пичкали учащихся, но жадно изучал многие другие науки. Прочувшись три года, Бэкон отправляется во Францию, где в основном проводит время, изучая культуру, язык и литературу этой страны. Сильнейшее впечатление произвела на него авангардная деятельность поэтов «Плеяды», стремившихся создать поэзию, достойную новой Франции. Фрэнсис также мечтал о поэзии «более возвышенной», стиль которой соответствовал бы её более высокому складу и назначению. в дальнейшем он приложил много усилий, чтобы и в Англии этот жанр литературы стал столь же авторитетным.

Через два с половиной года ему пришлось срочно вернуться на родину из-за внезапной смерти отца, не успевшего оформить младшему сыну наследство.

Начав свою юридическую карьеру, он постепенно переключается и на политическую, просветительскую и литературно-философскую деятельность. Затем Бэкон избирается в нижнюю палату Парламента, где проявляет себя как яркий и глубокий оратор, способный увлечь аудиторию пламенными речами, убедительно отстоять свою точку зрения. Иногда он шёл даже против мнения королевы, чем на несколько лет настроил её против себя. Редкие заседания в парламенте давали возможность заниматься другими видами деятельности. Бэкон был старшиной юридической корпорации, королевским советником, предпринял попытку стать генеральным прокурором Англии, однако попытка не удалась. Позднее Бэкон становится наставником сразу нескольких молодых людей из великосветских семей. Среди них мальчик, которому будет суждено стать вторым участником «шекспировского проекта», – Роджер Мэннерс (Пятый граф Ратленд). Известный шекспировед

М. Д. Литвинова, версию авторства Шекспира которой переводчик в целом принял, утверждает, что Бэкон начинает работать с ним как литературный наставник, знакомя юное дарование с основами художественного мастерства. Роджер под кураторством Бэкона пишет поэмы «Венера и Адонис» и «Обесчещенная Лукреция», принимает участие в работе над «Историческими хрониками». Возникают два варианта этих хроник – бэконовский и переписанный Ратлендом. Затем творческий дуэт приступает к работе над пьесами. Мы точно не знаем, как была организована их совместная работа, но можно предположить, что в ряде случаев Бэкон писал первый вариант пьесы (некоторые были им написаны ещё до знакомства с Ратлендом), а литературно одарённый Ратленд занимался шлифовкой, доводя материал до блеска.

В 1601 году в неудачном бунте Эссекса против королевы принимает участие и Роджер Ратленд. Бэкону, понимающему всю безнадёжность ситуации, ничего другого не оставалось, как выступить в суде с резкой критикой Эссекса как организатора восстания. в книге «Оправдание Шекспира» М. Д. Литвинова доказывает, что Бэкон пошёл на этот спорный с моральной точки зрения шаг не из соображений выгоды, а для спасения Ратленда, которому также грозила плаха. Он решился на это, поставив при этом на кон свою честь, понимая, что Ратленд – гениальный самородок и что для Англии эта потеря будет невозполнимой. Можно только восхищаться бэконовской интуицией: ведь ещё не были написаны великие трагедии.

К концу века Бэкон постепенно отходит от литературного проекта. Ратленд блестяще справлялся с сочинением пьес, а честолюбивый Бэкон, не привыкший находиться на вторых ролях, сосредотачивается на государственной службе, а также на своих научных и философских программах. Он приступает к работе по классификации наук и обдумывает идею создания братства учёных для решения, по его замыслу, грандиозных задач во имя процветания человечества. Пьесы под именем «Шекспир» продолжают идти на сцене.

После смерти Елизаветы, при короле Якове, дела Бэкона продолжают неуклонно идти в гору. в весьма почтенном возрасте он женится на молодой и состоятельной девушке. Затем его производят в рыцари, позже он получает должность штатного королевского адвоката, становится регистратором Звёздной палаты и наконец – лорд-канцлером. Он многое делал на своём посту: помогал принятию новых законов, смяг-

чающих жёсткость королевской политики по отношению к гражданам, и всячески содействовал просвещению.

В течение многих лет Бэкон работал над созданием фундаментального труда «Новый Органон», который вышел в свет в 1619 году. Однако в тот самый момент, когда философ находился на гребне славы, судьба нанесла неожиданный сокрушительный удар: он был обвинён (причём несправедливо) в коррупции. Во время расследования уязвлённый Бэкон не захотел защищать себя и, как следствие, был снят со всех должностей, лишён права заседать в парламенте, занимать государственную должность, у него была изъята Большая печать. Он был заключён в Тауэр, на него был наложен штраф в 40 000 фунтов. Правда, через несколько дней король штраф отменил, выпустил из тюрьмы и даже разрешил бывать при дворе. Но Бэкон до конца дней больше не заседал в парламенте, оставаясь в статусе свободного философа.

Бэкон умер в 1626 году, простудившись во время научного эксперимента. Англия в дальнейшем высоко оценила его заслуги перед страной. В 1662 году была создана Академия наук, «королевское общество» в честь Бэкона во исполнение его завещания. Сегодня Бэкон считается второй по значимости фигурой в Англии после Шекспира.

Приводимые здесь переводы псалмов на английский язык, сделанные Бэконом, дают представление о нём как о поэте. Это творение крупного учёного, торжественно говорящего с читателем возвышенным слогом. А как, собственно, можно по-другому переводить Библию?! с позиции русской поэтической традиции Бэкона как поэта, можно с некоторой натяжкой сопоставить с Вл. Соловьёвым и В. Брюсовым. Бесспорно, культура его стиха отличается довольно высоким уровнем, но очевидно, что без Ратленда с его гениальным лирическим темпераментом, сонеты Шекспира едва ли смогли бы уверенно занять пьедестал мировой поэзии. Важно отметить, что Бэкон внёс элемент личных размышлений в переведённые тексты, сделал вольный перевод – правильное сказать, переложение библейских псалмов – в чём можно легко убедиться, сравнив их с подлинником, который философ любил называть Книгой. Обратим внимание на то, что это последнее произведение Бэкона, написанное в 1625 году, за год до смерти. Как один из авторов Бэкон принимал участие в «Честеровском сборнике» (стихотворения, подписанные именем «Уильям Шекспир»), а также – вместе с Ратлендом – в создании первых семнадцати сонетов.

Несколько слов о 104-м псалме из Библии в стихотворном переложении Бэкона, переведённом им с латыни на английский язык, который Ю. М. Ключников перевёл на русский. Он значительно отличается по содержанию и по форме от канонического церковного. в библейском оригинале 45 строк, у Бэкона их 116. Вариант Бэкона содержит также сведения о Сотворении мира, почерпнутые в Торе (Пятикнижии), чего в церковном тексте псалма нет.

«Книга книг» переводилась много раз и существует сегодня в культуре практически всех народов Земли на их родных языках. Переводы делались с двух языков: греческого – так называемая Септуагинта (с греч. – «перевод семидесяти толмачей») и латинского – Вульгата (с лат. – «простонародная»), представляющая собой перевод с арамейского, выполненный блаженным Иеронимом Евсевием. Первый перевод Септуагинты был осуществлён ещё в III–I вв. до н. э., канонический текст Вульгаты сложился окончательно лишь к XVI в. Со временем греческий и латинский языки стали малодоступными, потому ещё в Средние века возникла необходимость перевода Библии на национальные языки. в католических, потом протестантских странах за основу была взята Вульгата, в православных – Септуагинта.

Фрэнсис Бэкон, граф Ратленд, графиня Пембрук и другие участники шекспировского окружения стали, по мнению М. Д. Литвиновой, пионерами последующего перевода Библии с латинского на английский. (С латинским текстом работал Бэкон.) Отсылаем интересующихся к специалистам. Но кое в чём читатель может убедиться сам, сличая текст Бэкона с русской Библией. Критически о поэтической вольности великого английского учёного и поэта говорить не хочется – это поистине шекспировские темперамент и размах. Автор переводов в меру сил постарался всё это передать. Количество строк сохранил, бейты (двустипшия) превратил в более удобные для русского слуха катрены. А самое главное, пытался передать дух современности, к чему стремились все английские поэты елизаветинской поры, и отразить присущий Ветхому Завету дух жёсткого непримиримого отношения к врагам, проявившийся в 136-м псалме.

Невозможно не выразить восхищение религиозным бесстрашием Фрэнсиса Бэкона: он рискнул оригинально осмыслить Библию. Спустя два с лишним века такой шаг повторил, как мы знаем, Лев Толстой. Последствия известны. Наш гений остался в мировой мысли не только

как историософ, но и как великий еретик и «зеркало русской революции»; английский – как творец индуктивного метода познания и возможный соавтор «Гамлета».

ПСАЛОМ CIV (104)

Отец и Царь того, что в мире есть,
Владыка также Высшего над нами,
Спустившись вниз, Ты оказал нам честь,
Прикрыв своих наследников крылами.
О чудесах Твоих псалмы поём.
Узрев Тебя, ресницы зло смыкает.
Ночная тьма мгновенно поникает
При утреннем дыхании Твоём.
Глаза к Тебе мы поднимаем, Небо,
Живущие на горестной земле.
Взываем неизменно: «Дай нам хлеба!»
Разыскиваем к Свету путь во мгле.
Над головой Твоей подобие короны
Из солнечных сияющих лучей.
Они дерев пронизывают кроны,
Бросают искры в реку и в ручей.
Твои просторы украшают птицы,
А проплывающие в небе облака,
Несут росы целебные частицы,
В них отражаются и годы, и века.

Неслышно ангелы незримые поют,
Покорные Твоей священной воле.
Целительный бальзам на землю льют,
Врачуют саранчой погубленное поле.
Своей могучей и всезнающей рукой
Из Хаоса велел явиться тверди.
Снабдил планету красотой такой,
Что не подвластна времени и смерти.
Потоп всемирный как-то захотел
Младенца-землю поглотить водою.
Ты справился с нахлынувшей бедою –

Волнам пришлось уйти за свой предел.
И головы холмов от сна очнулись,
И воды берегами потекли,
И доли под лучами встрепенулись
И жизненную радость обрели.

К воде привык простой и знатный люд.
Необходимость в ней имеет каждый.
К жару песков приученный верблюд –
И тот способен умереть от жажды.
Дождь нужен всем: лесным богатырям,
И маленьким цветам, и низким травам,
Животным, птицам, скалам, и полям,
И нам в сей жизни правым и неправым.
Ты щедро шлешь и воду, и еду,
И тяжкий труд, и праздное томленье,
И на дурные головы беду,
И от неё даруешь избавленье.
Покажет солнце ясноглазый лик
И скроется за тучей быстротечной.
Ты порождаешь каждый светлый миг
И каждое мгновенье тьмы конечной.

В ненастье насылаешь лёд и снег,
Удары молний и раскаты грома.
От них спасается бедняга-человек
Под кровлей прохудившегося дома.
Бежит от непогоды, лжи и зла,
Спасенье ищет в маленькой пещере.
Но где, кого из нас она спасла?
Находим утешенье только в вере.
Трудиться слабым людям ежечасно,
Свой хлеб растить и собирать плоды
Ты заповедал человеку властно
И платишь изобильно за труды.
Твой глас нам шепчет тихое прощенье
За все грехи и малых дел тщету.

Готовим на земле себе отмщенье
Мы сами – Ты рождаешь красоту.

Ты изливаешь в щедрости могучей
Лишь то, что надо человеку дать.
Твоих несчастий горестные тучи
В конце концов приносят благодать.
Делами славными и грозными Твоими
Любуются в душе и раб, и царь.
Твоё сокрытое в глубокой тайне Имя
Зовёт безгласно умирающая тварь.
Дневное солнце и изменчивые луны
Равняются на Твой незримый Лик.
Ты шторм на море укрощаешь вмиг,
Жильцам его настраиваешь струны.
Они на компас Твой плывут в туман,
Выныривают радостно на воздух.
Воистину Ты им живой Левиафан,*
Не дремлющий на солнце и при звёздах.

Ты, Боже, подарил нам чудо-жизнь,
Где пропитанья всё живое ищет.
Любая тварь нужду имеет в пище,
Беспомощные руки тянет ввысь.
Откроешь длань, и милость – вот она!
Бери, какой душа захочет мерой.
Ладонь сомкнётся – мера та скудна,
Но, кроме хлеба, существуем верой.
Живая искра теплится везде,
Есть Божий дух у каждого творенья.
Отец Небесный светлое горенье
Зажёг в пылинке малой и в звезде.
Всё движимо Твоим дыханьем вещим,
Всё бездыханное уходит с наших глаз.
Одно лишь Слово порождает вещи.
Умолкнешь Ты – пыл угасает в нас.
И только снова Слово выдыхая,

Ты открываешь миру суть его,
Где буква каждая, дурная и благая,
Твоё нам знаменует торжество.
Добро и зло в одних полях пасутся.
Задача наша – смыслы различать.
Величье Бога не понять безумцу,
Со слов не снять их тайную печать.
В великом милосердии, в печали
Царит Закон, верша дела свои.
Задуманное Господом в Начале
Исполнится в сиянии Любви.
Свобода, обещающая совершенство,
Пока нас только к бездне привела.
Дождёмся долгожданного блаженства!
За всё Тебе хвала, хвала, хвала!

ПСАЛОМ СХХV (125)

Когда вернётся к нам Господь опять,
А мы воскликнем: «Добрый и могучий,
Пошли нам снова щедро благодать –
Твои тепло и холод, свет и тучи.
Спаси от заблуждений лживого ума,
Какими был наказан некогда язычник.
Да сгинет навсегда египетская тьма
И мрак её капканов непривычных!
Ты вызволил из плена свой народ.
Ему послал обильные щедроты,
А также славных дел круговорот,
Великие невзгоды и заботы.
Всё так. Благодаренье шлём в ответ
И пыл сердец, горячий и любовный.
О Господи, расторгни плен духовный! –
Иных молений в сердце ныне нет». –
В тенетах зла до времени блуждая,
Мы верим, что отыщем путь к Нему –
Единственному Сердцу и Уму.
Он отзовётся, счастьем награждая.

КРИСТОФЕР МАРЛО (1564-1593)

Знаменитый английский драматург, поэт, основоположник жанра высокой трагедии Возрождения, а также секретный агент, входивший в круг подчинённых шефа тайной спецслужбы Фрэнсиса Уолсингема. Кристофер Марло, живший в эпоху Шекспира, был ярким, колоритным человеком. Несмотря на простое происхождение, ему удалось подняться к вершинам славы. Его

отец был мастером цеха сапожников и дубильщиков, почётным гражданином города. Он хотел, чтобы его сын получил хорошее образование, и устроил его в Королевскую грамматическую школу в Кентербери, где талантливых детей простолюдинов обучали за счёт церковных приходов. Уровень образования в этой школе был очень высок: она находилась под покровительством королевского двора, туда приезжала даже королева Елизавета.

Марло продолжил образование в Кембридже, в университетском колледже Тела Христова, готовясь к духовной карьере. Вскоре он стал ездить за границу для выполнения различных поручений тайного ведомства. Марло рано начал писать и проявил большие способности к сочинению пьес. Его самые знаменитые произведения – драмы «Тамерлан», «Мальтийский еврей», «Доктор Фаустус» (эту пьесу позднее очень высоко оценил Гёте). Они имели шумный успех: Марло привнёс в драматургию и поэзию много неожиданного и нового, создал иной тип героев, ввёл белый стих, начал говорить более свободно, нежели его предшественники.

Известно, что у Марло есть строки, образы и выражения, которые позже, в немного изменённом виде, встречались у Шекспира. К единственному объяснению этого факта шекспироведы ещё не пришли, но напрашивается предположение, что мыслитель (Бэкон) и драматург могли сотрудничать. У Бэкона, после возвращения из Франции и изучения творчества поэтов «Плеяды», появилась идея, что Англии нужен крупный национальный поэт, и он, по мнению М. Д. Литвиновой, мог иметь на Марло соответствующие виды. Вполне возможно, что его грандиозные исторические поэмы появились на свет не без влияния самого образованного человека Англии тех лет, знатока национальной и мировой истории – Фрэнсиса Бэкона.

Совпадение отдельных строчек и образов у Марло и Шекспира породило множество предположений и версий. Самая распространённая – что Марло и есть истинный Шекспир, и он вовсе не был убит, а бежал за границу и оттуда переправлял написанные пьесы в Лондон. Конечно, всерьёз её мало кто рассматривает, ведь пьесы Шекспира выходили после смерти Марло ещё 20 лет. Но сторонники этой идеи до сих пор есть. Марло жил, как будто шёл по лезвию бритвы. Он выполнял многие шпионские функции и задания в ведомстве Уолсингема, считался человеком нетрадиционной ориентации. Умер, получив в драке смертельный удар ножом в глаз. Марло оставил после себя замечательные драмы, поэмы и стихи. Кое-что из них Ю. М. Ключников переложил в русской поэтической метрике.

ИЗ ПЬЕСЫ «ГЕРО И ЛЕАНДР»

Без песни лира непременно заржавеет,
А дева без мужчины отцветёт.
Свою невинность, вероятно, соблюдёт,
Но красоту наверняка развеет.

Кто изумруду предпочтёт гранит,
Когда кристалл имеет цену всюду?
Но скряга камень втайне сохранит,
Ведь скупость для него подобна чуду.

Себя обычно умножает плод,
Когда становится под осень урожаем.
Но дом, куда забит надолго вход,
Гниением и разрухой угрожаем.

Ты, Геро, истощишь себя напрасно!
Ведь быть одной для женщины опасно.

Жалеет пищи для себя скупец,
Но ты грешна ещё сильнее скряги,
Достанется богатство наконец
Его потомкам, не служа бедняге.

Ты ж, затая все прелести свои,
 Не поделившись драгоценным жаром,
 Так снизишь цену всей земной любви,
 Что ею боги завладеют даром.

И тут начнутся в Поднебесье склоки,
 И развернётся бездна Пустоты,
 О, как об этом пожалеешь Ты –
 Ведь без любви мы в мире одиноки.

Любовь судьбою послана самой,
 Нельзя на свете, Геро, быть одной,

Ведь без мужчины красоты росток
 Не вырастет в прекраснейший цветок.
 О Геро, ты послушай мой совет,
 Коль нет мужчин, то женщин тоже нет.

ВЛЮБЛЕННЫЙ ПАСТУХ СВОЕЙ НИМФЕ

Моей возлюбленною будь –
 И мир природы нашим станет!
 Цветами твой украшу путь,
 Ты очаруешься звездами.

Введу в святилища свои,
 Там лишних слов двоим не надо.
 За них ночами соловьи
 Споют влюблённым серенады.

Из множества цветов сошью
 Чарующее покрывало.
 Венок из роз к ногам пошлю,
 Коль скажешь, что нарядов мало.

Из шерсти, взятой у ягнят,
 Свяжу я шаль тебе на случай...

Не шли мне только зимний взгляд,
 Отказом пастуха не мучай.

Пусть вьюн твой опояшет стан,
 Украсят янтари застёжки.
 Приди к возлюбленным местам,
 Найди любимые дорожки.

Пастушкам, хочешь, я велю,
 Чтоб спели нам и станцевали.
 Скажу, что я тебя люблю.
 Но ты услышишь ли?.. Едва ли.

ИЗ ПЬЕСЫ «МАЛЬТИЙСКИЙ ЕВРЕЙ»

(Вольное переложение)

Я – дух Макиавелли и себя ценю.
 Хотя везде дурные слышу мненья.
 Отлично знаю, что не раз на дню
 В мои заглядывает недруг сочиненья.

Читает потому, что манит трон,
 Мечтает силой обуздать верхушку.
 Не ставит таковой ни в грош закон
 И Церковь почитает за игрушку.

По мне незнание – настоящий грех.
 Чего бы Цезарь знаменитый стоил,
 Когда бы не нарушил право всех
 И власть Сената не переустроил?

Стране нужны порядка знатоки
 И сами составители закона.
 Но все устои лишь тогда крепки,
 Когда надёжны зубы у дракона.

Пусть думают – Макиавелли мёртв,
И что душа его за облаками.
Мой дух, подобно стали, вечно твёрд,
Наука же моя о власти – камень.

Сюда явились неизменные друзья.
Возможно, я кому-то ненавистен.
Всем, как известно, угодить нельзя,
Тем более творцам фальшивых истин.

Но у друзей защиту обрету.
Пусть глядят трагедию, насупясь,
Оценивают смыслов правоту.
Грех, повторяю, – человечья глупость,

В которую наш мозг ещё не вник.
Взгляните в небо на летящих птичек.
Им незнакома тягота привычек
Судить ружьё, стреляющее в них.

Что говорить про тираническую ярость,
Владевшую душой былых владык!
Был страшен в Древней Греции Фаларис,
Когда в него вселился медный бык.*

Он подданных в горячем чреве жарил,
Имел такую по легенде страсть,
И сам себя фантазией ужалил,
Когда тирану срок пришёл пропасть.

Я – дух Макиавелли, облетевший свет.
В Британию явился лишь на время,
Представить итальянского еврея
И знания, каких у бриттов нет.

Как получить наследное богатство,
Как счастье в этой жизни обрести,

Как обойти закон и святотатство,
В почёте оставаясь и в чести.

Мои ходы житейские живучи,
Как дух к мальтийцу и сегодня вхож,
Повадками на образ сей похож
И помогаю разогнать любые тучи.

ДЖОН ДОНН (1572-1631)

Крупнейший английский поэт, основоположник и яркий представитель метафизической школы, современник Шекспира, проповедник, настоятель лондонского собора Святого Павла, автор многих любовных стихотворений, сонетов, эпиграмм. Помимо стихов, прославился тем, что, приняв сан, произносил страстные религиозные проповеди. Они сохранились для потомков

и сами по себе являются замечательными литературными памятниками и свидетельством глубокой религиозной образованности проповедника.

Джон Донн родился в купеческой семье, по материнской линии был родственником драматурга Джона Хейвуда и правнуком знаменитого философа-утописта Томаса Мора. Рано остался без отца, но мать быстро вышла замуж за Джона Симинджеса, президента Королевской медицинской академии. Семья была привержена католической вере и по материальному достатку относилась к среднему классу. Мальчику дали прекрасное образование: уже в детстве будущий поэт знал латинский и французский языки. Окончил школу первой ступени при Оксфордском университете, затем Тринити-колледж в Кембридже, а также адвокатскую школу Линкольнс-Инн.

В силу своего строптивного характера Джон отказался принимать присягу при получении дипломов этих заведений и остался недипломированным специалистом. Во время учёбы и сразу после неё много времени уделил развлечениям и путешествиям по Испании, Италии, Франции, где продолжил изучение языков. Отдал дань и морским путешествиям – пиратским экспедициям Уолтера Рэли, причём однажды вместе с Ратлендом и Эссексом. На пути к Азорским островам их ко-

рабль попал в сильный шторм, который позже Джон Донн воспел в великолепной поэме (её перевод есть в этом сборнике).

Джон Донн очень нравился женщинам и сам был любвеобильным человеком, что порой доставляло ему большие неприятности. Работая секретарём у лорд-хранителя королевской печати Томаса Эджертона, Донн, вместо того чтобы воспользоваться этой ситуацией в карьерных целях, тайно женился на его племяннице Анне Мор. Узнав об этом, отец Анны пришёл в ярость и добился заключения Донна во Флитскую тюрьму. Только через год суд подтвердил законность этого брака, отец смирился с новым родственником, но отказался дать дочери приданое. Семья жила бедно, дети рождались каждый год, материальные трудности накаляли семейную атмосферу, и Донн, как многие мужчины в таких ситуациях, искал утешения на стороне. в тот период он особенно не задумывался о возможных страданиях оставленных женщин и предавался своим страстям. У него случилось несколько романов, отголоски которых можно найти в его любовной лирике.

М. Д. Литвинова, внимательно изучившая его творчество, пришла к выводу, что у него были отношения (чисто эмоциональные, почти платонические) с графиней Ратленд. Она подробно описала, как пришла к этому выводу во время пребывания в США, где изучала шекспировские архивы:

«Я читала и перечитывала стихи Джона Донна, его сонеты, песни, элегии. и мне открывалась сила его чувств к замужней женщине, его нежность, восхищение, отчаяние. Он уверен – она своей славой затмит Сивилл и тех женщин, без которых не было бы Пиндара, Лукиана и самого Гомера. Читала, и от сочувствия моё собственное сердце обливалось кровью. Взяла в местной библиотеке несколько книг о лирике Джона Донна, потом Гюссэ «Жизнь и письма Джона Донна». Оказалось, не только я услышала затаённый трагический плач в его стихах. Критики были разные – несентиментальные мужчины, проникательные женщины. и все в один голос утверждали – Донна, точно молнией, поразила любовь, не имевшая ни малейшей надежды на успех, правда, обещавшая поначалу быть ответной. и я стала думать, кто же она. У Джона Донна вызвать такое чувство могла только незаурядная женщина. Судя по некоторым строкам, она и сама поэтесса. Круг сразу сузился. Женщин-поэтов, подходящих Донну по возрасту, было тогда всего две, одна из них – Эмилия Ланьер, автор поэмы «Славься, Иисус». И. М. Гилилов высказал хорошо аргументированное предположение, что Эмилия Ланьер – это графиня Ратленд. А Рауз опо-

знал в ней Смуглую Леди сонетов, но имя на титульном листе принял за чистую монету. Зато доказал, что книга Эмилии и шекспировские сонеты сочетаются, точно петля с крючком. и тогда я взялась за сонеты Шекспира. Да, Рауз прав. Книга «Славься, Иисус», бесспорно, ответ «Сонетам», пьесе Бена Джонсона «Эписин, или Молчаливая женщина», связана она и с «Жертвой любви» Честера. и похоже, что именно поэтические сборники «Славься, Иисус» и «Жертва любви» – ключи к известному портрету молодой красивой женщины начала XVII века, висящему сейчас в гостиной Уолзи, в Хемптон-хаусе. На нём она держит над головой стоящего рядом оленя венок из анютиных глазок, а внизу справа виньетка, в которой меланхолические стихи, полные страдания, стиль и тон стихов «Эмилии Ланьер». и в них слова из комедии «Как вам это понравится?» – «плачущий олень». Рой Стронг предположительно опознал в ней мать графини Ратленд. Нет, это не мать, не тот у матери был нрав. А вот дочь вполне может быть, лицом она на неё похожа, но характер был совсем иной. Сходный с тем, что художник передал на портрете.

Вот оно что, неужели Донн полюбил жену самого Шекспира? Да, было отчего впасть в отчаяние. Читая стихи Донна, полные безысходности, я была на его стороне. Но, вникнув в найденные позже подробности, приняла сторону Ратленда. Негоже подглядывать в щёлку чужой семейной жизни, но Ратленд в минуты безумного горя сам широко распахивал двери. Ему ничего не оставалось делать, он ведь был на виду у всех. А не уразумев взлётов и падений этой любовной великой трагедии, нельзя понять ни творчества Шекспира, ни стихотворений Донна, ни смысла последних пьес Бена Джонсона и многих других авторов. По-видимому, она нашла отзвук и в романе странствий Джона Барклая «Аргенис». и мне стал понятен перелом в жизни Джона Донна, понятна причина глубокой депрессии, в которую он впал, вернувшись осенью 1612 года из заграничной поездки, куда уехал осенью 1611 года, когда жена ждала седьмого ребёнка. Младенец тут же после родов умер.

Вторая половина его жизни, после душевного кризиса 1612–1614 годов, закончившаяся принятием сана в 1615-м, как будто принадлежит другому человеку»*.

Это можно проследить по таким его стихотворениям, как «Любовная наука», «Канонизация», «Ревность», «Экстаз», «Вечерня в день святой Люции». в стихотворении «Ревность» есть конкретные строчки, обращённые к графине и её больному мужу, который как раз передвигается

по дому в инвалидной коляске, и есть некая ирония по отношению к нему (Ратленду): молодой Джон Донн был насмешлив и порой жесток. в стихотворении «Любовная наука» есть строки, из которых видно, что опытный ловелас Джон Донн безуспешно пытается обучать неопытную женщину любовным умениям. У Шекспира эта ситуация отражена в целых десяти сонетах (с 77 по 87), где появляется образ поэта-соперника, и в которых он с грустью отмечает, что его сонетный слог, возможно, несколько старомоден (действительно, стиль Джона Донна более неожиданный и метафоричный, нежели строгие возвышенные строчки сонетов Шекспира).

Согласно версии М. Д. Литвиновой, отношения эти, так и не начавшись, закончились, как известно, трагически. Джон Донн, получив отставку, уехал за границу. Елизавета Ратленд сумела выскользнуть из объятий поэта-донжуана и вернулась в семью, но проявила неосторожность: поделилась своим увлечением с Беном Джонсоном, который ещё раньше посвящал ей свои стихи, считался другом дома, хотя с Ратлендом у него были очень сложные отношения. Но (мы об этом уже упоминали) Бен Джонсон в подпитии выдал её секрет некоторым людям из лондонского высшего света. Это закончилось большим скандалом: корабль семейных отношений Ратлендов получил серьёзнейшую пробоину – Ратленд выслал жену в один из своих замков, назначив ей хороший пансион. Супруги ещё раз съезжались, пытаясь восстановить отношения, но ничего не получилось. Вскоре после этого больной Ратленд умер, и Елизавета покончила жизнь самоубийством.

Когда Джон Донн вернулся из-за границы и узнал о трагедии, он пережил глубокий внутренний кризис и вскоре после этого наконец-то воспользовался советами короля Якова, настоятельно рекомендовавшего ему оставить свои поэтические опыты и стать религиозным проповедником. Решение далось с трудом: он был страстным человеком, поэтом, в душе искренне считал себя грешником, недостойным рукоположения. Он создаёт сонеты, в которых рассказывает во всём, что делал ранее, в грехах зависти и похоти, о чём проникновенно говорит в своём пятом сонете (подстрочник Литвиновой):

Мой чёрный грех обрёл меня на ночь,
Бескрайнюю, в которой нет просвета...
Он выжжен должен быть. Огонь похоти
И зависти его воспламенил.

И он стал мерзостней ещё. Пусть он
Погаснет, Господи! Спали мой грех
Своим огнём, что исцеляет душу*.

Он ушёл в мир религии и церкви и принял сан священника после получения степени доктора богословия в Кембриджском университете и назначения судьёй королевской комиссии по церковным судам. в 1621 году Донн становится настоятелем собора Святого Павла в Лондоне. На его проповеди съезжалось огромное количество людей. Он раскаивался в своём прошлом и хотел только одного – служения Господу.

Последние годы поэт тяжело болел, но мужественно сражался с болезнью. Удивительно, но он точно знал дату своей смерти, о чём написал эпитафию. Заказал своё надгробное изображение, и эту картину повесил перед собой как напоминание о неизбежном уходе. Позже в англиканской церкви это изображение стало символом Джона Донна и одновременно символом смерти.

Перед смертью Донн произнёс проповедь, которую друзья называли «Дуэль со смертью». Один из его прихожан, Исаак Уолтон, писал, что поэт-священник умирал, сохраняя сознание, и его последними словами была молитва «Отче Наш»: «Да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя».

Через 30 с лишним лет, в 1666 году, в Лондоне произошёл Великий пожар, во время которого сгорели все памятники, находившиеся в соборе Св. Павла, но статую Джона Донна на хрупкой урне огонь пощадил: она уцелела и стоит до сих пор. Это было воспринято в церковных кругах как знак Свыше и свидетельство божественности самой личности поэта и священнослужителя. Джон Донн был причислен к лику Святых Англиканской и Евангелическо-Лютеранской Церкви в Америке.

Сегодня Джон Донн считается одним из самых популярных поэтов англоязычного мира, особенно он почитаем в Англии. в России его культ порой принимает комические формы: так, его имя получила сеть пивных баров в Москве. И, конечно, история распорядилась так, оно стоит рядом с именем Шекспира как выдающегося поэта национально-го и мирового уровня. М. Д. Литвинова писала о его поэзии:

«У Джона Донна свой “метафизический” язык, его талант впитал в себя алхимико-герметическую образность и лексику эпохи, а сложная архитектура его стихов в английской литературе того времени уникальна. Это его собственное изобретение и заслуга*».

Его причисляли к маньеризму, его творчество называли метафизикой, но на самом деле поэзия Донна отражала кризис ренессансного мировоззрения с его идеей равновеликости человека и Бога: пришло осознание, что хотя человек – это самое совершенное творение Бога, всё-таки Бог больше человека.

О кризисе позднего Ренессанса лучше всего сказал русский философ А. Ф. Лосев:

«Чувствуя себя укоренённым на этой твёрдой всемирно-исторической почве, возрожденческий титан не знал для себя никакого удержу, и его эстетика была эстетикой стихийно-индивидуального артистизма. Глубоко чувствуя гибель возрожденческой гармонии и неизбежность трагической обречённости возрожденческого индивидуализма, Шекспир подбирает такие исторические эпохи и такие социально-исторические отношения, которые демонстрируют именно эту возрожденческую трагедию... Индивидуализм, дошедший до озверения в своих оценках всего окружающего, начинает отличаться озверевшей оценкой самого себя, откуда и окончательный, бесповоротный трагизм всего Ренессанса, взятого в целом. с нашей точки зрения, это есть эстетика гибели возрожденческого титанизма, дошедшая до своего логического предела.

...Всякий титан хочет владеть всем существованием. Но в этом стремлении он наталкивается на других титанов, каждый из которых тоже хочет владеть всем. А так как все титаны, вообще говоря, равны по своей силе, то и получается, что каждый из них может только убить другого. Вот почему гора трупов, которой кончается каждая трагедия Шекспира, есть ужасающий символ полной безвыходности и гибели титанической эстетики Возрождения»^{**}.

Схватка гениев, о которой идёт речь у А. Ф. Лосева, происходила в литературе. Но она была отражением того, что происходило в жизни, где на узком пятачке любовных страстей (но и разных творческих подходов) сошлись Ратленд-Шекспир и Джон Донн, раскаявшийся титан Возрождения, слово «Бог» в текстах которого, в отличие от текстов Шекспира, встречалось множество раз.

Жизнь всё время ставила Донна и Ратленда в некую оппозицию друг другу. Даже бунт Эссекса развёл двух гениев по разные стороны баррикад. Если Ратленд (сколько бы он ни раскаивался потом) оказался на стороне бунтовщиков, то молодой Донн служил в коро-

левской гвардии и потому пришёл арестовывать Эссекса и Ратленда. Столкновение происходило не только на политическом или любовном, но и на поэтическом фронте. Мы уже говорили о том, что Джон Донн по мощи своего таланта – один из самых реальных кандидатов на роль поэта-соперника, о котором Шекспир-Ратленд писал в своих сонетах (76–87 сонеты). Донн не публиковал свои стихи при жизни: они ходили в списках и впервые были напечатаны только в 1633 году, после его смерти. Есть все основания полагать, что два самых крупных поэта того времени внимательно следили за творчеством друг друга и откликались на него. Взять хотя бы 115 сонет Шекспира и стихотворение Донна «Растущая любовь». Шекспир-Ратленд сравнивает любовь с дитятей, задача которого расти, и признаётся: не подозревал, что любовь может усиливаться:

О как я лгал, когда в стихах твердил,
 Что не могу любить тебя нежнее.
 Мой жалкий ум тогда не ведал сил,
 Огонь любви взметающих сильнее.
 Случайностей я видел миллион:
 Они нарушат клятвы и решения,
 Ославят прелесть, выгонят закон
 И твёрдый дух толкнут на преступленье.
 Зачем, увы, их власти устрашась,
 Я не сказал: «Люблю тебя безмерно?!»
 Сомненьям отдавал свой каждый час,
 Не понимал, что верно, что неверно?
 Любовь – дитя. Зачем же ей расти
 Я не позволил, преградив пути?!

(перевод А. Финкеля)

Ю. М. Ключников перевёл это стихотворение по-другому:

Всё о любви, написанное прежде,
 Забудь – я, грешник, заблуждался в ней.
 Не знал, подобно всякому невежде:
 Любовный пыл способен жечь сильнеей

Всех чувств. в нём искр таятся миллионы.
Подвластны страсти и шуты, и короли.
Любовь нарушить может все законы,
Стремления и клятвы всей земли.

И я, поддавшись собственной гордыне,
Себя обманываю неизменно сам,
Считая, что моя любовь – твердыня,
А я служитель недоступным Небесам.

Любовь – дитя, и рост – её удел.
Зачем его я задержать хотел?

В стихотворении Джона Донна «Растущая любовь», как видно из названия, речь идёт также о развитии и усилении самого чувства любви: «Любовь растёт и дышит, как трава...». Одновременно идёт спор с Шекспиром-Ратлендом, находящимся в платоническом браке, и Джон Донн знал, что говорил. Ю. М. Ключников перевёл самые значимые строки из стихотворенья так:

Поэт попался заблуждёнью в узы,
Иных друзей не зная, кроме Музы.

Г. М. Кружков, признаю, передаёт смысл этого спора ещё более развернуто и точно:

Любовь не может быть таким предметом
Абстрактным, как внушает нам поэт,
Тот, у которого по всем приметам
Другой подруги, кроме Музы, нет.

Согласится с этим переводчик или нет, но, на наш взгляд, он отразил в этих строках намёк на платонический брак Ратлендов и диалог двух величайших поэтов Англии и всего мира, спорящих между собой не только в любви к одной женщине, но и в поэзии.

Религиозные стихи Донна у нас до конца не осмыслены. Донн – человек с очень мощным воображением. Потому его поэзия отличает-

ся яркой образностью, что отразило увлечение поэта, принадлежащего к Англиканской Церкви, духовными упражнениями католика Игнатия Лойолы, основателя Ордена иезуитов, придававшего огромное значение умению верующего человека визуализировать и затем проживать различные христианские образы, сцены и сюжеты.

В России первооткрывателем поэзии Джона Донна был И. Бродский, который перевёл несколько стихотворений английского поэта (самые популярные его переводы «Блоха», «Твикнамский сад» и «Визит»). Переводили Донна и другие поэты, но больше всего для знакомства с его творчеством, бесспорно, сделал Г. М. Кружков, который создал прекрасные переводы на русский язык основного корпуса стихов английского гения.

ВЕЧЕРНЯ В ДЕНЬ СВЯТОЙ ЛЮЦИИ,
САМЫЙ КОРОТКИЙ ДЕНЬ В ГОДУ

День Люции. Такое время года,
Когда сияет день лишь семь часов.
Едва закат свой допила Природа,
Как ночь закрыла солнце на засов.
И я ни жив ни мёртв простёрт на ложе
С душой, незримо тонущей в крови.
Мучительно обдумываю, что же
Со мной творит алхимия любви?
Ещё живой, с ногами и руками,
Похож на некролог или на камень.

Она ушла. Повсюду жизни торжество –
Вокруг себя взгляните те, кто любит:
Природа сущее не губит, не голубит –
Сок беззаботно выжимает из всего.
Порядок этот на планете вечный:
Разлуки, встречи в душах и в телах
Прервутся – ветер жизни встречный
Являет новый лик, сметая прах.
Но эти мысли не утешат сердца,
И никуда от гибели не деться!

Она мертва. Но очевидному не верь.
 Смерть покорить живущее не может –
 Один отрезок жизни подытожит,
 Другому тотчас открывает дверь.
 Любовь казнит и сразу возрождает –
 Известен каждой твари сей закон.
 Он радоваться жизни вынуждает,
 А я тоской смертельной ослеплён,
 Забыв о жизни, радости, о сути,
 Киплю в любовном, но пустом сосуде.

Она ушла. Так слово говорит,
 Которому на медный грош не верим.
 Природа же своё бессмертие творит.
 И я готов стать каплей, веткой, зверем,
 Чтобы в мир иной умчаться вслед за ней.
 Влюблённые, стремитесь к Козерогу,
 Торите светлую любви дорогу.
 Моя – мертва. Лежит среди камней
 В день Люции, что празднует Природа
 Как самый краткий среди прочих года.

ГОДОВЩИНА

Все на земле цари и короли,
 И даже солнце, сотворившее законы,
 На целый год состариться смогли
 С тех пор, как мы любимы и знакомы.
 Да, шут последний и наследный принц
 Подчинены всеобщей смертной власти,
 Тогда как в разгорающейся страсти
 Нетленность может обрести каприз.
 Во мраке зим, в цветенье пёстрых лет
 Бессмертная Любовь свой чертит след.
 Любимая, судьба не рассудила
 Нас год назад похоронить вдвоём.
 Одна-единственная тесная могила

Скорбит о благоденствии твоём.
 Да, души наши вырвутся из гроба
 И в Небеса немедля воспарят.
 Об этом все легенды говорят.
 И жизнь, что называем мы иной,
 Возможно, будет радостней земной.

В итоге мы достигнем совершенства,
 Хотя не большего, чем прочие в раю.
 Но ведь и здесь извели блаженства,
 На участь никогда не сетуя свою.
 Да, мы Любовь ни разу не предали,
 Достоинно пронесли двойной венец,
 На время попросились, наконец...
 Из королей найдём кого едва ли,
 Кто обречён на царство словом этим
 На полноправных шесть десятилетий.

РАСТУЩАЯ ЛЮБОВЬ

Зимой любовь предметом отдалённым
 Казалась, как зелёная трава.
 Живёт отдельно по своим законам,
 Растёт, где хочет, и всегда права.
 Я думал, что сильней, чем в эту пору,
 Любить не доведётся никогда,
 И долго верил собственному вздору,
 Пока не растопила лёд вода
 И половодье его вдаль не унесло.
 Ведь будущие жизни построенья
 Диктуют Небеса и их тепло.
 Поэт попался заблуждению в узы,
 Иных друзей не зная, кроме Музы.

Когда весной всё расцветает вновь,
 Сияют ярче звёзды и цветами
 Вскипают ветви дерева, меж нами

Людская пробуждается любовь,
 Подземные подпитывая корни,
 Разыгрывая свой дневной концерт.
 Смычку светила люди тем покорней,
 Чем точка пожирней в земном конце.
 Любовь и целомудренна, и страстна,
 Растёт всегда, свой расширяя круг.
 А центром Птолемея пространства
 Являешься лишь ты, мой милый друг.
 Так и в любви: мелькают вёсны, зимы –
 Заботы же её растут, необозримы.

ЭКСТАЗ

Вдвоём в обнимку у реки
 Простёрты, волшебству не веря.
 Недвижны наши две руки,
 Подушкою – цветущий берег.
 Из чуть полузакрытых глаз
 Струится солнца отраженье,
 Простор, что окружает нас –
 Как будто наше продолженье.

Так равноценных армий флаг
 Победу знаменует зная.
 Тела же – покорённый враг –
 Как в трубку свёрнутое знамя.

Пока мы вместе обрели
 Дорогу в чувственном тумане,
 Немало мук перенесли
 Вдали от правды пониманья.

Блуждали души между тел,
 Не смея преступить ни разу

Тот нам не видимый предел,
 Что открывает дверь к экстазу.

Кто видит суть любовных уз
 Как близких путников общенье,
 Тот понимает превращенье
 Телесных связей в душ союз.

Но, ни одной из них не вняв,
 На просьбу о выздоровленье,
 Дух общий создаёт состав,
 Нам обещающая просветленье.

Да, наш восторг не породил
 Волнений в обнажённом теле –
 Мы знали всё, что впереди,
 Но ставить точку не хотели.

Любовь телесная ко сну
 Склоняет, открывая лица,
 Тогда как души две в одну
 Стремятся воссоединиться.

Одна фиалка на пути
 Своим приятным ароматом
 И восхитительным нарядом
 Способна боль унять в груди.

А две души, когда сольются
 В один благословенный сплав,
 От одиночества спасутся
 И радость обретут, восстав

В непрекратившемся экстазе.
 В конце концов, они поймут,
 Что вечен совершенства труд,
 Основанный на плотской базе.

Что – тело? Как с ним поступить?
 Не брать в расчёт, продлить обычай?..
 Оно – не мы: бессмертья нить
 Хранит себя поверх обличий.

Благодаренье Небесам
 За сотворенье совершенства.
 Всевышний нам позволил Сам
 Через тела познать блаженство.

И вот на берегу лежим,
 Бесплотным счастьем обладая,
 Не мимолётным, не чужим,
 Не в сновидениях витая.

В душе – ни тени, ни ростка
 Того, что обратится в тленье.
 Необъяснимая тоска
 Вдруг обретает просветленье.

Так Небо сверху духу шлёт
 Своё веленье, словно птице:
 «Ты должен совершить полёт,
 Но прежде наземь опуститься».

Да будет это верный знак
 Всем тварям, людям особливо,
 Что оболочка нам не враг,
 Пускай отслужит терпеливо.

Ведь истинное счастье двух
 Всегда вверху, всегда в полёте.
 Мы предаём основу – Дух,
 Когда сдаёмся только плоти.

ПОЭМЫ (ПОСЛАНИЯ)

ШТОРМ

Кристоферу Бруку
 Ты – я почти, мы так с тобой похожи,
 Но ведь судьба плывёт, куда плывёт.
 И Англия меня, наверно, ждёт,
 Но ведь и гибель поджидает тоже.

Хоть как поэт ногтей твоих не стою,
 Мой труд с твоим в сравненье – пустяки,
 Но это путевое описание простое
 Вообрази, дружище, как стихи.

Итак, мы отплываем, флаг трепещет,
 Ласкает губы лёгкий ветерок.
 Нас провожая, тучка в небе блещет,
 Как ветчины заманчивый кусок.

Купаемся, понятно, в благодати
 И нежимся до той поры, пока
 Светило, словно женщина-предатель,
 В густые не нырнуло облака,

И мы совсем одни в огромном море.
 А там, как два бодливых короля,
 Затеяли два вихря на просторе
 Лихую драку, волнами бурля.

И сразу наступило время оно –
 Почти библейская святая простота:
 Над флотом бриттов, словно над Ионой,
 Сомкнулась пасть библейского кита.

Ах, эта явь, она страшнее сказок.
 Нас, идиотов, учат без конца,
 Но человеческий беспокойный разум
 Никак не помещается в сердца.

Сон – лучшее в подобной яме средство,
А смерть и вовсе благодатный дым.
Проснулся: вижу адское соседство –
Стал синий ангел дьяволом седым.

Не различить ни севера, ни юга,
Ни дня, ни ночи – злая мгла везде.
И ливень хлещет волны моря-друга,
Как пахарь лодыря-коня на борозде.

Мы, с коек пав, носами стены тёрли
И ругань непотребную несли
С немой молитвой в озверевшем горле:
«О Господи, помилуй и спаси!»

Иные же внизу валялись тупо,
Конец свой ждали, залепив глаза.
Так громыхали Божий пест и ступа,
Что раем мнилась на земле гроза.

По палубе летал и бился насмерть
Разбитый на поленья такелаж.
И самый достославный в мире мастер
Не обуздал бы баснословный раж.

Осколки расколоченной посуды
Шкафы переполняли через край.
В сравнении ужасные Бермуды
Нам снились тоже, как далёкий рай.

Мой слог, живописуя эту ярость,
Наверно, бледен и по-детски глуп,
Но даже мокрый и тяжёлый парус
На фок-стеннге болтался, словно труп.

А мы, ещё немертвые матросы,
Решали на пределе сил вопрос,

Как следует, используя насосы,
Из моря в море вылить капли слёз?

О время! в пекло брошенные люди,
Какой ещё вам шею стянет жгут!
Сизиф, наверно, только и рассудит
Ваш беспримерный и отважный труд.

И что литературы рассужденья
Перед каскадом оголтелых бед!
Сам ад вполне святое заведение...
Итак, мой друг, кончаю, силы нет.

Вожу пером гусиным еле-еле.
И не писать бы – в небо воспарить,
А перед этим выпить кружку эля...
Но хватит про дурное говорить.

На языке появится короста.
Сей ураган, по-видимому, прав:
Мрак утверждает силу первородства,
Свет за пределы Англии изгнав.

И суша в королевстве, колыхаясь,
Готовится принять морской устав.
Протягивает всюду лапы хаос,
От этикета нашего устав.

Не только океан, земные мили
Устроили пространственный разбор.
Мы, видно, Бога крепко утомили –
Последний нам выносит приговор.

Ну что ж, пора на вахту и за дело,
Просвет не скоро, чувствую, мелькнёт,
Да и матросам, чую, надоело.
Что в их среде поэт пером скребёт.

Письмо кончаю. Всё внутри мутит.
На вирши пропадает аппетит.

ШТИЛЬ

Кристоферу Бруку

Шторм кончился. Пишу без прежней страсти.
У штиля мы теперь находимся во власти.
Казалось, только буревестник – ярый враг,
Но сделались мы целью худшей из атак –

Атаки лени, безразличья, серой скуки.
Скучней не приходилось знать науки,
Как в море бы открытом корабли
Надолго вдруг застряли на мели.

Смеётся небо над потерянными нами.
Ещё недавно храбро спорили с волнами,
А нынче гладь подобна зеркалу девиц,
Понятно, не для наших очумелых лиц.

Жара. Кто обливается из кружки,
Кто спит затылком на лафете пушки.
Когда пираты бы пошли на абордаж,
Мы даром бы отдали груз и такелаж.

Покинули вояк воинственные мысли.
Все паруса, как простыни, повисли.
И кто полезет в драку на врагов
В такой геенне вдалеке от берегов!

Богам не шлю благочестивые вопросы –
К молитвам не приучены матросы,
Тем более безмолвны небо и земля.
Без цели шляемся у мачт и у руля.

Безвестные для хроник и газеты,
Самсоны без волос, в оковах Баязеты,*
Застигнутые волей Неба и судьбы,
В ленивом море подышаем без борьбы.

Топор Фортуны занесён над всеми.
Поганый век. Потерянное время.
Последний трус или отчаянный храбрец –
Нет разницы. Один тебе конец.

Стремленья и желанья наши жалки,
Главнейшее – скорей достичь лежанки.
Меня же без конца преследует тоска
И хворь морская беспокоит новичка.

Как пчёлы бедные с обкуренного улья,
Готовы жар сменить на пасть акулюю.
Кидаемся за борт, в морской поток –
И попадаем в тот же кипяток.

Довольно жалоб! Что меня толкнуло
Забраться в это огнедышащее дуло?
Страсть к новизне? Желанье утонуть?
Или весьма обыкновенный путь –

Охота увеличить ёмкости кармана?
На свой ответ не наведу тумана.
Унылый человек, я измельчал, как все,
Кручусь, подобно белке в колесе.

Задуманный как Божие подобье,
Передвигаюсь как ходячее надгробье –
Ни истинных друзей, ни стоящих врагов –
Застыл, не чуя ветров и веков

В бесплодной человеческой пустыне...
Но что болтаю! Чувствую унынье

В тисках безжалостных погодных лап,
Подвижник огненный и полумёртвый раб.

Итак, кто мы и что такое жизнь?
Смешенье бурь, покоя, правды, лжи...
Увы, приврал и я, прислуживая музе,
Хотя пишу тебе о штале без иллюзий.

ГИМН БОГУ МОЕМУ,
НАПИСАННЫЙ ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ

Я слышу ангельского хора голоса
И нахожусь у Твоего порога.
К Тебе отныне пролегла дорога,
Приходит время закрывать глаза.

Меня, больного, изучает лекарь,
Как карту на постели расстелив.
Рассматривает, где у человека
Среди морей земля, а к ней пролив?

Он произносит слово «лихорадка»
И ставит на земной дороге крест.
Маршрут последний обозначен кратко:
Мой парусник нацелен на зюйд-вест.

Разгадана последняя загадка,
О том же раздавался благовест –
Я накануне перемены мест
И плаваний надземного порядка.

Как тесно связан жизненный закат
На западе со звездами востока.
О Боже, не казни меня жестоко!
Дай обозреть лицо грядущих карт.

Где ожидать конечного причала?
Какой мне порт назначит океан?
Известно, где конец, там и начало –
Израиль, Гибралтар, до них Аньян,*

Где некогда столкнулись два Адама.
Один из них сорвал запретный плод,
Другой распят, ясна моя программа –
Передо мной тяжёлый переплёт,

Я сам себя низверг на путь греховный,
Дабы Господь вознёс на крест церковный.

IX

Немецкая поэзия

(XVIII–XX вв.)

Гёте. Шиллер. Гёльдерлин. Гейне. Вагнер. Ницше. Рильке. Гессе

Немецкая поэзия – часть великой немецкой литературы, которую принято делить на три главных периода: древневерхненемецкий, восходящий ещё к самым ранним германским племенам и Карлу Великому, средневерхненемецкий, относящийся к эпохе Крестовых походов, «Песни о Нибелунгах» и Вольфрама фон Эшенбаха, и нововверхненемецкий, связанный с эпохой гуманизма и именами Лютера и Эразма Роттердамского.

Устный, былинный период немецкой литературы начался давно, задолго до Карла Великого – об этом упоминают ещё Тацит и другие античные историки, отмечавшие любовь тогдашних немецких племён к воспеванию своих героев и фиксации своих военных побед в исторических сражениях. История сохранила немецкие эпические произведения – «Песнь о Хильдебранде», «Вессобрунская молитва» (эпос в христианском духе), «Песнь о Людвиге», «Муспилли» (эпос, описывающий, как душа расстаётся с телом, а потом проходит через «Страшный Суд»). Появляются также такие тексты как «Императорская хроника», описывающая историю Священной Римской империи от Ромула и Рема до Конрада III. Сильное культурное и литературное влияние на Германию оказывает Франция, где эпос развивался быстрее. в Германии появляются миннезингеры, которые наряду с национальными сюжетами осваивают античные и библейские сюжеты и темы. Самые значительные тексты того времени – произведения Готфрида Страсбургского и «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха.

В период позднего Средневековья, гуманизма и Реформации с ростом городов, развитием университетов, книгопечатания, библиотек в немецкой литературе появляются новые жанры – басни, новеллы, легенды, и, конечно, становятся популярными национальные поэмы – «Лауринь», «Король Ротер», «Нибелунги». Рождается сатира, тексты, которым суждено стать знаменитыми на века – «Тиль Уленшпигель», «Корабль дураков» Себастьяна Бранта, а позднее, в период Реформации, – «Похвала глупости» Эразма Роттердамского. Огромную роль для роста немецкого самосознания сыграл перевод Библии на немецкий язык, осуществлённый

Мартином Лютером, который к тому же был талантливым поэтом и писал духоподъёмные стихи. в XVII веке Германия копит национальную поэтическую энергию. в это время получает новое развитие светская (Андреас Грифиус, Христиан Гофман фон Гофмансвальдау) и духовная лирика, где с одной стороны популярны чисто религиозные авторы (Пауль Герхардт, Иоганн Рист, Фридрих Шпее), а с другой стороны – мистики Ангелус Силезиус и Якоб Бёме. в последующие века были популярны поэты Христиан Геллерт, Бартольд Брокс, Фридрих Готлиб Клопшток, Иоганн Матиас Геснер. Идеологами литературных обновлений были Готхольд Эфраим Лессинг, Иоганн Готфрид Гердер, Кристоф Мартин Виланд, Иоганн Георг Гаман. Все эти поэты и мыслители подготовили время появления и расцвета великих гениев Германии, Европы и всего мира – Гёте, Шиллера, Гейне, Рильке.

Конечно, поэзия – часть национального характера любой страны, а о немецком национальном характере в той же Европе сложено множество легенд. Согласно одной из них, в рай попадают немцы-механики, а в ад – немцы-полицейские. Считается, что среднестатистический немец всегда носит усы, обладает высокой организованностью, волей, законопослушен, обожает порядок и военные марши. Может быть, в этом есть какое-то соответствие реальности, но поэты всегда существенно отличаются от обывателей и нередко выходят за пределы нормы.

Немецкая поэзия – это такое огромное явление, что очень трудно выделить в ней какие-то определённые черты и признаки. Но нельзя забывать, что, пожалуй, главным достижением Германии в гуманитарной сфере была немецкая философия. Любая философия – прежде всего создание своего мира, полёт мысли, высокая степень обобщения, системность и выход на вопросы духа. Во всём этом у немецкой философии были самые высокие достижения, она преподавалась в местных университетах, и любой из перечисленных выше поэтов учился в таком университете и, безусловно, был философом, причём не университетским, а глубинным, онтологическим, для которого вопросы духа и веры стоят на первом месте и который умеет ставить в своём творчестве настоящие вопросы. Об этом хорошо сказал Гёте в своём стихотворении «Границы человечества»:

Так где же граница
Людей и богов?
Мы связаны силой

Незримых оков
Творцы ободряют
Потомков земных,
А нам надо прочно
Держаться за Них.

Немецкая поэзия – поэзия высокой идеи, что попытался выразить Шиллер в своём программном стихотворении «Немецкая муза».

Немцам мир подлунный тесен.
Нас питает воздух песен,
Дух свободы вдаль зовёт
Солнце манит нас в полёт.
Золотое Поднебесье
Разбивает всякий гнёт.

И если в немецком романтизме, как ему и полагается по определению, есть место для тумана и полёта в миры воображения, а поэты этой традиции воспевали текучесть бытия, то немецкой классической поэзии присуща волевая упругая форма, ясность и чёткость, которая присутствует в самой интонации. Это проявляется и в самом ритме стиха, и в сюжетных стихотворениях, особенно в балладах. И, конечно, немецкая поэзия – это поэзия разнообразия характеров. Трудно себе представить, насколько далеки друг от друга и непохожи Гейне, Вагнер и Рильке, насколько отличаются человеческие черты и мировоззрения Ницше и Гессе. Тем не менее любой человек, имеющий навыки литературного чтения, без труда определит, что все эти люди – немцы. Отметим, что в России, несмотря на весьма непростые отношения между нашими народами в истории, всегда с особым почитанием относились к высшим образцам немецкой литературы и поэзии. и Гёте с Шиллером, жившие в XVIII веке, и Гейне с Ницше, реализовавшие свой художественный потенциал в XIX столетии, и Рильке с Гессе, творившие в XX веке – все они были любимы русским читателем, тщательно прочитывавшим всё, что сходило с их пера. «Сумрачный германский гений» оказался очень близок автору переводов. Ю. М. Ключников отбирал не только стихи, но и личности, которые оказались созвучны его настроению, мировоззрению и вкусу.

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ФОН ГЁТЕ (1749-1832)

Величайший немецкий писатель, поэт, драматург, входящий в число самых выдающихся писателей мира. Сколько их? Гомер, Данте, Шекспир, Пушкин, Лев Толстой, Достоевский, Ли Бо... Иоганн Вольфганг Гёте самым достойным образом входит в это число. Если сузить, как это любят делать на Западе, круг номинаций до одних по-

этов, то в таких стихийных рейтингах Гёте нередко входил в тройку самых великих поэтов мира, вместе с Данте и Шекспиром (хотя нам в России невозможно представить высшую лигу мировой поэзии без Пушкина). Он прожил весьма долгую по тогдашним меркам жизнь – 82 года, на протяжении которой видел очень многое. в беседах с Эккерманом, обозревая свою жизнь, Гёте поделился своими мыслями о богатых впечатлениях, щедро подаренных ему судьбой:

«У меня громадное преимущество, – говорил Гёте Эккерману, – благодаря тому, что я родился в такую эпоху, когда имели место величайшие мировые события, и они не прекращались в течение всей моей длинной жизни, так что я – живой свидетель Семилетней войны, отпадения Америки от Англии, затем Французской революции и, наконец, всей наполеоновской эпохи, вплоть до гибели героя и последующих событий. Поэтому я пришёл к совершенно другим выводам и взглядам, чем это доступно другим, которые сейчас только родились и которые должны усваивать эти великие события из непонятных им книг».

Иоганн Вольфганг фон Гёте появился на свет в 1749 году во Франкфурте-на-Майне. Его отец был имперским советником и юристом, который много помогал простым людям и стремился дать своим детям хорошее образование. Он привлёк к этому занятию целых восемь репетиторов, которые обучали Гёте помимо родного немецкого языка ещё и французскому, английскому, итальянскому, греческому, а также латыни, ивриту, идишу. Подростка обучали игре на фортепиано и виолончели, рисованию, умению танцевать, искусству верховой езды. У каждого великого поэта была своя Арина Родионовна. Такую роль играла мать будущего писателя Катарина Элизабет Гёте, которая постоянно читала своим детям на ночь сказки и Библию. Семейная би-

блиотека родителей Гёте была по тем временам огромной – она насчитывала 2000 книг.

В возрасте 16 лет Гёте, исполняя волю отца, направился пополнять своё образование в Лейпциг, который в Германии считался куда более мощным культурным центром, нежели Франкфурт. Он уделял учёбе немало времени, хотя, как всякий молодой человек, тратил в те годы свои силы на дружеские увеселения, вечеринки, посещение театральных представлений. в те годы Гёте впервые пробует писать. Поэзия вошла в его душу вместе с любовью: он влюбляется в Анну Катарину Шёнкопф и посвящает ей свой сборник из 18 стихотворений. Через непродолжительное время появляется второй сборник «Новые песни». Обострение распространённого тогда туберкулёза вынуждает его вернуться домой без получения учёной степени. Гёте долго болел и поневоле обратился к религиозно-мистической тематике, изучал литературу о докторе Фаусте. Через два года Гёте возобновляет учёбу, меняя Лейпцигский университет на Страсбургский. Здесь расширяются его творческие контакты: он знакомится со знаменитым философом и писателем И. Г. Гердером и молодыми литераторами, которым впоследствии было суждено стать участниками литературного движения «Бури и натиска». Они отказывались от культа разума, присущего классицизму, в пользу эмоциональности и воспевания страстей. Гёте в юношеский период тоже какое-то время ощущал себя «штюрмером» (бунтарём). Любвеобильный молодой человек на какое-то время влюбляется в младшую дочь церковного пастора, посвящает ей свои лучшие стихи. Молодой энергии поэта и студента хватает не только на любовь и творчество, но и на науку. Он изучает вопросы взаимодействия Церкви и государства, пишет на эту тему диссертацию, причём эта несохранившаяся работа вызвала протесты богословского сословия.

Гёте работал по специальности юриста четыре года. Однако все мысли молодого человека были посвящены литературе. Поначалу он тесно общается с представителями «Бури и натиска», пишет пьесы, выражающие это настроение, а затем после личной драмы на любовном фронте создаёт «Страдания юного Вертера». Книга приносит автору бешеный успех во всей Европе и одновременно с этим порождает целое движение самоубийц, подражавших главному герою романа (так называемый «эфф-фект Вертера»). Писатель был обескуражен такой реакцией и признавался, что написал книгу, чтобы самому не повторить судьбу Вертера.

Гёте тяжело переживает разрыв с очередной невестой и через какое-то время волей судеб оказывается в Веймаре, где пройдёт вся его дальнейшая творческая жизнь. Он служил в дворцовом театре молодого герцога Карла-Августа, а затем возглавил Йенский университет, занимался наукой, получил дворянский титул. в 1776 года Карл-Август издал особый указ, в котором назначил Гёте тайным легационным советником, что было сопоставимо со званием министра. Кроме того, он дал ему место и право голоса в Государственном совете и положил молодому поэту весьма приличное по тем временам содержание – 1200 талеров в год. Несмотря на недовольство придворных, Гёте становится по сути его духовным наставником.

В начале своего пребывания в Веймаре Гёте погружается в светскую жизнь, «гениальничает», хотя быстро начинает понимать, что пустая светская жизнь разрушает его творческие планы, и стремится к уединению и большей умеренности. Ему поручают возглавить комиссию дорожного строительства и комиссию военных дел, затем вводят в комиссию по лесоводству, по восстановлению заброшенных рудников в городе Ильменау. а с 1782 года ему, властителю Слова, приходится повелевать Числом: он становится управляющим финансами герцогства. Литературные штудии оказываются отодвинуты, и Гёте не радуется такому положению дел. Хотя внешне кажется, что его литературная судьба складывается благополучно, Гёте, как и его великий предшественник Данте, земную жизнь пройдя до половины, испытывает серьёзный кризис. Во время лечения в Карлсбаде (Карловы Вары, тогда австрийские) он, никого не предупреждая, оставляет службу и переезжает в Италию, где под вымышленным именем путешествует по ряду красивейших итальянских городов (Неаполь, Сиена, Флоренция, Рим, Милан, Парма) и Сицилии. Там он знакомится с рядом художников и литераторов, и постепенно новая атмосфера помогает ему преодолеть творческий кризис. Под голубым небом Италии он создаёт «Торквато Тассо», «Ифигению», «Эгмонта».

После возвращения в Германию Гёте вновь обретает себя. Он погружается в государственную службу, пытаясь сочетать её с занятиями литературой и постоянно сочиняя новые стихи и пьесы. Параллельно с этим Гёте пытается устроить личную жизнь: он знакомится с молодой девушкой Кристианой Вульпиус. Между молодыми людьми развиваются отношения, хотя они не спешат оформлять официаль-

ный брак (это произойдёт через много лет), Кристиана рождает мужу несколько детей.

Гёте всегда интересовался политикой и остро ощущал все перипетии мировой истории. Конец XVIII века был обозначен жёстким противостоянием Франции, охваченной революционными преобразованиями, и Пруссии. в 1792 году Австро-Пруссия предпринимает военный поход против Франции, и Гёте сопровождает в этом походе герцога Карла-Августа, который командовал полком. Сражение не принесло успеха ни одной из сторон, но было более значимо по своим последствиям для Франции, показав Европе и всему миру, что Французская революция способна себя защищать. Гёте, видя это и словно предчувствуя грядущее возвышение Франции, сказал военным Пруссии: «Здесь и отныне началась новая эпоха всемирной истории, и вы вправе говорить, что присутствовали при её рождении». Он был свидетелем взлёта, могущества и крушения Наполеона и даже лично встречался с французским императором, которого воспринимал как «величественнейшую фигуру, какая только возможна в истории». Наполеон сам пригласил его на встречу – его советники назвали Гёте самым влиятельным человеком в сфере искусства. Для Гёте было важно ощущение причастности к этой истории, потому он был счастлив общению с императором, несмотря на то, что тот во время встречи сидел и заставил его, человека почти в два раза старше, стоять перед ним, отвечая на вопросы. Последующее поражение Наполеона никак не повлияло на восторженную оценку личности завоевателя, который, по мнению Гёте, был реальным гением, постоянно находившимся «в состоянии просветлённости». Для Гёте, который провёл в Веймаре полвека и вникнул в службу с неменьшим рвением, нежели в литературу, мнение властей всегда было значимо – вот почему наши классики Маркс и Энгельс, признавая гениальность поэта, упрекали его в «филистерстве».

О жизни Гёте в Веймаре есть целые исследования. Веймар во времена Гёте был зоной плотного сотрудничества России и Германии. Это было связано с тем, что дочь Павла I и сестра русского царя Александра I вышла замуж за наследника Веймарского престола. Этой мудрой, волевой женщине удалось подружиться с Гёте, который постепенно стал властителем дум европейской интеллигенции. Постепенно Веймар при Гёте становится пунктом обязательной программы для русской знати, которая посещала Германию. Во-первых, Гёте лично знал двух русских

царей и трёх русских цариц, посещавших Германию. В-вторых, через поэта проходили целые делегации из творческой элиты России, причём иногда его посещали и представители русского священства, а он несколько раз был на православных богослужениях. В-третьих, он принимал самое активное участие в образовании Харьковского университета, направил туда своих лучших преподавателей. Открытый в 1804 году университет включил Гёте в число своих почётных членов. И, наконец, в-четвёртых, Гёте был, наверное, первым представителем просвещённой Европы, проявившим интерес к русской иконе. Он переписывался с немецкой профессурой из России, живо интересовался особенностями правления Петра I, начал изучать русский язык и собирался совершить путешествие по нашей стране. Гёте следил и за русской поэзией: с первым переводом Пушкина на немецкий язык Гёте познакомился уже в 1821 году.

Поэтическое наследие Гёте огромно и составляет около 3000 стихотворений. Веймарский период – время создания его главных произведений. Здесь были написаны и «Ифигения в Тавриде» (1779–1788), и «Торквато Тассо» (1780–1789), и «Герман и Доротея» (1794), и «Западно-восточный диван» (1819), и «Фауст» (1784–1832), и множество других творений мастера. Но сам этот период делился на несколько временных отрезков. в первое десятилетие, когда Гёте почти полностью погрузился в государственную службу, он создал не так много произведений, как ему хотелось бы. Однако как бы молодой веймарский служащий ни был занят, он всегда писал, причём лирические стихи и баллады занимали в его творчестве большое место. Ранний Гёте – активный участник «Бури и натиска». Поэт писал:

«Вообще я, как поэт, никогда не стремился к воплощению какой-нибудь абстракции. Я собирал внутри себя впечатления и притом впечатления чувственные, полные жизни, приятные, пёстрые, многообразные, какие мне давало возбуждённое воображение; затем, как поэту, мне оставалось только художественно округлять и развивать эти образы и впечатления и при помощи живого изображения проявлять их, дабы и другие, читая или слушая изображённое, получали те же самые впечатления».

Учёные выделяют три условных периода, через которые прошла его поэзия: бунтарский романтизм (период «Бури и натиска»), классицизм (зрелый период), символизм (поэзия, созданная в пожилом возрасте).

Он всегда был против попыток ряда теоретиков искусства убедить мир, что стихи должны в первую очередь передавать идею, нечто абстрактное, а уже потом чувство. Гёте отстаивал право поэта на воплощение первичного переживания. Он видел в своих стихах разновидность духовной автобиографии и считал, что они всегда должны идти от сердца.

Гёте был универсальным гением, который имел огромное количество занятий, причём в каждом из них преуспел. Поэт, философ, драматург, критик, актёр, режиссёр, директор театра, театровед, учёный (физик, ботаник, геолог, оптик, астроном, анатом, специалист по сельскому хозяйству), придворный, управленец, художник (причём и портретист, и пейзажист), библиотекарь, переплётчик, историк, управляющий финансами, мемуарист, духовный искатель, поклонник тайных обществ (он с юных лет проявлял интерес к розенкрейцерству и масонству), гравёр, адепт алхимии! Он владел духовными практиками, расширяющими сознание и позволяющими проникать сквозь внешний покров каждого предмета и явления к глубинной сути. Кем он был по своему вероисповедованию? Христиане находят в его поэзии и наследии христианский дух (точнее говоря, пытаются найти), мусульмане утверждают, что он тайно поклонялся исламскому Единому Богу, розенкрейцеры также видят в Гёте своего собрата. Он же был прежде всего поэтом, который не просто принадлежал какой-то одной конфессии, но как бы выходил за её рамки. Родители Гёте были лютеранами, отец знал отдельные главы Библии наизусть. Гёте не оставил свидетельств своей конфессиональной принадлежности, хотя по своим фамильным истокам был протестантом. Кроме того, он был заворожён Античностью. Известно, что он подвергал критике католичество и как культурный поклонник язычества, и как протестант. Его отвращал культ страданий, которому он предпочитал оптимистический чувственный взгляд на мир, присущий Античности и Возрождению. Из многочисленных орденов католической церкви ему были ближе всего иезуиты. Он считал носителем божественных энергий Солнце, которое постоянно присутствует в его стихах. Лучше он относился к греческой христианской традиции:

«Сегодня, в праздник Крещения, я смотрел и слушал литургию по греческому церковному обряду. Эти обряды кажутся мне величественнее, строже, обдуманнее и, между тем, общедоступнее латинских».

Подобные взгляды Гёте, которые он наиболее полно выразил в своих «Римских элегиях», вызывали негодование и в Германии, и в России.

Его подвергли резкой критике и Хомяков, и Аполлон Григорьев, которые увидели в оценках Гёте не только критику христианства, но и искажение чистого эллинизма. Сергей Соловьёв тем не менее защитил Гёте от подобной критики:

«Гёте был именно чист в своём эллинизме, чист и мудр, но чувственен, как все греки, как Гомер, Софокл, Платон. Если Хомяков видел в Гёте сатира, то ведь сатир был бог и занимал не последнее место среди греческого божественно-природного мира. Но Гёте-то как раз и не был сатиром: он был прекрасным и чистым Аполлоном, тоскующим о недоступной красоте нимфы Дафны и увивающим свои кудри холодным и вечнозелёным лавром».

Гёте был одним из немногих гениев, которые были способны дружить с равными себе. Таким равным был в конце XVIII – начале XIX века Фридрих Шиллер. Дружба двух гениев продолжалась в течение многих лет до смерти Шиллера в 1805 году. Поэты стояли друг друга по уровню гениальности, но всё-таки дружба была не совсем равноценной: Гёте был старше, в отличие от Шиллера он принадлежал к высшей немецкой аристократии и не знал проблем с финансами. Он помогал своему товарищу разными способами: давал деньги на издание журнала, подкидывал переводы по заказу масонской ложи, с которой был связан (масонам было лестно лояльное отношение к ним со стороны крупнейшего поэта Германии и видного чиновника), влиял на художественные взгляды Шиллера, поворачивая его сознание от служения отвлечённым идеям в сторону конкретных образов и земных чувств, что в целом благотворно сказалось на творчестве младшего поэта. Они на многое смотрели схожим образом – и на Античность, которую оба воспринимали как образец гармонии, и на философию, в которой оба отталкивались от Канта, и на Французскую революцию, ужасы которой отвратили обоих поэтов, и идеи свободы, которую оба воспринимали скорее как внутреннюю свободу духа, нежели чисто внешние революционные преобразования. Наконец, они оба повлияли на рождение нового для Германии и Европы литературного стиля – романтизма.

Гёте переводился на русский язык множество раз, и каждый переводчик пытался постичь в стихах гения собственный смысл. в этой антологии есть ряд стихотворений Гёте, относящихся к разным жанрам, – есть баллады («Лесной царь», «Рыбак», «Кубок»), есть любовная лирика («В альбом Лили Шёнemann», «Про это», «Вечерняя песня»,

«Цветок»), присутствуют и философские стихи («Границы человечества», «Дух рыцаря», «На горном озере», «Свобода»). в завершение – цикл двустушишь, написанных совместно с Шиллером по образцу «Ксений» Марциала. «Ксении» – это эпиграммы на журналы и на разных литературных оппонентов. Авторство в этих двустушиях установить невозможно, но общее число этих миниатюр – около 700.

Можно не сомневаться, что Гёте, как Данте и Шекспира, будут пытаться переводить на все языки мира, включая русский. Гёте повезло с местом в русской литературе и культуре: его любили и относились с восхищением. Стихи, прозу и пьесы Гёте переводили такие мастера слова как Г. Державин, В. Жуковский, М. Лермонтов, П. Вяземский, А. Грибоедов, Ф. Тютчев, И. Тургенев, А. Фет, А. Толстой, Л. Мей, А. Плещеев, Я. Полонский, В. Иванов, В. Брюсов, К. Бальмонт, С. Соловьёв, М. Цветаева, П. Антокольский, Н. Заболоцкий, Б. Пастернак. Любивший Россию Гёте был избран почётным иностранным членом Российской академии наук.

Наверное, самое известное в России стихотворение Гёте – «Горные вершины». Обрести популярность им помог гениальный перевод Лермонтова. Ю. М. Ключников, относящийся к Лермонтову и к его переводу (на самом деле переложению) с огромным пиететом, воспринимая его как недосыгаемую в своей величественной простоте классику, тем не менее сделал свой вариант этого стихотворения. Причём на подступах к окончательному варианту переложения создал ещё три варианта, каждый из которых по-своему интересен.

ГРАНИЦЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Когда молчаливый
Безродный Отец
Священное Слово
Изрёк наконец,
Он в громах и зорях,
Бесстрашен и рьян,
Забросил на землю
Немало семян.

Мы ризы целуем
И кисти людей,

С волнением ждём
Высочайших вестей.
Но боги дарами
Не балуют нас.
И вот наступает
Безбожия час.

Свирепствуют молнии,
Плещется кровь.
Охвачены смертные
Розой ветров.
Однако упёршийся
В сумрачной мгле
Маячит скалой
На дрожащей земле.

Так где же граница
Людей и богов?
Мы связаны силой
Незримых оков.
Творцы ободряют
Потомков земных,
А нам надо прочно
Держаться за Них.
У жизни подлунной
Простое лицо –
Нас связь поколений
Скрутила в кольцо.
Бродячих сынов
Ожидает их Дом.
Нам следует чаще
Подумать о том.

ПРО ЭТО (НОВАЯ ЖИЗНЬ И ЛЮБОВЬ)

Сердце, объясни мне, что случилось,
Что святой нарушило покой?

Разве ты ещё не научилось
Всем подружкам помахать рукой?
Нет в тебе, увы, былого пыла –
Обессилел и порос травой.
Сплыло то, что раньше было мило.
Я же, видишь, и теперь живой.

Пребываю вновь на поле брани,
Весь в заботах, думах и трудах.
Новыми красавицами ранен...
Неужели жалкий возглас: «Ах!
Я под каблуком возникшей девы!»
Может породить в душе напевы
Те, что для Всевышнего пою.
Нет и нет! Поэт всегда в бою

С болью, с ленью, с приступами бури
И, конечно, с властью давней дури,
С потаённым скрежетом зубов,
Что глупцам за страстную любовь
Выдаёт прожжённая чертовка.
Эта сеть раскидывает ловко.
Силы вместе с талерами пьёт,
Заодно о нежности поёт.

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Кто скачет устало сквозь мглистую синь?
Седок запоздалый, с ним маленький сын.
К отцу, весь горячий, прижался малыш;
Седок вопрошает: «Что, милый, дрожишь?»

«Родимый, давай возвратимся назад.
Мне только что леший воззрился в глаза.
Он в тёмном венце, с бородицей седой».
«О нет, то клубится туман над водой».

«Зовёт остановку в пути совершить.
По-царски в дуброве вечерней пожить».
«О нет, это ветры над чащей поют.
Домашний тебя ожидает уют».

«У грозного духа пугающий вид.
Богатства несчётные щедро сулит,
Хрустальные груды под каждой скалой,
Дерев изумруды зимою и в зной,

Волшебные танцы его дочерей...
Родимый, коня, осади поскорей!»
«Ты бредишь, мой милый, ты лучше усни.
Далече уже показались огни».

«Насупился леший – он подданный мой,
Вдвоём не вернётесь вы больше домой.
Мальчишка понравился эльфам и мне.
Сгорит на невидимом нашем огне».

Один на лошадке отчаянно мчит.
Другой под попоной мятётся, кричит.
В лесу угасает сияние звёзд.
И всадник живущим дитя не довёз.

ПЕСНЯ ЭЛЬФОВ

Глухой порой, когда мы все уснули,
Закончив суетный, да и полезный труд,
Из лесу эльфы вылетают пулей
И смертных беззастенчиво крадут.

Они стенают, здесь стремясь остаться
При свете лун и звёздной тишины.
А духи чьи-то исполняют танцы,
Как полагают, по приказу сатаны.

РЫБАК

Тиха волна, идёт война
Природных миражей.
Сидит рыбак, раздорам враг,
Над удочкой своей.
Вдруг тихий всплеск
Тревожит лес
И гладь воды речной.
Встаёт русалка и поёт,
Смеясь над тишиной:
«Ты манишь нас
И бедных рыб
В слепящий жаркий день.
А мы вдвоём
С тобой могли б
Ласкать ночную темь».
Тиха волна, ушла война.
Кругом покой и мрак.
Лежит на самом дне
И в тишине
Обманутый рыбак.

ЦВЕТОК

Рос на лугу цветок-бобыль.
Спешила дева тропкой,
Легонько поднимая пыль.
Цветку мечталось робко,
Чтоб ручкой лютик сорвала.
Она, однако, вдаль прошла,
Ногой цветка коснулась.
В нём страсть своя проснулась.
Затрепетал на краткий миг
И навсегда к земле приник!

ПРИВЕТСТВИЕ ДУХА

Есть башня около реки,
 Дух рыцаря на ней
 Сжимает с болью кулаки,
 Тоскуя всё сильнее.

«Легко вздымал я каждый пуд,
 Восстать бы снова мне!..»
 А мимо лодочки снуют
 С рыбёшкою на дне.

«Промчалась лихо жизнь моя.
 Теперь бы жить не смог!
 А впрочем, каждая ладья
 Плывёт, где скажет Бог.

КУБОК

Король жил в дальнем царстве,
 Он кубок золотой,
 Как память о лекарстве
 Хранил наследство той,

Что подарила кубок...
 Блаженная душа!
 Жизнь чуть коснулась губок,
 Вздохнула и ушла.

Промчались годы быстро,
 Король уже старик.
 Собрал на пир министров –
 К вину давно привык.

Раздал, что каждый просит.
 Сам капельки не пил.
 Свой кубок в море бросил
 И долго ещё жил.

В АЛЬБОМ ЛИЛИ ШЁНЕМАН*

На белоснежной круче
 Густой туман лежит.
 Меня твой образ мучит,
 И манит, и страшит.
 Как знать, возможно, праздно
 Вскипает страсть в крови,
 И я бегу напрасно
 От праздничной любви?

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ ОХОТНИКА

С ружьём скитаюсь по полю –
 Все думы о тебе.
 Молюсь луне и тополю:
 Стань радостью в судьбе.

А вот мои скитания,
 Житейский вечный яд,
 Бесплодные баталии...
 Твой не печалят взгляд?

Ведь я избрал страданье,
 И счастья не ищу,
 А предпочёл изгнанье
 Хоть видеть страсть хочу!

Но боль в душе умолкнет,
 Мечтой себя лечи,
 Как будто смотришь долго
 На лунный свет в ночи.

НА ГОРНОМ ОЗЕРЕ

Я дивный посетил дворец –
 Творенье Высших Сил,
 Природы малый сотворец,
 А также блудный сын.

Недвижна гладь цветной воды.
Плыву, бужу весну.
И отражение гряды
Подчинено веслу.

* * *

У тумана утром
Сладкая печаль.
Уступает мудрым
Солнечным лучам.
Дали огнецветны,
Облака легки,
Обнажают ветры
Снежных скал клинки.

* * *

Снова взор покрылся мглою.
Сердце, сердце, не грусти!
Убери с души былое.
Предстоящее впусти.

* * *

Горные вершины
В звёздном небе спят.
Молчаливы. Живы.
Не тревожат взгляд.
Пыль не спорит с ветром,
Ночь так хороша!
В ожиданье светлом
Отдохни, душа.

В последующих трёх вариантах перевода, не ставших основными, первое четверостишие осталось тем же, а вот второе было представлено сразу тремя вариантами.

Горные вершины
В звёздном небе спят.
Молчаливы. Живы.
Не тревожат взгляд.

Вариант 1

Пыль не спорит с ветром
Рядом и вдали.
Стань простым и светлым,
Тоже не пыли.

Вариант 2

Пыль не спорит с ветром
Рядом и вдали.
Стань простым и светлым,
Как цветок земли.

Вариант 3

Пыль не спорит с ветром,
Не шумит листва.
В ожиданье светлом
Отдохнут слова.

СВОБОДА

Ногу бы в стремя поставить,
Ближих в тумане оставить.
И в ослепительный путь
К солнцу хоть чуть отдохнуть.

ОДНО ВО ВСЁМ

Внутри стереть бы мне границы,
С Собой большим. Соединиться
Со Светом, уничтожив Тьму.
Хочу не знать страстей и боли,
Ничьей не подчиняться воле,
Свою – не сватать никому.

Приди! Приди, душа Вселенной!
Снабди отвагой облик тленный.
Мечтаю с тленьем мировым
Сам в битве яростной сразиться,
Под чьё-то знамя не проситься,
Один рассеять серый дым.

Мир сотворён людьми и Богом.
Мы ходим по одним дорогам
Терпенья, горечи, труда.
Уходим же к иным Пределам
Любим вращающимся телом.*
Отдохновеньем – никогда.

Пусть продолжают боренья,
Возникновенья, ускоренья,
Пусть Вечность длится без конца,
К Небытию всегда стремится,
Находит новые границы
По дирижёрской палочке Творца.

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР (1759-1805)

Фридрих Шиллер по праву считается одним из самых выдающихся поэтов мира. Он родился в 1759 году в семье военного медика, служившего в полку герцога Вюртембергского. в подростковом возрасте Шиллера, не спрашивая его желания, направили в элитную военную академию «Высшая школа Карла», готовившую государственных служащих. Атмосфера в заведении

была очень жёсткой, каждый шаг регламентировался, и, конечно, это шло вразрез с желаниями поэтической, свободолюбивой природы Шиллера. Но нет худа без добра – в заведении была хорошая библиотека, и учащимся давали время на чтение. Юный Шиллер читает классику, а затем и сам пробует сочинять стихи и пьесы.

Юноша проявляет упорство и завершает образование, получив специальность полкового врача. Одновременно с этим происходит чудо – его первая пьеса, попавшая в придворный и национальный театр и поставленная в нём, делает автора известным на всю страну. Молодой драматург, тяготившийся службой, покидает её. Он проходит долгий путь бедности, никак не может расплатиться с кредиторами, часто ссорится с актёрами, руководителями театра и издателями, но, несмотря на все препятствия, огонь творчества горит в его душе. Он создаёт драмы и поэмы, пишет стихи. в какой-то момент фортуна улыбнулась стеснённому в средствах и больному поэту, у него находятся меценаты и друзья, которые финансируют издание его поэмы «Дон Карлос», а затем и «Оды к Радости». в Веймаре он знакомится с Гердером, Гумбольдтом и Гёте, оказавшим на него очень большое влияние. Всю оставшуюся жизнь Гёте и Шиллер сотрудничали, дружили и переписывались, причём эта переписка, помимо биографического материала, имеет самостоятельную художественную ценность. Поэты пробовали вместе писать, причём наиболее ярким совместным продуктом этого труда стали эпиграммы – «Ксении» (жанр восходит к Марциалу), высмеивающие взгляды их многочисленных противников. Шиллер и Гёте создали около 700 (!) эпиграмм на самые разные темы. Шиллер вместе с Гёте пытались осмыслить всё, что происходило в литературе того времени, обращались к Античности, отражали атаки критиков, недовольных их политическими и религиозными взглядами.

Позднее Шиллер становится профессором в Йене, женится на Шарлотте фон Ленгефельд, переезжает в Веймар, рождаются дети. Он начинает издавать несколько журналов, объединив вокруг себя многих ярких литераторов и деятелей культуры страны. Вместе с Гёте он основывает Веймарский театр, постепенно превратившийся в гордость Германии. Сам он пишет пьесы, среди которых особую известность ему принесла «Мария Стюарт». Только после этого Шиллер, обладавший врождённой скромностью, осознал, что «овладел ремеслом драматурга». в 1802 году Шиллера посвящают в рыцари. Последние несколько лет жизни поэт вкушает плоды славы, получает высокие гонорары и внимание сильных мира сего. Однако цена успеха, как это часто бывает, оказывается слишком высокой. Болезни, накатившие одна за другой (малярия, плеврит, пневмония), добивают его окончательно, он покидает этот мир слишком рано даже по краткосрочному поэтическому хронометру: в возрасте 45 лет.

Шиллер вошёл в мировую литературу и как драматург, и как поэт. Он начал писать рано, причём вначале его стихи не печатали. Чтобы обратить на себя внимание читателей, Шиллер по молодости прибегал к мистификациям: местом издания антологии он указал небольшой сибирский городок Тобольск. Эта деталь неслучайна – Шиллер, как и его друг Гёте, сохранял интерес к России до конца своих дней. Перед самой смертью он начал работать над трагедией из русской истории «Дмитрий», где присутствовал сюжет про Самозванца: в конце герой прозревает, что он – всего лишь орудие в руках захватчиков.

Стихи Шиллера постепенно сделали его имя известным на весь мир и были очень почитаемы среди литераторов. Баллады («Кубок», «Перчатка», «Поликратов перстень», «Ивиковы журавли» и др.) были переведены на русский язык Василием Андреевичем Жуковским. Среди стихов Шиллера есть и философская лирика, и лирика в чистом виде, зеркало его сложной мятущейся души. Философская лирика отражала огромный интерес Шиллера к философии (его любимым философом был Иммануил Кант). Шиллер создал ряд философских книг и трактатов – «Философские письма», «О трагическом в искусстве», «О грации и достоинстве», «О возвышенном» и «О наивной и сентиментальной поэзии». Последнее произведение интересно тем, что оно разделяет поэзию на два больших направления (типа) и считает, что «наивная» поэзия ближе к истине, поскольку она объективна, а «сентиментальная» дальше от подлинности, поскольку засорена «субъективностью», или «сентиментальностью», иначе говоря – искусственностью, отрывом от жизни. Поэт призвал своих собратьев по перу быть ближе к жизни, но в то же время избегать пустых стихотворений, основанных на чисто светских идеалах. Он не боится обличать в стихах порок.

Наверное, главной в лирике Шиллера была идея свободы, которую он воспевал, пока рука держала перо. Свобода, свет, духовная жертва, красота, радость, служение человечеству – вот главные идеи, наполняющие его творчество. Он считал, что назначение поэзии – воспитывать народ в духе высоких нравственных идеалов и служения красоте. и в стихах, и в балладах он проповедует чистоту, честь, верность, героизм, мужество, поиски духовных идеалов. И, конечно, радость, которая для него была очень важна. Нередко бывает так, что чем немощнее плоть, тем радостнее душевный настрой и ярче торжество духа. У Шиллера дело обстояло именно так, и потому вполне логичным было его согла-

сие сложить песню Радости в ответ на просьбу заказчика. Тем более когда заказчик могущественный и отказаться сложно. Гёте иногда помогал Шиллеру зарабатывать деньги, подкидывая самые разные варианты заработка. Вот и в этот раз он предложил кандидатуру Шиллера, когда к нему обратились люди, связанные с масонской ложей. Результатом этого обращения стало появление, может быть, одного из самых знаменитых в истории мировой поэзии стихотворений. Автор книги сделал свою версию «Оды к Радости» и других стихотворений Шиллера, исходя из убеждения, что периодически нужно переосмысливать сказанное.

ОДА К РАДОСТИ

Ода была написана Шиллером в два приёма: начата в 1785 г., закончена в 1795-м. в последующее семилетие, как известно, произошла Великая французская революция, совершены первые завоевательные походы Наполеона, внушавшие передовой Европе надежды на освобождение от тоталитарного господства феодалов, говоря современным языком. Увы, по поговорке, благие намерения весьма часто устилают дорогу в ад, и в этом случае одна форма насилия сменилась другой ещё более жестокой... Как известно, французскую революцию во многом затеяли масоны-иллюминаты, с которыми молодой Шиллер имел дружескую связь. Многие молодые литераторы увлекались масонством, но впоследствии сам Шиллер, Гёте, Моцарт, Пушкин и другие гении, увлекшиеся в своё время масонерией, отходили от участия в этом движении. По заказу немецкого отделения именно этой ложи иллюминатов, причём ложи наиболее политизированной и даже инфернальной, был задуман поэтом гимн свободе, который со временем превратился в «Оду к Радости» и приобрёл широчайшую популярность – стихотворный текст переведён практически на все языки. На русский переводили такие литературные корифеи, как Карамзин, Константин Аксаков, Тютчев. Среди советских переводов наиболее весома работа И. В. Миримского. и не случайно. Этот человек прошёл с боями Сталинград, Курскую дугу, Кенигсберг, потерял в немецких концлагерях значительную часть своей семьи... Если говорить о музыкальных переложениях «Оды», то самым прославленным является бетховенское окончание 9-й симфонии. Кстати, оно легло в основу

официального гимна Европы. Музыкальные переложения стихотворения делали Шуберт и Чайковский.

Кое в чём устаревшая, но в основном проникнутая бессмертными тяготениями человечества, «Ода» Шиллера вступает в новый цикл своего существования и в литературном, и в общечеловеческом смыслах.

ОДА К РАДОСТИ

Радость, птица неземная,
Утвердись в душе людской!
Свет пречистый забывая,
На тебя глядим с тоской.
Изнемогшие, не верим,
Что к скорбящим снизошла,
Что открыла падшим двери
И надежду в нас зажгла.

ХОР

Обнимитесь, миллионы,
В неразлучном счастье рук!
Прекратите злые стоны,
Беды пусть исчезнут вдруг!

Принимайте всё, что будет,
Что сулит не лучший рок.
Обнимитесь крепче, люди,
На скрещенных дорогах!
Кто сберёт в мученьях долгих
Чувства нежные свои,
Тем не нужно слушать толки
О вражде и о Любви.

ХОР

Толпы хмурые народа
Влейтесь в радостный союз!

Безразличная Природа,
Убери ненужный груз.

Всё, что в мире ждёт и дышит,
Тоже радуется пусть.
Даже камень пусть услышит,
Что ушла из жизни грусть.
Сами сделались как камень –
К счастью путь совсем не прост.
Бог простёрт за облаками.
Наши судьбы выше звёзд.

ХОР

Всем дана широкой Дланью
Доля радости своя.
Поклонитесь Мирозданию
И заветам Бытия!

Главный для Любви назначен
В первые творенья дни.
Чувством верным и горячим
Всеблагову присягни!
Бесконечное прощенье
Всем обещано в конце.
Помни о круговращенье,
Чаще думай о Творце!

ХОР

Обнимитесь, миллионы!
Бог для счастья нас создал!
Исполняются Законы!
Час торжественный настал!

Радость всюду движет миром,
Свет страданием рождён.

Чёрный хаос солнцем милым
 Укрощён и побеждён.
 В первозданной круговерти
 Ясность чудная царит.
 Нет в Природе вечной смерти,
 Миром правит вечный Ритм.

ХОР

Как планеты по орбите,
 Исполняйте общий строй.
 Братья! Слишком не скорбите,
 Проживая жребий свой.

Выше солнца, лун, созвездий
 Есть блаженные миры.
 Переждём лихие вести,
 Выйдем из дурной игры!
 Не нужны богам рыдания!
 Будем им в одном равны:
 Выпив чашу сострадания,
 Сбросим ржавчину войны!
 В мусор мелочные распри!
 На костёр число обид!
 Добротой Господней разве
 Кто оставлен, кто забыт?

ХОР

Устремимся за богами
 В неизведанный полёт
 Наливайте всклень бокалы!
 Кто там горестный не пьёт?!

ХОР

А тиранам и сатрапам,
 Долго править не дадим.

Заслужили меч по лапам.
 Устремимся! Победим!
 Завоюем мир Всевышний!
 К Истине проложим мост.
 Среди нас никто не лишний –
 Вот такой предложим тост.

В тесный круг сплотимся, братья
 Над бокалами с вином.
 Поклянемся, что объятья
 Никогда не разомкнём!

Духом радостным восстанем!
 Свет свободы воскресим!
 Победителями станем!
 Мир земной преобразим.

Прочь, постылые оковы!
 Пощадим врагов своих.
 Неизменные законы
 По делам накажут их.
 Жизнь ничтожная, худая
 Не по силам ныне всем.
 Ждёт другая, молодая...
 Терпим прежнюю зачем?!

ХОР

Обнимитесь, миллионы!
 Пробудитесь ото сна!
 Ждут нас новые Законы.
 Ждёт нас новая Весна!

ПЕРЧАТКА

Среди своих любимцев:
 Вельмож, баронов, принцев...

Ещё – перед зверинцем
Король на троне спал.
Все ждали в нетерпенье
Начала представленья.
Описываю предков карнавал.

Махнул Франциск рукою –
Затеялось такое,
Что каждому покоя
Не стало до утра.
Зверьё бежит из клеток,
Лев вылез напоследок.
И началась опасная игра.

Лев что-то рывкнул тигру.
Тот спину тоже выгнул.
Барс от двоих отпрыгнул.
Подняли дамы визг.
И вдруг одна красotka
Намеренно и чётко
Перчатку уронила сверху вниз.

Сказав, кто, мол, достанет
Комочек белой ткани,
Моим любимым станет.
«Клянусь, сие не ложь!»
Двор на минуту замер,
Ужасен был экзамен.
И рыцарь встал по имени де Лорж.

В нём жизнь и страсть горела,
Он вышел на арену
Играющим на смену,
Те опустили взор.
В свои вернулись в клетки,
Забыв про шутки эти.
Зверюгам непонятен их позор.

Шепнула дама снова:
«Я для любви готова.
Скажи мне только слово...»
Де Лорж ответил: «Рад
Его произнести бы.
За правду лжи спасибо.
А слово золотое не требует наград».

МУЖИЦКАЯ СЕРЕНАДА

Слушай, выгляни во двор –
Я под ливнем до сих пор
Распроклятым трижды мокну
И, наверно, скоро сдохну.

До чего дожди сильны
В этом нынешнем июле.
Промочил насквозь штаны.
Солнце, видно, черти сдули.

Дорогуша, глянь в окно –
Чуть живой давным-давно...
Мокнут и камзол и шляпа,
И причина – дура-баба.

Ты, же, дура, ясно, вправе
Ключ, как хочешь, повернуть,
Но и я готов в канаве
Под окошком утонуть.

Твой дружок, конечно, тягу
Дать способен в дом к другой...
Пожалей меня беднягу,
Кровь дурную успокой.

Слышишь, тоже не грусти,
Поразмысли и впусти!

Выгляни в окошко, дура! –
 На дворе грозу и мрак
 Злыми ветрами надуло.
 Да и я хорош дурак,

Что в такую непогоду
 С приставањьями полез
 Нечестивому в угоду.
 Не справляюсь. Крепок бес...

Каюсь: Господи, помилуй.
 Донимает с новой силой.

Стерва, выгляни ко мне!
 Ну пойдн же на уступки.
 Ты не барыня в окне –
 Настоящий дьявол в юбке.

И сама, конечно, льёшь
 Сверху не дожди – помои.
 Не тверди мне в уши ложь,
 Проводи в свои в покои.

Дверь заветную открой,
 А не то – вернусь домой.

НЕМЕЦКАЯ МУЗА

Рима древнего кифары
 Благоклонно не кивали
 Тем пастушеским рожкам,
 Что её взрастили тихо.
 Смут французских злое лихо
 Не коснулось нежных гамм.

И отечественный кайзер
 Не предписывал в указе,

Как ей петь, о чём писать.
 Вырастила наша муза
 Все фиалки из союза,
 Что сложили Небеса.

Немцам мир подлунный тесен.
 Нас питает воздух песен,
 Дух свободы вдаль зовёт,
 Солнце манит нас в полёт.
 Золотое Поднебесье
 Разбивает всякий гнёт.*

ВЕЧЕР

Спустилось солнце, ждёт земля росы,
 А люди – долгожданного покоя.
 Бог наклонился над притихшею рекою –
 Фетида ждёт Его в полночные часы.*

Он замер, бросив нам последний луч,
 И завтра возвратится к изголовью,
 Натешившись прохладой вод и туч.
 Всё в Мироздании пронизано Любовью.

Господь свершает Свой обход по кругу
 Никто Его вниманьем не забыт.
 И ты, о смертный, обними подругу,
 Пока Природа, утомившись, спит.

СЕЯТЕЛЬ

Сеятель мудрый! Любви драгоценные зёрна
 Сей, не боясь, ненавистны посевы врагам.
 Жатвы дождись терпеливо, легко и покорно
 Свет загорится на вечную радость богам!

ПЕГАС В ЯРМЕ

(В сокращении, вольное переложение)

На конном рынке одного из городишек,
Где древний дух торговли не погас,
Сбывали всё, включая жён излишек,
Поэтом был в продажу выставлен Пегас.

Всё восхищало в нём: и норов, и обличье,
Одно смущало – широченных два крыла.
На вид смотрясь смиренно и отлично,
Конь без причины грыз любые удила.

Нашёлся быстро на Пегаса покупатель,
Ударили друг друга по удачливым рукам.
Тем паче горожанин много не потратил.
И вот владелец скакуна домой поехал сам.

Что тут случилось! Гиппогриф бедовый*
Взмыл в облака и всадника понёс.
А тот от страха трясясь, пасть готовый,
В конце концов свалился под откос.

Встал на земле, потёр бока немного,
Решил: в телегу завтра я Икара вовлеку...
Не тут-то было, вдруг привычная дорога
Постылой показалась вздорному коньку.

Он пассажиров растерял и много грузов...
Короче, труженику сделался обузой.
А для того вопрос был очень прост –
Хозяин учредил Пегасу долгий пост.

Стал редко подавать овёс и сено,
Нерегулярно выводить на водопой.
Красавец в клячу превращён мгновенно.
Крестьянин рад – конь укрощён судьбой.

Теперь его с быком послать несложно
На пашню, коль не жалует езду.
Вполне такое сделалось возможно.
Увы, Пегас упал на поле в борозду.

Ты всё, конечно, понял, мой читатель,
Быль может повториться в наши дни.
Хозяевам напоминаю, кстати, –
Поэты лошадям – подобие родни.

КСЕНИИ (ПОДАРКИ)

Совместные стихи Гёте и Шиллера

СОВЕТ ХУДОЖНИКУ

Коль ждёшь похвалы знатока и святоши,
Малюй Еву толще, а дьявола тоньше.

НЕМЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

Немцы давно о единстве мечтают,
Жаль, человечности им не хватает.

О СТРЕМЛЕНИИ ЦЕРКВИ
ПРЕОДОЛЕТЬ ВЛИЯНИЕ АНТИЧНОСТИ

Попытки Геркулеса оказались тощи* –
Он не сумел сломить Антея мощи.

* * *

И нам не победить Левиафановой беды –
В ней слишком много человеческой воды.

СПОРЩИКУ

Как спорить мне с тобой?
Ты слишком легковесен.

Для возражений глуп,
А для насмешек пресен.

* * *

Если на глупости строится зданье,
Строй его выше, чтоб скрыть основанье.

ПРЕТЕНЗИИ К ПОЭТАМ

«Лечи мой дух!» – взывает критик грозно.
Увы, целит беднягу только розга.

ЯЗЫКОВЕДУ

Анатомируй лишь подручные слова,
А мысль пускай останется жива.

МОДНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Мода!.. Да полно! Когда её ищут,
Часто жуют застарелую пищу.

О НЫНЕШНЕЙ ЦЕРКВИ

Вольность святая! Я в храм бы спешил,
Если бы в целости дух мой там жил!

ПАТРИОТ

Он верен конституции, законам и реформам,
Пока властями преходящими прикормлен.

ГОМЕР

Все мы считаем, что гений – Гомер.
Хотя бы один его взял за пример!

РЕКЛАМА КНИГОТОРГОВЦА

Сей книжный сборник тем хорош,
Что смысл велик, а стоит грош.

ИСТИНА

Если открыл её, не обнародуй –
Сразу навяжут фальшивую моду.

ФРИДРИХ ГЁЛЬДЕРЛИН (1770-1843)

Иоганн Христиан Фридрих Гёльдерлин, знаменитый немецкий поэт, переводчик и педагог, родился в семье, близкой к церковным кругам. Его рано отдали в семинарию учиться богословию, хотя он относился к этим дисциплинам без должного рвения. Единственное, что вдохновляло его, это античные авторы. В нём рано просыпается дух сочинительства, и он пишет стихи, вначале подражательные, затем всё более самостоятельные. Гёльдерлин поступает в Тюбингенский университет и живёт в студенческом общежитии, где его соседями и друзьями были Гегель и Шеллинг. Позднее Гегель и Шеллинг стали философами, а Гёльдерлин избрал поэтическую стезю, хотя интерес к «царице наук» сохранил до конца своих дней. Оказавшись в Йене, он начал ходить на лекции философа Иоганна Фихте (по своим взглядам поэт был неоплатоником). Он, как и многие поэты того времени, увлечённый идеей свободы, начал писать гимны, посвящённые этой теме. Чем более страстным был призыв к свободе, воплощающийся в стихах, тем тяжелее становилось психическое состояние поэта. Он не мог справиться с проснувшимся в его душе состоянием ипохондрии, болезненно переносил состояние одиночества. Поэт был согласен жить в ледяном доме без отопления, лишь бы не покидать Йену, где у него были какие-то друзья и знакомые.

Но далеко не все соглашались с ним общаться. Так, друзья студенческой юности Гёте и Шиллер не проявили к нему никакого интереса. На какое-то время Гёльдерлин нашёл себя в педагогической деятельно-

сти. Он стал домашним учителем во Франкфурте-на-Майне, причём, по воспоминаниям современников, проявлял к детям исключительное внимание и заботу. С этим периодом связано его любовное увлечение, которое не принесло ему взаимности, но добавило страданий. Он счёл, что эта женщина (мать его учеников) является абсолютным идеалом женственности, и вывел её в романе «Гиперион, или Отшельник в Греции» под именем Диотимы.

Неразделённая любовь сильно повлияла на его психику: он стал уходить в мир иллюзий, а после смерти его любимой женщины у него стала постепенно проявляться шизофрения. Но процесс болезни у поэта развивался очень медленно, с периодами компенсации, во время которых он продолжал писать стихи и романы, осваивал новые темы, погружался в изучение Античности. Он пытался связать философию и размышления о жизни с поэзией, переосмыслить христианство и образ Спасителя, которого подавал как олимпийского бога, призванного восстановить на земле справедливость. Он уходил от болезненной для него реальности в миры своего воображения. Удивительно, но несмотря на болезнь у Гёльдерлина получалось хранить в своей душе и переносить на бумагу мироощущение древнего мудреца-эллина, с восхищением созерцающего красоты природы и видящего за игрой форм присутствие единого духа. Поэт по своей внутренней организации был тонкой чувствительной натурой, страдающей от житейских трудностей. Знаменитый немецкий психиатр XX века Эрнст Кречмера отнёс его по своей классификации душевных патологий к психотипу шизоидных личностей. Поэт с трудом переносил насмешки, он искал и, увы, не находил среди современников тех идеальных людей, образы которых он создал в своём воображении.

Поэзия Гёльдерлина в высшей степени необыкновенна: она богата неожиданными образами, высокими чувствами и, по мнению многих поэтов и композиторов, очень музыкальна. На стихи немецкого поэта было написано множество музыкальных произведений самых разных жанров. Самые крупные композиторы – Иоганнес Брамс, Бенджамин Бриттен, Гидеон Кляйн, Карл Орф, Пауль Хиндемит, Рихард Штраус. Список вокальных групп, среди которых есть и академические хоры, и рок-ансамбли, распеваящих стихи Гёльдерлина, впечатляет.

Несмотря на то, что он был далёк от Церкви, ему была присуща особая пантеистическая вера, которую он сумел сохранить в своей душе

и пронести до самой смерти, несмотря на обострившуюся болезнь. Последние годы жизни он с трудом передвигался, и за ним ухаживал Эрнст Фридрих Циммер, высококлассный столяр. Перед самой смертью поэт попросил Циммера вырезать ему из дерева греческий храм и написал на дереве следующее стихотворение:

«Зигзаги жизни вычертят такое,
Что путь тропы и склон горы напомним,
Бог Вечности нас, здешних, там наполнит
Гармонией, воздаянием, покоем».

В Германии Гёльдерлин – высокочтимый поэт, классик, который сумел затронуть и заставил звучать самые возвышенные струны немецкой музыки, о которой так красочно написал Шиллер.

Несколько слов о переводчике. Имя великого немецкого поэта-романтика стало известно русскому читателю впервые благодаря переводам почти забытого ныне (как поэта) Даниила Максимовича Ратгауза.

На этом последнем имени стоит остановиться особо. Дело в том, что Ратгауз прославился как автор текстов популярных романсов, музыку к которым сочиняли Чайковский, Рахманинов, Кюи, Аренский, Глиэр, а исполнителями были многие знаменитости – от Шаляпина до Клавдии Шульженко и Юрия Гуляева. Ещё Ратгауз известен тем, что при жизни издал на собственные средства полное собрание своих сочинений (он был сыном банкира). Кроме того, собственноручно вписал себя в 1910 г. в энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Несколько слов о Ратгаузе сказано в поэтической энциклопедии, составленной Е. А. Евтушенко. Вот такой своеобразный след оставил этот человек в истории отечественной литературы. Гёльдерлину явно повезло с ценителями его поэзии в России и в мире.

ЮНОСТЬ

В бытность юным был я судьбами избавлен
От окриков людских, от наказаний за грехи.
Земные ветры меня парусом избрали,
Сам рано научился сочинять стихи
И наслаждаться солнца юным Оком,

Смиренно поклоняться ландышам лесным...
 О юность милая! в твоём краю далёком
 Я утром звёзды видел через дым...
 Цветы меня земной любви учили,
 Лучи дневные – радости земной.
 Но и в ночной безрадостной пучине
 Я спал спокойно, защищённый мглой.
 В земной не прекращаемой тревоге
 Меня хранили и выращивали боги.

К СОЛНЦЕБОГУ

Блаженством наполняя душу мне,
 Свою Ты прячешь вечером куда-то,
 Обмыв её при этом в золотом огне
 Чарующих и ласковых закатов...
 Да утвердится мир твой в тишине!
 И наши взгляды, вслед за ясным Оком,
 Скрываются в мерцающей дали,
 В просторе звёздном юном и далёком
 От горестной и сумрачной земли.
 Там, верим мы, прекращены все битвы,
 И радостно звучат природные молитвы.
 Как под рукой арфистки молодой
 Звенит старинный инструмент забытый,
 Трудом и потом мастеров политый,
 Возможно, оттого доселе золотой.

ПАРКАМ

Ещё хотя бы лето в этом грустном мире
 Позвольте, боги, вместе с осенью прожить.
 И песнь последнюю на полнозвучной лире
 Да будет мне разрешено сложить!
 Пускай умолкнет раненое сердце –
 У вод подземных сброшу тяжкий груз.
 Хочу душой озябшей отогреться

И заключить с бессмертием союз.
 На что ещё способен я польститься?
 Что могут обещать потоки Стикса?
 Подлунный мир бывает словно волк,
 Сметает память, пожирает долг.
 А мне мечтается на жизненной дороге
 Исполнить то, что повелели боги.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Меня когда-то радовал восход,
 Закат печалил. Сделался я старше –
 И возрастные перемены в «стаже»
 Заставили поэта чужать всё наоборот.

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ (1797–1856)

Крупнейший немецкий поэт, публицист и критик XIX столетия был необычной личностью, которую трудно вместить в привычные рамки. Он был и социальным мыслителем, и романтиком, и лириком, и ярким сатириком, и фельетонистом, и общественным деятелем. Но прежде всего Гейне был поэтом по своему глубокому строю души – тонким, ранимым, сверхэмоциональным человеком, плохо приспособленным к своему бурному и в то же время очень рациональному времени. О его сложном противоречивом характере, удивительным образом сочетавшим в себе величие души и мелочность, писали очень много. Мать определила сына в католический лицей, где, надеялась она, ему привьют религиозное мировоззрение. Но эффект получился обратный – Гейне не захотел стать верующим человеком и увлёкся модным тогда атеизмом. Ему так и не удалось получить коммерческого образования и стать успешным банкиром, чего очень хотел его дядя. Разойдясь с ним, Гейне вернулся домой. Через какое-то время он поступил в университет на юридический факультет, но не удержался и там, ухитрившись вызвать на дуэль одного из студентов. Перейдя в другой университет и прослушав лекции по

философии у самого Гегеля, он всё-таки получил высшее образование, причём для получения диплома ему пришлось креститься – без этого ему бы диплом не выдали.

На это время приходится всё большее увлечение литературой. Он пишет стихи, окрашивая свои романтические переживания фольклорными интонациями и вырабатывает свой стиль – лёгкий, свободный от каких бы то ни было условностей. Гейне задействует все жанры: баллады, сонеты, романсы, лирические стихи в свободной форме. В какой-то момент он увлекается революционными идеями, поддерживает французскую революцию 1830 года и создаёт себе большие проблемы на родине. Его начинают критиковать, преследовать, подвергать цензуре, и поэт уезжает в Париж, где задерживается на целых 13 лет. Именно там он получает европейскую известность, становится политическим журналистом, пишет довольно дерзкие фельетоны против оппонентов по взглядам, знакомится со многим известными литераторами. Он овладевает французским языком настолько блестяще, что начинает писать на нём, и его слава возрастает. Несколько лет дела поэта шли неплохо, что подкреплялось счастливым браком, которым завершился его роман с простой, малообразованной, но преданной ему женщиной Матильдой. В дальнейшем его острая сатира всё же измучила властные круги Франции, и на него начались гонения.

Но главной проблемой оказалась болезнь, которая усиливалась в течение нескольких лет и завершилась смертью поэта.

Гейне везло на знакомства и общение с разными известными людьми, среди которых были два идеологических антипода – банкир Ротшильд и Карл Маркс, который приходился ему дальним родственником. Самое интересное, что они, познакомившись в Париже и сотрудничая в немецкой эмигрантской газете, даже не знали об этом. Маркс пробовал вовлечь Гейне в революционную деятельность и предлагал подчинить поэзию политике. Но Гейне так и не поддался революционной пропаганде, даже исходящей от самого основателя марксизма.

Внутренняя противоречивость, насмешливость, бескорыстная доброта, сутяжничество, мировая скорбь. Сам Гейне определял свои взгляды как весьма сложную материю: «Всё передумал за одну ночь: смесь из семьи, истины, Французской революции, Прав человека, Лессинга, Гердера etc.». Но, пожалуй, главной своей ценностью он считал свободу и борьбу за неё: «Я, право, не знаю, заслужил ли я, чтобы после смер-

ти гроб мой украсили лавровым венком. Но на этот гроб вы должны положить меч, потому что я был храбрый солдат в войне за освобождение человечества...». Понятно, что эту борьбу он вёл не штыком, а пером и стремился выразить то обновление, которое переживала тогдашняя Европа. Ему удалось передать это новое мироощущение, причём на художественном уровне он соединил в себе романтику и реализм и сделал это столь ярко, что на протяжении XIX века никто из немецких литераторов не мог даже близко подойти к заданной им высокой художественной планке.

СТИХИ ГЕЙНЕ, СТАВШИЕ ЦИТАТАМИ

ЛОРЕЛЕЯ

Не знаю, к чему эта странная грусть?
Мне душу видение гложет.
Я всем существом к его образам рвусь –
Оно же сомнения множит.

Над Рейном вечерним пылает закат.
Мне видится девушка с гребнем,
Причёску свою зачесала назад
Предметом блестящим и древним.

Багрово струится речная вода,
Сгорают последние краски.
Какая-то в воздухе мнится беда,
И песня рождается в сказке.

Да, песня звучит. Я иную искал,
Пловец в своей лодке невзрачной,
Среди откровенно нахмуренных скал,
Глядящих и слепо, и мрачно.

Пытаюсь светлее, уверенней плыть,
Надежды святыя лелея.
Не оборвать напряжённую нить
Загадок твоих, Лорелея!

Но скалы все выше, но чары сильней,
А голос звучит всё чудесней.
Поёт Лорелея ... и гряда камней
Пловца может встретить и песню.

СОСНА

Стоит одиноко на севере диком
В бесплодной пустыне сосна.
Под бурей холодной, на ветре великом,
Не зная покоя и сна.

Ей снится, что где-то на солнечном юге,
В такой же тоске одинок,
Мечтает дубок о далёкой подруге,
Склониться у ласковых ног.

СЧАСТЬЕ И ГОРЕ

Девушка ветреная – счастье.
Совсем недолго погостит,
Потреплет чёлку и со страстью
Нас чмокнет в лоб и улетит.

Но тётка тягостная – Горе
Нам скажет: а зачем бежать?
Прижмёт к груди на ложе вскоре
И станет длинный шарф вязать.

* * *

Надежды расцветают
И вянут, не таясь;
Одни, свершившись, тают,
Других смывает грязь.

Давно я знаю это,
Но счастья всё же жду.
Таков удел поэта –
С улыбкой ждать беду.

* * *

Твои глаза, как два сапфира,
Мы ближе синевы небес,
И счастлив тот, кто радость мира
Нашёл в святой любви к тебе.
Блестит сердца нежный пламень,
В груди твой любви алмаз,
И кто, счастливейший из нас,
Возьмёт сей драгоценный камень?
А нежных губ твоих бутоны
Сладчайший источают мёд.
Счастливец тот, кто сквозь препоны
Из них признание сорвёт.
Но он, блаженный обладатель
Алмаза и сапфиров тех,
Утратит всё, прости Создатель,
Со мною встретившись на грех.

* * *

Пора забыть любовный ералаш
И возвратиться в мир семейной скуки!
Где дремлет Хронос, молчаливый страж,
Мы только непочтительные слуги.

* * *

Пройдя сквозь поколенья,
Сквозь череду невзгод,
Любовь не знает тленья,
Вовеки не умрёт.

Хоть раз бы, умирая,
Припасть к твоим губам,
Вкусить земного рая,
Шепнуть: «Люблю, мадам!»

* * *

Не верую ни в Небо,
Ни в данный им Завет.
Люблю светло и слепо
Лишь глаз бездонных свет.

* * *

Пал туман на поле хладный.
Лес морозом опалён,
Зеленеет только ладный
Одинокий старый клён.

Что хранит его одежды?
Будоражит в ветках сок?
Неостывшие надежды
Или выжженный песок?

* * *

Хоть бей меня, хоть поноси,
Но коль сонета не похвалишь,
В любви пощады не проси –
Все отношения развалишь.

* * *

Иду ли я утренним полем,
Вдыхаю ли дым городской, –
Я бедами Родины болен,
Наполнен всеобщей тоской.

Увижу ль тебя под окошком
Вдохнувшей вечернюю тишь,
Я рад, что с мохнатою кошкой
На солнце закатном сидишь.

Я рад, что оно ещё светит,
Что жизнь не закрыла мне век,
Что вкусам твоим неприметен
Больной и чужой человек.

Лишённый величия мании,
С отчаянной болью в боках,
Теперь и грядущей Германией
Я буду прославлен в веках.

* * *

Хотел бы я словом единым
Связать свою давнюю грусть
И выкинуть ветрам ретивым.
Расправятся с буквами пусть.
Но ветры ли с возрастом тают,
Пугает ли близкая Даль,
Решимость моя нарастает,
Теряется суть и печаль.
Я часто в безмолвии плачу
И жребий стихами влачу.
Похож на унылую клячу,
Но небо зачем-то копчу.

ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ

Тот, у кого есть всё и много,
Умножит он своё наследство.
Но если мало, взыщут строго –
Отдашь и никуда не деться.
Но если ничего нет вовсе,
То в гроб тогда ты лечь готовься.

Есть право жить, скажи спасибо,
Лишь у кого есть хоть что-либо.

КУДА ДЕВАТЬСЯ?

Куда же плыть, да поскорей,
В какой отчизне бросить якорь?
Ведь как поэт и как еврей
Я должен где-то спать и плакать
Стихами. Кончилась война,
Но остаются трибуналы.
А у меня всегда вина,
Грозят тюремные пеналы.
Ох, признаюсь, давно устал
Играть на сцене чьи-то роли,
Принять казарменный устав,
Германской подчиниться воле.
Да, я не воин, не герой
И не люблю эффектных жестов.
Мой идеал – природный крой
И неба синего блаженство.
Но разве я легко готов
Балтийские покинуть воды
И удалиться на плато
В заокеанский хлев свободы?
Я мог бы в Англию успеть,
Да только видеть невозможно
Ни дым фабричный, ни их спесь.
Мне сразу делается тошно.
Желанней русские места,
Необозримые пространства –
Приют певца. Боюсь кнута,
Морозов, комаров и пьянства.
Необозримо море звёзд,
Своей же звёздочки не вижу.
Мой выбор родины непрост –
Я должен ясно видеть крышу.

Застрял меж небом и землёй
Я в стихотворном лабиринте.
Укройте душу тёплой мглой,
Муз из судьбы не уберите.
Сам разберусь, в конце концов,
Что истина, а что нарочно...
И обрету своё лицо
В юдоли этой суматошной.

СУЖДЕНИЯ ГЕЙНЕ, СТАВШИЕ СТИХАМИ

Мужчине женщина одновременно явлена
Как ядовитая змея и солнечное яблоко.

* * *

Ничем не примечательные лица правы –
Им легче в жизнь вводить святые нравы.

* * *

Я видел взгляд страдающего пса,
Светилась человечья в нём слеза.

* * *

У Запада своя в религию дорога,
Там Бог всегда замешан в «умные» дела.
Восток же почитает сумасшедшего пророка
За то, что потерял источник зла.

* * *

Мы слишком далеко от Замысла ушли
И растеряли всё величие души.

* * *

Где удовольствий временные корни?
Они в последующей постоянной скорби.

* * *

Для праведности важен единичный воин.
Пороку же нужны по меньшей мере двое.

* * *

От нравственности людям никуда не деться,
Она есть генератор и рассудок сердца.

* * *

Когда герои исчезают и великие мечты,
На сцену жизни лезут всевозможные шуты.

* * *

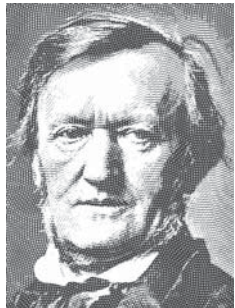
Женская ненависть – та же, наверно, любовь,
Но изменившая вектор и влившая новую кровь.

* * *

Безвучно мудрость сообщают людям Небеса.
Но им земля заткнула уши и глаза.

* * *

Россия даже по своим размерам
Для прочих стран является примером.

РИХАРД ВАГНЕР (1813–1883)

Рихард Вагнер родился в 1813 году в Лейпциге в семье полицейского чиновника. Отец рано умер, и семья, в которой было девять детей, прошла через испытания и нужду. Тем не менее отчим будущего композитора, актёр Людвиг Гейер постарался дать своему младшему пасынку хорошее образование. Вагнер закончил две школы с религиозным уклоном, учился у сильных музыкантов, затем в Лейпцигском университете, где был музыкальный факультет. Позже работал хормейстером, дирижёром музыкальных театров в разных странах – в Германии (Магдебург, Кёнигсберг, Рига), Норвегии, Франции, Англии.

Вагнер отличался бурным политическим темпераментом и всегда принимал участие во всех революциях и восстаниях. в 1849 году он поддержал Дрезденское майское восстание в Германии (там он близко со-

шёлся с Михаилом Бакуниным), но после его поражения был вынужден бежать в Швейцарию. Там, в Цюрихе, он создал либретто к «Кольцу Нибелунгов», работал над «Золотом Рейна», «Валькириями», «Тристаном и Изольдой». Именно на чужбине Вагнер ощутил в себе зов предков, осознал себя носителем великой немецкой культуры и начал изучать древнегерманскую мифологию. Позднее он испытал сильное влияние философии Шопенгауэра.

Вагнеру довелось прожить в эмиграции целых пятнадцать лет, но затем ему удалось наладить отношения и сделать своим поклонником короля Баварии Людвига II, настолько высоко оценившего творчество Вагнера, что оплатил все его долги и построил Оперный театр, который и возглавил композитор.

Свои дни Вагнер закончил в Венеции в 1883 году, куда уехал по состоянию здоровья. Есть точка зрения, что знаменитая новелла Томаса Манна не случайно названа «Смерть в Венеции», поскольку в ней несколько раз упоминается музыка Вагнера. Композитор оказал очень большое влияние на музыку всего мира и России. Искусство Вагнера никого не оставляло равнодушным, по его поводу шли жаркие споры. Его высоко ценили такие музыканты как Н. А. Римский-Корсаков, А. Г. Рубинштейн и, конечно, А. Н. Скрябин, на Западе его влияние испытали К. Дебюсси, Г. Малер, Б. Барток. С другой стороны, от Вагнера отреклись в России М. П. Мусоргский и А. П. Бородин, а на Западе его не принимал И. Брамс. Критическое отношение к Вагнеру было отчасти связано с тем, что он позволял себе высказывать антисемитские характеристики людей и культурных процессов.

Вагнер – один из самых великих композиторов не только Германии, но и всего мира. Он сочинял музыку, был дирижёром, возглавлял театр, считался реформатором оперы, оказавшим большое влияние на музыкальную культуру эпохи. Главные оперы, созданные Вагнером, – «Феи», «Риенци», «Летучий голландец», «Тангейзер», «Лоэнгрин», «Тристан и Изольда», «Нюрнбергские мастерзингеры», тетралогия «Нибелунгов перстень» («Кольцо нибелунгов») и «Парсифаль». Он видел оперный театр не местом развлечений, путь и высоких, но храмом искусства, где осуществляется синтез разных жанров, прежде всего драмы и музыки. Резко критиковал итальянскую и французскую оперу и предшественников композиторов (Верди, Россини, Обера), которые, как ему казалось, воплощали неприемлемую для него концепцию оперы и оли-

цетворяли вялую, скучную музыку. Оперы Вагнера – это, как правило, музыкальное изложение немецкой истории, древних сказаний, легенд, мифов, включающее в себя драматические диалоги и монологи героев, большие вокально-симфонические сцены, которые проходят через всё повествование. Философ А. Ф. Лосев определял основу музыкальной философии Вагнера как «мистический символизм». Музыкант воспринимал историю как подготовку к некоему всемирному очищающему действию, в котором может быть много потрясений, но которое заканчивается вовсе не погибелью мира, а его возрождением.

Вагнер не только выдающийся музыкант, но и философ искусства, который написал немало интересных трактатов и статей, излагающих его взгляды на музыку, искусство и литературу. Он писал и о революции, и о политике и даже написал большой очерк, посвященный русскому революционеру, основателю анархизма Кропоткину. Его называют одним из самых энергичных музыкальных мыслителей мира, который пытался понять, какой должна быть музыка будущего, и который создавал её. Вагнер сам писал либретто к своим операм, насыщая их разнообразным материалом – легендами, преданиями, образами, философскими раздумьями. Отрывок, который переложен стихами, как раз является частью оперы «Лоэнгрин» и излагает фрагменты легенды о сыне Парсифаля – немецкого рыцаря Круглого стола из эпоса о короле Артуре. Думается, что этот отрывок хорошо передаёт дух немецкого героизма.

ЛОЭНГРИН*

(Отрывок)

В краю далёком, баснословном, горном
Стоит твердыня – замок Монсальват.**
О нём сегодня в мире, злу покорном,
Немало былей, даже сказок говорят.
Там войн не знают, не знаком им голод...
Сей замок здесь, чтоб к Свету нас вернуть.
Спускается раз в год Небесный Голубь
Умножить силы, узаконить путь...
К святыням прикоснувшийся Грааля,***
Нечеловеческую силу приобрёл.
Божественными крыльями играя,

Он воспарил, как неземной орёл.
Такого не страшат все злые козни,
Соблазны не внушит мирская власть.
Такому в руки заколотят гвозди –
Он знает – зло обязано упасть.

И если хоть один подобный рыцарь
В стране далёкой и сегодня есть,
Мир ближний злу не должен покориться.
А ты спаси его достоинство и честь!
Жизнь создана на Божьем подражанье
Свободе, верности, любви и красоте.
Подобное святое обоженье-обожанье –
Всего основа, скрытно действует везде.
Итак, решил ты тайнами Вселенной
Владеть. Тогда услышь: я их обрёл.
Отец мой – Парсифаль благословенный,****
Я – Лоэнгрин, святых камней посол.

ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ НИЦШЕ
(1844-1900)

Фридрих Ницше, гениальный немецкий философ, оказавший огромное влияние на мировую философию и культуру, родился в 1844 году в саксонской провинции в семье потомственно-лютеранского священника. После смерти отца его воспитывала мать, в возрасте 14 лет он покинул дом и уехал учиться в основанную ещё в XVI веке престижную Гимназию Пфорта, которую закончили такие известные люди Германии как поэт Фридрих Готлиб Клопшток, математик Август Фердинанд Мёбиус, философ Иоганн Готлиб Фихте. Там были сильные преподаватели историки и филологи, и под их влиянием Ницше увлёкся античной филологией. Он пробует себя в литературе, начиная со стихов, изучает поэзию, философию и музыку. Затем учится поочерёдно в Боннском и Лейпцигском университетах, из-за своего

исключительно сложного характера, замкнутости и ранимости никак не может вписаться в студенческую среду. Вместе с тем демонстрирует свои блестящие способности в изучении наук, и уже в 24 года его приглашают в Базельский университет (Швейцария) на должность профессора классической филологии. Во время франко-прусской войны 1870 года служит санитаром, ухаживает за ранеными и в итоге заболевает дифтеритом и дизентерией. Вообще, болезни в виде сильнейших мигреней, бессонницы, частичной потери зрения и ощущение приближающегося безумия будут уже с 30 лет преследовать философа до конца дней. Последние годы он уже не преподавал в университете, а занимался писательским трудом, пытаясь таким образом победить болезнь.

В течение нескольких лет Ницше очень плотно общался и дружил с Рихардом Вагнером: их сближали любовь к Античности, неприятие мира расслабленных, духовно спящих обывателей, стремление возродить немецкую нацию с помощью культивирования духа героизма. Затем они разошлись – сказала и возрастная разница между двумя гениями (Ницше было 24 года, а Вагнеру 59), тяготение Вагнера к шумному успеху, что казалось Ницше изменой высокому назначению творца, слишком явный национализм музыканта (по словам Ницше, «ему нужны только германцы») и, наконец, откровенно критические высказывания Вагнера о философии Ницше, которые дошли до философа.

Нельзя сказать, что мировоззрение Ницше складывалось исключительно благодаря его внутренней работе и было лишено влияний. в разные моменты своей жизни он черпал философское вдохновение у таких мыслителей и литераторов как Сократ, Платон, Шопенгауэр, Эмерсон, Достоевский (он утверждал, что русский писатель – единственный психолог, у которого стоит учиться), Фейербах, Буркхардт. Последний период жизни его всё более интересовала тема воли к власти и самопреодоления человека.

Ницше оказал огромное влияние на европейскую и мировую культуру XX века. Его высказывания «Бог умер», «Я искал великих людей, а находил всегда лишь обезьян их идеала», «Где бы я ни находил жизнь, я находил также волю к власти», «Воля к системе есть недостаток честности» вошли в широкий обиход и цитируются не только профессиональными философами (против которых Ницше активно боролся), но и широким кругом людей. Многие бессознательно ему подражали. Один из наиболее ярких примеров – усы знаменитого русского и со-

ветского писателя Максима Горького, которые тот, по мнению биографов, ещё в ранний период становления собственной личности «подсмотрел» у Ницше.

Поэзия Ницше, тесно связанная с его афоризмами, была органическим продолжением его философии, которую он абсолютно намеренно излагал не в виде рациональной системы, а в виде экспериментального жанра, творя свой миф. Сам он не просто сочинял стихи, но много думал и писал о поэзии и вёл диалоги с такими поэтами как Гёте, Гёльдерлин, Бодлер, Эдгар По. Его интересовало проявление поэзии в древнегреческой трагедии, соотношение дионисийского и аполлонического начала, феномен игры в человеческой культуре, в которой он видел существо поэзии:

«Этот эстетический феномен (поэзия) в сущности прост: если ты способен всегда распознавать живую игру и жить в постоянном окружении сонмища духов, значит, ты поэт; если ты чувствуешь настоящую потребность преображаться и говорить языком чужих тел и душ, значит, ты драматург».

ОДИНОКАЯ ЛЮБОВЬ

Я колос одинокий, а не сноп.
Едва терплю содружество невежеств.
По мне любовь к одной – несносный гроб,
Рой комаров, клоака, а не свежесть.
Не стоит называть любовью страсть,
Она в нас гасит мысли, волю, власть,
Безжалостна, нестойка, суетлива,
Всегда зависит от прилива и отлива.
Могу любить весь мир и в нём, ужасном, – всех.
Страсть неизменная – и смех и смертный грех.

ЧЕРЕП

Он мудро глядит из глазных тёмных впадин,
Не видят глаза нам дорогу застлавший туман.
А лоб, сохранившийся, черепу даден
Чтоб нынешней жизни развеять обман.

Оскалены зубы огромным неспрятанным горем,
 Что плохо наследники землю хранят.
 Терзаем её, безрассудно позорим,
 Разбрызгали всюду невидимый яд.
 Что чувствует череп, сегодня мы ведаем скверно:
 Нирвана, геенна и даже блаженная мгла –
 Где правда и тайна, кто знает о том, хоть примерно?
 И где та дорога, чтоб к истине прямо вела?
 Жизнь наша – затишье, укрытое яркими снами,
 И мы разложение подняли вверх словно знамя...

ИДЕАЛ

Он столь безмерен, что грозит бедой.
 К нему стремясь, погибнешь от восторга.
 Но юноша и мудрый старец с бородой
 На кладбище одном его забудут только.
 Чем идеал так свято манит нас?
 Что вечно жив, всегда недосягаем.
 Мы радуго зовём небесным раем
 И просим с детства, чтобы пыл её не гас.
 Но стоит только нам прийти к его высотам,
 Наш идеал растает тут же, словно дым,
 И наша вера, и любовь – всё канет вместе с ним,
 И мы умрём, тоскуя по полётам.

РАСПЛАТА

Круши меня долго в грязи!
 Сотри моё имя в бесчестье!
 Красой и страстями рази!
 Пусть пыл их навеки исчезнет.
 За то ты меня прокляни,
 Что в юности, силой играя,
 Извлёк твою душу из рая,
 Вручил ей спокойствия дни.
 Но сердцем прости меня тоже

За беды минувших страстей,
 За хладное брачное ложе...
 Я верен богине своей.*

ПРЕЗРЕНЬЕ

Если ты презираешь себя,
 Это чувство вынашивай свято.
 Потакать же себе, недостатки любя, –
 Недостойно творца и солдата.
 Отправляйся немедля в отчаянный бой.
 С кем и с чем? Поначалу со слабым собой.
 Для солдата великая сладость
 Одолеть прирождённую слабость.

МИЛОСЕРДИЕ

Как больно делает (но кто захочет видеть),
 Кто на словах нас обещает не обидеть,
 Кто милосердие людское славит всюду,
 Тот и себя, и человека не щадит.
 Ведь поцелуй навеки запятнал Иуду.
 Нет, милосердие для нас совсем не щит.
 Грозит он честности мечом с усмешкою коварной,
 Нет, с ним не выжить в этом мире тварном.
 Оно скрывает миллионы преступлений
 Путём сокрытой лжи и откровенной лени.

ПОЛНОЧЬ

Так душно... Я завис над мрачной бездной.
 Все ощущения сковала тишина.
 В окно заглядывает полная луна –
 Соратница и спутница красы небесной.
 Невидимый Сатурн надел прощания венец.
 Возможно, сам я стал неразличимой тенью.
 Не чувствую свой собственный конец

И сделался подобием ночного привиденья?
 Но нет, я жив! Мне светит солнца луч
 Сквозь толщу застеливших небо туч,
 Оно встаёт во мне по воле тяготенья.
 А мир по-прежнему и светел, и могуч.

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ (1875–1926)

Райнер Мария Рильке – крупнейший поэт, переводчик и прозаик Австрии XX столетия, модернист по форме письма и мироощущению, человек, судьба которого тесно соприкасалась с судьбой России. Он довольно долго общался с Львом Толстым, Ильёй Репиным, Борисом Пастернаком, Спиридоном Дрожжиным. Родился в Чехии, в семье железнодорожного чиновника,

который поначалу определил сына в военную школу, но когда сына комиссовали из армии по причине слабого здоровья, помог ему перейти на юридический факультет. Однако душа молодого человека не лежала к юриспруденции: уже с юности он начал писать стихи. Их оценили, поскольку Рильке начал публиковаться рано – с 16 лет. Какое-то время ему пришлось совмещать своё призвание к искусству и юриспруденцию, на чём настаивал его отец. Рильке издал свой первый сборник «Жизнь и песни» в 18 лет. Стихи были несовершенными, и сборник не вызвал особого интереса у публики. Сам Рильке позже рассматривал это сборник как провал и сожалел, что книга ещё лежит на прилавках магазинов. Следующий сборник такой интерес породил, и это было связано с ростом поэтического мастерства у молодого автора.

Покинув Прагу, поэт начал странствовать по миру, предпочитая делать долгие остановки в разных странах и городах. Мюнхен, Берлин, затем Италия (Арко, Флоренция, Виареджо), изучение философии, написание стихов... Новая берлинская знакомая Рильке Лу Андреас-Саломе, отец которой, генерал из Пруссии, служил в России, открыла для поэта русскую культуру, и тот даже начал изучать русский язык, а потом согласился совершить путешествие в эту таинственную страну. Связи су-

пругов Андреас сделали дело, и Рильке не просто посетил Россию как турист, но был принят на самом высшем для художника уровне. Достаточно сказать, что Пасхальную ночь Рильке встретил в Московском Кремле, а затем посетил множество храмов, в те годы ещё сохранившихся. Он познакомился с художниками Репиным, Васнецовым, скульптором Голубкиной, поэтом Пастернаком, искусствоведем Александром Бенуа и побывал в Ясной Поляне у самого Льва Толстого, начал переписываться с Цветаевой, и этот эпистолярный диалог продлился много лет. Не прошло и года, как Рильке, ставший европейским русофилом, предпринимает вторую поездку по России. На этот раз его география была куда обширнее – 13 городов, Центральная и Южная Россия, Поволжье, Украина. Рильке настолько погрузился в русскую культуру, что даже попробовал писать стихи на русском, которые, конечно, оказались значительно менее совершенны, нежели его же стихи на родном немецком языке. Он переводил «Слово о полку Игореве», стихи Лермонтова, Фофанова и Гиппиус, готовил материалы для написания больших очерков о русских художниках Крамском, А. Иванове, Ф. Васильеве, Левитане, Малютине и вообще был очарован русской культурой и признавался в этом открыто: «Я внутренне настолько полон Россией и одарён её красотой, что едва ли буду замечать что-либо за её границей».

Биографы поэта подчёркивают, что в «Часослове» (сборнике стихов, представленном как итог двух путешествий) видны следы идеализации России, которую поэт воспринимает как сельскую патриархальную державу, живущую в мистическом союзе народа, природы и Бога. Именно русская духовная стихия повлияла на творчество поэта, который писал каждое стихотворение почти как молитву.

В 1901 году Рильке женится на дочери скульптора Кларе Вестхоффе, через год он переезжает в Париж, где проводит несколько лет, работая личным секретарём скульптора Родена. в отличие от многих художников и литераторов, наслаждавшихся богемной жизнью в Париже, Рильке тяготился своим пребыванием в этом огромном Вавилоне. Потому он периодически вырывался за пределы светской жизни и путешествовал по Европе. в это время он совершает поездку в Данию, где погружается в изучение философии датского мыслителя Сёрена Кьеркегора. Идеи философии экзистенциализма становятся для Рильке центральными. Поэт путешествует и по Италии, где знакомится с ещё одним русским писателем – Максимом Горьким, а также по Шве-

ции, Бельгии, Испании и Северной Африке (Тунис, Алжир, Египет). Он начинает писать роман «Записки Мальте Лауридса Бригге», пишет работы о деятелях искусства («Письма о Сезанне», «Огюст Роден»), занимается переводами английской, итальянской и французской поэзии, переводит «Португальские письма» монахини Марианы Алькофорато. в 1916 году был призван в армию, правда, в боевых действиях ему участвовать не пришлось – увидев крайнюю бытовую непригодность поэта и его физическую слабость, начальство перевело его на службу в военный архив.

Французский поэт Поль Валери, стихи которого Рильке переводил на немецкий язык, говорил о Рильке как о «нежнейшем и одухотвореннейшем человеке этого мира, человеке, который более всех был навещаем всевозможными чудесами и духовными тайнами».

Женщины играли в жизни Рильке большую роль – как, наверное, и в жизни любого крупного поэта. Он рано женился, в браке родилась дочь Рут, но они с женой Кларой, сохраняя брак и переписываясь, жили отдельно. На протяжении жизни у него периодически возникали романы и глубокие платонические увлечения (Марина Цветаева, Баладина Клоссовска). Повлияли на него и отношения с эксцентричной женщиной русского происхождения, писательницей и психотерапевтом Лу Андреас-Саломе, которая заводила романы с самыми разными деятелями искусства Европы. Она оказала на него огромное влияние. Он влюблялся в актрис и поэтесс, чаще безответно, и всегда тяготел к сильным женщинам, которые его опекали. Внутренний кризис, наступивший после войны, помогла ему преодолеть княгиня Мария фон Турн-унд-Таксис, хозяйка замка Дуино, в котором Рильке неоднократно бывал и именем которого назвал большой цикл своих произведений «Дуинские элегии». Эта знатная дама из высших светских кругов все оставшиеся годы поддерживала поэта.

Самый последний период жизни Рильке провёл в Швейцарии, в замке Мюзот. Помимо «Дуинских элегий» он написал здесь свои не менее знаменитые «Сонеты к Орфею». Именно в замке, в уединении среди гор его настигла мировая слава. Знакомства с ним искали самые разные литераторы из Европы, его телефон обрывали поклонницы, но ему это было совершенно не нужно – постепенно развивавшаяся болезнь лейкемия, которую никак не могли правильно диагностировать врачи обесценила все радости жизни. в 1926 году великий австрийский лирик покинул этот мир.

Биографы отмечают огромное внутреннее одиночество Рильке, за свою жизнь написавшего более десяти тысяч писем, склонность к бегству от грубой прозы жизни в мир творческих фантазий и мифов. Его поэзия – это стихотворное исследование внутреннего мира человека. Он стремился победить это одиночество с помощью поэзии. Он писал об одиночестве, любви, тоске по единению с людьми, о Боге, о таинственных силах, живущих в человеческой душе. Писал под влиянием таинственных импульсов, идущих из глубин души. Один из таких импульсов, вдохновивших поэта на создание его знаменитых «Дуинских элегий», Рильке описал как голос, пробившийся к нему сквозь шум Адриатического моря, которое он созерцал, со странной фразой: «Если я закричу, кто услышит среди ангельских чинов?» Голос это раздался во время созерцания морской бури. Поэт немедленно записал эти слова и принялся сочинять стихи, вечером была готова первая элегия из тех, что впоследствии обессмертили его имя. На создание этого цикла, состоявшего из десяти небольших поэм, каждая из которых была совершенно отточена, у Рильке ушло как раз десять лет. Три главных образа «Дуинских элегий» – человек, ангелы и кукла. Ангелы, символизирующие «полноту бытия» и духовное совершенство, одним своим присутствием показывают человеку, насколько он от этого совершенства далёк. Они живут в особом мире, который поэт назвал «внутренним мировым пространством». Для Рильке было очень важно утвердить идею, что невидимый мир относится к «высшим разрядам реальности».

Плюсом ангелов являются «куклы», символизирующие собой механическое существование, характерное для современной цивилизации. К подобным «кукольным» образам ещё раньше обращались немецкие классики (Эрнст Теодор Амадей Гофман с его «Щелкунчиком» и «Песочным человеком», Генрих фон Клейст с его «театром марионеток», Новалис с его «Сказочным миром»). У Рильке «кукла» – это то, что человек должен в себе преодолеть, так как сам состоит наполовину из «куклы», а наполовину из ангельской субстанции. Поскольку его мир – не божественная реальность, а земной «мир вещей», человек может достичь совершенства через труд и любовь. К концу цикла элегий у Рильке появляется образ деятельного героя, способного победить свою тягу плыть по течению жизни и самому создавать героическую судьбу. Наиболее полное развитие этот герой, творящий ценности духовного порядка, получает в последнем произведении Рильке

«Сонеты к Орфею». В финале своей жизни поэт нашёл в себе ресурсы духа говорить с читателям на языке жизнеутверждающей героики. «Сонеты к Орфею» состоят из 29 стихотворений, объединённых сюжетом путешествия Орфея через царство мёртвых и живых. Подлинную красоту мира Орфей (у Рильке он одновременно и певец, и культурный герой, способный вести за собой людей) начинает чувствовать только после возвращения из мира теней. Жизнь, как сладкое яблоко, «сгусток солнечного света», «полнота мгновенья», напитывающая свои соком людей – вот как воспринимает мир Орфей у великого австрийского поэта.

В данной подборке переведены девять стихотворений Рильке. Среди них и впечатления о земных путешествиях поэта в тот же Санкт-Петербург, и свидетельства о его интересе к миру Востока (стихотворение «Будда» и его раздумья о жизни, земной и вечной).

ЕЗДА НОЧЬЮ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В час, когда на чёрных рысаках
 Мчались по нему мы белой ночью,
 Он казался нам повисшим в облаках
 И куда-то убегающим воочью.
 Мостовые, тучи и дворцы
 Подключились к общему движенью.
 Словно поднебесные творцы
 Дали власть в ночи воображенью.
 Даже знаменитый Летний Сад
 И его на постаментах сказки
 Закружились в непривычной пляске...
 Что бы означал подобный взгляд?
 То, что града в будущем не будет,
 Если ныне покидает свет?
 Он возник, как дерзновенный бред
 В непригодном для него безлюдье.
 Нам мерещатся ряды могильных плит.
 Мчимся мы на рысаках, и город спит.

В ПРЕДМЕСТЬЕ

Старуха, что жила ещё вчера,
 Мертва. в квартире заколачивают двери,
 Выносят гроб, едва не уронив среди двора
 И не заметив человеческой потери.

Внизу стоит безмолвный катафалк.
 На облучке нетрезвый кучер дремлет
 И уж, конечно, очень спорный факт,
 Что вспомнит кто-то б ушедшей в землю.

А стоит бы задуматься, ведь целые миры,
 Покинув счастье, горе и привычки,
 Выходят навсегда из жизненной игры...
 Но, может быть, меняют лишь обличье?

ПРОСТЫЕ СЛОВА

Простые обиходные слова,
 Люблю вас за неяркое обличье.
 Но в вас немало силы и величья,
 Трезвеет от звучанья голова.
 Не нужен вам искусственный румянец –
 Естественный пылает на щеке.
 От всяких ухищрений вдалеке
 Я с вами завожу совместный танец.

ВЕЧЕР

Явился вечер, словно книга золотая,
 Меняя краски драгоценные вдали.
 Я удаляюсь постепенно от земли.
 Страницы перелистываю. Первая, вторая...
 Очередная, видимо, страница
 Когда-нибудь привидится, приснится...
 Миры парят и в небе исчезают,
 Один падёт, другой стремглав взлетает.

Вот так твой дух, поэт, не может непременно
 Парить лишь только или вниз упасть.
 Ему останется, чтоб вовсе не пропасть, –
 Путь камня и звезды пройти попеременно.

ХРИЗАНТЕМА

Тогда был день китайских хризантем;
 Ты ночью поздней появилась в спальне,
 Чтоб овладеть душой моей. Затем
 Исчезла, ангела посмертного печальной.
 Я трепетал, но ты была смела,
 Волшебна нежная и сказочно мила.
 Ты снилась не однажды перед тем.
 Тогда был день китайских хризантем.

* * *

Мы первый раз с тобою замолчали,
 Отпраздновав ночной любовный пир.
 Ты погрузилась в женские печали.
 Сплетались тени. Сосны покачали
 Нам лапами. Промчался дождь сквозь чащи
 Весёлый. Сумасшедший. Настоящий.
 И потянулся к нам двоим весь Божий мир.
 Так завершился наш ночной любовный пир.

БУДДА

Он за века узнал немало вздора.
 Теперь вникает в звуки тишины –
 Того несметного таинственного хора,
 Где наши смыслы все заключены...

Он мудрости вселенской вечный пленник
 И трансформатор опыта её.
 Мы можем перед ним склонить колени,
 На ни йоту не улучшив Бытиё.

К нему влечёт союз ума с уменьем
 И с вечностью. Он выше всяких книг.
 Он за столетья сделался знаменьем,
 Недосягаем до сих пор его родник.

ПОЭТ

Жизнь, ты крыльями мне душу истерзала,
 Да и тело мне держать невмочь!
 Вот простёрт я у последнего вокзала,
 Разверзается загадочная ночь.
 Утопаю в равнодушие общем,
 В поклоненье человеческим страстям.
 Сердце! Мы пока с тобой не ропщем.
 Что союз наш раздирают по частям.

ГЕРМАН ГЕССЕ (1877–1962)

Крупнейший немецкий писатель Герман Гессе, вся литературная жизнь которого была пронизана темой духовных исканий, родился в семье теологов и миссионеров. Родители мечтали, чтобы сын пошёл по их стопам. Потому они постарались дать ему богословское образование, отправив ребёнка в базельскую миссионерскую школу, а затем и в христианский пансионат. Позже была латинская школа, семинария в монастыре Маульбронн, которую будущий писатель так и не закончил. Гессе всё время отвлекался от учения в протестантских школах, предпочитая книги и вольности строгой дисциплине клерикальных заведений. Уже в тринадцать лет он осознал: «Я стану либо поэтом, либо вообще никем». Чувство протеста против выбора, который сделали за него родители, в какой-то момент выплеснулось наружу: Гессе покидает стены семинарии, и его через какое-то время находят спящим в стогу сена. Отношения с профессурой семинарии и другими учениками портятся, и молодой человек переживает сильнейший душевный кризис, завершающийся попаданием в психиатрическую клинику.

После ещё одной такой попытки закончить богословское образование, он поступает в миссионерское издательство, где помогает отцу, и работает механиком на часовой фабрике. в этот период Гессе много занимается самообразованием, читает древнегреческую литературу, европейскую классику, философию, пишет статьи и стихи, которые начинают печатать в местной прессе. Он пробует издать свои стихи и рассказы, но вышедшая небольшим тиражом книга «Романтические песни» практически не продаётся. Однако молодой литератор, работающий в книжном магазине, не отчаивается и по вечерам продолжает свои попытки. в 1901 году Гессе, с юности мечтавший о путешествиях, посещает города Италии: Равенну, Венецию, Флоренцию и Геную. Получив яркие впечатления, он возвращается в Базель и продолжает штурм литературного Олимпа. Постепенно публика проникается интересом к трудам молодого писателя, и он приобретает известность не только среди простых людей, но и среди литературной элиты. На него начинает обращать внимание такие корифеи немецкой литературы как Томас Манн, Стефан Цвейг, Райнер Мария Рильке. Он переписывается с ними и получает поддержку. Но подлинную известность Гессе приобретает после публикации своего романа «Петер Каменцинд», за который ему присуждают литературную премию. Он становится кумиром молодёжи, причём эта слава среди духовных искателей будет отныне сопровождать его всю жизнь. Гессе женится на молодой женщине Марии Бернулли и поселяется в деревне на берегу Боденского озера. Это тяготение к тишине и удалению от цивилизации – отличительная черта немецкого писателя. Так ему легче думалось и писалось. Потому он большую часть своей жизни прожил в Швейцарии.

И одновременно с этим Гессе любил путешествовать. Ему нравилась Италия, где он несколько раз подолгу бывал, и его манил к себе Восток, прежде всего Индия. Интерес к этой стране зародился у него под влиянием рассказов деда и отца, проведшего в Индии много лет. Он собирается с силами и совершает большое путешествие по странам Востока, помимо Индии побывав ещё на Шри-Ланке, в Индонезии и Сингапуре. Свои впечатления он воплотил вначале в «Записках об индийском путешествии». Этот вояж помог ему создать «Паломничество в страну Востока» и «Сиддхартху», книги, ставшие культовыми произведениями для многих духовных искателей Запада.

Во время Первой мировой войны Герман Гессе в соответствии со своими убеждениями занял позицию, близкую к пацифизму и сотруд-

ничал как с немецким, так и с французским посольствами. Он собирал деньги на создание библиотек для военнопленных, что вызвало ярость на его родине, где писателя обвинили в трусости и даже в предательстве. Но Гессе, на почве своих пацифистских взглядов сблизившийся с Роменом Ролланом, воспринимал Первую мировую войну как бессмысленную трагедию. Он находится в состоянии кризиса, на который наложилась тяжёлая психическая болезнь жены; с ней он в конце концов разошёлся. Писатель нашёл своё семейное счастье только в третьем браке, когда женился на искусствоведе Нинон Дольбин, имевшей украинские корни. в попытках выйти из кризиса писатель обращается к модному в те годы психоанализу, а затем к динамической психологии. Он проходит 60 сеансов психотерапии у знаменитого аналитика Йозефа Ланга, посещает сеансы Карла Густава Юнга, изучает теорию психосинтеза Роберто Ассаджиоли. Гессе обращается к буддизму и духовным практикам Веданты, и это помогает ему в конце концов преодолеть депрессию.

В своих романах («Курортник», «Путешествие в Нюрнберг», «Нарцисс и Златоуст», «Степной волк», «Игра в бисер») Герман Гессе осмыслял духовные пути западной цивилизации и всё время сравнивал духовные основы Востока и Запада, напряжённо размышляя над судьбами искусства. Его глубоко травмировало снижение эстетических вкусов масс, всё более склонявшихся к массовой культуре и всё отчётливее игнорировавших классику. в своих последних романах Гессе вышел на очень глубокий уровень осмысления кризиса всей западной цивилизации и достиг при этом реальных высот литературного мастерства. Он вырастает в крупнейшую фигуру европейской литературы, и это осознают его современники. Присуждённая Гессе в 1946 году Нобелевская премия по литературе с формулировкой «За вдохновенное творчество, в котором проявляются классические идеалы гуманизма, а также за блестящий стиль» выглядит заслуженной наградой.

Стихи не были главным литературным жанром Германа Гессе, несмотря на то, что он писал их всю жизнь (больше всего в юности и старости). Не будем забывать, что импульс к поэтическому творчеству был у него первичным по отношению к прозе, он с ранних лет мечтал стать поэтом. Его яркая философская лирика была очень своеобразной. Она не отличалась изощрённостью формы, но хорошо передавала дух романтики, который Гессе, по всеобщему мнению литературных критиков, унаследовал и очень своеобразно преломил в своём творчестве. Мно-

гие отмечали подчёркнутый архаизм поэзии Гессе, как бы демонстрировавшего всему литературному миру: я не желаю подстраиваться под суетливый дух эпохи и не хочу писать вычурно, даже если мои стихи не вписываются в современную манеру поэтического письма. Его главные художественные темы – духовное противостояние суетливому духу времени, самопознание, восхождение человека к вершинам нравственно-духовного совершенства. С. Аверинцев, с удовольствием переводивший стихи Гессе, высказался о них так: им «предстояло становиться всё лучше, так что наиболее совершенные стихи были им написаны в старости, но в существе своём его поэзия всегда жила силой его прозы, служа лишь более откровенному и очевидному выявлению и так присущих ей, прозе, свойств лиризма и ритмичности».

Как бы то ни было, такой крупный писатель и человек как Герман Гессе не мог не оставить яркий след, к чему бы он ни прикасался. и это бесспорно касается его поэзии.

СЛУЖЕНИЕ

Когда Землёю правили вначале
С Небес сошедшие могучие вожди.
Не знали люди горя и печали,
Пока в иной период ни вошли.

Тогда служить и править миром дольным
Пришлось его насельникам самим.
И мы расстались с Небосводом вольным –
Рассеялся порядок, словно дым.

Исчезли полубоги и титаны,
Оставив нас без веры и любви,
И мы живём без света и охраны,
Без трепета священного в крови.

Но люди прежние заветы не забыли,
И память о правлении Владык.
А Те, покрытые слоями древней пыли,
Не покидают наши души и язык.

Ночная тьма не исчезает разом,
Веками зреют семена идей,
Эонами благословенный Разум
Вселяется в сознание людей.

ЧЕМ ЖИЗНЬ МОЯ БЫЛА

Когда бы жизнь сегодня подытожил,
Её пустой бы обозвать не смог.
Число друзей в ней личное умножил,
Присутствовали Родина и Бог.

Загробный мир потусторонним вздором
Не полагал и свято верил Небесам.
Исправно здесь служил земным просторам,
Старался совершенствоваться сам.

С Водюю, с Горным Ветром, с Чистым Полем
В единстве братском был все годы я,
И неба милостью я не был обездолен,
Мне песни пела Родина моя.

Державе, флагу верен был до дрожи,
Но чувствовал я грех, когда бы мне
Сказали: ценишь, мол, ты их дороже
Живых людей в своей родной стране.

* * *

Бродить в потёмках больше не могу,
Не получая от богов ответа,
Зачем я нужен, как мишень, врагу?
Встречаю редко луч святого Света?

Я в стрелах, как библейский Себастьян,*
Ещё стою, хотя и кровотоку.
Не сдался до сих пор слепым страстям,
Не наслаждался сном и долгой ночью.

Но, видно, смертный дротик не пронзил
 Страньями измученного сердца.
 Лишь на пределе человеческих сил
 Нам открывается Освобожденья дверца.

В МИНУТУ ОТЧАЯНЬЯ

Когда порыв легчайший ветра
 Лавину с гор направит нам,
 Неужто Бог, святой и светлый,
 Желает смерть своим сынам?
 Когда ты одинокий, нищий,
 Сгибаясь молча под крестом,
 Свой Дом на этом свете ищешь,
 Высокий смысл есть в деле том.
 Но мир становится безумен,
 Качает бедной головой,
 Когда Всевышний в сердце умер.
 А ты на вид ещё живой.

ОДИНОЧЕСТВО

Мой путь и лёгок и тяжёл,
 Ведь знающим известно,
 Кто одиночество нашёл,
 Там рай и ад совместно.

Смущает обликом соблазн,
 Отступничество – сутью.
 Я это испытал не раз
 На жизненном распутье.

Кто одиночество вкусил –
 Единственную сладость,
 Тот не растратит капли сил
 На всяческую слабость...

КНИГИ

Ни одна из многих книг
 Счастьем не научит.
 И пока в себя ни вник,
 Поиск лишь измучит.

Мудрость – у тебя внутри:
 Солнце, звёзды, луны...
 Сердцем пламенным гори.
 Только сердце юно!

Путь был долог и тяжёл.
 Горести в излишке.
 Наконец, себя нашёл!
 Сочиняй и книжки.

ПУЗЫРИ

В начале жизни, облакая в речь
 Всю скудость опыта и диафрагмы глаза,
 Поэт-студент не пробует сберечь
 Нахлынувшие образы и фразы.

Ему мечты о славе грудь теснят,
 А голову – прочтённые архивы.
 Безмолвно фыркает библиотечный ряд
 На почерк новосёла торопливый.

Поэт-старик, хотя свой труд творит
 Из той же всем доступной пены Майи,*
 Высоким вдохновением горит,
 И мир ему столетьями внимает.

Зови на помощь Небо, не зови –
 Всё на земле не лучше и не хуже,
 Чем порождённые дождями пузыри,
 Возникшие и лопнувшие в луже.

Бог никого забвенью не предаст,
 Всё подчиняя вечному теченью,
 Как некогда сказал Экклезиаст.**
 Но ты не должен сдаться огорченью.

ХРАМ

Где бог очередной низринутый лежит,
 Где роща и забытая дорога
 Вдоль храма бедного куда-то вдаль бежит,
 Позволь и мне передохнуть немного.

Здесь тень святынь и я, едва живой,
 Заблудший в путешествиях прохожий,
 Израненный, с тяжёлой головой,
 Лежу, согнувшись от безмерной ноши.

Я перечёл немало мудрых книг,
 В чужих морях и океанах плавал,
 Да слишком часто заводил в тупик
 Меня, тупого, хитроумный дьявол.

И вот в изнеможении прилѣг
 У храма, где царил мой прежний бог,
 Забытый мной, и мой мутится разум.
 Я только человек, увы, не бог.
 Но Богом стать когда-нибудь обязан.

МЁРТВЫЙ ГОРОД (НОЧНОЕ СТРАНСТВИЕ)

Мой путь далѣк был по ночной тропе,
 Долин пустынных влажная прохлада...
 И сквозь врата меня пустил к себе
 Старинный город – путнику награда.

Но в нём никто не звал меня в тиши
 И на постой пускать не собирался,

Как будто город умереть решил
 И окна чёрными представить постарался.

Лишь снова в поле из него уйдя,
 Свой след запомнив, мельком оглянулся
 И в башне свет с трудом увидел я,
 И дух мой вновь надеждой встрепенулся.

Там бодрствовал Один, Он, наверху,
 Фонарь мерцал, ночным созвучный стукам.
 И Он, так много повидавший на веку,
 Смотрел в окно, шагов внимая звукам.

БХАГАВАДГИТА* (БЕССОННИЦА)

Лежал без сна в ночи безмолвной,
 Искал, как должен поступить.
 Мой дух поник, тоскою полон –
 Ведь смерть прервѣт им жизни нить,
 Невинным душам, если буду
 Сражаться за свой славный род.
 Когда ж со мной случится чудо –
 Свой путь узнать придѣт черѣд?
 Тогда войну я проклял сердцем.
 Где Бог, что жизни им не спас?
 Но вдруг небес открылась дверца,
 Богов индийских мудрый глас
 Сказал мне: мир на этом свете
 С войной равны в цене всегда.
 Нет в царстве духа тьмы и смерти.
 Есть правда воли и труда.
 Итак, оставь сомнений путы –
 Оковы тяжкие твои.
 И с этой радостной минуты
 Сражайся, действуй и твори.

ИЗ ПОЭЗИИ К РОМАНУ «ИГРА В БИСЕР»

ЖАЛОБА

Не быть, но течь – наш человеческий удел,
Мы в жизни жаждем вечных обновлений.
Для крупных замыслов и необъятных дел
Мешает нам нередко примесь лени.

За кругом круг бредём, и будет так
С рожденья и до смерти... злая участь.
Нам мир чужой, идём сквозь свет и мрак
Но нас страданья ничему не учат.

Вниз пригибает подражанья гнёт,
А также вяжет тина мнений общих.
Творец же нас как глину в пальцах мнёт
И никогда не ставит в печь на обжиг.

Стать камнем бы, ещё верней – скалой,
Передохнуть и в путь пустится снова...
Да обжигает грудь пустынный зной,
А душу – некогда оброненное Слово.

СТУПЕНИ

Недолго у цветка цветенье,
Как и у наших пёстрых дней.
Мелькаем в Жизни быстрой тенью
И так же исчезаем в Ней.

С эпохой каждой ниже тучи,
Грознее гром, тревожней высь,

Житейские ступени круче.
Что нам подкидывает Жизнь.

Мы созданы для долгих странствий
И бесконечного труда.
Кто знает цену низкой страсти,
Необходим и прав всегда.

Итак, вперёд за обновленьем
Всех в мире форм и разных правд.
Ты не обязан слиться с тленьем.
Ты всякому движенью рад.

X

Сербская поэзия

Бечкович. Караджич

Сербская литература и поэзия – это порождение и плод сербской истории, а она всё время была драматичной и даже трагичной. С самого начала своей истории Сербия находилась на перекрёстке интересов разных стран и вынуждена была бороться буквально не на жизнь, а на смерть за право быть собой. Исследователи сербской культуры М. Карасёва и А. Базилевский справедливо писали:

«Обострённое чувство исторического достоинства вселило в сербов высокие героические идеалы, сделало их восприимчивыми к идеалистическим философским концепциям, в духовных поисках часто заставляло опираться на такие надличностные понятия, как “народ”, “земля”, “почва”, “национальная идея”. Сербская поэзия развивалась в тесной связи с многосоставной традицией порождающей её культуры – разомкнутой, подверженной многим внешним воздействиям... В разные периоды истории Сербия была включена в разные культурные ареалы: с древности до XVIII века – преимущественно в византийский, затем, вплоть до наших дней, – в русский и западноевропейский. Пятивековое османское иго (XV–XIX века) и упорная австро-венгерская экспансия (XVII – начало XX века) стали причиной того, что сербы поддерживали свою культурную идентичность, бережно сохраняя старое духовное наследие и создавая богатый и своеобразный фольклор».

Чувство постоянного нахождения на поле боя, присущее большинству сербских поэтов, даже если они склонны к модернизму и западничеству, проявилось в жёстких спорах относительно того, насколько патриотично современное искусство и в какой степени оно отвечает национальному сербскому характеру. Эти споры идут уже много лет, то затихая, то, наоборот, обостряясь. Главным направлением сербской поэзии был и остаётся героико-патриотический романтизм, который отражал умонастроение сербов. Он был присущ главным сербским поэтам XIX столетия, которые участвовали в национально-освободительном движении страны и были при этом ориентированы на Россию и русскую литературу. Но, конечно, было немало литераторов-западников, которые были нацелены на культурные заимствования, идущие из Европы.

Поэзия, выстрадавшая сербским народом, играет особую роль для России. Да, Россия в течение длительного времени играла роль старшего брата, и русские поэты едва ли в чём-то подражали сербской поэзии. Скорее сербские поэты ориентировались на Россию. Однако Сербия, её духовная культура, литература, традиции, история чрезвычайно важны для России, поскольку эта страна представляет собой оплот православия на Западе. Сербь как будто назначены самой историей к очень ответственной миссии – защищать нас от Запада и одновременно предупредить, что с нами может быть, если мы по какой-то причине ослабеем или откажемся от себя сами. Потому нам так важен опыт сербов в самых разных сферах жизни, включая литературу и поэзию. Творчество Караджича с его необычной образной системой и идеями как раз соединило в себе модернизм и традиционализм, открытость миру и патриотизм. Оно, как и личность этого уникального правителя-художника, привлекло Ю. М. Ключникова и побудило его сделать переложения его стихов на русский язык. Как символ сопротивления злу, излучаемому безликой Гаагой, поисков самых разных новых форм развития поэзии и как человек Большого Поступка, Караджич заслуживает самых больших творческих похвал.

В данном разделе представлены стихи крупного сербского поэта Матиа Бечковича и бывшего президента Республики Сербской Радована Караджича.

МАТИА БЕЧКОВИЧ (Р. 1939)

Известного сербского поэта, драматурга и общественного деятеля Матиа Бечковича у него на родине называют «принцем сербской поэзии» и сравнивают с «чистым горным воздухом, струящимся по широким пространствам современного сербского поэтического творчества». Член Сербской академии наук и искусств (с 1983), с 1988 по 1992 год возглавлял Союз писателей Сербии.

В детстве жил в Черногории, тогда ещё входившей в единую страну, закончил филологический факультет Белградского университета. Был женат на дочери русских эмигрантов Вере Павлодольской, которой впоследствии, после её смерти, посвятил большую поэму, получившую на

родине большую известность. Много писал и издавался, был награждён различными премиями своей страны. Его поэзия до сих пор собирает полные залы любителей слова. Был другом президента Сербии Владислава Коштуницы, в прошлом считался инакомыслящим по отношению к официальной позиции.

В поэзии тяготеет с одной стороны к современному стилю, с другой – воскрешает фольклорные сказовые мотивы и традиции поэзии Сербии и Черногории. Сделал современную переработку сербской классической поэмы «Горный венец» Петра Петровича Негоша. Страстный патриот своей страны. Его пронзительные стихи о Косовом поле дают ясное понимание, что чувствуют сербы, утратившие в результате албанской оккупации эту национальную святыню.

КОСОВО ПОЛЕ

Крадут мою память, лишив её прошлого –
Свидетеля ныне глядящих очей.
Бомбят мою веру, мол, что в ней хорошего?
«Нуждаешься в Господе – рядом мечеть».
«Молитвенный коврик недорого стоит», –
Такие советы отныне слышны.
«Бесплатно стоит католический столик
В объявленный Западом час тишины».
Фундаменты рушатся. Свернуты праздники.
Священные камни отняли у нас.
Прицелились враги к дедовской азбуке.
Вот чем может кончиться натовский час.
Славянские заколебались границы.
Отныне закрыты дороги назад.
Могилы и храмы, поля и столицы
Под страшной угрозой сегодня висят.
Угроза славянству – чудовище-рынок.
Где всё пропадает: достоинство, стыд
И даже война как сердце поединок –
Всё здесь перевёрнуто, кроме корыт.
Бездушные тренды коробят планету.
Планетный порядок Всевышним храним.

И доллар не нужен ни людям, ни Небу.
На том устояли, на том устоим!

1999*

Вот уж не просто кончается век,
Близится к финишу тысячелетье.
И на усталой, гудящей планете
Скоро появится атомный снег.
Мы у начала сражений жестоких,
Взрывы над сербской опять головой.**
Не заблудились ли в первоистоках?
Старт ли для Третьей не дан мировой?

ТАЙНА

Ничего не дано мне понять –
Ни кто прав, ни где истина в мире.
Дважды два для Балкан не четыре,
Англосаксы считают, что пять.
В чём причина смертей и страданий?
Не ищи, не вникай и не знай.
Предоплата кровавая дани
Обеспечит нам западный рай.

Ничего на земле не случайно.
Есть одна только истина – верь!
И поэзия – тоже не тайна.
Но надёжная в Истину дверь.

РАДОВАН КАРАДЖИЧ (Р. 1945)

Радован Караджич – первый президент Республики Сербской в 1992–1996 годах, один из (наряду с генералом Ратко Младичем) вождей боснийских сербов, политический деятель бывшей Югославии, поэт. По образованию психиатр и психотерапевт, специализировавшийся на теме неврозов и депрессий. Знал ли он, выбирая себе мирную, требующую углубления во внутренний мир специальность, что ему придётся заниматься в жизни совсем иными делами и лечить военными средствами свой народ от депрессии, которую несло боснийским сербам вынужденное противостояние с боснийскими мусульманами и хорватами? Но Караджич выдержал этот экзамен истории, хотя личная его судьба сложилась трагически – он прошёл через Гаагский трибунал и был несправедливо осуждён коллективным Западом на длительный срок.

Радован Караджич – потомок одной из ветвей старинного рода, к которому принадлежал и известный стране просветитель, реформатор сербского языка Вук Караджич. Родился на севере Черногории, в деревне Петница, в семье чётника – партизана монархического толка, подвергавшегося тюремному заключению. Род Караджичей уходил корнями в Косово. Отец его, обувщик по профессии, любил играть на народных инструментах. Всё это наложило свой отпечаток на сына, а мать Караджича, вспоминая его детство, говорила, что Радован рос послушным доброжелательным мальчиком, стремившимся прийти на помощь односельчанам.

С детства проявлявший заботливость, солидарность, стремление к мирному состоянию души, он тяготел к милосердной профессии – к медицине. Закончил среднюю медицинскую школу, затем медицинский факультет Сараевского университета, работал психиатром. На втором курсе Караджич женился на своей сокурснице Лиляне Зелен, у них родилась дочь Соня, а через шесть лет – сын Александр. Те, кто знал Караджича лично, отмечали, что он был очень позитивным человеком, излучавшим харизму и свет, что передавалось и его пациентам. Одновременно с этим он активно интересовался поэзией, участвовал в литературной жизни Сараева, издал четыре сборника стихов («Бешеное копьё», «Испокон века»,

«Чудо есть – чуда нет», «Чёрная сказка»), стал заметен в литературных кругах, год провёл в США как стипендиат фонда АЙРЕКС, где изучал поэзию. При этом тяготился богемной жизнью и вёл скорее сосредоточенную жизнь, заполненную работой и общественной деятельностью. Как психотерапевт был поклонником учения Карла Юнга, исследовал народное песенное творчество с позиции глубинной психологии. Его супруга, тоже психотерапевт, Лиляна Зелен-Караджич говорила, что встречи с пациентами всегда вызывали у супружеской пары «огромный интерес и ощущение, что они помогают человечеству стать лучше». Поэт и профессор Райко Петров Ного, лучший знаток поэзии Караджича, писал о своём друге: «Радован стал любимцем своего литературного поколения, узнаваемым по рассудительности, терпеливой жертвенности, готовности помочь как “отличный врач и блестящий психиатр”, по своей “учтивости”, бывшей следствием религиозного чувства, которое он вынес из своего дома. Радован был настолько благовоспитан, что иногда кому-то могло показаться, что он человек без темперамента, а позднее выяснилось, что он “несгибаемый”!»

Будучи блестящим оратором и декламатором, он часто выступал в Союзе писателей, о нём писала критика, называя его поэтом неоромантического стиля. Его стихи были переведены на русский, французский, английский и итальянский языки. Книг Караджича ждали, каждый его новый сборник вызывал ощущение, что он сильнее предыдущего. Вот что писал Райко Петров Ного:

«Вспоминаю те наши литературные дни и поэзию Караджича – а я её собрал, скомпоновал и опубликовал в 1992 г. в Сербском литературном союзе под заголовком “Славянский гость” – в те первые дни нельзя было даже себе представить, что это будет тот самый искусный, таинственный и тонкий автор “Испокон века” и тем более автор “Чёрной сказки”. В своём творчестве он отдавал дань французским символистам, мистическим поэтам и поэтам советского или российского Октября. Конечно же, с ярко выраженным патриотизмом, который, разумеется, впитан им с молоком матери. и если бы не последующие события, Радован, совершенно очевидно, был бы видным сербским поэтом и весьма-весьма значимой в литературе личностью...»

Помимо народной поэзии Караджич пристально изучал историю своего народа, интересовался такими неординарными историческими личностями как Гаврила Принцип, которого воспринимал как носителя народной памяти и человека, вызвавшего к жизни события

мирового масштаба. Возможно, что он и остался бы психиатром и психотерапевтом, отдающим всё своё свободное время поэзии, однако ход Большой Истории выдвинул его в большую политику. Ситуация в Югославии складывалась таким образом, что политика Иосипа Броза Тито ещё больше разделила сербов. Они и прежде жили в Хорватии, в Черногории, в Боснии и Герцеговине; в период правления коммунистов эти республики отдалялись друг от друга, и когда Югославия стала распадаться, каждая из республик решила выйти из состава единого государства. Интересы сербов были значительно ущемлены. Их не устраивала перспектива оказаться меньшинством в каждой из таких республик, тем более что отношение к ним с самого начала балканских войн было крайне враждебным. Они начали активно сопротивляться этому, и Караджич, выдвинувшийся в лидеры боснийских сербов, стал отстаивать право своего народа жить сообща.

Политизация мировоззрения Караджича произошла под влиянием его контактов с видным сербским политиком, учёным, общественным деятелем Добрицей Чосичем. Столкнувшись в Боснии с игнорированием желаний сербов со стороны хорватов и мусульман, Караджич создаёт Сербскую демократическую партию (СДП). В своей политической деятельности он занимает позицию бескомпромиссного патриота сербства. Убедившись, что этническое сербское большинство на Балканах подвергается со стороны Запада, хорватов и мусульманского населения репрессиям и давлению, он призывает к объединению всех сербов в единое государственное образование, становится лидером народно-патриотического движения, а позднее занимает пост президента Республики Сербской.

Караджич сформировал армию местных сербских вооружённых сил, и это военное образование сыграло важную роль в недопущении полномасштабной гражданской войны. Тем не менее объединённые вооружённые силы местных националистов, подогреваемые Западом, устроили ряд провокаций, в том числе и в Сребреннице в 1995 году, где якобы имело место уничтожение боснийских мусульман сербами. (Большинство политологов приходят к выводу, что на самом деле это была искусно спланированная провокация.) Потому суд так и не смог предъявить Караджичу убедительных доказательств. После этого Караджич был обвинён в геноциде собственного народа и вызван в Гаагу.

Но Караджич исчез, и в течение 12 лет его не могли найти. За сведения о его нахождении был назначен выкуп – пять миллионов дол-

ларов. А он при этом жил в Белграде по чужим документам на съёмной квартире и работал по своей прежней специальности – врачом, занимаясь лечением депрессий с помощью альтернативной медицины. Чтобы его меньше узнавали на улице, отпустил длинные волосы и бороду. У него было много сторонников, предупреждавших его об опасности. В конце концов появились предатели, которые выдали его сербским властям, а те – Гаагскому трибуналу. Во время судебного расследования выяснилось, что нет никаких документов или фактов о его участии в геноциде мусульман. Факты и участники переговоров свидетельствовали как раз об обратном – он настаивал на гуманном отношении как к пленным, так и к беженцам, на соблюдении их прав и пытался противодействовать жёсткому отношению к ним со стороны военных. Однако суд проигнорировал эти факты: возобладали принцип «командной ответственности», согласно которому руководитель мог быть обвинён за всё, что делали его подчинённые. Ни хорватские, ни мусульманские лидеры обвинены не были.

Состоявшийся в 2016 году суд приговорил Караджича, пожилого 70-летнего человека, к 40 годам тюремного заключения. В 2019 году приговор был усилен – пожизненное заключение. Сейчас заключённого перевели из гаагского узилища в английскую тюрьму Паркхерст на острове Уайт в проливе Ла-Манш у берегов Англии, причём поселили в камеру, населённую мусульманами-террористами. Вот что он говорит: «Условия в тюрьме плохие, думаю, они нормальные для какого-нибудь вора-карманника, но плохие для человека моего профиля и моих потребностей. У меня нет компьютера, у меня нет [доступа к] своей культуре, у меня нет ни одной теле- или радиопрограммы из моей страны, одним словом, я как будто умер и нахожусь на каком-то другом свете».

Караджич в своей поэзии – романтик и гуманист, стремящийся следовать идеалам благородства, любви и сострадания, верности своей традиции и заветам отцов. Воин, самой судьбой поставленный защищать страну от нападков зла, – таков лирический герой его поэзии: творческая судьба неотделима от реальной. А. Базилевский, составитель книги «Сербские поэты XX века», пишет о поэте:

«Путём война – защитника родины, витязя правды – вёл Караджича его острый поэтический слух. Постоянная угроза не желающему “уклоняться от судьбы” гордому народу, само существование которого для соседей “служит поводом к войне”, требует жёсткости в противосто-

янии ассимиляции и отражении агрессии. Такая жёсткость, вынужденная и необходимая, есть в поэзии Караджича. Художники, ощутившие в час беды императив стоической цельности, становятся хранителями культурной и исторической памяти, выразителями национального самосознания, боевого духа и веры в победу. В сербской литературе, среди ряда крупных фигур, таков – Радован Караджич».

Сам Караджич философски относился к фортуне, осознавая, что его главное достижение – создание Республики Сербской – не может отменить никакая сила:

«Две вещи важны: это люди и государство. Остальное не так важно. Многие молодые люди, которые порой были единственными детьми в семье, отдали свои жизни за Республику Сербскую. Поэтому то, что произойдёт со мной, не имеет особого значения. Моя жизнь ничтожна по сравнению с тем, что значат создание этого государства, его будущее и будущее сербов к западу от Дрины. и я думаю, что добился главного в своей жизни, и могу сказать, что в этом смысле я счастливый человек».

Главное, что всегда волновало Караджича как поэта, – потеря целостности, отвержение героического начала, искушение неограниченной свободой, зачастую приводящее человека на путь зла, защита родной земли, почитание предков. Многие его стихи носят пророческий характер. Так, стихотворение «Трибунал» было написано задолго до Гааги, когда Караджич ещё только начинал политическую деятельность. Даже небольшая подборка стихотворений, представленных в этой книге, свидетельствует о незаурядности этого крупного политика, человека и поэта, о его высокой культуре, интеллектуализме, образованности, тонкости восприятия мира. Об этом не раз говорили российские писатели – Юрий Бондарев, Валерий Ганичев, Александр Проханов, Эдуард Лимонов, Сергей Лыкошин, Илья Числов, которым посчастливилось лично общаться с поэтом. Его стихи, тонкие, глубокие, с неожиданными, как в фильмах Кустурицы, образами и мыслями, никого не оставляют равнодушными – ни друзей, ни врагов. В 1994 году Караджич получил Международную премию имени М. А. Шолохова в области литературы и искусства, а в 2007 году – Национальную премию «Имперская культура» имени Эдуарда Володина. Запад отреагировал на эти награды нервно, при том, что стихи сербского поэта были переведены на русский, французский, английский, итальянский языки. Английские, немецкие и даже прозападно настроенные черногорские газеты требовали, что-

бы Союз писателей России отменил своё решение. Но Союз писателей России такой поворот обстоятельств исключил, да и Россия свой знаменитый разворот самолёта сделала ещё в 1999 году. Пересмотрит ли Запад своё пристрастное, целиком политизированное решение, приговорившее поэзию, в лице Караджича, к пожизненному тюремному сроку? Не загоняет ли сама себя в тюремную камеру и европейская поэзия?..

Следует отметить, что Караджич не смирился с происходящим. Он иногда высказывается о происходящих в мире процессах из тюрьмы (условия заключения всё же позволяют давать интервью):

«Как только Балканы немного примирились, продолжая споры на второстепенной арене, вспыхнуло на Украине. и если кто-то спрашивает себя, зачем была нужна война в Югославии, – потому что войны бы не было, если бы Запад её не подталкивал, Украина даёт ответ – наша “малая война” была нужна ради этой большей войны на Украине, которой так же бы не было без подстрекания НАТО – своим резким расширением».

Последнее из представленной подборки стихотворение «Убежища» было написано совсем недавно и опубликовано в сербской прессе. Оно посвящено жене.

* * *

Надень армейские ботинки и штаны,
Как тотчас проявляется характер.
Ружьё рывком снимаю со стены –
И через миг я на военном тракте.
Когда приблизится сражений грозный час,
День рыцаря придёт и ночь героя,
Когда враги теснят повсюду нас,
Когда судьба отчизне яму роет,
Ты в башмаках тяжёлых, и они
Врага свирепого теснят с тобою вместе,
И меркнут с поступью твоей войны огни,
И ты идёшь в доспехах доблести и чести.
Ты в башмаках рассеял и разбил
Пол вражеского войска подчистую,
Отца и мать от смерти защитил,
Друзей, лужайки и страну родную.

Повержен враг, границы ставим на засов,
Но башмаки опять скучают у порога
И ждут, как двое самых верных псов,
Не позовёт ли вновь война в дорогу?

* * *

Я ничего не совершаю лично сам.
Мной дух возмездия высокого владеет –
Сжигая в пепел страх, взывает к небесам –
Меч обнажи и накажи злодеев.
Зло обуздай, чтоб мир перевернуть,
Направив родину на самый лучший путь!
Пульс успокой, вражды уменьши вал,
Чтоб хаос больше душу не взрывал.

* * *

Послушай, ты сегодня сам немного Бог.
Родимая земля тебя преобразила.
В тебе выросла таинственная сила.
Ты суть свою на время превозмог.
Послушай, ты предстал почти как Бог,
Как жизнь, как необъятная природа,
Как лучшая частица своего народа.
Так будь же тих, безропотен и нем.
В подлунном мире ты владеешь всем.

ПТИЦА

(Вольное переложение)

Уносит птица в небо на своём хвосте
Пылинки краденого ворогом пространства
Любви и верности, надежд и постоянства...
И это угнетает сердце. Так везде.
У каждой птицы свой обряд и голос,
Есть белое, есть серое, есть чёрное крыло.
Удар – и туча над Отчизной раскололась.
И выжившие шепчут: «Повезло...».

В душе моей иная птица бьётся,
 Как пожелаешь эту птичку назови:
 Пусть даже кличкой горестной любви,
 Она в ответ лишь грустно улыбнётся.
 Но вот какая ни случилась бы беда,
 Что слабая и серая – не молви никогда...
 Ведь эта птица смерть и жизнь несёт в себе,
 И путь начертан небом в её маленькой судьбе.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПЕПЛА

Умирает и март, и живучий поп-арт,
 Смерть всему назначает пределы.
 Но живёт человек всем чертям невпопад –
 Даже тётка с косой не касается тела.
 Всё на свете к нему повернулось спиной.
 Окунает затравленно сердце в чернила.
 Сам персону свою полагаю виной
 За грехи, что славянам судьба причинила...
 Мы, славянство, отныне – последний форпост
 У Всевышнего, к Свету и Радости мост.
 Гибнет всё, но он жив. Мне отсюда неявно,
 Есть ли в этом часть плана великого, дьявол?

ПРОЩАЙТЕ, ТЕРРОРИСТЫ!

Прощайте же навек, аорты Божьи.
 У нас отныне – разные пути.
 Все значимые истины похожи,
 И Свет один сияет впереди.

Прощайте, драчуны! Вы юная трава,
 Которая сегодня очень многих манит.
 Но мне свеча Милутина в тумане*
 Зажглась. Иная обозначилась тропа.
 Когда бессмертная духовная струя

Забытого безбожниками предка,
 Тебе же самому покажется нередко
 Ещё не пройденной дорогой Бытия.
 Пьёшь словно из ручья Первоистока
 Любовь его к земле, горам, лесам...
 Ко времени, что было и тогда жестоко,
 Ко густо синим сербскими небесам.

Мне шёпот слышен из родного склепа:
 «Перед врагом, конечно, не дрожи,
 Но мир в руках, как пёрышко, держи
 И дорожи последней коркой хлеба...»

Чужое не могу принять безумье,
 Я свёртываю свиток ратного огня.
 Для общих битв, наверно, я умер.
 Собратья-сербы, продолжайте без меня...

Я не желаю злом со злом бороться
 И пасть на дно возмездия колодца,
 Где души распадаются и мрак,
 Где каждый каждому и сатана, и враг.

Душа исполнена моя великой скорби,
 Растерзаны родной простор и корни.

Прощайте! Распадаются границы,
 Гудят над родиной военные шмели.
 Нам предлагают сдаться, повиниться.
 Но в чём? Что юг Европы не уберegli!

Спасти его ценою жизни – почесть.
 Но целиться в кого? Враги кругом.
 Шмели в сердцах у нас соорудили дом.
 Настало время исполнения пророчеств...

Трибунал

(Фрагмент)

Это лето запомнилось солнечным пеклом,
 Страхом новых бомбёжек, газетной отравой.
 Мою голову смертным посыпали пеплом
 Поначалу, а после «пленили со славой».

Я же в сладком плену у возлюбленных лилий,
 Улыбаясь, три года тружусь неизбежно.
 Меня боги среди Красоты поселили.
 Я в ответ продолжаю работать прилежно.

Город-ужас Сараево* счёл меня мёртвым.
 Голова моя словно куда-то сбежала.
 Чую – наземь положен огнём пулемётным.
 Но врагу не пошлю ни прошений, ни жалоб.

Вижу сон, что судьба предвещает мне сына,
 Богородица чашу златую подносит,
 Ярость толп оплела нашу жизнь паутиной.
 Вслед за Девой совесть моя милосердия просит.

Я живу и надеюсь быть принят веками,
 Что в эпоху позорную всё-таки выжил.
 Спас свободу и честь – этот редкостный камень –
 И любовь уберёт от злодеев и выжиг...

А мечты мои розу из камня взрастили.
 Вот бы сон повторили потомки на деле!
 Превратили бы в быль сны и запахи лилий,
 Сказки древние правдой наполнить сумели...

МОЕЙ ЛИЛЯНЕ*

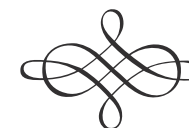
Любимая! Я тот же, ты всё та же...
 Во все убежища мои они вошли.

Одна лишь буква чистая на страже,**
 И справиться они с ней не смогли.
 Осквернено, что ходит и летает.
 Чужими стали воздух и вода.
 Но верю – наших душ броня литая
 Не сдастся старой порче никогда.

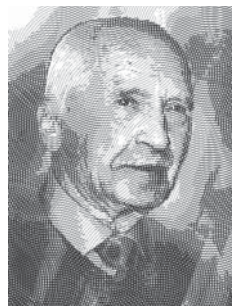
Когда смеёмся, плачем, – это игры,
 Ты не бери их всё-таки всерьёз.
 И дьявол гонит нас, вонзая иглы,
 Как устоять среди чертей и гроз?

Нет ни укрытий, ни убежищ, ни лекарства.
 Они – у ангела несломленной души.
 И силы зла в крови моей с коварством
 Творца преследуют, стремятся сокрушить.

Но держимся за родину, за веру,
 За всеславянский несгораемый гранит.
 Идём по высшему мы следу и примеру,
 Издревле зная – нас кириллица хранит.

*Р.С. Поэмический
эпиграмм*

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

МНЕ СНИЛИСЬ ГОРЫ

*Мне снились горы, голые вершины,
Я на одну взбираюсь сквозь пургу.
Вокруг темнеют камни, точно джинны.
Взобрался, а спуститься не могу.
Едва держусь на острие холодном
Седой скалы
Без шапки, без пальто.
Внезапно горы в райские полотна
Преобразились,
В дивное плато,
В оазис из сказаний сокровенных:
Цветы, деревья, тёплые ручьи...
Так не хватает ликов незабвенных!
Ау! Где люди? Где друзья мои?
Навстречу мне из леса золотого
Шекспир, Петрарка, Пушкин, Дон Кихот...
– Вы миражи?
– О нет! Мы – дети Слова,
Творения необратимый ход.
Когда-нибудь и, может, очень скоро
Всех, кто сумел мечту высокую сберечь,
Нас примут на свои вершины горы
Для жизни, для труда, для чудных встреч.*

ПРИМЕЧАНИЯ

**Поэзия Древнего Востока (Шумер, Вавилон, Древний Египет, Древний Иран)
Грамотейная мудрость (Восхваление писцового искусства)**

Слей и славь себя с богом по имени Энке. – Энке (Энки) – Шумерский верховный бог. Общепринятое значение этого имени – «Владыка Земли». «Эн» – титул верховного жреца, соответствующий понятию «господин».

Эпос о Гильгамеше (Поэма о всё выдавшем). Отрывок. Таблица I.

С другом врагов покоривший, создавший порядок... – Речь о друге Гильгамеша по имени Энкиду, с которым они вместе совершают разнообразнейшие подвиги.

Юрий Ключников**Звенит протяжно телефон**

На высоте, где Бел-Мардук – Бел-Мардук – верховный бог в шумеро-аккадской мифологии, покровитель Вавилона, вершитель судеб людей.

Нет, трижды прав Асархаддон... – Асархаддон – царь Ассирии, правил ею приблизительно в 680–669 годах до н. э. Построил знаменитую Вавилонскую башню (зиккурат Этеменанки) высотой в 90 метров. Был энергичным военачальником, одержал много побед, отличался набожностью и для успеха своих начинаний и военных кампаний часто обращался к богам.

Юрий Ключников**Сфинкс**

Солнце в Гизе закатное шает... – Шаять (сев.-сиб.) – гореть без пламени, тлеть.

Эхнатон**Гимн Эхнатона**

Как будто правит не один Атон... – Атон – божество, проявленной формой которого считался солнечный диск. Культ Атона в Древнем Египте ввёл фараон XVIII династии Эхнатон (Аменхотеп).

Гермес Трисмегист**Изумрудная скрижаль**

Умешь разделить Огонь и Землю... – Здесь Огонь и Земля, как два (в герметизме) из четырёх космических элементов: Огонь, Воздух, Вода, Земля.

Авестийская поэзия**Зороастр. Гимн солнцу**

Чтоб Мазда свою перевозданную силу... – Мазда – имя божества, провозглашённого египетским пророком Заратустрой единым Богом. Считался в египетской традиции изначальным творцом и создателем всех вещей, отцом праведности, который должен будет в нужный срок произвести окончательное очищение мира и победить зло.

***Бессмертному Митре, встающему утром...** – Митра – божество индоиранских корней, отвечающее за присутствие солнечного света, справедливость, законность, ясность при заключении договоров, согласие и гармонию. Митра есть и в индоарийской традиции, и в зороастризме, и в митраизме эллинистического периода.

****И дэвов губительных к нам не пускает...** – Дэвы – злые духи в зороастризме.

Юрий Ключников

И Ариман даже, который на свете... – Ариман (Ангра-Майнью) – бог сил зла и тьмы в зороастризме, противник Ахура Мазды.

Поэзия древней Греции**Гесиод****Труды и дни**

Но до суда отправляет решение Кронида... – античные божества Кронида – сыновья и дочери Кроноса (Времени) и Реи – Гестия, Деметра, Гера, (Аид) Гадес, Посейдон и Зевс.

***Есть две Эриды, рождённые Временем зоны...** – Эрида в древнегреческой мифологии – богиня раздора и хаоса.

Сапфо

Девять лириков – канон лирических поэтов Древней Греции, достойных критического изучения, по мнению филологов эллинистической Александрии.

Пиндар**О кифара дорогая! Дар богов и мудрых муз...**

И душой своей смягчился неуступчивый Арес... – Арес – бог войны, сын Зевса и Геры, входит в число двенадцати олимпийских богов. Греческий аналог римского Марса.

Анакреонт**Лучшему другу (Ода XLIII)**

Всклень – (устар.) о жидкости в сосуде или о самом сосуде – полностью, до краёв.

Поэзия древнего Рима**Тит Лукреций Кар****О природе вещей**

По непонятным велениям Зевса и Феба... – Зевс – глава древнегреческого пантеона. Феб – другое имя бога Аполлона – «лучезарный», «сияющий».

Гай Валерий Катулл**Лесбии**

Лесбия – псевдоним, выбранный поэтом для того, чтобы скрыть настоящее имя своей возлюбленной. Существует множество предположений, кто скрывался за этим именем. Само имя, возможно, навеяно именами и образами, которые встречались в стихах Сапфо. Никто из исследователей никогда всерьёз не предполагал, что имя Лесбия содержит намёк на лесбийские наклонности поэтессы.

Квинт Гораций Флакк
К Мельпомене

**Мельпомена* – муза трагедии как вида искусства в древнегреческой мифологии, символизирующая принцип неотвратимости наказания в случае нарушения воли богов. Одна из девяти дочерей Зевса и Мнемосины.

Памятник

**И народам обдутым Эолом, доколе...* – Эол – бог ветров.

***И священный стоит на холмах Капитолий.* – Капитолий – один из семи холмов, на которых стоял Древний Рим. Там находился Капитолийский храм, место заседания сената, и его тоже называли Капитолием.

****И в хоромы вельмож, и в дворцы Мецената...* – Знатный римлянин Гай Цильвий Меценат (около 70 до н. э. – 8 до н. э.) был покровителем художников и поэтов при дворе императора Августа. В дальнейшем слово «меценат» стало нарицательным для обозначения тех, кто добровольно и бескорыстно жертвовал личные средства на развитие искусства и науки.

Постуму

**Постум* – (лат. *postumus* – «посмертный») в системе древнеримского имяобразования – некое добавочное выражение, которое прилагалось к именам людей, родившихся после смерти своего отца. В данном случае имя может быть условным или придуманным.

***Хотя Плутона почитаем всей душою...* – Плутон одно из имён божества, отвечающего за подземное царство и смерть.

****И Парки строгие пока радушны нам...* – Парки – три сестры, богини судьбы в древнегреческой мифологии, аналог древнегреческих Мойр.

*****Боимся, что отнимет память Лета...* – Лета – в древнегреческой мифологии – река забвения, которая течёт в подземном царстве Аида. Достаточно умершим и попавшим в Аид душам выпить этой воды, чтобы они тотчас забыли всё. Отсюда выражение «кануть в Лету».

Публий Овидий Назон
Искусство любви

**И песни продолжают во славу Эрицины...* – Эрицина – одно из имён богини Венеры в Древнем Риме. Интересно, что этим же словом называют ныне одно из мельчайших травянистых растений нашей планеты, существующее около 50 миллионов лет.

***Не высади ахеяне десанта, поверив, что права была Кассандра.* – Ахеяне – одно из основных древнегреческих племён, которые, как повествует «Илиада», вторглись в Трою после того как житель Трои Парис похитил жену спарганского царя Елену. Наделённая пророческим даром дочь царя Приама Кассандра предсказала, что похищение этой женщины станет причиной гибели Трои.

****С ответом не тяните. От густой шпаклёвки...* – В Древнем Риме в качестве шпаклёвки использовали смесь из гипса, песка, обожжённой извести, ею заделывались соборы, дома и усадьбы богатых людей.

Луций Анней Сенека
Письма Луцилию

**Живу по наставленьям Эпикура.* – Эпикур (342/341–271/270 гг. до н. э.) – древнегреческий философ, основатель учения, целью которого было обретение счастья и состояния невозмутимости. В дальнейшем сторонникам этого учения стали приписывать стремление к гедонизму и наслаждениям.

Византийская поэзия

Роман Сладкопевец

Кондак на Рождество Богородицы

**В саду родился Он от той молитвы горней.* – Автор осознаёт, что по преданию зачатие Пресвятой Богородицы произошло после молитвы Иоакима и Анны и их встречи в Иерусалиме у Золотых ворот, но в данном случае он стремился подчеркнуть силу высокой молитвы, которая помогла осуществиться долгожданному зачатию.

***К Создателю, родившись, так Анна обратилась.* – Анна – мать пророка Самуила, которая долго была бесплодной и страстно молилась о рождении сына, которого она обещала воспитать в духе служения Богу и сделать его назореем (человеком, принявшим обет).

****Владыко мой меня услышал, аки раньше Анну, что упрекал священник Илий, мол, бывала пьяной.* – Предание утверждает, что Господь услышал молитвы Анны раньше, чем первосвященник и судья Израиля Илий, принявший молитвенную страстность Анны за опьянение.

*****Но родила она тогда родного Самуила.* – Самуил – сын Анны, ставший впоследствии библейским пророком и знаменитым судьёй, помазавшим на царство Саула.

ⁱ*Ведь Сарра верная родити тоже пожелала...* – Сарра – жена Авраама, считавшаяся первой из четырёх прародительниц еврейского народа. Долго была бесплодной, но по интенсивным молитвам и заключении с ней Завета она родила Исаака и прожила долгую жизнь.

ⁱⁱ*Ведь Исаак родился по молитвам чистой Девы.* – Исаак – библейский персонаж, считающийся вторым из патриархов Израиля и наследником завета Авраама с Богом, сын Авраама и Сарры, в свою очередь отец Исава и Иакова, считающегося прародителем двенадцати колен Израилевых.

ⁱⁱⁱ*А ныне Мариам всем временам сияет...* – сестра Моисея; арамейская форма библейского имени Мириам (видоизменённое имя Марии, матери Иисуса Христа).

ⁱⁱⁱⁱ*И сам Захария, взирая на её взросленье...* – Захария – один из двенадцати ветхозаветных малых пророков. Сделал многое для возвращения народа Израиля из вавилонского плена.

[†]*Ей избирает Жениха по жребию и жезла откровенью...* – Одна из священных принадлежностей Скинии (походного храма евреев, места жертвоприношений и хранения Ковчега Завета ещё до постройки Иерусалимского Храма). Жезл откровения, или Ааронов жезл, по преданию расцвёл миндальным деревом. Хранится как священная реликвия перед Ковчегом Завета.

^{††}*От Духа Всевятого и Иосифа, что с Девой обручён...* – Иосиф (Иосиф Плотник, Иосиф Обручник) – обручённый муж Пресвятой Богородицы)

44 кондак

**Иакова, Иосифа, Исаака, Авраама.* – Иаков – персонаж Ветхого Завета в эпоху после Великого Потопа. Считался Третьим библейским патриархом после Авраама и Иакова и родоначальником всех Двенадцати колен Израилевых. Иосиф – сын библейского праотца Иакова от Рахили, упомянутый в Пятикнижии, имел конфликт со своими братьями и был чудесным образом спасён от смерти. Впоследствии – наместник египетского фараона и визирь Египта, много сделавший для израильского народа. Исаак – уже упоминавшийся здесь второй патриарх Израиля. Авраам – родоначальник семитических народов, первый из трёх еврейских патриархов и первый человек, который в Библии называется евреем.

***Второй Адам от ран не дрогнет ради всех...* – Второй Адам – Иисус Христос

****Рыдая, ад сказал: «Иону кит извергнул...»* – Иона – библейский пророк Северного Царства, книга которого содержит ряд пророчеств о судьбах израильского народа, христианской истории и постепенном разрушении Иерусалима. Согласно Преданию, был проглочен китом, находясь во чреве молился о прощении своих грехов и спасении души, и в результате Божественной помощи кит изверг его из своего чрева. Считается, что трёхдневное пребывание пророка Ионы в чреве кита является прообразом трёхдневного пребывания Христа в земле.

Юрий Ключников**Венцесная Дева пречистая...**

**Много тайн Твоя башня Давидова...* – Башня Давида – древняя цитадель, построенная во II веке до н. э. около Яффских ворот в Иерусалиме для защиты Старого города.

Иоанн Кириот (Геометр)**Советы христианину**

**Станет твой житейский путь побогаче Креза.* – Крész (595–546 до н. э.) – последний царь Лидии. Имя Крэза стало нарицательным и ассоциировалось с миром богатства, поскольку он одним из первых стал чеканить монету с установленным стандартом чистоты металла (98% золота или серебра).

Иоанн Евхаитский (Мавропод)**Коли решил кого-то из «чужих»...**

**Назвать всей Византии как экзарха, пусть будут имена Платона и Плутарха...* – Экзарх – руководитель хора в Древней Греции; в дальнейшем – верховный жрец в Древнем Риме. Позднее – правитель крупной провинции в Византии. В Православной Церкви это сан главы отдельного церковного округа. В данном случае понятие употреблено в виде метафоры – Мавропод хотел подчеркнуть важность греческой духовной традиции, олицетворением которой для неё являются фигуры философа Платона и историка Плутарха.

Никифор Влеммид**Стихи на рождение сына у Феодора Ласкариса**

**Феодор Ласкарис (1174–1221)* – император Никейской империи, правивший ею во времена захвата Константинополя латинянами в 1208–1221/1222 годах.

Иоанн Педиасим (Пофос)**Жёны**

**Похуже горемычных Сциллы и Харибды.* – Сцилла и Харибда – морские чудовища, олицетворяющие собой морскую пучину; пройти через Сциллу и Харибду означало преодолеть труднопроходимые опасности.

***Воистину, отец её – ночной Альдебаран!* – Альдебаран – наиболее яркая звезда из созвездия Тельца.

Из анонимной церковной лирики. Кондак отпустительный Григорию Паламе

**Григорий Палама (1296–1359)* – христианский мистик, богослов, мыслитель, внёсший огромный вклад в обоснование практики исихазма. Признан Церковью как святитель.

***Так воспоём тебя, Григорие отец.* – Отец Григорий – Григорий Палама.

Средневековая поэзия о крестовых походах**Плач о падении Константинополя (анонимный автор)**

**О государь, о Константин, ты мир покинул наш...* – Константин XI Палеолог Драгаш (1405–1453), последний византийский император. Погиб во время штурма Константинополя турками.

***Проснитесь же, наследники-ромей...* – Ромей – жители Византии или Византийской Ромей, страны, считавшей себя наследницей Рима.

Французская поэзия

**Доминик Веннер (1935–2013)* – французский писатель, историк и публицист, придерживавшийся крайне правых взглядов. Застрелился в соборе Парижской Богоматери в знак протеста против легализации однополых браков во Франции.

Франсуа Вийон**Из Малого завещания**

**Болван, какой же я болван, ношу я краденый кафтан...* – Автор переводов счёл возможным перевести эти строки Вийона цитатой из русской воровской песни, чтобы подчеркнуть великолепное владение Вийоном воровским жаргоном.

Андре Шенье**Живём. И что? Наверно, так и нужно...**

**Барер – о либерте с эгалите.* – Бертран Барер де Вьёзак (1755–1841) – французский политик и адвокат, участник Великой французской революции 1789–1792 гг., депутат Учредительного собрания и национального Конвента. Один из тех, кто принимал решение о судьбе Шенье. *Либерте* (свобода), *эгалите* (равенство) – популярные лозунги французской революции.

Пьер Беранже**Безумцы**

**Сен-Симон родовое богатство...* – Анри Сен-Симон (1760–1825) – известный французский философ, основатель утопического социализма, высоко почитавшийся в СССР.

****Призывал беспокойный Фурье.** – Франсуа Мари Шарль Фурье (1772–1837) – французский философ и социолог, видный представитель утопического социализма.

Виктор Гюго

Другу

***И, право, я польщен сравнением с Маратом...** – Марат (1743–1793) – крупный политический деятель времён Великой французской революции, по образованию врач, публицист, видный якобинец, был убит жирондисткой Шарлоттой Корде.

Я храм нашёл

***Там пахнут скошенные травы, а не букеты Буало.** – Никола Буало (1636–1711) – французский поэт, критик, теоретик классицизма, настаивавший в своих трактатах, что всё в поэзии должно быть подчинено разуму и здравому смыслу.

Теофиль Готье

Облако

***Как сладострастный Иксион.** – Персонаж греческой мифологии – смертный, влюбившийся в богиню Геру, супругу Зевса. Согласно мифу, Громовержец послал Иксиону облако, придав ему черты богини, тот принял иллюзию за реальность и вступил в связь с облаком, отчего на земле возникли кентавры.

Шарль Бодлер

Полёт

***Внизу он чувствует себя несчастным Иовом.** – Иов – библейский праведник, много страдавший в жизни, но в конце её вознаграждённый за терпение счастливой старостью.

Стефан Малларме

Эпитафия Шарлю Бодлеру

***Храм погребён, но до сих пор Анубис...** – Анубис – древнеегипетский бог, отвечающий за мумификацию и погребальные ритуалы, «страж весов» на суде Осириса в царстве мёртвых.

Наскучили мне думы Гераклита...

***Гераклит (544–483 г. до н. э.)** – древнегреческий философ, создатель первой варианта диалектики.

Поль Клодель

Неудобный Верлен

***Нет, пусть лучше награды Сюлли получает Прюдом...** – Сюлли Прюдом (1839–1907) – французский поэт среднего уровня, литературный критик, эссеист, член группы «Парнас», сумевший стать первым лауреатом Нобелевской премии по литературе, что вызвало протесты ряда известных литераторов Франции.

Итальянская поэзия

Франциск Ассизский

Гимн Солнцу и всем его творениям

***Спасибо за огонь ночами в звёздах, за землю, воду и за брата воздух, что у пяти стихий в заботливом плену.** – Образ стихий показывает, насколько близки были пред-возрожденческой религиозной поэзии понятия античной натурфилософии.

Данте Алигьери

Данте – К Гвидо Кавальканти

***Гвидо Кавальканти (1259–1300)** – итальянский философ и поэт, друг Данте.

****И монну, ту чьё тайное число / Записано как «тридцать»...** – Интересно, что в восточных легендах, души в раю (девачане) сохраняют надолго, порой на многие века, тот внешний облик, который приобрели на земле в 30-летнем возрасте.

Франческо Петрарка

Красавица, свой несравненный лик...

***И щедро одарив любовью участь нашу.** – Здесь Петрарка высказывает весьма смелую для христианства той поры, даже еретическую мысль: чашей искупления является не долгое страдание, но порождённое «Божьим супротивником» чувство, т.е. любовь. В этом смысле Данте и Петрарка имеют полное право называть себя основателями современной европейской поэзии.

Я пережил любовь разнообразную свою...

***Но путь земной прошёл до половины.** – *Переключка с известной строкой Данте – «Земную жизнь пройдя до половины...».*

Лоренцо Медичи

Вакхическая песня

***Знают Вакх и Ариадна.** – Вакх – одно из имён (наряду с Бахусом и Дионисом) бога растительного мира, вина, пирушек, покровителя виноградарства и виноделия. Ариадна – упоминаемая в «Элиаде» дочь критского царя Миноса и Пасифаи, царевна, которая любила героя Тесея и помогла ему выбраться из Лабиринта и спасла его от чудовища Минотавра с помощью клубка ниток (отсюда выражение «нить Ариадны»).

****Обожал науку страсти до седых волос Силен.** – Силен – сатир, сын Пана и нимфы, изображался как весёлый старик в свите Диониса.

****В прошлом ведал царь Мидас.** – Мидас – мифологический царь, правивший перед Троянской войной, который имел исторический прототип (реальный царь Мидас, воевавший с киммерийцами в VII в. до н. э. и имевший тиранические наклонности).

Никколо Макиавелли

Забить вас на мгновение не могу...

***Ваш образ врезан в душу, как камья.** – Камья – разновидность геммы, резного полудрагоценного камня с выпуклым рельефным изображением, в античные времена – символ утончённой, роскошной красоты. Считался амулетом.

Микеланджело Буонарроти

60 (LX) И наивысший гений не позволит...

***Мысль этого сонета по существу повторил наш Пушкин в ещё более кратко форме (с.м. «Я вас любил, любовь ещё, быть может...»)**

**Джордано Бруно
Сонет 3**

**Мы суть извечно безрассудный Иксион...* – См. примечание к стихотворению Теофила Готье «Облако». В разные эпохи отношение к этому мифическому персонажу менялось. В эпоху Возрождения, очарованного Античностью, оно было «прометеевским», ибо в известном смысле Иксион – аналог Прометея. Отметим также важный факт биографии Д. Бруно – причину его сожжения. В XVII веке католическая инквизиция подобные казни уже не устраивала. Ю. М. Ключников предположил: «итальянский учёный, судя по его стихам, сам стремился к смерти, что ничуть не отменяет известное пушкинское замечание о “низостях папизма”. Можно найти в такой модели поведения что-то общее с судьбой Пушкина и Лермонтова».

**Томмазо Кампанелла
Вешнему солнцу, умоляя о тепле**

**Не Янус, но совсем не ровня Фебу!* – Янус – двуликое божество в мифологии Древнего Рима. Вначале считался демиургом, но после того как это место занял Юпитер, стал восприниматься как бог любых начинаний, дверей, входов и выходов и получил символы охранителя – ключи, позволяющие открывать двери, и посох, помогающий отгонять врагов и нежеланных гостей. Феб – бог света, второе имя Аполлона.

**Джакомо Леопарди
Её продолжение (С греческого. Из Симонида)**

**Симонид* (ок. 557/556 – ок. 468/467 г. до н. э.) – известный лирический поэт Древней Греции, включённый в канонический список лучших Девяти лириков страны.

**Испанская поэзия
Мигель де Сервантес Сааведра**

**Тебя, жилец почтенный Инобытия.* – Сервантес имеет в виду, что любой человек, проживающий свою жизнь, какой-то частью своей души принадлежит к Инобытию, или Божественному Бытию.

На катафалк короля Филиппа II в Севилье

*Роскошный катафалк короля Филиппа II был воздвигнут в Севилье в 1598 г. Автором проекта был архитектор Хуана де Овьедо.

**Луис де Гонгора
Пастораль**

**И вот восстановились наши пасторали.* – Здесь Гонгора посмеивается над испанскими подражателями Петрарки.

**Феликс Лопе де Вега
Свобода**

**Огонь три маленькие Парки во сне безумцу мне зажгли...* – Намёк на Дон Кихота.

***Эстιο солнца катит струи, восторг даруя, труд ворую...* – Estio по-испански означает «лето». В данном случае автор имеет в виду время творчества.

**Мигель де Унамуну
Кровь души**

**Прославлен в нём Рисалья и Хуареса родник.* – Хосе Рисаль (1861–1896) – испаноязычный поэт, писатель, художник и скульптор, жизнь которого прошла на Филиппинах. Идеолог филиппинского возрождения и национализма. Бенито Хуарес (1806–1872) – испаноязычный политический и государственный деятель, чья жизнь целиком связана с Мексикой. Считается создателем современного мексиканского государства.

Рафаэль Альберти

**Нам их Сид подарил на кастильской заре.* – Эль Сид Кампеадор (1041–1057) – национальный герой Испании, воспетый во множестве народных преданий, поэм и романсов, драм, включая трагедию Корнеля. Военный и политический деятель Испании, рыцарь, сражавшийся с маврами и одержавший множество побед.

Коррида

**Притихшей толпе и квадрилье.* – Квадрилья – группа помощников тореро.

***Закончены игры плащей и мулет.* – Мулета – красная тряпка на палке, чтобы дразнить быка во время корриды.

Английская поэзия**Шекспир
Сонет 32**

**Перо растёт в созвучье с каждым веком* (ср. у Маршака: «С растущим веком мог бы я расти») – важная строчка, позволяющая увереннее предположить, что Пушкин всё-таки читал шекспировские сонеты. А. М. Финкель перевёл ещё ближе к знаменитым пушкинским строчкам «И в просвещении стать с веком наравне»:

Когда бы мог расти он с веком вместе,
И он бы создал – с ними наравне.
Впечатляющая переключка двух гениев.

Сонет 54

**Шипы – её невинная угроза...* – То есть даже самое совершенное имеет свои недостатки. Некоторые комментаторы на основании сонета 54 и других, где используется символ розы, связывают творчество Шекспира с розенкрейцерами.

Сонет 65

**...Никак не может Времени сундук...* – О смысле метафоры «сундук времени» высказывались разные комментаторы, в частности А. Шаракшанэ: «Смысл метафоры “сундук времени” (*Time's chest*) не вполне ясен; возможно, имеется в виду, что Время в конечном итоге всех прячет, как в сундук, в небытие и забвение, с другой стороны, возможно, это просто эвфемизм, означающий “гроб”». Но возможно также, что автор хочет сказать: в «сундуке Времени» совершаются алхимические превращения – Красота и Любовь гибнут и возрождаются вновь, искусство же хранит их неизменными. Эта мысль о тождестве Красоты и Любви, их бессмертии на фоне любых человеческих пороков ярко развёрнута в других сонетах, включая следующий, наиболее известный, который привлек очень многих переводчиков и комментаторов.

Сонет 66

*...*Но как Любовь оставлю в одиночестве?!...* – По мнению автора переводов, Шекспир, скорее всего, думал о том, что не может уйти из мира, оставив в одиночестве Любовь как высшее состояние и процесс, а не земного человека и объект чувств – «милого друга», как перевёл это выражение Маршак. Самый знаменитый из всех сонетов Шекспира, сонет 66 обладает удивительным свойством: он всегда современен, потому что в любом обществе и при любых общественных формациях процессы, описываемые Шекспиром, имели место.

Монолог Гонзало

**А бедолаг бездомных не казнил.* – Во времена Генриха VIII в Англии были казнены десятки тысяч бездомных бродяг.

Фрэнсис Бэкон**Псалом CIV (104)**

**Воистину Ты им живой Левиафан.* – Левиафан – библейское чудовище, огромный морской змей, упоминаемый в ряде книг Ветхого Завета, воплощение хаоса и зла, пожиратель душ, проклятых в своём земном существовании. В христианстве считался воплощением греха зависти.

Кристофер Марло**Из пьесы «Мальтийский еврей»**

**Был страшен в Древней Греции Фаларис, когда в него вселился медный бык.* – Фаларис – античный тиран, живший во второй половине VI века до н. э., слуги которого придумали страшную казнь – помещали обвиняемого человека в полое, медное изваяние быка, а потом поджигали. Примечательно, что сам Фаларис после своего свержения был казнён таким же способом.

Джон Донн

**Литвинова М. Д.* Оправдание Шекспира. М.: «Вагриус», 2008. С. 647-648.

** *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. – М.: «Мысль», 1978.

Штиль

**Самсоны без волос, в оковах Баязеты...* – Самсон – ветхозаветный герой, носивший длинные волосы, хранившие, согласно преданию, его силу. Прославился подвигами в сражениях с филистимлянами. Баязет (1525–1561) – знаменитый турецкий султан, сын Сулеймана Великолепного, казнённый своим отцом после бунта.

Гимн Богу моему, написанный во время болезни

**Израиль, Гибралтар, до них Аньян...* – Аньян – полумифический пролив, который, по мнению тогдашних картографов, обозначал границу между Северной Америкой и Азией. «Правильным» проливом оказался открытый в 1728 году Берингов пролив.

Немецкая поэзия**Иоганн Вольфганг фон Гёте****В альбом Лили Шёнеман**

* Анна Элизабет Шёнеман (1758–1817) – женщина, вошедшая в историю литературы как невеста Гёте.

Одно во всём

**Любьм вращающимся телом.* – Гёте явно предчувствовал основную мысль сегодняшнего понимания мироустройства как всеобщего круговращения электронов, атомов, планетных и звёздных систем и т.д.

Фридрих Шиллер**Немецкая муза**

**Золотое Поднебесье разбивает всякий гнёт.* – Строчки выражают суть т.н. философии «Бури и натиска», очень популярной в немецкой культуре XVIII–XIX веков. В ней духовное начало провозглашено как первичное по отношению к материальному.

Вечер

**Фетида ждёт Его в полночные часы.* – Фетида – в древнегреческом пантеоне богиня водной стихии.

Пегас в ярме

**Что тут случилось! Гиппогриф бедовый...* – Гиппогриф – персонаж античного пантеона, мифическое существо, соединяющее в себе несколько типов животных: полуконь-полугрифон, который, в свою очередь, сочетает в себе черты льва и орла.

Ксении. Совместные стихи Гёте и Шиллера**О стремлении Церкви преодолеть влияние Античности**

**Попытки Геркулеса оказались тощи...* – В данном случае под Геркулесом подразумевается христианская церковь.

Генрих Гейне**Лорелея**

**Лорелея* – первоначально это имя было дано скале 132-метровой высоты, стоящей на берегу Рейна. Само название означало буквально «шепчущая скала», звук создавался речным порогом, находившимся рядом. Бурные волны и скалистый берег были идеальным местом для частых кораблекрушений. Впоследствии название скалы было переосмыслено как образ нимфы, которая своим пением заманивала корабли на скалы. К этой романтической легенде обращалось множество поэтов, художников и музыкантов. В 1824 году ней обратился и Гейне. На русский язык стихотворение Гейне перевёл Блок.

Рихард Вагнер**Лоэнгрин**

**Лоэнгрин* – герой немецких произведений о короле Артуре, сын Парсифаля, который продолжает дело отца и совершает различные подвиги. Как рыцарь Грааля он послан в лодке, которую тянут лебеди, чтобы спасти деву.

***Стоит твердыня – замок Монсальват.* – Монсальват (буквально «гора спасения») – замок Святого Грааля.

****К святыням прикоснувшийся Грааля...* – Грааль – мистическая чаша, из которой Иисус Христос вкушал на Тайной вечере и в которую Иосифом Аримафейским была

собрана кровь Спасителя, распятого на кресте. На поиски Грааля устремлялись самые разные духовные искатели со всего мира.

****Отец мой – Парсифаль благословенный...* – герой эпоса, ищущий Святой Грааль. Впервые о нём говорится в романе Кретьена де Труа.

Фридрих Вильгельм Ницше

Расплата

**За хладное брачное ложе... Я верен богине своей.* – Метафизика этого, да и других стихов Ницше ещё труднее поддаётся расшифровке, чем «Так говорил Заратустра». Дело в том, что философ никогда не был женат, все свои «женские» передраги, в том числе известный роман с эксцентричной женщиной Лу Саломе, пережил, так сказать, «платонически». Однако для нынешней западной филологии копание в белле великих людей сделалось модным занятием. Отсюда всевозможные домыслы о его личной жизни.

Герман Гессе

Бродить в потёмках больше не могу...

**Я в стрелах, как библейский Себастьян...* – Себастьян (256–288) – римский легионер, христианский святой, пострадавший за веру. Почитаем Церковью как мученик.

Пузыри

**Из той же всем доступной пены Майи...* – Майя – понятие индийской философии, сила, которая создаёт видимость явлений, иллюзия.

***Как некогда сказал Экклезиаст.* – Экклезиаст – книга, входящая в Ветхий Завет. Автором этой книги считается царь Соломон.

Бхагавадгита

**Бхагавадгита* – священная книга Индии, религиозно-философское произведение на санскрите, часть шестой книги «Махабхараты», базовый текст индийской философии. Построена в виде бесед духовного учителя Кришны и его ученика Арджуны.

Сербская поэзия

Матиа Бечкович

1999

*1999 – год начала бомбёжек Югославии натовской авиацией.

***Мы у начала сражений жестоких, взрывы над сербской опять головой.* – Как известно, Первую мировую войну детонировал выстрел серба Гаврилы Принципа в эрцгерцога Австрии Франца-Фердинанда.

Радаван Караджич

Прощайте, террористы!

**Но мне свеча Милутина в тумане...* – Король Сербии Стефан Урош II Милутин, правивший Сербией с 1275 по 1321 и существенно расширивший владения страны. Через несколько лет после смерти был канонизирован и провозглашён «Святым королём».

Моей Лиляне

**Лиляна Зелен Караджич (1945–?)* – жена Радована Караджича, по профессии психиатр, бывшая глава Красного Креста в Республике Сербской Боснии и Герцеговины.

Стихотворение, посвящённое ей, написано в тюрьме и опубликовано в одной из газет Республики Сербской.

***Одна лишь буква чистая на страже...* – В данном случае речь идёт о кириллице, которой угрожает вытеснение латиницей и которую сербские патриоты на Балканах стремятся сохранить всеми силами.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИНОЯЗЫЧНЫЕ И РУССКИЕ ИЗДАНИЯ

При подготовке данной антологии были использованы самые разные источники – сотни работ на разных языках, прежде всего на английском и французском, но и на русском тоже. Список литературы, использованной и процитированной только в одной антологии английской поэзии XVII века, относящейся к Шекспиру и поэзии шекспировской эпохи, составил у Ю.М. Ключникова 130 книг. В настоящей антологии десять разделов, включающих в себя, как уже говорилось, шумерскую, вавилонско-ассирийскую, древнеиранскую (авестийскую), древнеегипетскую, древнегреческую, древнеримскую, среднегреческую (византийскую), французскую, английскую, немецкую, итальянскую, испанскую, сербскую поэзию. Общий список цитированной и использованной литературы составил бы более 1000 авторов и работ, что заняло бы в и без того объёмном издании много места. Потому мы публикуем только часть списка антологий зарубежной поэзии, где приведены стихотворения поэтов, переведённые и переложённые автором. Наиболее важные из них следующие:

1. От начала начал: Антология шумерской поэзии / Вступ. ст., пер., коммент., слов. В. К. Афанасьевой. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. – С. 18. – 493 с.
2. Выходы вечности: Ассирийско-вавилонская поэзия. В переводе В. К. Шилейко. – М.: Книга, 1987. – 160 с.
3. Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии / Пер. с аккадск. Сост.: В.К. Афанасьева, И. М. Дьяконов. М.: Художественная литература, 1981. – 348 с.
4. Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М.: 1983, 1984.
5. История Древнего Мира (под ред. Дьяконова И. М.). М.: 1982–1984.
6. Лирика древнего Египта / Пер. с древнеегип. А. А. Ахматовой, В. А. Потаповой; Сост. И.С. Кацнельсон. – М.: Худож. лит-ра, 1965. – 158 с.
7. Тураев Б. А. Египетская литература. Т. I. Исторический очерк древнеегипетской литературы. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1920. – 279 с. – (Памятники мировой литературы. Творения Востока. Древнеегипетская литература).
8. Стеблин-Каменский И. М. (перевод). Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата. – М.: Дружба народов, 1992.
9. Хрестоматия по античной литературе. В 2 тт. Для высших учебных заведений. Т.1. Греческая литература. / Дератани Н. Ф., Тимофеева Н. А. – М., «Просвещение», 1965.
10. Эллинистические поэты VIII–III века до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. Под ред. Гаспарова М. Л. – М.: «Лидомир», 1999.
11. Поэты-лирики древней Эллады и Рима в переводах Я. Голосовкера. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955.
12. Поэты латинской антологии. Переводы М. Л. Гаспарова, Ю. Ф. Шульца и др. Общая редакция М. Л. Гаспарова. М.: Издательство МГУ, 2003.
13. Кондаки и икосы св. Романа Сладкопевца / пер. Сергия Цветкова. – М., 1881. – 213 с.
14. Каждан А. П. История византийской литературы (850–1000 гг.). – Алетейя, 2012. – 376 с.

15. Памятники византийской литературы IV–IX веков: Сборник переводов / Отв. ред. Л. А. Фрейберг. – Москва: Наука, 1968. – 350 с.
16. Памятники византийской литературы IV–IX веков: Сборник переводов / Отв. ред. Л. А. Фрейберг. – Москва: Наука, 1968. – 350 с.
17. Гражданская поэзия Франции. Пер. Антокольский П. Г. 1955.
18. Вечный слушатель. Семь столетий европейской поэзии в переводах Евгения Витковского. – М.: 1999.
19. Адонис: Французская поэзия XV–XIX вв. Пер. А. Триандафилиди, Издательство «Водолей», 2018.
20. Французская поэзия XIX–XX веков: Антология / Сост. С. Великовский; Коммент. Ю. Гинзбург. – М.: Прогресс, 1982. – 671 с.
21. Бенедикт Лившиц. От романтиков до сюрреалистов. Антология французской поэзии (1934).
22. Французские стихи в переводе русских поэтов XIX–XX вв. – М.: Прогресс, 1969, 2-е изд.: 1973.
23. Яснов М. Д. Обломки опытов: из французской поэзии. Переводы. Комментарии. Заметки на полях. – М.: Центр книги Рудомино, 2016. – 768 с., ил. – (Билингва)
24. Английская лирика первой половины XVII века. – М.: Изд-во МГУ, 1989.
25. The Norton Anthology of English Literature: Sixteenth / Early Seventeenth Century, Volume B, 2012, p. 647.
26. This is “The Romantic Period (1798–1832)”, section 6.1 from the book *British Literature Through History* (v. 0.1).
27. The Oxford Companion to German Literature, под ред. Мэри Гарланд и Генри Гарланд, 3-е издание, издательство Оксфордского университета, 1997.
28. John Donne: *Divine Poems, Sermons, Devotions and Prayers* (Лондон, 1990).
29. Konzett, Matthias Piccolruaz. Энциклопедия немецкой литературы. Ратледж, 2000.
30. *Antologia de la poesia española del Siglo de Oro*, Anthology of Spanish Golden Age poetry, Ижевск, 2011.
31. Итальянская поэзия XIII–XIX вв. в русских переводах: Сборник / Сост. Р. Дубровкин. – М.: Радуга, 1992. – На итал. яз. с параллельным русским текстом. – 815 с.
32. Линда Фиш Комптон. Андалузская лирическая поэзия и старые испанские песни о любви (1976) (включает переводы некоторых средневековых сборников любовных стихотворений, составленных Ибн Саной аль-Мульком, «Дар ат-тираз»).
33. Испанская поэзия в переводах 1792–1976. – М.: Прогресс, 1978.
34. Антология сербской поэзии в трёх томах. – М. Вахазар. Рипол Классик. 2004–2008.

С. Ю. КЛЮЧНИКОВ
ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА С 21 ЯЗЫКА. ПОЭТИЧЕСКИЙ ПРО-
ЕКТ ПЕРЕВОДОВ И ПЕРЕЛОЖЕНИЙ МИРОВОЙ ПОЭЗИИ
ЮРИЯ КЛЮЧНИКОВА. ПОСЛЕСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ И СЫНА.

Вы держите в руках антологию, вобравшую в себя почти 43 века мировой поэзии. Именно XXIII веком до нашей эры датируется появление первого поэта мира, давшего своё имя собственным сочинениям. Этим поэтом стала шумерская царица и одновременно жрица Энхедуанна. В антологии собраны самые лучшие поэты за всю историю человечества, среди них такие фигуры как Гораций, Овидий, Вийон, Бодлер, Верлен, Данте, Петрарка, Шекспир, Донн, Гёте, Шиллер, Рильке... В антологии есть и несколько безымянных поэтов, создавших древние тексты (шумерский эпос, вавилонские псалмы, авестийские солярные гимны, плачи), отрывки из которых превращены в современные русские стихи. А есть и не очень известные, почти забытые сегодня авторы, которым выпало бремя на своих плечах держать громадную ношу – ответственность за сохранение непрерывности литературы.

Прежде чем говорить о качестве, поговорим о количестве написанного, оно впечатляет. 412 переведённых стихотворений, четыре поэмы, восемь отрывков из поэм, иногда внушительных – по 10–12 страниц. Эти гигантские плиты мировой поэзии подняты и обработаны одним русским поэтом, переводчиком, эссеистом и моим родным, до сих пор активно работающим отцом, которому сейчас пошёл 92-й (!) год. Говоря о работе, имеющей отношение к Слову, нельзя не коснуться темы Числа, а точнее говоря, чисел, статистики. Юрий Михайлович Ключников в одиночку осуществил грандиозный по объёму и дерзости проект, может быть заслуживающий вхождения в книгу рекордов Гиннеса, – перевёл на русский язык **2245 стихотворений 160 лучших поэтов мира с 21 языка!** Картина становится ещё более выразительной, если добавить к этому более 2000 собственных стихотворений на родном языке, созданных поэтом за 80 (!) лет служения русской литературе (Ю. М. Ключников с детства ходил в литературной кружок, а его первое стихотворение опубликовали в газете «Молодость Кузбасса», когда ему было 12 лет). Этот проект был реализован не только благодаря поэтическому таланту автора, но и по причине его высочайшей самодисциплины – в течение последних 30 лет его рабочий день длится от 12 до 16 часов без выходных и праздников. Но подобное напряжение было для поэта отнюдь не насилием, а праздником, творческим запоем, актом огромной увлечённости – ведь он может подолгу думать стихами, они ему периодически снятся и он, по собственному признанию, способен превратить в стихи многие предметы и явления нашей жизни. Горный турист с большим стажем (ему приходилось подниматься на Белуху и в Гималаи на высоту 3500 метров), он на этот раз покорял поэтические высоты.

В данной антологии, в восьмом по счёту переводческом издании среди его 27 книг, присутствуют переводы и переложения с 13 языков шумерской, вавилонской, древнеиранской (авестийской), древнеегипетской, древнегреческой, древнеримской, византийской (среднегреческой по языку), французской, английской, немецкой, итальянской, испанской, сербской поэзии. Французские и английские стихи уже публиковались, но остальные стихотворения увидят свет впервые, а их – больше 80–85%. Антология вмещает в себя 405 стихотворных переводов и переложений и 22 собственных стихотворения поэта, имеющих прямое отношение к переводимому материалу.

Но если посчитать все переводы и переложения мировой поэзии, сделанные Ю. М. Ключниковым, которые не вошли в данное издание, то мы можем говорить о полноценных 21 поэтических культуре и языке. Ведь у автора есть ещё три книги («Караван вечности», «Слово Ариаварты», «Поднебесная хризантема»), где есть переводы и переложения суфийской (персидской, арабской, тюркской), индийской (санскрит и хинди) и китайской поэзии. В данной антологии стихи 80 поэтов, и в этих трёх книгах также присутствуют стихи 80 восточных поэтов – так симметрично поделились в книге поэтические Восток и Запад. Прделанная одним человеком работа может дать фору трудам целого научного института или рабочей группы отдела, которому в советское время поручали перевести антологию какой-либо эпохи, будь то Средние Века, Возрождение или Новое время.

Огромный объём переведённого и переложённого накладывается на гигантскую пространственную протяжённость этих культур – Индия, Китай, Малая Азия, Иранское нагорье, арабские пустыни, тюркские степи, Западная и Восточная Европа и ещё более впечатляющая временная протяжённость. Как говорится, столько не живут. Ни один русский поэт не заглядывал в истоки мировой истории так далеко и так широко, только профессиональные переводчики, да и те ограничивались своими локальными языковыми границами.

Наверное, тому, кто способен заглянуть в такое далёкое прошлое, доступны и какие-то тайны будущего. Сознание и сердце русского поэта сумели пропустить через себя высоковольтное напряжение мировой классики и, как говорится, не издав ни одной фальшивой ноты, превратили её в русскую поэтическую стихию. Он проложил новые пути для поэзии в наши дни, захватив целые пласты мировой поэтической культуры и сделав её навсегда русской. Едва ли можно было сказать, что «Изумрудная скрижаль» Гермеса Трисмегиста, солярные гимны «Авесты» или покаянные псалмы Вавилона – это русское явление, хотя они были академически переведены на наш язык и вполне доступны для понимания. Но теперь, после их волшебного превращения в отечественные стихи, они, скреплённые русским языком и рифмой, стали гораздо более русским явлением, чем были. Это, если хотите, захват иной культуры, захват мирный

и взаимообогащающий, превращение мировой поэзии в русскую поэтическую империю.

Такая практика заимствования достижений иных культур куда более плодотворна для современной русской культуры, нежели отмена классики по политическим мотивам, принятая на сегодняшнем Западе. Когда они нашу культуру отменяют, мы апроприруем всё достойное, созданное ими. В лучших достижениях национальных художественных культур всегда есть и общемировой пласт смыслов, который при переводе на другой язык расцветает новыми красками. Ю. М. Ключников завершил ту линию, которую начали русские классики, любившие обозначать двумя именами то, что они делали со своими переводами-переложениями классики. Поэт напомнил:

«Правильно делали те старые русские поэты, когда, переводя собрата-стихотворца, ставили под стихами своё имя, а в скобках добавляли “из Гёте”, “из Шиллера”, “из Вордсворта”, “из Блейка”».

Потому любимые русским читателем «Горные вершины» Гёте – это не только явление переведённой Лермонтовым немецкой, но и русской поэзии. Ю. М. Ключникову хотелось, чтобы все эти мировые тексты приблизились к нам, стали восприниматься как свои, родные и близкие стихи.

Говорят, что жизнь есть экспансия. Безусловно, и культура тоже. Пока она расширяется, обменивается идеями, образами и влияниями с другой культурой, она, а значит и страна, живёт, как это было в XIX и XX столетия в России, чья литература осуществляла своё победоносное шествие по евразийскому континенту. Как только она начинает замыкаться в себе, возникают проблемы. Переводы и переложения, представленные в данной книге, – пример такой экспансии русской поэзии и русского языка, залог культурного возрождения грядущей русской духовной империи. Чем больше мы будем включать лучших образцов мировой культуры в свою собственную, тем богаче мы будем. Есть смысл перефразировать советскую формулу: настоящим коммунистом ты можешь стать, только если овладеешь лучшими образцами мировой культуры. Можно сказать по-другому: настоящим русским (не по крови, а по духу), способным выдержать натиск мировой тьмы, ты можешь стать, если овладеешь всем объёмом мировой культуры, включая поэзию. Это, кстати, хорошо понимают в такой высокоразвитой цивилизации, как китайская, где государственные чиновники обязаны сдать строгий экзамен на совершенное знание мировой поэзии.

Читая книгу, можно легко убедиться в огромной эрудиции и начитанности автора, который давно «на ты» с мировой культурой. Кто из современных поэтов прочёл столько книг? Может быть, только те стихотворцы, которые жили в Золотом и Серебряном веке русской поэзии. Однако эта начитанность не носит характер некоей холодной книжности, как, например, это было у Брюсова, пе-

реводившего мировую поэзию «от головы», не пропуская её через сердце. Нет, у Юрия Ключникова всё по-другому, он проживает переводимые и перелагаемые тексты как некую всемирную драму, ставшую фактом его личной судьбы. И поводёрём в этих лабиринтах мировой истории и поэзии для него оказываются Россия, русская культура и поэзия, русские гении-классики, и прежде всего Пушкин.

Ещё в 2009 году Юрий Ключников написал о своих путешествиях по Индии книгу очерков-размышлений «Я в Индии искал Россию». Отталкиваясь от этого много что говорящего об авторе факта, можно было бы дать антологии ещё один подзаголовок – «Я в мировой поэзии искал Россию». Такой подход проявился и в отборе самих имён, лучших поэтов мира, достойных быть хорошо переведёнными на русский язык, и в отборе стихов, излучающих гармонию и свет (талантливые, но дисгармоничные по сути стихи зарубежных поэтов не были включены в антологию), и в отборе поэтических тем, так нужных нашей стране сегодня, – любовь, сердечность, сила духа, красота, смирение, мужество, стремление к совершенству, вера в Бога, готовность к самопожертвованию.

Конечно, чтобы перевести качественно их великие стихи на современный русский поэтический язык, нужно самому находиться на очень высоком конгениальном творческом уровне. Ни один поэт ни в нашей стране, ни в мире не осилил такой творческой ноши. Титанический объём сделанного Юрием Михайловичем точно оценил поэт и критик А. А. Шорохов:

«Сделанное Ю. М. Ключниковым за почти век жизни не восхищает, даже не изумляет – повергает при одном простом перечислении. А уж при более пристальном знакомстве (не говоря прочтении) – наводит на мысли о чём-то древнем, титаническом, в наш век непредставимом, о Леонардо, о Ломоносове...»

Шорохов рассказывает о недавнем событии в жизни поэта-переводчика:

«Незадолго до смерти Валентин Курбатов выдвинул на Государственную премию Российской Федерации в области литературы и искусства старейшего поэта и переводчика Сибири Юрия Михайловича Ключникова. Можно считать это завещанием критика. Услышат ли его – покажет самое ближайшее время: “Опять в смятении остановился: как можно было сделать так много? И в таком щедром разнообразии жанров, языков, культур?” – напишет он, получив книги переводов Юрия Ключникова и продолжив: “Нужно показать подлинно ошеломляющий горизонт сделанного и естественность разговора о Государственной премии. Заранее знаю, что это было бы, может самое достойное наше русское делание посреди всеобщего безумия”».

Заметим, что Курбатов написал свои слова, ещё не зная ни о вышедшей через полгода после его смерти, в марте 2021 года, книге переводов Джона Донна, ни о книге китайской поэзии XIX–XXI вв. «Весть о рассвете», ни о русской православной книге «В поисках Рая», ни об этой последней антологии «Пес-

ни тысячелетий: 43 века мировой поэзии». Ещё попутно заметим, что выдвижение на Госпремию Ю. М. Ключникова состоялось уже дважды в 2020 и 2021 годах с характерным для нашего времени результатом. Увы, поэзия сегодня не в тренде.

Однако несмотря на большое число стихов и авторов, переводов и переложений, перед нами вовсе не академическая антология в духе советских добротных книжных «кирпичей» из серии «Литературные памятники». «Песни тысячелетий» – не книга полиглота, который в совершенстве знает 21 язык и стремится к буквальной точности перевода. Ю. М. Ключников, хотя и создал грандиозное полотно мировых поэтических культур, отнюдь не стремился перевести поэзию любых времён и народов, охватывая все стихи всех признанных поэтов мира. Здесь выбор был другим – перевести всё, что созвучно автору переводов и переложений. Переводчик европейской поэзии Евгений Солонович как-то привёл в пример слова итальянской поэтессы и переводчицы Маргариты Гуидаччи, которая на вопрос, как она выбирает стихи для перевода, ответила: «Я перевожу только те стихи, которые хотят быть переведёнными мной». К Ю. М. Ключникову это относится в полной мере.

Однако оказалось, что автору хоть и нравится в мировой поэзии очень многое, но далеко не всё. Некоторые из признанных великих поэтов (например, римлянин Вергилий, испанец Хименес) не вошли в антологию только потому, что автор переводов и переложений не ощутил полноту созвучия с сердцем именно этих поэтических собратьев («поэт поэту есть кунак», но, оказывается, иногда и не кунак тоже). В других случаях автор ограничивался эпохой, с которой его сердце оказалось сонастроенным (так было с елизаветинской Англией).

Потому из английской поэзии в данный сборник попали переводы, относящиеся прежде всего к XVII столетию. При этом количество стихов, принадлежащих к разным поэтическим культурам, в антологии неравномерно. Больше всего в книге французских поэтов (17 авторов) и немецких стихотворений (почти сто, написанных восемью авторами). Древние поэты Шумера, Вавилона, Древнего Ирана и Древнего Египта представлены в небольшом, порой единичном формате. Некоторая неравномерность в объёме произведений разных поэтических культур, помимо всего, объяснима понятным возрастным фактором: Ю. М. Ключникову пошёл 92-й год и он успел не всё, что хотел.

Подчеркнём ещё раз: данная антология – не книга полиглота, который стремится к буквальной точности перевода. Да, это издание, как и другие книги с переводами Ю. М. Ключникова, содержит в себе некоторые элементы академичности – есть примечания, вводная статья к каждому разделу, и, конечно, это отчасти образовательный проект, раздвигающий рамки представлений о мировой поэзии. Почти в каждой предыдущей книге был свой научный редактор. В книге французских переводов «Откуда ты приходишь, красота?» им

был доктор филологических наук, полиглот, владеющий восемью языками, С. А. Небольсин. В книге суфийских переводов «Караван вечности» научный редактор – кандидат исторических наук, востоковед, поэт-переводчик европейской и персидской поэзии В. Н. Зайцев. В книге переводов и переложений китайской поэзии в качестве научного редактора поэтической части книги был доктор исторических наук, синолог, лауреат государственной премии А. Е. Лукьянов. В книге переводов английской поэзии научное редактирование текста осуществляла известный шекспировед и переводчик Шекспира профессор М. Д. Литвинова. Предисловие к книге индийских переводов и переложений написал доктор филологических наук, поэт переводчик, индолог А. Н. Сенкевич, а позитивные рецензии на книгу написали бывший генеральный консул в Мумбаи (Индия), индолог А. В. Мантыцкий, чрезвычайный и полномочный посол РФ в республике Индия Н. Р. Кудашев, кандидат философских наук, религиовед, индолог С. В. Пахомов. В данной книге подобную функцию в самой сложной части, включающей в себя древнюю, античную и византийскую поэзию, подобную функцию взял на себя доктор исторических наук, переводчик с нескольких языков протодьякон Владимир Василик.

Но всё-таки нужно подчеркнуть, что «Песни тысячелетий» – это не академическое, а литературное издание. Ю. М. Ключников свободно владеет только двумя языками (французским и английским), остальное переводилось с использованием подстрочников либо с переводов, сделанных белыми стихами. Разумеется, он при этом прочитывает самые разные переводы поэзии каждого автора на русский язык, сделанные русскоязычными переводчиками, и даже слушает эти стихи в аудиоформате, чтобы понять их аутентичную интонацию и звучание и максимально приблизиться к сути, выраженной в оригинале. Можно говорить об отнесённости его переводов к разделу «точные переводы» только в отношении английского и французского языков. В остальных случаях это скорее поэтические переложения, которые, однако, не менее красивы, чем качественные точные переводы. Из двух школ поэтического перевода – «точной» и «вольной» (а в ней, по словам крупнейшего переводчика Вильгельма Левика, «самое главное, чтобы получались красивые русские стихи») – Ю. М. Ключников принадлежит, безусловно, ко второй. Он и начинал этот проект по свободному велению своего поэтического сердца, которое жаждало общения с собратьями, как бы далеко во времени и пространстве они ни жили от нас.

Поэт почти всегда побеждает в нём переводчика. Потому он сам считает, что его переводы – это прежде всего стихи-отклики. И хотя он легко перевёл бы любое стихотворение любого поэта с большой точностью и с разными оттенками (как он это сделал с 8 сонетом Шекспира, дав четыре (!) варианта перевода), он принципиально не захотел этого делать, поскольку был убеждён, что по гамбургскому счёту дух важнее буквы. Потому он, выбирая между точ-

ностью и красотой, почти всегда выбирает красоту, веря, что высшую точность можно скорее найти на путях красоты, нежели буквального совпадения. Это, однако, совсем не значит, что переведённые и даже переложённые стихи далеки по смыслу от первоисточника. Поэт всегда стремится перевести главный смысл и сохранить язык и образы чужого стиха. Просто способы достижения этой цели у научного переводчика и у поэта разные: один обкладывает себя бумажными и электронными словарями, а другой подходит к проблеме интуитивно, и это зачастую приводит к более впечатляющему художественному результату. Настоящим поэтам (вспомним, что слово «поэт» нередко ассоциировалось с понятием «пророк») свойственна эта поэтическая *глоссолалия*, способность понимать дух разных языков, культур и традиций, в чём-то даже отдалённо родственная способности апостолов понимать иные языки и говорить о них после сошествия на них Святого Духа.

В русской переводческой традиции всегда присутствовали не только профессиональные переводчики, не пишущие собственных стихов, но именно поэты-переводчики. В XVIII столетии к ним можно отнести М. Ломоносова, В. Тредиаковского, А. Сумарокова. В XIX веке список увеличивается: И. Козлов, В. Жуковский, Н. Карамзин, Н. Гнедич, П. Катенин, К. Батюшков, Е. Баратынский, А. Пушкин, М. Лермонтов, Ф. Тютчев, А. Фет, Д. Минаев, А. Плещеев, И. Тургенев, Л. Мей, И. Востоков, И. Анненский, А. Толстой, М. Михайлов, В. Курочкин, А. Майков, А. Апухтин, К. Павлова, В. Бенедиктов и многие другие. В XX веке этот список ещё больше: А. Блок, К. Бальмонт, Н. Гумилёв, А. Ахматова, Б. Пастернак, В. Брюсов, Вяч. Иванов, И. Бунин, Ю. Тынянов, М. Лозинский, И. Кашкин, С. Маршак, В. Левик, К. Чуковский, М. Зенкевич, Я. Голосовкер, Н. Заболоцкий, В. Лившиц, Г. Шенгели, А. Гелескул, П. Антокольский, Л. Мартынов, Э. Линецкая, Л. Гинзбург, С. Липкин, А. Тарковский, Ю. Корнеев, Ю. Кузнецов, И. Бродский, Н. Любимов, М. Гаспаров, С. Аверинцев, В. Микушевич, М. Яснов, О. Седакова и ещё большое количество талантливых и одарённых людей. Понятно, что академический переводчик чаще всего передаёт букву оригинала точнее, чем это делал бы поэт, решившийся перевести собрата. Тем не менее деление на точную и вольную школу перевода можно обнаружить и в среде поэтов-переводчиков. К точному переводу стремились Николай Гумилёв, Валерий Брюсов, Михаил Лозинский, вольный подход отстаивали Константин Бальмонт и Борис Пастернак, который весьма критически (на наш взгляд, излишне) относился ко многим своим высокопрофессиональным и талантливым коллегам. В письме к О. Наумовой он пишет:

«Я совершенно отрицаю современные переводческие воззрения. Работы Лозинского, Радловой, Маршака и Чуковского далеки мне и кажутся искусственными, неглубокими и бездушными. Я стою на точке зрения прошлого сто-

летия, когда в переводе видели задачу литературную, по высоте понимания не оставляющую места увлечениям языковедческим...».

Известный переводчик Н. Любимов не соглашался с мнением, что Пастернак заслонял собой переводимого автора, и подчёркивал его способность к перевоплощению. Пастернак стремился к тому, чтобы переводимый им поэт выглядел поэтом современным, а не неким архаизмом. Задачу переводчика он видел не в том, чтобы создавать буквальное соответствие современного текста тексту прошлого, усиливая тем самым историческую дистанцию между читателем и классикой, а в том, чтобы возрождать в классике присущую ей жизнь. Ему очень хотелось, чтобы она передавала читателю реальность, а это можно сделать только говоря в стихах на сегодняшнем обиходном языке.

Когда за перевод берётся настоящий поэт, он почти никогда не копирует другого поэта, но создаёт на базе чужого стихотворения свой поэтический двойник. Так было с Лермонтовым, взявшимся за «Горные вершины» Гёте (наверное, самый знаменитый и самый лучший пример русского перевода мировой классики) и создавшим на его основе что-то грандиозное, но своё. В убедительном и подробном анализе разных вариантов перевода «Горных вершин» С. Финкеля показано, что этот текст, строго говоря, нельзя назвать переводом: «Лермонтов написал замечательное песенно-лирическое стихотворение – на тему *из Гёте*; но перевода гётевского стихотворения здесь нет». Но это не мешало творческому коллективу литературоведов и переводчиков, готовивших лермонтовское десяти томное собрание сочинений поставить туда стихотворение Михаила Юрьевича как перевод. А перевод Брюсова действительно самый точный, и он очень важен для специалистов, но много ли людей сегодня будут его читать, а главное – по-настоящему наслаждаться прочитанным?

К вольному, пастернаковскому подходу при переводах мировой классики тяготеет и Юрий Ключников. Разумеется, он сохраняет «патину» древности и старается использовать словарь переводимых поэтов, но не перебарщивает в этом перечислении древних богов и мифологических героев, помня, что даже Мандельштам, читая Гомера, «список кораблей прочёл до середины».

Сам выбор поэтов и поэтических культур для переводов и переложений происходил у Ю. М. Ключникова не случайно. В этом выборе присутствовал не только фактор симпатии к языку и той или иной стране, но и более глубокие идейные соображения.

Он счёл необходимым перевести французов, потому что из всего западного культурного спектра именно они повлияли на русскую культуру и литературу сильнее всего.

Суфийская поэзия привлекла его тем, что суфизм – это сакральное ядро исламской цивилизации, а ислам – это восходящая пассионарная религия.

Поэзия Поднебесной не просто восхитила его утончёнными древними узорами, но и привлекла своей принадлежностью к китайской цивилизации как современному лидеру мирового развития.

Английская поэзия показалась ему интересной не только из-за того, что она дала Шекспира и Джона Донна, но и потому что англосаксы уже четыре столетия держат тайные пружины мирового развития в своих руках.

Индийская поэзия оказалась для него дорога и как древнейшая мировая культура (ведь в переводах есть и гимны Ригведы, и стихи Бхагавадгиты), родственная нам и своим языком, и глубинным взглядом на мир, и как сила, наполненная предчувствием великого будущего. Не зря футурологи предсказывают Индии с её древнейшими религиозными истоками выход в мировые лидеры после 2050 года.

Сербская поэзия созвучна сердцу поэта как поэтическая стихия нашего единственного славянского союзника, способного сопротивляться мировому Левиафану.

Ну а осколки древней поэзии Шумера, Вавилона, Египта и древнего Ирана в его авестийской манифестации показали поэту значимыми, потому что он увидел в них масштабное приурочивание к приходу христианства. Подтверждение тому и покаянные гимны, и поклонение божественному солнцу, и благоговейное отношение к воле богов.

Древнегреческая поэзия была переложена им как жизнерадостный исток европейской культуры, которую любили Державин, Жуковский, Пушкин, Батюшков, Лермонтов, Тютчев и Фет.

Древнеримская и византийская поэзия, помимо превосходных стихотворных достижений, привлекла Ю. М. Ключникова, жителя Третьего Рима, переживающего, может быть, самый сложный период своей истории, возможностью поэтически осмыслить причины гибели Рима Первого и Второго.

Так что выбор именно этих поэтических культур для переводов и переложений был у Ю. М. Ключникова глубоко обдуманым творческим начинанием.

СЛОВО КОЛЛЕГ ПО ЦЕХУ О ПЕРЕВОДАХ Ю.М. КЛЮЧНИКОВА

Сборники и переводы Ю. М. Ключникова были оценены положительно, причём оценку давали самые лучшие профессиональные литераторы страны. Чтобы не выглядеть пристрастным, просто приведу фрагменты этих мнений.

Лола Звонарёва, доктор исторических наук, академик РАЕН и ПАНИ, главный редактор журнала «Литературные знакомства», профессор Института мировых цивилизаций и Московского международного университета, так обозначила значение и ценность творчества Юрия Ключникова в целом:

«В далёком XIX веке французский философ Шарль Сент-Бёв заметил: “Классики – это современники всех эпох”. Новая книга переводов старейшего сибирского писателя Юрия Ключникова ещё раз убедительно демонстрирует это. Сегодня её появление – явление знаковое и чрезвычайно актуальное. Только ощущая себя стоящей на плечах гигантов всего мира, наша отечественная молодёжь сможет выдержать прессинг лжи и агрессии, который обрушивается в последние десятилетия на их впечатлительные головы.

Девяностолетний Юрий Ключников словно бросает вызов эпохе, доказывая: у большого таланта глубоко личные отношения с биологическим возрастом и со временем в целом. Подлинный энциклопедизм, широта, незашоренность его взгляда на литературу и мир противостоят столь распространённым сегодня в филологическом мире поверхностной полуобразованности, претенциозной “образованщине”, возмущавшей ещё А. И. Солженицына. Эта книга («Песни тысячелетий». – С. К.) должна стать настольной для каждого, кто мнит себя филологом: ему особенно необходимо почувствовать дыхание

настоящей культуры, музыку великой поэзии, воссозданной страстным пером, умеющим передать живописную выразительность и пластику других культур хорошими русскими стихами».

Профессор-полиглот С. Б. Джимбинов, читавший лекции о русской литературе во многих университетах мира, говоря о переводах *французской поэзии, сделанных Ю. М. Ключниковым*, отмечал мастерство переводчика во владении поэтическим словом и подчёркивал, что «такой обширной антологии французской поэзии, выполненной одним переводчиком, у нас ещё не было ни до, ни после революции».

К этому мнению присоединялась К. Г. Мяло: «Читателю предлагается весьма качественное и объёмное собрание переводов французской поэзии, которая, как мы видим, каким-то образом блистательно состоялась».

Об этом же мастерстве, качестве и разносторонности поэта-переводчика европейской (французской и английской) поэзии говорит Виктор Боченков: «Юрий Ключников выбрал свой путь и знает его. Пойдём вместе с ним. На страницах его книг нам откроется многое...». Добрые слова о французских переводах поэта прозвучали от В. Я. Курбатова, Л. У. Звонарёвой, В. Лютого. Л. Звонарёва высоко оценила французские переводы, особенно новое прочтение Аполлинера, подчеркнув, что эти переводы вызывают большой интерес у студентов и заявив, что «Ключников Юрий Михайлович – огромное событие для нашей литературы, продолжающее державинско-пушкинскую традицию с её простотой стиха и естественностью творческой интонации». Она пишет: «У него рождаются совершенно необыкновенные антологии, в которых он беседует с великими на равных и делает достижения великих мастеров прошлого достоянием нашей русской культуры». Переводы и переложения *суфийской*

(персидской, арабской, тюркской) поэзии, сделанные Ю. М. Ключниковым, были высоко оценены А. Б. Горяниным, Е. А. Орен, Н. Серебряниковым, С. Куттыкадамом, который пишет:

«Что касается переводов, то они – изумительны, и они очень точно передают восточные особенности мысли, языка и стихосложения, а самое главное – мудрость. Я родом из города Туркестан – родины Ахмета Ясави, и ещё застал последних суфиев – его последователей. Поэтому всю жизнь испытывал тягу к суфизму. В суфизме два основных течения – поэтический ирфан и аскетический тасаввуф, в чистом виде они почти не встречаются, как правило, имеет место смешение их в той или иной пропорции. А в переводах Юрия Ключникова это можно различить».

«В переводах персидско-суфийской поэзии Ключников удивительно точно находит интонации, казалось бы, взаимно исключаящих эмоциональных состояний: спокойной мудрости и сильной воли, которая определяет жизненный путь человека. Переложения Ключникова совсем не кажутся “непозволительными вольностями” версификатора. Они подчинены магистральной цели: ввести поэзию другой культуры в русский литературный контекст, максимально сохранив интонацию первоисточника» (В. Д. Лютый).

Китайские переводы Ю. М. Ключникова высоко оценивали самые известные китаеведы и переводчики – доктор исторических наук, директор ИСАА А. А. Маслов и доктор исторических наук З. Г. Лапина, доктор филологических наук, почётный профессор Шанхайского университета С. А. Небольсин, доктор философских наук, синолог, лауреат Государственной премии А. Е. Лукьянов, поэт, переводчик и китаевед Б. Б. Виноградский. Вот что они говорили:

«Ценность книги «Весть о рассвете: китайская поэзия XIX–XXI вв.» в том, что она позволяет оценить красоту китайской поэзии благодаря высокой культуре русского классического стихосложения, которую демонстрирует творчество Юрия Михайловича Ключникова. Он показал нам неисчерпаемые возможности русского языка и силу своего метода, при котором китайская поэзия в его переводе становится фактом русской поэзии и при этом сохраняет китайский колорит и своеобразие» (А. А. Маслов).

«Моя высокая оценка в полной мере относится и к его вольным переводам и переложениям китайской поэзии в книге “Поднебесная хризантема”. В ней Ю. М. Ключников охватил огромный период китайской поэзии длиной в 30 веков – от «Ши цзина» до Мао Цзэдуна. Ю. М. Ключников создал оригинальный жанр. Средствами русской поэзии, с её рифмами и размерами, он точно и качественно сумел передать настроение и дух каждого из представленных китайских мастеров слова. Для меня его вольные переводы и переложения, приближающие китайскую поэзию к русской, и его стихи по мотивам лириков Китая сопоставимы с оригиналом. Ю. М. Ключников показал, насколько сакральна

поэзия китайцев, даже если речь идёт о бытовых темах, явлениях природы или простых человеческих чувствах.

Удивительно, что это удалось сделать человеку, который не знает китайского языка. Кстати, само знание языка ещё не гарантия успешного перевода китайских стихотворений. Ю. М. Ключникову это удаётся благодаря его большому художественному таланту, что подтверждают его коллеги – известные российские литераторы. Поэт проник в тайны китайской души и показал нам всем, что эта душа созвучна русской душе. Можно сказать, он искал Россию в Китае и нашёл её в стихах и одах поэтов Поднебесной» (З. Г. Лапина).

«Перед нами книга “Поднебесная хризантема” – соцветие, даже созвучие голосов. Это долгая, многовековая и многотысячелетняя музыка поэтического Китая. Это долгий, полный трудов и богатый успехами путь переводчика. Впрочем, переводы у него по праву становятся перепевами (в хорошем смысле), переложениями, художественным развитием китайской поэтической темы. За несколько тысяч лет своего звучания она прошла путь от глубокой древности до современного творчества такой, скажем, величины, как Мао. Эта тема чудесным образом развита и в смене поколений внутри рода творчества Ключниковых. Сын собирателя и переводчика снабдил книгу полезным комментарием и глубокими раздумьями, с которыми интересно знакомиться даже искушенному читателю.

Хочется надеяться, что эта преемственность обогатится новыми поколениями русских читателей, переводчиков и комментаторов. Предрешить нынешней антологии вековой успех, может быть, рискованно, но нет сомнения, что она найдёт отклик в душах множества читателей, а возможно, и новых переводчиков китайского поэтического сокровища. Вот та надежда, которая крепнет у читателей Ключникова и которая наверняка даст богатые плоды в будущем» (С. А. Небольсин).

«Книга переводов и стихов по мотивам китайской поэзии, выполненная настоящим одарённым поэтом Юрием Ключниковым, является бесценным вкладом в изучение культуры и искусства Китая.

Основная цель поэзии – оформить и передать переживания от соприкосновения с миром. Сделать это может поэт, умеющий описывать свои переживания не прямо, а через образы. Именно это и делает книгу Юрия Ключникова бесценным шедевром нового типа в китаеведении. Я не побоюсь применить определение “прекрасный китаевед” к этому талантливому и смелому поэту-исследователю» (Б. Б. Виноградский).

«“Китайский проект” Ю. М. Ключникова – это русско-китайский поэтический мост, воздвигнутый 87-летним поэтом, который, точно бессмертный мудрец Поднебесной, прошёл через тридцать веков китайской поэзии под зонтиком любви к ней, не опровергая традицию перевода и переложения китайских стихов, существовавшую до него, но следуя ей и даже порой влетая её точные

ритмы в то, что расслышал у китайских поэтов сам. Можно пожелать читателям путешествия по этому мосту, соединившему в наше сложное время два великих поэтических берега – русский и китайский» (М. С. Бушуева).

Высокую оценку самых разных литераторов (М. Д. Литвиновой, А. Н. Сенкевича, В. М. Костина, И. Н. Шумейко, Е. Н. Крюковой, С. С. Арутюнова) получили и переводы английской поэзии, сделанные Ю. М. Ключниковым. Вот фрагменты этих отзывов:

«Ю. М. Ключников, поэт Божьей милостью, на протяжении многих лет интересовался и глубоко изучал мировую духовную культуру, вопросы духовности, основы мировых религий и сакральных учений Востока и Запада... Поэт заглядывает в глубину смыслов и под слоем страстей и чувств находит пространство духовности. Так на Шекспира никто не глядел, и одно это делает книгу интересной и в каком-то смысле новаторской» (М. Д. Литвинова).

«...Обращусь исключительно к представленным в книге текстам. Они могут мне оценить сделанное Ключниковым как литературное событие, как работу мастера, сумевшего передать в своей интерпретации самые труднообъяснимые места шекспировских произведений. В некоторых случаях по воздействию на читателя ему удаётся если и не превзойти Валерия Брюсова (1873–1924) и Самуила Маршака (1887–1964) как переводчиков шекспировских сонетов, то, по крайней мере, сделать сонеты Шекспира более понятными для современных читателей. Переводы Ключниковым сонетов Шекспира особенные. Они вольные. В них мастер переводит поэтический язык Шекспира в образную систему русской поэзии. Это тот самый случай, о котором говорил выдающийся переводчик Лев Гинзбург: “Что мне до того, что я знаю немецкий язык и, естественно, читал Гёте в подлиннике? “Лесной царь” Жуковского для меня существует и сам по себе, не только как перевод из Гёте, сам по себе, может быть, в первую очередь”» (А.Н. Сенкевич).

«Книга переводов сонетов Шекспира и поэзии шекспировской эпохи, созданная Ю. М. Ключниковым, доставила мне много положительных эмоций. В этой теме трудно удивить чем-то новым, но меня эта книга приятно удивила, хотя я давно знаком с оригинальным поэтическим творчеством этого автора и его вольными переводами мировой поэзии. Во-первых, высоким качеством переводов: это касается и сонетов Великого барда, и переведённых стихов королевы Елизаветы, Филипа Сидни, Бена Джонсона, Джона Донна. Во-вторых, объёмом проделанной работы. Не припомню издания сонетов Шекспира, которые соседствовали бы с целой обоймой тогдашних лучших поэтов. Это позволяет понять поэтический контекст эпохи и взаимосвязи между Шекспиром и его окружением, например, соперничество Великого барда и Джона Донна. Ключникову удалось передать возвышенный дух шекспировских сонетов, несущих в себе и влияние эвфуизма, и одновременно его преодоление» (В. М. Костин).

«Работа Юрия Михайловича Ключникова над переводами поэзии Джона Донна (1572–1631) – беспрецедентный литературный акт, и надо осознать его бесспорную значимость и радоваться тому, что теперь в русской поэтической переводческой традиции появился Континент Джона Донна, открытый в океане мировой культуры, мировой литературы Юрием Ключниковым.

Пусть каждый из русских читателей Джона Донна, в свой черёд, открывает этот поэтический Континент, как открыл его Юрий Михайлович, сделал нам, отныне и навсегда, этот воистину царский подарок:

Корабль, что нас от родины уносит, –
Он твой ковчег. А море жертвы просит:
Прольётся кровь, погибнет естество,
Но утвердится Жизни торжество!»
(Е.Н. Крюкова).

Позитивную оценку переложений *индийского эпоса и лирики* дали индологи, в частности доктор филологических наук, поэт и переводчик А. Н. Сенкевич:

«Я уже писал о том, что переводы Ю. М. Ключникова особенные – они вольные. В случае перевода с восточных языков он пользовался подстрочниками, а в каких-то случаях использовал чужой нерифмованный перевод, добиваясь, чтобы все строки были украшены рифмой. Как подчёркивает автор книги, он не ставил перед собой задачи добиться буквальной точности. Его цель – ввести индийскую поэзию в отечественную поэтическую традицию с её законами и эстетикой, пересказать её по-русски. Ради красоты в каких-то случаях приходилось жертвовать точностью, и такая жертва, на мой взгляд, в целом была оправданной. Это не труд профессионального переводчика, но работа художника, поэта, который рассказывает нам, какой, согласно его мнению, является поэзия Ариаварты. И у него это получается. Дух Индии в его вольных переводах жив» (А.Н. Сенкевич).

Добрые слова о данной книге сказал в своей статье «Билет в Индию духа» А. А. Шорохов, подчёркивающий, что переводы сделаны Ю. М. Ключников с христианских позиций:

«Не обольщаясь религиозной пестротой таинственного Индостана (схожей с обильным брожением протестантских сект в Европе и Северной Америке XIX века), Юрий Ключников и здесь остаётся верен одной из своих доминирующих тем – теме человеческого братства: в трудовой правильной жизни, в любви, в смерти.

Об этом говорит и современник Христа, автор тамильских гимнов Тируваллувар:

Душе мужской необходимо сердце,
Где можно в непогоду отсидеться.

И средневековая поэтесса Лал-дэд (1320–1392):

Ты всё в моей сегодняшней судьбе:
Земля и небо, ночь, и день, и ветер,
Меняющий действительность на свете.
Но что взамен могу я дать Тебе?

А молитву Сурдаса (1478/1479–1582/1583) может смело повторить любой христианин:

Укажи мне, о Боже, мой путь –
Я на каждом шагу спотыкаюсь.
Молча падаю, вновь поднимаюсь,
Плохо вижу, где правда и суть.
Знаю только, что все мы равны
Пред Тобой в прегрешениях вечных.
Помоги обещанием встречных
Светлых вех и прощеньем вины!»

В финале своей статьи Шорохов пишет:

«Заканчивая разговор о последнем (по времени издания) труде Юрия Ключникова, хочется верить: сбудется завещание Валентина Курбатова, и билет в Индию Духа окажется не последним приглашением к литературному путешествию из тех, что заготовил нам старейший поэт и переводчик Сибири!»

ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОЙ ПОЭЗИИ

Старейший поэт и переводчик из Сибири действительно заготовил нам в последней книге нечто очень серьёзное. Мы уже говорили, что эта книга – антология мировой поэзии с самых ранних времён существования человечества до наших дней, позволяющая проследить эволюцию поэтического творчества.

За 43 века мировая поэзия претерпела колоссальную эволюцию, что выражается и в смене алфавита – от пиктограммы, с помощью которой фиксировали свои мысли и стихи шумеры, до современного языка. Правда, последнее стихотворение поэта и сербского президента Караджича, которым завершается сборник, адресуется кириллице – лишь священная сила, заключающаяся в ней, даёт силы герою выстоять в тяжелейших испытаниях, выпавших на его долю. Можно дать этой книге подзаголовок «От Шумера до Караджича» или от «Пиктограммы до кириллицы».

Эволюция мировой поэзии, в каких бы странах она ни происходила, имеет несколько этапов. Среди них – эпическая поэзия, зарождение лирики внутри эпоса, отход от эпического изложения и движение в сторону индивидуализированных чувств и переживаний, появление религиозного символизма в стихах и религиозной поэзии, воспевающей темы по неким правилам, потом освобождение от религиозных канонов в пользу человеческого раскрепощения, затем появление художественных титанов, устанавливающих в творчестве свои законы, эпоха торжества усложнённости и авангардной формы, в каких бы «измах» это ни проявлялось. В каждой поэтической культуре, которая представлена в данной антологии, можно найти эти этапы, даже если у какой-то страны те или иные этапы выпадали или меняли свою последовательность. Разумеется, формы передачи внутреннего мира человека и сам этот мир становились более сложными, но не всегда эта сложность была цветущей, и нередко человек и сам поэт удалялся от Целого, в каких-то случаях возвращаясь к нему, а в каких-то и нет.

Какая логика развития мировой истории открывается нам при прочтении этой антологии? Наверное, логика усложнения мира и отпадения от традиции с одновременным стремлением самой активной, лучшей части человечества вернуться к Источнику Жизни, опираясь на религию, духовную философию, лучшие образцы искусства и поэзию.

Какие выводы позволяет сделать поэтическое погружение автора в тайны мировой истории, и что нашёл в ней русский поэт?

В первую очередь можно уверенно говорить о единстве глубинных архетипов общечеловеческой культуры. Мотивы покаяния за грехи и благоговейное отношение к непостижимой божественной воле были присущи человечеству ещё до библейских и христианских откровений. Эти идеи, конечно, не были столь подробно разработаны, как в Ветхом и Новом Завете, но они были. Солнце, перед тем как стать «Солнцем Правды» (знаменитая формула христианства), было объектом поклонения и в Египте, и в Древнем Иране, причём наши предки слагали удивительно красивые гимны о нашем светиле, воспринимая его как живое и одухотворённое божество. А где солнце, там ясность, мудрость, красота, жизнь и любовь. Миф о Гильгамеше, который был для тогдашнего человечества не только культурным героем, но и солярным символом, рождающимся и умирающим светилом, что позднее проявилось в образе умирающего и воскресающего бога не только в египетских культурах, но и в авраамической традиции. Это созвучие далёкого прошлого и настоящего потрясает и вселяет надежду.

Во-вторых, всматривание в толщу веков и тысячелетий позволяет ещё раз осознать устойчивость самого института поэзии, который существует уже почти 4,5 тысячи лет и не собирается никуда уходить. То, что существует так дол-

го, может изменить какие-то формы, но совсем исчезнуть не может по определению. Потребность рождаёт поэтические тексты и воспринимать их в устной или письменной форме можно считать встроеной Творцом или природой в глубины человеческого сознания. Это означает, что поэзия будет существовать, что бы ни произошло.

В-третьих, погружение в историю косвенно показало одну из причин гибели мировых империй, того же Первого и Второго Рима. Как это ни кажется неожиданным, но поэты говорили о том, что силы зла концентрируются в больших городах, тогдашних мегаполисах – Риме и Константинополе, где население разлагалось от праздности и городской люд видел, как живёт элита, и бессознательно ей подражал. Об этом ярко сказал ещё в XII веке Франциск Ассизский, не раз путешествовавший из своего маленького Ассизи в Рим. Потребительские идеалы, алчность, культ удовольствий, постоянная жажда зрелищ вели к упадку нравов и потере духа доблести, что изнутри подтачивало и ту и другую империю, приводило на трон тиранов и ничтожеств. Поэты не могли не чувствовать этого и отражали упадок духовной силы своих народов в стихах. Потому высшая поэзия пусть и рождалась в основном в городах, но чаще воспевала природу, красоту простой сельской жизни, естественность и уединение. Так было на протяжении тысячелетий.

В-четвёртых, погружение поэта в историю показало, что есть чёткая корреляция между состоянием государства и состоянием поэзии в той или иной стране. Если элита заинтересована в поэзии, она поддерживает её в том или ином виде – устраивает поэтические турниры, как Шарль Орлеанский в XV веке, на которых рождались гениальные строки Вийона, или даёт своеобразный госзаказ на те или иные темы, как это происходило в елизаветинской Англии XVI века, или поддерживает салонную культуру, где сама атмосфера способствует состязанию поэтов и в конце концов рождающих шедевры. Иначе говоря, состояние поэзии не только отражает, но и напрямую влияет на состояние нации. Если поэзия страны находится на подъёме, то на подъёме оказывается и страна. И тогда поэзия становится в своей основе патриотичной, воспевающей эту страну, даже если порой критикует власть и элиту. Так было на протяжении всего русского XIX века. Но когда вектор развития России обозначил реальный отход от глубинной русской традиции (а ведь в Серебряном веке, при всей его утончённости, эта тенденция, увы, стала заметной), страна оказалась на краю бездны и удержалась на ней чудом. И в советский период российская поэзия тоже творила чудеса, пусть и не столь изысканно, но зато с большим душевным здоровьем. Но когда о поэзии забывали или она начала обслуживать какие-то кровавые режимы, то деградировала она, а за ней страны окончательно погружались на дно. Кто помнит поэзию гитлеровской Германии? Ведь все достойные поэты либо выехали из страны, либо замолча-

ли. И этот закон взаимозависимости успехов государства и отношения к поэзии неотменяем. Всё, что присуще поэзии и культуре прошлого (готовность человека к покаянию, почитание света и солнца, воспевание природы и простой сельской жизни, любовь к своей стране), присуще и русской поэзии, связанной с мировой поэзией тысячу лет.

Один из ключей к тому, что сделал Юрий Ключников в своих переводах, можно, на мой взгляд, найти в переложённом им стихотворении «Немой мальчик» Федерико Гарсиа Лорки:

Мальчик собственный голос
Нашупывал в юных травах,
То есть сердца осколок
Видел слева и справа.

Я из этого голоса
Сделал бы нечто странное.
Чтобы не дыбились волосы
Меж веками и странами,

Чтобы, тоску прогоняя,
Вдаль уходило отчаянье,
Чтобы своими корнями
В нас прорастало молчание.

Необъяснимо светлое
Вместе с новыми ветрами.

Он сделал попытку соединить века и страны в такие слова и образы, чрез которые встаёт величественное, как египетские пирамиды, молчание тысячелетий, соединяющее нас. И что очень важно – древнее молчание «вместе с новыми ветрами».

В-пятых, антология позволяет осознать некий смысл мировой истории, проступающий через творчество поэтов и заключающийся в приготовлении человечества к принятию высших духовных ценностей. Для Запада и России эти ценности связаны с Христианским Откровением, а сегодня и с подготовкой к величайшим испытаниям, которые нужно пройти и России, и человечеству.

Невозможно найти единую формулу эволюции мировой поэзии. Очевидно одно: поэты всегда хотели выразить нечто прекрасное, стремились к совершенству, верили во Всевышнего, пытались понять сами себя и выразить то, что жгло их сердца. Эту же страсть к красоте, даже если она сопровождается

какими-то сильными противоречиями и дисгармонией, отметил в творчестве Ю. М. Ключникова критик В. В. Боченков. Но главное даже не это, а то, что в книге приведены переложённые на русский язык стихи лучших поэтов каждой из эпох, и представленный здесь поэтический пантеон впечатляющ и неоспорим. Ведь каждый из великих поэтов был крупной личностью, формировавшей смыслы, которые отражали эпоху и порой вели за собой людей. Их поэзия создана на века, и вполне естественно, что в разные эпохи оказываются востребованы различные пласты творчества гениев. Сегодня, когда советская школа перевода ушла в прошлое, крайне важно сохранять литературно-культурные связи между Россией и другими странами. Как совершенно справедливо заметил поэт и переводчик Александр Николаевич Сенкевич, Ю. М. Ключников выполняет роль археолога-реставратора, который помогает очистить культурно-исторический объект от ненужных наслоений и открыть подлинный культурный слой мировой поэзии в её первозданности.

Поэзия всегда связана с языком, язык с алфавитом и азбукой. Поэзия Шумера, открывающая антологию, представляла собой пиктограмму, поэзия Сербии в лице Караджича, завершающая сборник, апеллирует к кириллице. Древние рисунки, способные передать глубинные смыслы, и буквы кириллицы складываются в кирпичики слов и превращаются в образы. И пока есть кириллица, есть язык, на котором можно говорить и писать стихи, человек жив, и его способность к творчеству остаётся его неотъемлемым качеством. Хотя современный, прежде всего англосаксонский мир являет собой грустное явление – поэт и поэзия арестованы на пожизненные сроки. Включение Караджича в число лучших поэтов мира – не случайный шаг, а сознательный выбор переводчика. Да, Караджич не Шекспир, хотя это мощный и яркий поэт, вписывающийся в традицию поэтов во власти, – к ней принадлежали Сталин, Мао Цзэдун, аятолла Хомейни, Юрий Андропов, Евгений Примаков. Но дело не только в стихах, а в Поступке с большой буквы. Сербский лидер заплатил за свои идеалы, верность сербскому народу, его культуре и поэзии пожизненным заключением. И этим вписал своё имя в мировую поэзию прочнее, чем изыски самых блистательных стилистов. Подлинная поэзия – это не только поэзия восхищения, но и поэзия сопротивления различным препятствиям мира. В этой борьбе поэты нередко погибали физически, но одерживали творческие победы, отстаивая право человека на достоинство и восхождение к вершинам мастерства.

Что же общего между первым стихотворением, открывающим антологию, а это гимн жрицы Энхедуанны, и последним стихотворением сидящего в тюрьме и обращающегося к любимой жене поэта? На первый взгляд мало что: гимн – это развёрнутый призыв к милости богини и восхищение её непостижимостью, а стихотворение – мысленный диалог поэта, несправедливо получившего пожизненный срок заключения, с любимой женой и признание, что

зло восторжествовало практически во всех сферах жизни, кроме сферы творчества и служения Слову. Первое стихотворение антологии полно благоговейного трепета перед божеством и надеждой на его милость. Последнее же свидетельствует если не об отчаянии автора, то о полной утрате всех иллюзий. За 43 века человечество многое прошло и узнало о самом себе и о силах, управляющих миром. Оно, с одной стороны, осталось прежним (в этом легко можно убедиться, посмотрев, о чём писали поэты несколько тысяч лет назад и о чём пишут сегодня), с другой стороны, серьёзно изменилось, и едва ли в лучшую сторону. Надежды на исправление этого мира истаяли, обветшали. Но всё-таки тонкая нить надежды на чудо спасения остаётся. Место непостижимого божества заняло его Слово – оставленный им алфавит, на котором люди общаются с Ним и друг с другом. Лирический герой и его реальный прототип, пройдя через все испытания, сохраняют святое отношение к этому Слову.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Они действительно предварительные, потому что с 2013 года, издавая очередную книгу стихов или переводов своего отца, я писал примерно следующее: «Перед вами итоговый сборник поэта и переводчика Юрия Ключникова». После 2013 года Ю. М. Ключников создал ещё 10 (!) книг. Он хочет сделать ещё переводы английской и американской поэзии, «чтобы лучше понять англосаксонский код, чтобы понять ту силу, которая помогает англосаксам более четырёх веков управлять миром», – сказал он мне и своим ближайшим друзьям. Теперь я буду избегать слова «итоговый» и начну разговор о «предварительных итогах».

В первую очередь нужно признать, что перед нами единство собственной поэзии и того, что принято считать переводами, ведь они по большей части «вольные». Эта «вольность» идёт от того подхода, который демонстрировали нам русские классики, обозначавшие то, что они сделали со стихами чужих поэтов, изящным предлогом «из». Доктор филологических наук Е. М. Таборисская пишет об этом: «Стихотворение “Недорого ценю я громкие права...” (“Из Пиндемонта”) абсолютно оригинально, хотя в творчестве Пушкина немало переводов и переложений, обозначенных именем автора в сочетании с предлогом “из”: “Из Barry Cornwall”, “Из Ксенофана Колофосского”, “Из Афенея”, “Из Шенье” и др. Во всех этих случаях акцентируется, с одной стороны, главенство иноязычного первоисточника русского текста, а с другой – фрагментарность, “избирательный” характер подобного произведения, репрезентирующего волю поэта, который выступает в роли переводчика или переложителя».

Если говорить о собственных стихах и шире – творчестве Ю. М. Ключникова, то оно представляет собой *летопись событий XX и частично XXI века*.

В его стихах, эссе и очерках русской культуры, воспоминаниях воссоздано очень многое из того, что выпало на долю нашего народа и чему поэт был непосредственным свидетелем: довоенное десятилетие, голод на Украине, эвакуация, Великая Отечественная война, послевоенный период, жизнь в сибирском селе, где ему пришлось учительствовать, городская жизнь в столице Сибири, журналистская и писательская среда, состояние советской идеологии, которую ему пришлось наблюдать напрямую во время учёбы в Высшей партийной школе в Москве, короткая встреча с Юрием Гагариным, годы застоя, перестройки, реформ. По материалам творчества Юрия Михайловича можно изучать историю нашей страны, как он сам сказал в стихах: «Незабываемые яви мне подарил мой долгий век». Его собственная поэзия продолжает современную классическую линию русской литературы. Литераторы находят у поэта различные истоки. Лев Аннинский определил эту основу поэтики Ю. М. Ключникова как «державинско-пушкинскую традицию». Алексей Шорохов возводит поэзию Юрия Михайловича к Ломоносову, Пушкину, Блоку и Гумилёву. Александр Астраханцев ощущает в ней присутствие поэтики Бунина. Сергей Гонцов пишет, что, «когда читаешь стихи сибиряка Юрия Ключникова, невольно вспомнишь и самого колоссального Шаламова, и Александра Межирова, и Арсения Тарковского, вовсе не благодаря какому-то стилистическому сходству, но по причине родства духовного».

Геннадий Иванов, читая Юрия Ключникова, вспоминает имена поэтов-долгожителей – Глеба Горбовского, Константина Ваншенкина, Виктора Бокова, Николая Тряпкина, Фёдора Сухова, Анатолия Жигулина, Алексея Решетова. Поскольку немалая часть лирики Юрия Михайловича пронизана воспеванием самопреодоления, благословения испытаний и трудностей, воспитанием воли и характера, то в его творчестве мы можем найти линию Николая Заболоцкого с его призывом «не позволяй душе лениться».

Поэзия Юрия Ключников – не просто лирика в традиционном смысле (природа, любовь, гражданственность), но и бодрая, глубоко оптимистическая философия жизни, так важная и для отдельного человека, и для народа, наполненная идеей одухотворённого служения свету, добру и красоте. Она содержит формулы национальной идеологии, имеющие даже геополитическое значение («все напасти России с Запада, так устроена роза ветров»). Но главные напасти он связывает с внутренними проблемами России, полагая, что её главный враг – внутреннее несовершенство и зло человека как такового, особенно элиты, тянущейся к богатству и западным формам потребления и становящейся на путь национального предательства. Пока Россия не выиграет этот «главный бой с самой собой» и не победит эту «седьмую колонну» в себе, она не одержит победу в схватке цивилизаций.

В статье ко второму зданию книги Ю. М. Ключникова «Душа моя, поднимем паруса!», которая дважды выдвигалась на госпремию, я уже пытался сфор-

мулировать то новое, что он внёс в русскую поэзию. Это новый тип лирического героя (пассионарий, нацеленный на служение России и русской культуре, умеющий бодро нести свой крест), жизненная философия, способная примирять и вмещать противоречия, которую можно назвать мудростью, продолжение классических форм стихосложения, афористичная чёткость малых стихотворных форм, огромное тематическое и жанровое разнообразие, готовность откликаться на любые, самые неожиданные события и превращать жизненные факты в факты поэзии. По сути дела Юрий Ключников создал свою поэтическую вселенную, о чём очень хорошо сказал В. Костин:

«За словами “Поэзия Юрия Ключникова” встаёт огромный мир, огромный хор поэзии, мировой и российской, от Пушкина до суфиев, мир евразийски выразительный – мир влюблённого в поэтическое слово читателя и ответственного посредника, своеобразного гида на его маршрутах. И здесь не может не поражать широта эстетического зрения Ключникова и его принципиальная гармоничность. Это мир его предпочтений, его избраний, но это цельный мир, диалогически связанный и ощутимо полный, онтологически и художественно самодостаточный».

Эти же черты русской поэзии Ю. М. Ключникова можно найти и в его переводах и поэтических переложениях, главным итогом которых можно считать воплощение принципа «всемирной отзывчивости», который он реализовал, может быть, как никто другой в русской литературе. По словам писателя А. Астраханцева, он являет пример «поэта-энциклопедиста», возможно, самого «энциклопедичного» в русской поэзии. (У нас в литературе подлинными энциклопедистами были, пожалуй, только Ломоносов и прозаики Карамзин, Лев Толстой, Горький). В самом деле, Юрий Ключников отозвался сердцем и разумом на такое количество стихотворений, образов и эмоций других авторов, что можно говорить о «всеохватности» его творчества, познакомившего современного русского человека со всемирной поэзией заново и, как уже говорилось, расширившего территорию русской поэтической империи. Слово творца всегда шло впереди геополитики.

ПРАГМАТИКА ПРОЕКТА

Высокая поэзия парит в эмпиреях, но проект Юрия Ключникова может послужить и для любителей поэзии, и для страны на большую и конкретную пользу. Для внутреннего использования, для российского читателя (про писателя и поэта даже не говорим) этот проект нужен, поскольку показывает неисчерпаемые возможности русского языка и русских классических форм поэзии с рифмами, место русской литературы и поэзии среди поэтических культур мира и её глубинную связь с мировой поэзией, помогает осознать культурный

код самых разных народов, среди которых и наши друзья, и наши противники, и приобщиться к сокровищам поэзии Востока и Запада.

На внешнем плане проект Юрия Ключникова помогает наладить литературное и культурное сотрудничество с разными странами, народами и деятелями литературы, преодолеть культурную блокаду страны, осуществляемую Западом, и опровергнуть все обвинения в намеренном изоляционизме, навязываемые извне. Те, кто хотят устроить культурную изоляцию своему народу, не делают переводов антологий мировой поэзии народов Востока и Запада.

Хочется верить, что отвечающие за культурную политику страны рано или поздно, осознают, что подобные проекты нужно поддерживать и продвигать, потому что они продвигают Россию и русскую культуру. Тем более что поэзия относится к малым формам искусств, так резонирующим с нашим временем быстро сменяющихся впечатлений, и является эстетическим оружием прямого действия. Русскую и мировую классическую поэзию при желании можно было бы перевести ещё и в видеоформат, что решило бы проблему с её популяризацией и многократно подняло бы её престиж.

С радостью представляю работу Ю. М. Ключникова вниманию всех, кто любит стихи.

P.S.: Каждая из книг Ю. М. Ключникова, имевшая отношение к переводам и переложениями, завершилась благодарностями в адрес поэтов и переводчиков, которые «от и до» проработали данную поэтическую культуру. Общее число этих людей перевалило за несколько сотен. Данная книга, огромная по объёму, увеличит этот список на несколько страниц. Потому автору ничего не остаётся, как, не называя каждого в отдельности, искренне поблагодарить практически всю русскую и советскую поэзию и отечественную переводческую школу за участие в переводах и переложениях поэзии мировой. Без их подвига данная книга не состоялась бы.

УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

- ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ
1. Кто говорит, что непереводаима... (Стихотворный эпиграф к антологии) с. 13
 I. ПОЭЗИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА
 (ШУМЕР, ВАВИЛОН, ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ, ДРЕВНИЙ ИРАН)
 ШУМЕРСКАЯ ПОЭЗИЯ
 ЭНХЕДУАННА (около 2285 – около 2250 до н. э.)
 2. Богиня! Будь благой ко мне всегда! с. 19
 ШУМЕРСКИЕ ПИСЦЫ
 3. Грамотейная мудрость (Восхваление писцового искусства) с. 21
 4. Эпос о Гильгамеше. Отрывок.
 Таблица I. Кто Ты, познавший всю землю от края до края... с. 23
 ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ
 5. Звенит протяжно телефон с. 24–26
 ПОЭЗИЯ ВАВИЛОНА
 6. Покаянный вавилонский гимн с. 26–27
 ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ
 7. Сфинкс с. 27–28
 ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ
 ЭХНАТОН (АМЕНХОТЕП) (1375–1336/1334 г. до н. э.)
 8. Гимн Эхнатона с. 30–31
 9. Молитва Эхнатона с. 31–32
 10. Эхнатон – Нефертити с. 32
 ГЕРМЕС ТРИСМЕГИСТ
 11. Изумрудная скрижаль с. 34
 АВЕСТИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ (ДРЕВНИЙ ИРАН)
 ЗОРОАСТР
 12. Гимн Солнцу из «Авесты» с. 36–37
 II. АНТИЧНАЯ ПОЭЗИЯ. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ
 ГЕСИОД (VIII–VII вв. до н. э.)
 13. Труды и дни (Предисловие. В сокращении.) с. 41–42
 АРХИЛОХ (689/680–640 гг. до н. э.)
 14. Сердце, сердце! Освяти высоким ритмом... с. 43
 15. Мне не мил кудрявый воин... с. 43
 АЛКЕЙ (625/620 – после 580 гг. до н. э.)
 16. Весна с. 45
 17. Шторм с. 45
 18. К Сапфо с. 45
 САПФО (630–572/570 гг. до н. э.)
 19. Гимн Афродите с. 47
 20. Любовь с. 48

ИВИК (2-я половина VI в. до н. э.)	
21. По весне цветы на яблонях качаются...	с. 49
22. Эрос зрачком неподвижным глядит на меня...	с. 50
ПИНДАР (522/518–448/438 гг. до н. э.)	
23. О кифара дорогая!...	с. 51–52
24. Этна	с. 52
АНАКРЕОНТ (570/559–485/478 гг. до н. э.)	
25. Сединой покрылись кудри...	с. 53
26. Быку рога дала природа...	с. 54
27. Узнаю коней ретивых...	с. 54
28. Зачем, лукавый писарь...	с. 54
29. Лучшему другу	с. 55
30. Пляшущий старик	с. 56
31. Безотрадно – не любить...	с. 56
32. Сон	с. 56
33. Воду пьёт земля сухая...	с. 57
34. Когда я пью вино...	с. 57
35. Девушки «льстят» игриво...	с. 58
III. АНТИЧНОСТЬ. ПОЭЗИЯ ДРЕВНЕГО РИМА	
ТИТ ЛУКРЕЦИЙ КАР (99–55 гг. до н. э.)	
36. О природе вещей (отрывок) с. 63–65	
ГАЙ ВАЛЕРИЙ КАТУЛЛ (около 84 – около 54 гг. до н. э.)	
37. Любовь	с. 67
38. Лесбии	с. 67
39. Хочешь знать число лобзаний юных...	с. 68
40. Милая давненько обещает...	с. 68
41. Игра	с. 68
42. Измена и ложь	с. 68
43. Отчаяние	с. 69
44. И ненавижу, и люблю. Двойное чувство гложет...	с. 69
КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК (65–8 гг. до н. э.)	
45. К Мельпомене	с. 70
46. Поэту	с. 71
47. Памятник	с. 72
48. Зимняя пора	с. 72–73
49. Постуму	с. 73
ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН (43 г. до н. э. – 17/18 г. н. э.)	
50. Искусство любви (в сокращении)	с. 75–81
51. Метаморфозы (фрагмент поэмы)	с. 82
52. Сожжение «Метаморфоз» (Письмо в Рим другу)	с. 82–83
ЛУЦИЙ АННЕЙ СЕНЕКА (4 г. до н. э. – 65 г. н. э.)	
ПИСЬМА ЛУЦИЛИЮ	
53. Об исправлении пороков	с. 85–86
54. О страхе смерти	с. 86
55. О дороге к счастью	с. 86–87

56. О переменах	с. 87
57. О времени	с. 88
58. О пути	с. 89
АНИЦИЙ МАНЛИЙ ТОКВАТ СЕВЕРИН БОЭЦИЙ (около 480–524/526 гг. н. э.)	
ИЗ «УТЕШЕНИЯ ФИЛОСОФИЕЙ»	
59. Гомер вознес хвалу обычным смертным...	с. 90
60. Я прежде пел о радости и силе...	с. 90–91
61. Блуждающие мысли	с. 91
IV. ВИЗАНТИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ	
РОМАН СЛАДКОПЕВЕЦ (490–556)	
ПЕСНЬ РОМАНА. КОНДАК НА РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ	
62. (1) Два славных Божиих раба, Иоаким и Анна...	с. 101
63. (2) Стенания и плач со всей земли огромной...	с. 101
64. (3) Ведь Иоаким носил дары во храм с надеждой...	с. 101
65. (4) Дошёл до всех колен Израиля слух прочный...	с. 101–102
66. (5) Ты Жизни нам поток так щедро источила...	с. 102
67. (6) О таинство небес, что на земле свершилось...	с. 102
68. (7) О Всеблагий, меня Господнее служенье ожидает...	с. 102
69. (8) Ведь Сарра верная родити тоже пожелала...	с. 102–103
70. (9) А ныне Мариам всем временам сияет...	с. 103
71. (10) Твоё Дитя так чтимо и любимо, мать святая...	с. 103
72. (11) Всевышний Боже, о Творец, своим пресветлым Словом...	с. 103
Кондак 44	
73. (1) Как дождь небесный в засуху земля сухая ждёт...	с. 103–104
74. (2) Нет в мире никого, кто моей силой обладает...	с. 104
75. (3) Услышав Сатану и Ада восхваленье...	с. 104
76. (4) Порви свой договор, никто не защитит...	с. 104
77. (5) Второй Адам от ран не дрогнет ради всех...	с. 105
78. (6) Узнаем наконец, что ж делает Господь!	с. 105
79. (7) Пришёл Христос и Жизнь в наш ад принёс...	с. 105–106
80. (8) И рек Адам: «Наверно, вспомнишь ты теперь...	с. 106
81. (9) Рыдая, ад сказал: «Иону кит извергнул...	с. 106
82. (10) Христос, придя, унизил твою силу...	с. 107
83. (11) Вознес на небо меня Тот, кто в бездну...	с. 107
ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ	
СТИХИ ПО МОТИВАМ ТВОРЧЕСТВА РОМАНА СЛАДКОПЕВЦА	
84. Гимн богородице (вольное переложение)	с. 107–108
85. Поднимите сердца – Иисус воскресён!	с. 108
86. Так воспоём Творца распятие на кресте...	с. 109
87. Спаситель мира жизнь закончил на кресте...	с. 109
88. Нас в Небо вознесёт Христос, который в бегство...	с. 109
89. Где, ад, твоя победа над Божественной державой...	с. 109–110
ИОАНН КИРИОТ (ГЕОМЕТР; около 935 г. – около 1000 г.)	
89. Советы христианину	с. 110

90. Платон, ты душу объявил бессмертной... с. 110–111
ИОАНН ЕВХАИТСКИЙ (МАВРОПОД; после 1000 г.? – после 1081 г.)
91. Коли решил кого-то из «чужих»... с. 111
МНИХ ИАКОВ (Иаков Черноризец; XI в.)
92. О мудрый Зевс – язычников владыка... с. 112
НИКИФОР ВЛЕММИД (1197–1272)
93. Стихи на рождение сына у Феодора Ласкариса с. 112
СТИХОТВОРНЫЕ БАСНИ ИЗ ПАРИЖСКОЙ РУКОПИСИ
95. Увидел лекарь заболевшего беднягу... с. 113
96. Однажды рыскал волк в ночном селенье... с. 113–114
РОДОССКИЕ ПЕСНИ ЛЮБВИ (конец XIV – начало XV века)
97. Вступление с. 114–115
98. Стихира на Архангела Михаила с. 115
ФЕОДОР ПРОДРОМ (XII в.)
99. О, если б Аристотель внял заветам Моисея... с. 116
ИОАНН ПЕДИАСИМ (около 1250 г. – начало XIV в.)
ЖЁНЫ
100. (1) Жена злонравная – несчастье для мужей... с. 117–118
101. (2) Жена разумная – морская гладь и тишь... с. 118
ИЗ АНОНИМНОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЛИРИКИ
102. Кондак отпустительный Григорию Паламе с. 118–119
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ
ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ
103. Рыцарский романс с. 120–121
104. Романс крестоносца с. 121
ТИБО ШАМΠΑНСКИЙ (1201–1253)
105. Песнь о крестовом походе с. 121–122
ПЛАЧ О ПАДЕНИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ (фрагмент)
106. О государь, о Константин, ты мир покинул наш с. 123
V. ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ (XII–XX вв.)
КРЕТЬЕН ДЕ ТРУА (около 1135 г. – около 1185 г.)
107. Ивэйн, или Рыцарь со львом (фрагмент стихотворного романа) с. 134–136
БЕРТРАН ДЕ БОРН (1145–1215)
108. Я знаю всё, что обо мне твердят... с. 137–138
109. Сраженье мне – блаженство из блаженств... с. 138
110. О тех, кого люблю с. 138–139
111. О тех, кто молод с. 139
ФРАНСУА ВИЙОН (1431/1432 г. – после 1463 г.)
112. Баллада на поэтических состязаниях в Блуа с. 139–140
113. Баллада истин наизнанку. с. 142–143
114. Баллада о повешенных с. 144–145
115. Я знаю всё, но только не себя... с. 145–146
116. Из малого завещания с. 146–147

- АНДРЕ ШЕНЬЕ (1762–1794)
117. Элегия. с. 148
118. Ямбы с. 149
119. Живём. И что? Наверно, так и нужно... с. 149–150
120. Последний солнца луч готовит сумрак миру... с. 150
ПЬЕР БЕРАНЖЕ (1780–1857)
121. Садик с. 151–152
122. Завещание поэтам с. 152–153
123. Безумцы с. 153–155
124. Наполеон на острове святой Елены с. 155–156
ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ
125. О, жизнь моя, – какой роман! – сказал Наполеон с. 156–157
ВИКТОР ГЮГО (1802–1885)
126. Другу с. 158–159
127. Я храм нашёл... с. 159–160
128. Зима с. 160
129. Сон льва с. 161
130. Как? Вовсе не любить? Пройти свою дорогу... с. 161–162
131. Ночная сказка с. 162
132. Я завтра на заре покину город... с. 162–163
133. Девяносто третий. с. 163
ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ (1811–1872)
134. Осенний пейзаж с. 164
135. Облако с. 165
136. В деревьях спрятавшись осенних... с. 165–166
137. Я вас люблю. И что тут делать... с. 166
138. Дрозд с. 167
ШАРЛЬ БОДЛЕР (1821–1867)
139. Альбатрос с. 169
140. Полёт с. 169–170
141. Монолог красоты. с. 170
142. Предыдущая жизнь с. 170–171
143. Падаль с. 171
144. Откуда ты приходишь, Красота?... с. 171–172
СТЕФАН МАЛЛАРМЕ (1842–1898)
145. Лебедь. с. 173–174
146. Звонарь с. 174
147. Веер госпожи Малларме с. 174–175
148. Закрыв я древний том, полужакрыв глаза... с. 175
ЭПИТАФИИ
149. Эдгару По с. 175–176
150. Шарлю Бодлеру с. 176
151. Полю Верлену. с. 176–177

152. Слезы	с. 177
153. Наскучили мне думы Гераклита...	с. 177
154. Стихи о разных вкусах	с. 178
ПОЛЬ ВЕРЛЕН (1844–1896)	
155. Женщина и кошка	с. 181
156. Осенняя песня	с.181–182
157. Сон, с которым я сроднился	с. 182
158. Стихи, за которые буду оклеветан	с. 182–183
159. Женщине	с. 183
160. Вздох	с. 183
161. Искусство поэзии	с. 184
162. Посвящение Дон Кихоту	с. 185
АРТЮР РЕМБО (1854–1891)	
163. Предчувствие	с. 188
164. Уснувший.	с. 188–189
165. Моё бродяжничество	с. 189
166. Роман	с. 189–190
167. Прощание с Европой	с. 190–191
168. Пьяный корабль	с. 191–194
ПОЛЬ КЛОДЕЛЬ (1868–1955)	
169. Баллада о море	с. 196.
170. Неудобный Верлен.	с. 197
171. Баллада о главном вопросе.	с. 197–198
172. Ответ мудрого Цинь Юаня.	с. 198–199
ПОЛЬ ВАЛЕРИ (1875–1945)	
173. Кладбище в море	с. 200
174. Вино поэзии	с. 201
ГИЙОМ АПОЛЛИНЕР (1880–1918)	
175. Мост Мирабо	с. 202
176. Облако в небе сливается с мглой...	с. 202–203
177. Если я там погибну.	с. 203
ПОЛЬ ЭЛЮАР (1895–1952)	
178. Я готов наплевать	с. 205
179. Точность сердца.	с. 205–206
180. Мы двое.	с. 206
181. Мужество Парижа	с. 206
182. Свобода (фрагменты)	с. 206
АНТУАН де СЕНТ ЭКЗЮПЕРИ (1900–1944)	
183. Молитва	с. 208–209
ЛУИ АРАГОН (1897–1982)	
184. Слушай, Франция, голос Москвы	с. 210–211
185. Не бывает счастливой любви	с. 211
VI. ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ (XIII–XIX вв.)	
ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ (1181/1182–1226)	
186. Гимн Солнцу и всем его творениям	с. 216–217

187. О мыслях блуждающих	с. 217
ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ (1265–1321)	
188. 12 (LII) Данте – Гвидо Кавальканти	с. 221
189. 18 (LXV) Любимая, ты свет моих очей...	с. 222
190. 19 (LXVI) О госпожа моя, как я хочу...	с. 223
191. 20 (LXIX) В День Всех Святых – блаженство даль таила...	с. 223
192. 49 (LXXXVI) Живут в моей душе две госпожи...	с. 224
193. 50 (LXXXIX) Кто сможет ей ещё глядеть в глаза...	с. 224
194. 52 (LXII) Любовь нас, смертных, решит стрелами...	с. 225
195. 58 (CXIII) Вы самых лучших, искренних даров...	с. 225
196. 61 (CV) Нет, меч возмездия не должен затупиться...	с. 226
ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА (1304–1374)	
197. 2 (II) По молодости я ему перечил...	с. 229
198. 6 (VI) Я сбит с пути тем безрассудным чувством...	с. 230
199. 61 (LXI) Благословенны месяц, день и час...	с. 231
200. 91 (XCI) Красавица, свой несравненный лик...	с. 231
201. 124 (CXXIV) Я пережил любовь, судьбу свою...	с. 232
202. 132 (CXXXII) Я не люблю!.. Но что со мной тогда?...	с. 232
203. 241 (CCXLI) Амур легко мне подарил наш миг...	с. 233
204. 283 (CCLXXXIII) Дня с ночью передвинулась граница...	с. 233
205. 301 (CCCI) Брожу вдоль рек один, среди лесов...	с. 234
206. 303 (CCSIII) С Амуром никогда не разлучался...	с. 234
ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ	
207. По мотивам сонетов Петрарки	с.235
ЛОРЕНЦО МЕДИЧИ (1449–1492)	
208. Вакхическая песня	с. 237–239
НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ (1469–1527)	
209. Забыть вас на мгновенье не могу...	с. 245
210. Каждый видит, кем он кажется...	с. 245
211. Кто хочет видеть мир реально, не во сне...	с. 245
212. Кто опирается на крепкие войска...	с. 246
213. Пускай судьба меня растопчет очевидно...	с. 246
214. Воюй, чтобы порядок в государстве навести...	с. 246
215. Хочешь укрепить своё самодержавие...	с. 246
216. Истинных царей великая обязанность...	с. 246
217. Кто хочет победить любой ценой...	с. 246
218. Я в силу правды неизменно верю...	с. 246
219. Мы падки все на злобу и на серебро...	с. 246
220. Не бедность и не горе худшая наука...	с. 246
221. Полны свободы мы, но в самой высшей сфере...	с. 247
222. У всех людей имеются глаза...	с. 247
223. Хорошо, когда тебе внимают...	с. 247
224. Порядки новые нам никогда не милы...	с. 247
225. Имеющий союзников...	с. 247
226. Войны начинают в чистом поле...	с. 247

227. Любви со страхом не ужиться...	с. 247
228. Охотно веря, что правитель новый лучше ...	с. 247
229. Фортуна – женщина, и с нею чаще ладят...	с. 247
МИКЕЛАНДЖЕЛО БУОНАРРОТИ (1475–1564)	
230. 7 (VII) Кто в людях дух бессмертия зажёг...	с. 251
231. 60 (LX) И наивысший гений не позволит...	с. 252
232. 100 (C) Я побеждён. Приходит мой конец...	с. 252
233. Не пробуждай меня желанием тревожным...	
234. При сотвореньи Бог пожертвовал собой...	с. 253
ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ	
235. По мотивам сонетов Микеланджело	с. 253
ДЖОРДАНО БРУНО (1548–1600)	
236. О Музы, как я был несправедлив... (1)	с. 260
237. Душа поэта! – самый верный глаз... (2)	с. 261
238. Зовёт к сражениям военная труба... (3)	с. 261
ТОММАЗО КАМПАNELЛА (1568–1639)	
239. О себе	с. 266
240. О корнях великих зол Вселенной	с. 267
241. О простом народе.	с. 267–268
242. Вешнему солнцу, умоляя о тепле (отрывок)	с. 268
ИППОЛИТО ПИНДЕМОНТЕ (1753–1828)	
243. Общественное мнение.	с. 273–274
ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ	
244. Фантазии на тему пушкинского стихотворения «Из Пиндемонта»	с. 276
ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ (1798–1937)	
245. Беспредельность	с. 279
246. К луне	с. 280
247. К самому себе	с. 280–281
248. Шутка.	с. 281
249. Её продолжение (с греческого, из Симонида)	с. 281
VII. ИСПАНСКАЯ ПОЭЗИЯ (XVI–XX вв.)	
ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ	
250. Итог жизни. Выводы Дон Кихота	с. 288
251. Итог жизни. Выводы Санчо Пансы	с. 288
252. Он воспылал смешным пристрастьем к ней...	с. 289
253. К переизданию Сервантеса в России	с. 289
МИГЕЛЬ ДЕ СЕРВАНТЕС СААВЕДРА (1547–1616)	
254. Легчайшим парусом влекомый...	с. 289
255. На катафалк короля Филиппа II в Севилье	с. 290
256. Сонет	с. 290–291
257. Ревность	с. 291–292
Стихи из первого тома романа «Дон Кихот»	
258. Посвящение герою сочинения.	с. 292
259. Посвящение Дульсинеи Тобосской.	с. 292–293
260. Посвящение Санчо Пансе	с. 293

АФОРИЗМЫ	
261. Всевышнего проси...	с. 293
262. Лиха беда начало...	с. 293
263. Коль счастье для тебя незримо...	с. 293
264. Нам всем командовать желанно...	с. 294
265. Советы женщин для мужчин нередко полумрак...	с. 294
266. Кто любит сам себя хвалить...	с. 294
267. Не существует никакой причины...	с. 294
ЛУИС ДЕ ГОНГОРА (1561–1627)	
268. Обыкновенная история	с. 295
269. Пастораль	с. 296
270. Послание Лопе де Вега	с. 296
271. Сонет, написанный под Рождество.	с. 296–297
ФЕЛИКС ЛОПЕ ДЕ ВЕГА (1562–1635)	
272. Свобода. Фрагмент поэмы «Аркадия».	с. 298–301
273. Назидание любимцам. Басня.	с. 301–302
274. Дровосек и смерть. Басня.	с. 302
275. Библейский мотив	с. 302
276. Дым	с. 303
ХОСЕ МАРТИ (1853–1895)	
277. Простые стихи	с. 305
278. Я зрел, как орёл был подстрелен...	с. 306
279. Да, я верю в Божественный Разум...	с. 306
МИГЕЛЬ ДЕ УНАМУНО (1864–1936)	
280. Кровь души	с. 308
ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ	
281. 19 августа (Памяти Гарсиа Лорки).	с. 312
ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКА (1898–1936)	
282. Романс о неверной жене	с. 313–315
283. Баллада морской воды	с. 315–316
284. Помни.	с. 316–317
285. Тополь.	с. 317
286. Немой мальчик	с. 317–318
287. Хочу на миг вернуться к детству своему...	с. 318
ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ	
Беседы о корриде	
288. С быком.	с. 319–320
289. С матадором	с. 320
290. С самим собой.	с. 321
291. С пространством	с. 321
РАФАЭЛЬ АЛЬБЕРТИ (1902–1999)	
292. Раненый	с. 322
293. Чёрное море	с. 324–323
294. Яшмовый конь	с. 323
295. Коррида.	с. 325–324

296. Федерико Гарсиа Лорке, поэту Гранады. с. 324
VIII. АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ (XVII)
УИЛЬЯМ ШЕКСПИР (1564-1616)
297. (1) От всех существ мы продолженья ждём... с. 335
298. (7) Вот солнце утром всходит на востоке... с. 336
299. (32) Подумай, я ушёл в иную жизнь – не ты... с. 336
300. (54) Неоспорима и желанна красота... с. 337
301. (60) Как волны, ударяясь в камни, гаснут... с. 337
302. (65) Поскольку даже горы и леса... с. 338
303. (66) Устал от жизни. Смерть зову как отдых... с. 338
304. (77) Морщины зеркало нам показать грозит... с. 339
305. (97) Разлука показалась мне зимой... с. 339
306. (106) В старинных хрониках находим описанья... с. 340
307. (128) Когда играешь ты на клавишине... с. 340
308. (144) Любовь и страсть во мне заключены... с. 341
Монологи Просперо из пьесы «Буря»
309. Первый монолог. Сей мир, подобно призракам бесплотным... с. 341
310. Второй монолог. О духи рощ, озёр и речек горных... с. 342
311. Монолог Гонзало. Когда б мне дали во владенье землю... с. 342–343
312. Монолог Гамлета. Быть или не быть – вот жизни суть... с. 343–344
313. Монолог Тимона Афинского. Здесь хватит найденного золота вполне... . . . с. 345
314. Напутствие Полония Лаэрту перед его отплытием с. 345–346
315. Монолог Жака из комедии «Как вам это понравится?».
Весь мир театр, и люди в нём актёры... с. 346–347
316. Жалобы влюблённой. Поэма. с. 347–359
ФИЛИП СИДНИ (1554-1586)
317. Сонет 1. Мечтал любовь запечатлеть в стихах... с. 360–361
ДЖОРДЖ ЧАПМЕН (1559-1634)
318. Природой правит не рассудок – хаос. Из пьесы «Бюсси д'Амбуа» с. 362–363
ФРЭНСИС БЭКОН (1561-1626)
319. Псалом CIV (104) с. 368–371
320. Псалом CXXV (125). с. 371
КРИСТОФЕР МАРЛО (1564-1593)
321. Без песни лира непременно заржавеет... (Из пьесы «Геро и Леандр») . . с. 373–374
322. Влюблённый пастух своей нимфе с. 374–375
323. Я – дух Макиавелли и себя ценю... (Из пьесы «Мальтийский еврей») . с. 375–377
ДЖОН ДОНН (1572-1631)
324. Вечерня в день святой Люции, самый короткий день в году с. 385–386
325. Годовщина с. 386–387
326. Растущая любовь с. 387–388
327. Экстаз. с. 388–390
328. Шторм. Послание. Поэма. с. 391–394
329. Штиль. Послание. Поэма. с. 394–396
330. Гимн Богу моему, написанный во время болезни с. 396–397

- IX. НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ (XVIII-XX вв.)
ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЁТЕ (1749-1832)
331. Границы человечества с. 409–410
332. Про это («Новая жизнь и любовь») с. 410–411
333. Лесной царь с. 411–412
334. Песня эльфов с. 412
335. Рыбак с. 413
336. Цветок. с. 413
337. Приветствие духа. с. 414
338. Кубок с. 414
339. В альбом Лиле Шёнеман с. 415
340. Вечерняя песня охотника. с. 415
341. На горном озере. с. 417–416
342. У тумана утром... с. 416
343. Снова взор покрылся мглою... с. 416
344. Горные вершины (4 варианта). с. 418–417
345. Свобода. с. 417
346. Одно во всём. с. 417–418
ФРИДРИХ ШИЛЛЕР (1759-1805)
347. Ода к радости с. 422–425
348. Перчатка с. 425–427
349. Мужичья серенада с. 427–428
350. Немецкая муза с. 428–429
351. Вечер с. 429
352. Сеятель с. 429–430
353. Пегас в ярме
КСЕНИИ (ПОДАРКИ). Совместные стихи Гёте и Шиллера
354. Совет художнику с. 431
355. Немецкий национальный характер с. 431
356. О стремлении церкви преодолеть влияние Античности с. 431
357. И нам не победить Левиафановой беды... с. 431
358. Спорщику с. 433–432
359. Если на глупости строится зданье... с. 432
360. Претензии к поэтам с. 432
361. Языковеду с. 432
362. Модная философия с. 432
363. О нынешней Церкви. с. 432
364. Патриот. с. 432
365. Гомер с. 432
366. Реклама книготорговца с. 433
367. Истина с. 433
ФРИДРИХ ГЁЛЬДЕРЛИН (1770-1843)
368. Юность с. 435–436
369. К солнцезобу с. 436

370. Паркам	с. 436–437
371. Прежде и теперь	с. 437
ГЕНРИХ ГЕЙНЕ (1797–1856)	
372. Лорелея.	с. 439–440
373. Сосна	с. 440
374. Счастье и горе.	с. 440
375. Надежды расцветают...	с. 440–441
376. Твои глаза, как два сапфира...	с. 441
377. Пора забыть любовный ералаш...	с. 441
378. Пройдя сквозь поколения...	с. 441–442
379. Не верую ни в Небо...	с. 442
380. Пал туман на поле хладный...	с. 442
381. Хоть бей меня, хоть поноси...	с. 442
382. Иду ли я утренним полем...	с. 442–443
383. Хотел бы я словом единым...	с. 443
384. Порядок вещей	с. 443–444
385. Куда деваться?...	с. 444–445
СУЖДЕНИЯ ГЕЙНЕ, СТАВШИЕ СТИХАМИ	
386. Мужчине женщина одновременно явлена...	с. 445
387. Ничем не примечательные лица правы...	с. 445
388. Я видел взгляд страдающего пса...	с. 445
389. У Запада своя в религию дорога...	с. 445
390. Мы слишком далеко от Замысла ушли...	с. 445
391. Где удовольствий временные корни?...	с. 445
392. Для праведности важен единичный воин...	с. 445
393. От нравственности людям никуда не деться...	с. 446
394. Когда герои исчезают и великие мечты...	с. 446
395. Женская ненависть – та же, наверно, любовь...	с. 446
396. Беззвучно мудрость сообщают людям Небеса...	с. 446
397. Россия даже по своим размерам...	с. 446
РИХАРД ВАГНЕР (1813–1883)	
398. Лоэнгрин (отрывок из поэмы)	с. 448–449
ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ НИЦШЕ (1844–1900)	
399. Одинокая любовь.	с. 451
400. Череп	с. 451–452
401. Идеал	с. 452
402. Расплата	с. 452–453
403. Презренье	с. 453
404. Милосердие	с. 453
405. Полночь.	с. 453–454
РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ (1875–1926)	
406. Езда ночью в Санкт-Петербурге	с. 458
407. В предместье.	с. 459
408. Простые слова.	с. 459
409. Вечер	с. 459–460

410. Хризантема	с. 460
411. Мы первый раз с тобою замолчали...	с. 460
412. Будда	с. 460–461
413. Поэт	с. 461
ГЕРМАН ГЕССЕ (1877–1962)	
414. Служение.	с. 464–465
415. Чем жизнь моя была...	с. 465
416. Бродить в потёмках больше не могу...	с. 465–466
417. В минуту отчаянья	с. 466
418. Одиночество.	с. 466–467
419. Книги	с. 467
420. Пузыри	с. 467–468
421. Храм.	с. 468
422. Мёртвый город (Ночное странствие)	с. 468–469
423. Бхагавадгита (Бессонница)	с. 469–470
424. Жалоба	с. 470
425. Ступени.	с. 470–471
Х. СЕРБСКАЯ ПОЭЗИЯ	
МАТИА БЕЧКОВИЧ (р. 1939)	
426. Косово Поле	с. 475–476
427. 1999 (Вот уж не просто кончается век...)	с. 476
428. Тайна	с. 476
РАДАВАН КАРАДЖИЧ (р. 1945)	
429. Надень армейские ботинки и штаны...	с. 482
430. Я ничего не совершаю лично сам...	с. 483
431. Послушай, ты сегодня сам немного Бог...	с. 483
432. Птица	с. 483–484
433. Человек из пепла	с. 484
434. Прощайте, террористы!	с. 484–485
435. Трибунал (фрагмент)	с. 486
436. Моей Лиляне	с. 486
ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ	
437. Мне снились горы, голые вершины...	с. 489

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И СПРАВОЧНЫЕ ДАННЫЕ О Ю. М. КЛЮЧНИКОВЕ

Юрий Михайлович Ключников – известный русский поэт, эссеист, философ, переводчик, автор 27 книг стихов, прозы и публицистики, академик Петровской академии наук, член Союза писателей России и Союза журналистов России. Лауреат III Славянского литературного форума «Золотой витязь», лауреат «Большой литературной премии России», лауреат премии им. А. А. Фета, лауреат премии журнала «Север», лауреат литературной премии им. Н. М. Гарина-Михайловского, лауреат конкурса Союза писателей России (2016), обладатель премии «Золотой Дельви́гъ» (2015; сборник стихов) – шорт-лист. Дважды (2020, 2021) выдвигался на Государственную премию РФ в области литературы и искусства, оба раза входил в шорт-лист.

Родился в рабочей семье 24 декабря 1930 г. в городе Лебедин (Левобережная Украина), где жил до начала Великой Отечественной войны. в 1941 г. вместе с родителями был эвакуирован: вначале – в Саратовскую область, а в 1942 г. – в Кузбасс. С 1942 года и до сегодняшних дней живёт в Сибири.

Работник тыла: Юрий Ключников во время войны в 13-летнем возрасте несколько месяцев был учеником токаря на заводе «Красный Октябрь» в шахтёрском городе Ленинск-Кузнецкий.

Окончил филологический факультет Томского университета. Работал учителем литературы, директором школы, журналистом в газете, радиокорреспондентом, главным редактором Новосибирского областного радио и Западно-Сибирской студии кинохроники, редактором издательства «Наука» СО РАН. в 1979 г. был обвинён в идеализме и богоискательстве и после трёхлетних партийных разбирательств уволен с работы, затем шесть лет трудился грузчиком на хлебозаводе. в годы перестройки издавал книги по духовной культуре Востока, Запада и России.

Поэзия и публицистика Юрия Ключникова была высоко оценена такими известными литераторами разных направлений как В. Астафьев, В. Солоухин, В. Кожинов, Ю. Селезнёв, В. Сидоров, Е. Евтушенко, В. Лихонос, А. Проханов, В. Бондаренко, С. Куняев, Л. Аннинский, В. Смирнов, Г. Иванов, В. Калугин, Э. Балашов, А. Парпара, С. Золотцев, В. Курбатов, Л. Ханбеков, Ю. Линник, Н. Мирошниченко, В. Костин, М. Бушуева, Г. Красников, С. Дмитриев, А. Горянин, А. Сенкевич, А. Шорохов, А. Арутюнов, С. Алиханов и др., а также рядом народных артистов России (В. Лановой, А. Михайлов, С. Мирошниченко, А. Ливанов, Н. Бурляев, В. Гергиев, Ю. Норштейн, заслуженный артист РФ, обладатель «Оскара» К. Петров).

Путешественник. Совершил ряд экспедиций по высокогорным районам Алтая, Индии, Непала, поднимался на высоту более 4000 метров.

Интернет-страницы Ю. Ключникова:

<https://ru.wikipedia.org/wik> страница в Википедии

<http://korni.kluchnikov.ru/>

<http://www.stihi.ru/avtor/kluchnikov>

<http://www.rospisatel.ru/Klyuchnikovstihi.htm>

С 1990 по 2022 г. Ю. Ключников опубликовал 27 книг стихов, публицистики и прозы: «О назначении России» (1989), «Благая весть Новой Эпохи» (1991), «Мистический Пушкин» (1992), «К Белухе» (1992), «Лики» (1993), «Небесная Россия» (1994), «Белый остров» (2000), «Поэт и фея: эзотерическая сказка о странствиях души в мирах видимых и невидимых» (2004), «Стихия души: опыт постижения» (2005), «Годовые кольца» (2006), «Я в Индии искал Россию» (2009), «Лики русской культуры» (2009, 2012), «Русское окно» (2010), «Осенняя молитва: лирический дневник» (2011), «Дом и дым: лирические итоги» (2013), «Музыка цвета и слова: небесная Россия» (2014), «Душа моя, поднимем паруса!» (2015, 2020), «Откуда ты приходишь, красота? Вольные переводы французской поэзии XII–XX вв.» (2014, 2015), «Караван вечности: вольные переводы суфийской поэзии VIII–XX вв.» (2016), «Предчувствие весны: воспоминания и размышления поэта о времени и судьбе» (2017), «Поднебесная хризантема: 30 веков китайской поэзии» (2018), «Сонеты и поэмы Шекспира. Поэзия шекспировской эпохи. Тайна авторства: исследования» (2020), «Слово Ариаварты: 35 веков индийской поэзии» (2021), «Джон Донн: Растущая любовь. Сто двадцать лучших стихотворений» (2021), «В поисках Рая» (2021), «Весть о рассвете: китайская поэзия XIX–XXI вв.» (2022), «Песни тысячелетий: 43 века мировой поэзии» (2022).

Ю. М. Ключников – автор около 2000 стихотворений, 2245 переводов с 121 языка. Неоднократно публиковался в таких журналах, альманахах и порталах как «Наш современник», «Сибирские огни», «Сибирь», «Литературная учёба», «Берега», «Александръ», «Простор», «Московский Парнас», «Сибирский Парнас», «Начало века», «Пушкинский альманах», «Наука и Религия», «Молоко», «45-я параллель», «Русское поле. Содружество русских литературных проектов», газетах «Литературная газета», «Российская газета», «Новые известия», «Экслибрис», «Завтра», «День литературы», «Советская Россия», «Советская Сибирь», «Ведомости» и др.

Герой документального фильма «Белый остров» (режиссёр – В. Тихонов), награждённого специальным дипломом «За философский и поэтический поиск» на Международном фестивале «Золотой витязь».

Женат (жена – художница, руководитель региональной общественной организации «Русский клуб»), сын Сергей (психолог, философ, писатель, издатель) и дочь Марина. Живёт и работает в Новосибирске.

BIOGRAPHY

Yuri Klyuchnikov is a Russian poet, essayist, philosopher, translator, traveller, author of 27 books of poetry, prose, an academic of Petrovsky Academy of Sciences, a member of the Union of Writers and the Union of Journalists of Russia and a prizewinner of the Slavonic Literature Festival “Golden Knight”. He was born in a workers’ family on December 10, 1930 in a small town of Lebedin in Eastern Ukraine. At the beginning of the Great Patriotic War his family was evacuated to Siberia. At the age of 13 he worked in the rear as a turner’s apprentice at the factory “Red October”. Since 1942 he has been living in Siberia. After graduating from the Tomsky University he worked as a teacher of Litera-

ture, a headmaster of school, a journalist and a radio reporter. He was rather successful at the beginning of his journalistic career and in 1964 during “the thaw” he was sent to the Higher School of the Communist Party in Moscow where he studied journalism and French for 2 years. Yuri worked as a guide with tourists and professors of Sorbonne, with journalists and writers. It pushed him to study French poetry which he found fascinating and absorbing. Especially he was deeply interested in the poets unknown to the Russian readers. Several years later he translated 250 poems of 57 French poets of the XII–XX centuries into Russian and published a book of translations named “Where does the Beauty come from?” Thanks to the access to the special funds of the Lenin Library he managed to familiarize with philosophic and religious sources of the world literature which were not available to ordinary people and it surely had a great influence on the views of the future poet. Still loyal to the socialist ideas, Yuri saw the hopelessness of the cruel soviet atheism. In 1966 he came back to Novosibirsk where he started working as a chief editor of the local radio and Western Siberian studio of documentaries. Besides, he started the project of publishing eastern literature in the Siberian Department of the Publishing House “Science” attached to the Russian Academy of Sciences. In the end of the 1970s Klyuchnikov started searching religious meaning in our life by studying eastern philosophy and Roerich’s theory. Then he willingly participated in signing the letter addressed to the Central committee of the Communist party of the Soviet Union stating that there was an urgent need to reconstruct and review the concepts of Marxism. It caused a big scandal with 70 meetings and demands to plead guilty in trying to shutter the pillars of the Soviet regime. Klyuchnikov refused to change his views and therefore was announced ideologically wrong to stay in the Party and work for the Publishing House. So he was fired with no right to work in this field. Now he worked as a loader and a rigger at the factories. He wrote poetry but it was not published. In the years of “perestroika” he edited books on the spiritual culture of the East, West and Russia. He was published in lots of solid literary magazines. It happened because he was seriously involved in investigating Eastern philosophy, arts and spiritual practices. He made 6 trips to India and 2 trips to Nepal, participated in the expeditions to the mountains in Nepal, India and Altai, climbed to the top of 4000 meters, and he visited ashrams, met wise and saint people who are included in the number of 108 mahatmas being in charge of the spiritual processes in India. As a result of these trips he wrote a book named “I Was Looking for Russia In India: Travelling around Ariavarta”. During a long time he had been studying the Indian, Chinese and Persian poetry, composed some imitation poems, made free translations of the Sufi poets of the VIII–XX centuries and edited a book called “Caravan of Eternity”. The book was exhibited at the International Book Fair in Iran and Yuri became a prizewinner of the literature reward in the nomination of “artistic translation”. Klyuchnikov’s first experience in writing poetry happened at the age of 12 when he attended the literary club and was published in the local media in Kuznetsk. Then he worked as a journalist, wrote articles, plays and stories. His writings were not published but were popular with radio listeners. His first serious success came in 1982 when a famous magazine “Moscow” published just one poem, then he was acknowledged by famous writers and journalists: Astafiev, Solntsev who were very positive about his poetry and selected some of his poems to enter the collection of verses. Klyuchnikov got married and had two children. His wife is an artist and runs the local “Russian Club”, his son Sergei is a psychologist, philosopher, writer and editor, and his daughter Marina is a journalist. She lives and works in Novosibirsk. Since 1990 Yuri Klyuchnikov has published 20 books of poetry, prose and arti-

cles: “About the Mission of Russia” (1989), “Good news of the New Epoch” (1991), “Mystical Pushkin” (1992), “To Beloukha” (1992), “Icons” (1993), “Heavenly Russia” (1994), “The White Island” (2000), “The Poet and the Fairy. Esoteric Fairy Story about the Travelling of the Soul in Visible and Invisible Worlds” (2004), “Powers of the Soul. Experience in Mastering” (2005), “Annual Rings” (2006), “I Was Looking for Russia in India” (2009), “Images of the Russian Culture” (2009, 2012), “The Russian Window” (2010), “The Autumn Pray. A Lyrical Diary” (2011), “Home and Smoke. Lyrical Conclusions” (2013), “The Music of Words and Colors. Heavenly Russia” (2014), “Where does Beauty come from?” (2015), “My Soul, Let’s raise the Sails!” (2015), a collection of free translations of the Sufi poetry of the VIII–XX centuries “Caravan of Eternity” (2016), “Premonition of Spring: Memories and Speculations about Time and Destiny” (2017). “Celestial chrysanthemum: 30 centuries of Chinese poetry” (2018), “My soul, Let’s raise the Sails! Favorites” (2020), “Shakespeare’s Sonnets and Poems. Poetry of the Shakespearean era” (2020), “The Word of Ariavarta: 35 Centuries of Indian Poetry” (2021), “John Donne. Growing Love: One Hundred and Twenty Best Poems» (2021). His poems and prose were published in very prestigious magazines, such as “Our Contemporaries”, “Siberian Lights”, “Literary Studies”, “Moscow Parnassus”, “Pushkin Almanac”, “Science and Religion”, newspapers “Tomorrow”, “Day of Literature”, “Soviet Russia”. He is the prizewinner of the forum “Golden Knight”, the hero of the documentary film “White Island” (director V. Tikhonov), besides he was awarded a special diploma “For the Philosophical and Poetical Search” at the international festival “Golden Knight”. His poetry and journalism were highly evaluated by well known literary figures of various directions, writers and poets such as: V. Astafiev, V. Soloukhin, V. Kozhinov, Y. Seleznev, V. Sidorov, E. Evtushenko, V. Likhonosov, A. Prokhanov, V. Bondarenko, L. Anninsky, V. Smirnov, G. Ivanov, V. Kalougin, E. Balashov, A. Parpara, S. Zolotsev, V. Kurbatov, L. Hanbekov, Y. Linnik, V. Kostin, S. Dmitryev, M. Bushueva., G. Krasnikov, A. Shorohov, S. Arutunov.

SUMMARY

This unique and educational anthology consisting of ten sections presents the achievements of thirteen poetic cultures of the world – translations and transcriptions of more than 400 poems by 80 best poets (such as Horace, Ovid, Villon, Baudelaire, Verlaine, Dante, Petrarch, Shakespeare, Donne, Goethe, Schiller, Rilke, Garcia Lorca and others) made by Yuri Klyuchnikov – poet, translator, essayist, traveler. The book also includes an article by the poet’s son, Sergei Klyuchnikov, and detailed biographies of poets jointly compiled by father and son. The anthology covers a huge layer of time, almost 43 centuries of mankind existence, and gives a comprehensive picture of the development of poetry and of the topics that excited minds and hearts of those who praised beauty in their poems. The unique intonations and images of each of the poets make the anthology interesting for a wide range of readers.

СОВРЕМЕННОКИ (ЛИТЕРАТОРЫ, ДЕЯТЕЛИ ИСКУССТВ, УЧЁНЫЕ) О ЮРИИ КЛЮЧНИКОВЕ

Виктор Астафьев

Каким-то кружным и долгим путём до меня дошли Ваши стихи, и прочёл я их с удовольствием... Среди них есть стихи совершенно зрелые, крепкие по мысли и форме (1981).

Вадим Кожин

Творчество Юрия Ключникова с его ясностью поэтической воли очень нужно современной России (2000).

Станислав Золотцев

Восхождение новосибирского учителя, редактора, журналиста (а ряд лет – волею недобрых сил – и грузчика, ибо куда ещё податься изгнанному за «инакомыслие»), а затем и общественно-культурного деятеля Юрия Ключникова к поэзии было и остаётся, по существу, стезёй обретения веры. Он пришёл к высокому уровню стиха уже в очень немолодом возрасте, когда России, как хлеб насущный, необходимо слово, исполненное мужества и мудрости. Его и дарит нам Юрий Ключников (2005).

Владимир Бондаренко

Юрий Ключников, живя в Новосибирске, никак не может считаться неким «областным» писателем. Творчество поэта, философа, публициста, русского подвижника и пассионария, явно недооценённого в отечественной литературе, – это некая эстафетная палочка нашим культурным наследникам, переключка века двадцатого с веком двадцать первым, с новым тысячелетием (2007).

Евгений Мартышев

Литературный процесс в Новосибирске трудно представить без Юрия Ключникова – поэта, философа, просветителя, руководителя общественного объединения «Русский клуб». Он прожил трудную жизнь, но превратности судьбы не сломили отступника, не поколебали его убеждений. Со смирением и одержимостью страстотерпца Юрий Ключников продолжает духовное восхождение в поисках своего Белого Острова. А Белый Остров этот – мир в гармонии и согласии под эгидой Зиждителя, любимое, но неласковое Отечество и... вечная, неувядающая поэзия. в ней литературный изгой черпает силы и несокрушимое жизнелюбие. и оно (его творчество) отнюдь не «глас вопиющего в пустыне». Ему благожелательно внимали столпы русской словесности: Виктор Астафьев, Вадим Кожин, Юрий Кузнецов, Юрий Селезнёв, Валентин

Сидоров и др. Одна за другой в столице выходят его книги: «Стихия души», «Годовые кольца», публицистическая – «Лики». Растёт число поклонников его суровой Музы и в нашем городе. По воскресеньям они собираются во Дворце культуры железнодорожников, дабы послушать чеканные строки и философские размышления негибачего «солдата великой Империи» (2007).

Леонид Ханбеков

Об этой потаённости миров – тех, что есть, тех, что были, и тех, что, возможно, придут, – многие стихи Юрия Ключникова, до поры до времени бывшие как бы вне закона, вне литературного контекста, вне творческого состязания, вне пространства поэзии. Но вот пришли к читателю его книги, и стало видно, как загадки и тайны нерукотворного мира, что окружает нас, могут обрести форму народных притч и легенд, глубину философских обобщений и орнаментальность древних легенд, узорчатую красочность поэм на исторические сюжеты.

Любовь и ненависть. Созидание и небытие. Земля и Космос.

Вечная тайна жизни всецело занимает его. С одинаковым упорством и жаждой познания смысла жизни вопрошают Судьбу о планах Творца и русский неутомимый путешественник (бесспорное альтер эго поэта), и безмятежный ещё вчера турист, оторопевший от невиданных красот природы всего-то в сотне-другой километров от привычного жилья и прозябания, вопрошают и каменный идол в алтайских степях, и египетский сфинкс где-нибудь в древней Гизе... Строительство души, восстание её против пошлости и ханжества, против натужности и притворства – вот стержень его стихов (2009).

Лев Аннинский

Юрий Ключников – замечательный сибиряк, «весёлый странник золотого века» – сумел выносить в душе и явить в творчестве истинно русское, то есть непоколебимо православное, мироощущение и по сей день является хранителем этого непобедимого образа мыслей. Тысячи своих строк он выдержал в рамках державинско-пушкинской традиции, не польстившийся ни на какие авангардистские уловки. в его душе всегда жило ощущение некоего высшего начала, в свете которого получают смысл и советская власть (другой нет), и христианское вероучение («Фаворский свет») (2010).

Валентин Курбатов

У нас уж лета-то вон какие, и поэтический «дневник» Юрия Ключникова (а это «дневник» зоркого, не дающего себе отдыха человека) горчит и саднит, как старая рана, но, к русской чести, «не уходит в запас...» Мне нравится, что Ключников в последние годы пишет порой не по одному стихотворению

в день, отодвинув публицистику и литературное ведение, потому что стих вернее держит дыхание жизни, её пульс. Золотое качество Ключникова в том, что он не спрямляет дорог и в гордости империей и русским человеком глядит на этого человека без лести (2013).

Станислав Джимбинов

Одно бесспорно: Юрий Ключников мастерски владеет поэтическим словом, его переводы читаются легко, в них не спотыкаешься на темнотах, поскольку всю работу по расшифровке «тёмных» мест поэт взял на себя, о чём он говорит сам... Такой обширной антологии французской поэзии, выполненной одним переводчиком, у нас ещё не было ни до, ни после революции (2014).

Геннадий Иванов

В наше время из живущих так активно и плодотворно на восьмом десятке лет работают, пожалуй, только Глеб Горбовский и Константин Ваншенкин. Из недавно ушедших так работали в этом или почти этом возрасте Виктор Бокков, Николай Тряпкин, Фёдор Сухов, Анатолий Жигулин, Алексей Решетов. Очень хорошие поэты. в этот ряд достойно встаёт Юрий Ключников...

Я уверен, что добрая слава о поэте Юрии Михайловиче Ключникове будет шириться и распространяться по России. Его надо читать (2011).

...Интуиция и талант автора вольных переводов китайской поэзии Ю. М. Ключникова помогли ему почувствовать что-то очень сокровенное и подлинное в строках поэтических гениев Поднебесной. Его вольные переводы и переложения очень хорошо передают дух этой великой страны, образы, интонацию, ассоциативное богатство и тонкость поэтического мышления китайцев... Хорошо выглядят и архаические стихи, да и философская поэзия переложена очень красиво. На меня большое впечатление произвели как притчи Чжуан Цзы, так и поэтическое переложение знаменитого трактата «Дао Дэ Цзин». в целом в переводах и переложениях Ю. М. Ключникова есть чувство подлинности и правды, и каждый переводимый им поэт встаёт сквозь строки словно живой. Автору книги удалось показать поэтическую индивидуальность каждого поэта, отличающую его от других мастеров стиха. Они звучат как хорошая русская поэзия с нашими родными размерами (хотя восточный колорит передан очень ярко) и в таком виде лучше усваивается нашими читателями.

В каком-то смысле это новое слово в традиции русских художественных переводов. Много русских поэтов, включая Пушкина, интересовались китайской культурой и поэзией, но ни один из них не переводил китайскую поэзию в таком объёме. У Фета, Гумилёва были только подступы к решению этой задачи. Анна Ахматова сделала больше, но это нельзя сравнить с той большой

задачей, которую поставил перед собой и, главное, решил Юрий Михайлович Ключников. (Я не сравниваю сейчас известность этих двух поэтов и масштаб их дарования, а говорю именно об объёме сделанного.) С одной стороны, это свободные, вольные переводы и переложения китайских стихов, а с другой стороны, довольно точные тексты, передающие не только дух, но и нередко букву первоисточника. К тому же они снабжены солидным справочным аппаратом – предисловием автора книги, биографическими справками (живо написанными и весьма подробными, может быть, иногда излишне), словарём поэтических терминов, большим послесловием сына и издателя поэта, в котором рассказывается об истории поэзии Поднебесной. Всё это делает книгу очень ценным пособием для изучения китайской поэзии. Её бы направить в вузы, где изучается китайский язык, где готовятся кадры для сотрудничества наших двух великих держав (2018).

Владимир Костин

За словами «Поэзия Юрия Ключникова» встаёт огромный мир, огромный хор поэзии, мировой и российской, от Пушкина до суфиев, мир евразийски выразительный – мир влюблённого в поэтическое слово читателя и ответственного посредника, своеобразного гида на его маршрутах. и здесь не могут не поражать широта эстетического зрения Ключникова и его принципиальная гармоничность. Это мир его предпочтений, его избраний, но это цельный мир, диалогически связанный и осязаемо полный, онтологически и художественно самодостаточный (2015).

Впечатляет и большая работа, проделанная сыном поэта, философом и психологом С. Ю. Ключниковым в его работе, посвящённой теме авторства Шекспира. За несколько веков споры на эту тему не утихли, а стали острее, причём вопросы, поставленные ещё в прошлом веке, до сих пор не получили внятных ответов от официального шекспироведения. С. Ю. Ключников свёл воедино все вопросы и гипотезы о том, кем был Уильям Шекспир, и попытался развить версию М. Д. Литвиновой о двойном авторстве Фрэнсиса Бэкона и графа Ратленда. На мой взгляд, система доказательств приведена убедительная, и теперь игнорировать вопросы всех сомневающихся в официальной версии больше невозможно. Сделан ещё один шаг на пути к раскрытию Великой Тайны (2019).

Зинаида Лапина

Я знакома с творчеством сибирского поэта и переводчика Юрия Михайловича Ключникова уже много лет и прочитала целый ряд его собственных поэтических книг, переводов французской и персидской поэзии. Это тот редкий случай, когда, читая поэта, чувствуешь, что нет ни одного стихотворения, которое я бы не приняла как что-то очень близкое сердцу.

Но нельзя не сказать ещё об одном объяснении творческого успеха 87-летнего поэта, всю жизнь занимавшегося большой духовной работой и над освоением наследия Востока, и над собой. Такая работа пробуждает в творце мудрость и художественный дар – поэтическую интуицию. На крыльях «шестого чувства» поэт преодолевает языковые и культурные барьеры, видит истину и проникает в глубину и суть поэзии. Ему удаётся соединить тщательное изучение подстрочников и многочисленных переводов с собственными интуитивными прозрениями. Благодаря этому он пробивается сквозь сложнейшую «китайскую грамоту» иероглифов, в стихах Ю. М. Ключников достраивает невидимые грани образа и смысла до совершенной гармонии и полноты (2018).

Николай Серебрянников

Книга «Караван вечности» – настоящее историческое исследование: отбор имён и произведений – это работа знатока и художника. Книга, созданная Юрием Ключниковым, раскрывает духовные запасы мусульманского Востока, парадоксально активизировавшиеся в конце XX века. Она – итог долгого пути, результат проникновения в душевный строй чужой, казалось бы, далёкой культуры. Выбор личный, глубоко осознанный. Драматично шла жизнь Юрия Ключникова, в ней сказался последний российский надлом, поэзия стала и раздумьем о Родине, и самообороной души.

Издание подобной антологии в наши дни – своевременный и значимый культурно-исторический и даже политический поступок, важный жест, вносящий необходимые коррективы в разворачивающийся евразийский полилог.

С праздничной наглядностью российский читатель убеждается в том, что ужасы жестокой реальности наших дней чужды вековой высокой культуре Востока, неорганичны для неё – и неизбежно преходящи. Гармония божественного и человеческого начал, звучащая (и роль суфиев здесь воистину определяющая) в поэзии Ближнего и Среднего Востока из рода в род, из поколения в поколение, целительна – она говорит о непреходящей ценности идеалов братства людей и народов, о том, что Взаимопонимание неотменимо, как воздух, вода и улыбка.

И прекрасно, что роль посредника принял на себя Юрий Ключников, замечательный поэт и необыкновенный эрудит, живущий под девизом «хочу всё знать и понимать» (2017).

Мария Бушуева

Ю. М. Ключников не просто сохраняет свой мудрый идеализм, но борется за него и в эпоху победившего китча и постнуара, в которую если искусство не заигрывает со злом, оно начинает казаться обывателю несовременным, упорно отстаивает разумное, доброе, вечное, отдавая приоритет высокому и, как в жиз-

ни, так и в искусстве, ориентируясь на «чистейшей прелести чистейший образец», противоположный, а отнюдь не близкий гламуру.

Что касается его партийной истории, то нужно сказать, что Юрий Ключников не извлёк из своего инакомыслия и конфликта с тогдашней властью никакой практической пользы, не получил даже малейшей выгоды. Потому что действительно был и остаётся идеалистом, то есть представителем той уникальной породы истинных «аристократов духа», которые всегда были в меньшинстве, а сейчас становятся и вообще раритетом. Но без такого идеалистического слоя народа просто нет. И, конечно, он остался верен своим идеям (2019).

Анатолий Побаченко

Духовный проект Юрия Ключникова, именуемый переводом великой Всемирной поэзии на русский язык, задуман в молодые годы, когда он изучал иностранный язык (французский), совершенствовался и рос как поэт России, видел не только поэзию европейскую, но и суфийскую, китайскую, индийскую.

Русский поэт Ю. М. Ключников, живущий в Новосибирске, в одиночку вот уже несколько лет осуществляет свой проект по сближению великих культур и единению народов. Он неустанно (по 10–12 часов в день) ведёт свою подвижническую деятельность, внося немалую лепту в общее дело. Жанр «перевода из...», подражаний, заимствований, переложений, вольного перевода, пародий, откликов, переключек, стихов по мотивам существует, несмотря ни на что! Однако два способа переводов («верный» и «вольный») доминируют при освоении мировой литературы. Поэт Ключников в первую очередь яркий мыслитель, блестящий стилист, стихотворец, несущий знамя классики в новое время, а во вторую он – писатель, свободно владеющий всей полифонией русской речи, её великолепными тропами.

В чём сила поэзии Юрия Ключникова? в утверждении бессмертия классических традиций в современной поэзии, неисчерпаемости силлаботоники, в возможности каждому истинному и ответственному поэту внести свой вклад в удержание литературы от распада и забвения, чтобы помнил добро «всяк сущий в ней язык». Примечательна роль личности поэта, его вера в могущество слова, поразительна убеждённость в правоте своего дела, способного сблизить великие культуры мира и сохранить их (2019).

Александр Горянин

Я просто покорён мастерством Ю. М. Ключникова как русского поэта, ненатуральной точностью его вольных переводов. Есть прекрасный критерий: оценивать стихи, уже известные по каноническим переводам. Вот «Весна и осень» Беранже в версии Василия Курочкина. Кажется, лучше перевести невозможно. Но читаю перевод Ключникова и ясно вижу: не уступает! А если бы я не знал

курочкинский с детства и прочёл оба впервые, подозреваю, предпочёл бы перевод Ключникова. Следом идёт «Не надо о политике, мадам» – и это определённо лучше, ёмче и точнее перевода Всеволода Рождественского! и так далее. «Как нарисовать птицу» Превера, вижу: это не подражание, а перевод, причём куда лучше, чем кудиновский. Предмет отдельного восхищения – Омар Хайям, давно уже вошедший в пантеон русской поэзии. Есть столько переводов и подражаний (именно), что расплодилось тьма неумелых фантазий «на тему», даже с парными рифмами! А тут – истинный Хайям. Свыше двух тысяч оригинальных стихотворений и полторы тысячи стихотворных переводов! в случае Ключникова мы вправе (и даже обязаны) включать переводы в общий зачёт не только по причинам, упомянутым выше, но и просто потому, что они в большинстве своём превосходны, он бережливый соавтор тех, кого любит и переводит. А сверх того, Ключников – автор двух десятков книг. Это проза, эссеистика, путешествия, мемуары, сказки, переводы... Он далеко обогнал всех, кто в XXI веке пробует разговаривать с мировой классикой в стихах и переводах.

По складу личности он – универсалист, которому доступны все жанры, очень разнообразный в своём творчестве. Он гармоничный и счастливый человек, нашедший своё Беловодье. Естественно, Ключникову хочется, чтобы Беловодье обрела вся его любимая страна (2020).

Алексей Шорохов

Автору книги «Душа моя, поднимем паруса!» (М.: Беловодье, 2020), большому русскому поэту и блистательному переводчику Юрию Михайловичу Ключникову исполнилось 90! Иные времена, иная судьба... А прописка всё та же – русская литература. Хотя... слова «русская литература», наполнявшие восторгом Гамсуна и Томаса Манна, Хемингуэя и Поля Валери, Сартра и Рильке, – в нынешней расфасовке всё чаще напоминают вкусом «оцет с желчию смешен», то самое горькое питьё, которым гонители пытались усугубить крестные муки Спасителя. Игорь-ко не только оттого, что кто-то подобное будет обязательно читать, но и потому – что подлинники чудотворцы русского слова (такие как Юрий Ключников или Владимир Личутин) остаются в беззвучии посреди грохочущих и пустых бочек современности. Тем важнее сказать о них, о чудотворцах, именно сейчас!

Книгу Юрия Ключникова можно назвать троичной – по аналогии с богослужебными, которые называются в Православии «триоди» и состояются из трёх частей. Первая (и самая важная) часть книги – это лирические стихотворения. От сердцак сердцу. Родина, её богоданная природа во всём многообразии русских пространств – от Крыма и воюющего Донбасса до Алтая и Центральной Сибири; история России её боль («Отчизны затянувшийся позор...») и исчерпывающие, надмирные всечеловеческие смыслы; и, конеч-

но, сама жизнь поэта – иногда внутри, иногда чуть-чуть сбоку (с приглядкой и оценкой), а иногда и по-над временем.

Говоря о стихах Юрия Ключникова, правильнее было бы назвать их «тектонической поэзией». Много смыслов можно извлечь из этого определения, но есть один – о котором особо. Одинокая вершина видится издали. Её все знают, она попадает на модные туристические фото, этикетки бутылок и сигарет. Другое дело – горная гряда: идёшь, идёшь, перевал, за ним – вершина, одолеешь – а там следующая. и так – 90 лет. Здесь и невероятный литературный подвиг, и грусть непризнания и преодоления твоего пути другими. Грусть всего нашего времени, возможно – времени вообще. Тем не менее, человек, работающий в Слове, уже приобщён вечности. и здесь он не одинок. Рядом встают Блок и Гумилёв, Ломоносов и Пушкин (2020).

Александр Астраханцев

Как пишет Юрий Михайлович Ключников, «поэтическое творчество Пастернака, как и проза Шолохова, по сей день остаётся для меня эталоном советского периода русской литературы». Да, хотя Пастернак и призывал: «Нельзя не впасть к концу, как в ересь, / в неслыханную простоту», – сам-то он шёл к этой «неслыханной простоте» необычайно сложными путями, через удивительную, просто головокружительную усложнённость своих тем и образов; поэтика же Юрия Ключникова – будто он усвоил совет старшего собрата сразу и навсегда: от раннего творчества и поныне тяготеет к простоте и ясности поэтической мысли, к трогательной, иногда просто беззащитной обнажённости поэтического образа, так что его поэтика, на мой взгляд, ближе к поэтике великого реалиста в поэзии и прозе, «мастера необычайно точных и тонких запечатлений» (по словам А. Твардовского) Ивана Бунина. В японском литературоведении, так не похожем на европейское, есть понятие *макото*; дословно переводится оно на русский язык одновременно и как «дело», и как «правда», «истина»; в художественной же литературе *макото* обозначает реальную, истинную красоту явлений жизни и чистых, искренних побуждений и чувств человека. Всё это я говорю к тому, что я вижу поэтическое творчество Юрия Ключникова именно в таком вот ракурсе: ракурсе японского *макото* (2021).

Елена Крюкова

В изумлении стоишь перед Храмом Человеческого Духа, вольно расписанным художником слова XX–XXI столетия Юрием Ключниковым, и думаешь: как за одну малую человеческую жизнь этот художник смог сделать эти феерические фрески? (2021)

Сергей Арутюнов

Главная весть Ключникова народам, цивилизациям и мирам состоит в том, что несгибаемая вера в завтра у русского народа так и не отнята. «Я верую в русское чудо» – определяющая строка. Строка-кредо... То, что вьётся или дремлет себе на самом дне сердца, то и подлинно. Ключников способен если не увидеть его глазами вполне себе зрячими, другим бы таких глаз, но, что куда важнее, ощутить, взять в руки и ни в коем случае не называть по имени: исчезнет. Эта рыба наших негромких рек – мечта о счастье. Мечта народная, святая... Поэзия в России – есть. Она проста и чиста, как незатейливый и трогательный за душу классический пейзаж. Низкий поклон за него Юрию Ключникову, старейшему, неиссякаемых сил сибирскому поэту без почестей пока и званий государственного уровня, но лишь с надеждой, что услышат когда-нибудь (2021).

Олег Мраморнов

В утвердительно-уверенное «Аз есмь» Ключниковым вписаны не только христианский персонализм, не только момент личностного самоутверждения, но и общенациональное начало – кирилло-мефодиевская интересубъективность, языковая общность: ту же самую *письменную плоть*, о которой напоминает поэт, просветители славян привили не только русским, но и сербам, и болгарам, и чехам. Можно не сомневаться, достойные продолжатели у классика XIX века имеются. А как Тютчев *тянул Кириллову борозду* на зараставшем *чужеземными* сорняками славянском поле, можно проследить на материале его «чешских» стихов... К XXI веку Запад проявил себя по отношению в России по полной программе. Это не помешало Ключникову осуществить мастерские переводы французской, английской, немецкой, итальянской, испанской поэзии, сделать переложения древнегреческой и древнеримской музыки. в нём живёт подмеченная А.С. Пушкиным всемирная славянская отзывчивость, русская *всечеловечность*, о которой говорил Ф. М. Достоевский. Оригинальный поэт неотделим в Ключникове от неутомимого культуртрегера и славянского просветителя. в то время как в Европе всюду запущена программа самоуничтожения и процветает русофобия, русский поэт неустанно пропагандирует высшие достижения европейской (2022).

Людмила Лаврова

Надо согласиться со многими писавшими о Юрии Ключникове, что его творчество в целом – это духовный проект. в нём воплощаются идеи «всемирной литературы», выдвинутые ещё Гёте в последние годы жизни, которые не утрачивают своей актуальности и в наши пронизанные ненавистью и желанием «отменить культуру» времена.

Вопреки подобным потугам новых геростратов строит свой грандиозный замысел Юрий Ключников: взаимопонимание и сближение народов через об-

щие корни великих творений – вот что пронизывает его труды и дни на протяжении всего творческого пути. Гётевский призыв к «дерзости» в свершениях виден во всей масштабной литературной работе Юрия Ключникова. Но, пожалуй, самое главное, что необходимо сказать о таланте и особенностях его творческой личности: он развил до предельных высот такое поразительное свойство русской души, которое отметил еще Н. В. Гоголь в Пушкине – протезизм. Способность «откликаться» на чужое, сохраняя при этом удивительную способность точно выражать и воплощать дух и колорит эпохи любого народа, и в то же время всегда оставаться самим собой, русским поэтом. «И как верен его отклик, как чутко его ухо! Слышишь запах, цвет земли, времени, народа. в Испании он испанец, с греком – грек, на Кавказе – вольный горец...» и всюду – «он русской весь с головы до ног: все черты нашей природы в нём отозвались, и всё окинуто иногда одним словом, одним чутко найденным и метко прибранным прилагательным именем» (2021).

Марина Шабанова

Человек-космос, общественный деятель и путешественник, чьё творчество известно в России и за её пределами, до сих пор по-настоящему не оценён в родном городе. Больше 60 лет живёт в Новосибирске поэт и переводчик Юрий Михайлович Ключников. Перевёл более 2 000 стихотворений мировой классической поэзии – индийской, китайской, персидской, английской, французской, немецкой, испанской, итальянской. Написал около 2 000 собственных стихотворений, а ещё множество эссе и статей. Совершил десятки восхождений на вершины Азии. и сегодня, в возрасте 91 года, он продолжает работать по 10–12 часов в день.

Он и сегодня продолжает работать – проводит за рабочим столом большую часть дня. Его восхождение к вершинам мировой поэзии и философии продолжается. Наследие этого человека ещё предстоит оценить современникам, ведь вершины приходят каждому в своё время (2021).

Наталья Дмитриева

Есть люди, определяющие культурный код своей эпохи, зашифровавшие послание потомкам в «капсуле времени» своего творчества. Они – люди мира, особо не привязанные к конкретной географии, но как греет сердце знание, что кто-то из них жил и работал в твоём городе. Как, например, Юрий Ключников – поэт, переводчик, эссеист, путешественник и богоискатель, связавший в своём творчестве культурные миры Запада и Востока, шекспировскую Англию и суфийскую поэзию, могучий Алтай и изящную Францию. Сегодня Юрию Михайловичу – 90 лет, и он родился в левобережной Украине, но считает своей родиной Сибирь, Новосибирск (2021).

Песни тысячелетий
43 века мировой поэзии в переводах и переложениях
Юрия Ключникова

Дизайн и вёрстка
Сергей Китов

Литературный редактор и корректор
В.А. Дараган

Формат: 70×90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
44,2 усл. печ. л.
Тираж 1000 экз. Зак. №
Центр творчества «Беловодье»

Издательство
E-mail: belovodje@rambler.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов
в ООО «Производственная фирма «Полиграф-Периодика»»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, д. 3